КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

Том 18, номер 4, 2025
Vol. 18, No 4, 2025

ISSN 2542-0240 (Print)
ISSN 2587-9324 (Online)
ogt-journal.com

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

Современная дипломатия: упадок или трансформация?

Contemporary Diplomacy: Decline or Transformation?

Том 18, номер 4, 2025
Vol. 18, No 4, 2025

ТОМ 18 • НОМЕР 4 • 2025

Контуры глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 18 • NUMBER 4 • 2025

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.00

Контуры глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала – предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Канаев Е.А., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопалов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., Университет им. Дж. Неру, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: http://www.ogt-journal.com
Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

© ИНИОН РАН, 2025

ISSN 2542-0240 (PRINT), ISSN 2587-9324 (ONLINE)

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.00

Содержание

Политические процессы в меняющемся мире

ДЕМЕШКО Н.Э., ИРХИН А.А., ЮРЧЕНКО С.В., МОСКАЛЕНКО О.А. Политизация этнической идентичности: западные технологии конструирования этнонациональных расколов на территории России после начала специальной военной операции 6–24

КОНДРАШОВ О.Р. Непризнанные и частично признанные образования сквозь призму понятия «государство» в международном праве 25–36

Азия: вызовы и перспективы

ВОЛОДИН А.Г. Геополитические приоритеты Пакистана и фактор России: история и современность 37–64

МАЗЫРИН В.М. Тарифная политика США и ее последствия для стран АСЕАН 65–84

Российский опыт

АРАБАДЖЯН А.З. Российско-эквадорские отношения: история, современность, перспективы 85–104

Китайский глобальный проект для Евразии

СЕНЮК Н.Ю., САБАНЦЕВ А.И., КОЗЛОВА Е.А. Стратегия Китая в Центральной Азии сквозь призму модели институционально управляемого соразвития 105–123

Панорама Африки и Ближнего Востока

ШЕВЧЕНКО Д.В. Роль Кот-д'Ивуара в геополитической трансформации Западной Африки 124–140

КОЛЬЦОВ И.С. История распространения суахили: от языка восточноафриканского побережья до языка общеафриканского масштаба . . . 141–152

С точки зрения экономики

КОЗЫРИН А.Н. Правовые гарантии развития российско-южноафриканского экономического сотрудничества: досудебный порядок защиты налогоплательщика в ЮАР 153–168

ЕСАЯН М.А., МОРОЗКИНА А.К. Мотивы распределения суверенного финансирования в Евразийском регионе: пример *USAID* и АБР 169–190

В рамках дискуссии

ГОРЮНОВ С.А., МЕЛЬНИК С.В. Аналитический потенциал исследовательской категории «религиозный другой»: к постановке проблемы 191–213

Вокруг книг

КУЗНЕЦОВ А.В. Восточная палитра 214–220

ИВАНОВА Л.В., КИНФУ З.Т. Читая книгу Эссьена Укпе «Пережитки колониализма. Введение в африканскую политику» 221–237

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Evgeny A. Kanaev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Jawaharlal Nehru University, New Dehli, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: http://www.ogt-journal.com
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
Published since 2016

ISSN 2542-0240 (PRINT), ISSN 2587-9324 (ONLINE)

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.00

Contents

Political Processes in the Changing World

DEMESHKO N.E., IRKHIN A.A., IURCHENKO S.V., MOSKALENKO O.A. Politicization of Ethnic Identity: Western Technologies for Constructing Ethnonational Splits in Russia After the Start of the Special Military Operation . . . 6–24

KONDRASHOV O.R. Unrecognized and Partially Recognized Entities Through the Prism of the Concept of the State in International Law 25–36

Asia: Challenges and Perspectives

VOLODIN A.G. Pakistan's Geopolitical Priorities and the "Russia Factor": History and Modernity 37–64

MAZYRIN V.M. US Tariff Policy and Its Implications for ASEAN Countries 65–84

Russian Experience

ARABADZHYAN A.Z. Russian-Ecuadorian Relations: History, Reality and Prospects 85–104

The Chinese Global Project for Eurasia

SENIUK N.YU., SABANTSEV A.I., KOZLOVA E.A. China's Strategy in Central Asia Through the Prism of the Institutionally Governed Co-development Model 105–123

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

SHEVCHENKO D.V. The Role of Côte d'Ivoire in the Geopolitical Transformation of West Africa 124–140

KOL'TSOV I.S. The History of the Spread of the Swahili Language: From the Language of the East African Coast to the Pan-African Language 141–152

From the Point of Economics

KOZYRIN A.N. Legal Guarantees for the Development of Russian South African Economic Cooperation: Pre-trial Protection of Taxpayers in South Africa 153–168

ESAYAN M.A., MOROZKINA A.K. Motives for Sovereign Funding Allocation in the Eurasian Region: The Case of USAID and ADB 169–190

Under Discussion

GORYUNOV S.A., MELNIK S.V. The Analytical Potential of the Research Category "Religious Other": Towards the Formulation of the Problem 191–213

Spotlight on New Academic Arrivals

KUZNETSOV A.V. Oriental Palette 214–220

IVANOVA L.V., KINFU Z.T. Reading the Book "Relicts of Colonialism in Africa. Introduction to African Politics" by Essien Ukpe 221–237

Политические процессы в меняющемся мире

УДК 323.1 (1*RU)
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.01

Политизация этнической идентичности: западные технологии конструирования этнонациональных расколов на территории России после начала специальной военной операции

Наталья Эдуардовна ДЕМЕШКО
кандидат политических наук, доцент Института общественных наук и международных отношений
Севастопольский государственный университет
ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053
E-mail: natalidem93@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9620-2410

Александр Анатольевич ИРХИН
доктор политических наук, главный научный сотрудник
Севастопольский государственный университет
ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053;
профессор
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
просп. Академика Вернадского, д. 4, Республика Крым, г. Симферополь, Российская Федерация, 295007
E-mail: alex.irhin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7895-550X

Сергей Васильевич ЮРЧЕНКО
доктор политических наук, первый проректор – проректор по международной деятельности
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
просп. Академика Вернадского, д. 4, Республика Крым, г. Симферополь, Российская Федерация, 295007
E-mail: cbur@mail.ru
ORCID: 0009-0008-2835-4413

Ольга Александровна МОСКАЛЕНКО
кандидат филологических наук, доцент Института общественных наук и международных отношений
Севастопольский государственный университет
ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053

E-mail: kerulen@bk.ru
ORCID: 0000-0002-4162-3162

ЦИТИРОВАНИЕ: Демешко Н.Э., Ирхин А.А., Юрченко С.В., Москаленко О.А. Политизация этнической идентичности: западные технологии конструирования этнонациональных расколов на территории России после начала специальной военной операции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 6–24.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.01

Статья поступила в редакцию 02.03.2025.
Исправленный текст представлен 10.06.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01354, https://rscf.ru/project/25-28-01354/.

АННОТАЦИЯ. *После начала специальной военной операции на Украине (СВО) коллективный Запад использует политизацию этничности как один из инструментов конкурентной борьбы с Российской Федерацией. Исследование основано на междисциплинарной методологии, которая включает в себя геополитический, цивилизационный, инструменталистский и дискурсивный подходы. В статье анализируется контент средств массовой информации и Telegram-каналов, деятельность организаций, созданных и/или функционирующих под руководством стран Запада, которые на дискурсивном и недискурсивном уровнях политизируют и мобилизируют этническую идентичность народов, проживающих на территории Российской Федерации. Авторы приходят к выводу, что данные процессы реализуются через следующие политические технологии: 1) позиционирование России в качестве «колониальной империи» и экзистенциального «врага» различных этнонациональных групп; 2) навязывание представлений о якобы дискриминации различных этносов со стороны России; 3) апелляция к негативным аспектам совместного прошлого России и народов, проживающих на ее территории; 4) конструирование национального самосознания на антироссийских смыслах; 5) противопоставление этносов, проживающих в субъектах Российской Федерации, органам государственной власти в частности и России в целом. Авторы также отмечают, что публичная риторика коллективного Запада в отношении межнациональных процессов в России с каждым годом ужесточается и приобретает более высокий уровень откровенности и политического реализма: тезисы о демократии и «нарушении» прав человека являются неключевыми, данная роль отводится заявлениям о необходимости лишить Россию ее ресурсов (территориальных, углеводородных, ядерного оружия и т. д.).*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Россия, Запад, политизация, этничность, этническая идентичность, политические технологии, этнонациональная мобилизация.*

Введение

Современный мир стремительно погружается в состояние, которое можно охарактеризовать метафорой «ни войны, ни мира». Всё больше картина мира приближается к классической мировой

войне, которая пока находится на стадии гибридного противостояния: складываются коалиции, разрастаются региональные очаги военно-политического противостояния, идут экономические и финансовые войны, проводятся террористические акты, направленные на ослабление конкурентов, мир поделился на коллективный Запад и «Незапад». По всей видимости, как показывает ретроспективный анализ последних нескольких исторических эпох, рождение нового мирового порядка и в этот раз будет происходить через столкновение главных соперников – претендентов на мировое лидерство. В этом противостоянии противоборствующие центры силы пытаются заблаговременно ослабить друг друга перед решающим столкновением или длительной борьбой в надежде, что соперник рухнет раньше его самого.

В контексте современной конкуренции странами коллективного Запада разрабатываются технологии политизации этнической идентичности для формирования внутриполитической напряженности и конструирования возможных этнонациональных расколов в самой России и на территории ее традиционной сферы влияния[1]. Политизация этничности и демонстрация со стороны стран Запада «захватнической» и «жестокой» политики России в отношении различных этнических групп осуществляется уже не первое столетие как в открытые, так и в латентные фазы конфронтации России со странами Запада. Данная формула реализуется и в настоящее время: переменными элементами выступают различные этносы (черкесы, крымские татары и т. д.), а вот роль константы (постоянной величины) играет «империалистическая», «агрессивная» и «колониальная» Россия. Кроме того, апелляция к этнической принадлежности осуществляется и в ходе террористических актов, организаторы которых ставят не только задачу вызвать сильнейшее потрясение населения на эмоциональном уровне, но и сформировать этнические и религиозные расколы на территории Российской Федерации[2].

Цель статьи – выявить и исследовать ключевые западные технологии и механизмы политизации этничности для формирования внутриполитической напряженности в России и конструирования линий этнонациональных расколов в рамках ее геополитического пространства. В статье решаются следующие задачи: 1) обозначить особенности политизации этнической идентичности на теоретико-методологическом уровне; 2) исследовать ключевые технологии коллективного Запада, направленные на политизацию этничности в субъектах Российской Федерации с целью ослабления и распада государства. Объектом исследования являются технологии политизации этнической идентичности, предметом – западные технологии конструирования этнонациональных противоречий и линий раскола на территории России после начала СВО.

Теоретико-методологические основы политизации этнической идентичности

Анализ проблем политизации этнической идентичности осуществляется в работах отечественных и зарубежных авторов: В.А. Ачкасовой [*Ачкасова*,

1 Подразумевается прежде всего постсоветское пространство.

2 Руководителем террористов в Беслане был выбран ингуш Р. Хучбаров с целью эскалации осетино-ингушского конфликта. Схожий механизм прослеживается и в теракте в «Крокус Сити Холле», где ключевыми исполнителями являлись таджики, что способствует увеличению негативных настроений в отношении мигрантов и шире – мусульман, что, учитывая наличие мусульманских регионов в Российской Федерации, может способствовать дестабилизации российского пространства.

2016], Н. Глейзера и Н. Мойнихена [Ethnicity…, 1975], Д. Горовитца [*Horowitz*, 1985], Т. Гурра [*Gurr*, 1996], Г.С. Денисовой [*Денисова*, 1997], А.Г. Здравомыслова [*Здравомыслов*, 2003], М.А. Игошевой [*Игошева*, 2020], О.Н. Максимовой [*Максимова*, 2015], В.К. Мальковой [*Малькова*, 2020], П.В. Осколкова [*Осколков*, 2021], Дж. Ротшильда [*Rothschild*, 1981], Э. Смита [*Смит*, 2025], В.А. Тишкова [*Тишков*, 2001], М. Эсмана [*Esman*, 1994] и др.

Этничность и этническая идентичность выступают центральными категориями в осмыслении сущности понятия «политизация этничности». Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению теоретико-методологических основ политизации этнической идентичности, стоит обратиться к таким дефинициям, как «этничность» и «этническая идентичность». Этничность и этническая идентичность, с точки зрения конструктивистов, представляют собой социальный конструкт, который создается чаще всего «сверху», то есть элитой, на основе общей культуры, истории, общественно-политических представлений и т. д. [*Игошева*, 2020], что впоследствии приводит (по терминологии Б. Андерсона) к формированию так называемого воображаемого сообщества [*Андерсон*, 2016]. Инструменталистский подход определяет этничность и этническую идентичность в качестве инструмента, которым могут воспользоваться этническая элита, государственные институты и внешнеполитические акторы для достижения различных видов ресурсов: от экономических, территориальных до властных. Представляется, что именно конструктивистская и инструменталистская методологии дают основания для системного исследования и выявления ключевых технологий политизации и мобилизации этничности в современных международно-политических реалиях.

Процесс политизации этничности/этнической идентичности происходит с того момента, когда этничность стала осознаваться как категория. Сам термин «этничность» возник в англоязычном научном дискурсе в середине XX в., но идентификация групп в качестве иных, обладающих определенными отличительными характеристиками, имела место уже в античную эпоху. Политизация вводит этничность в парадигму общественно-политических процессов, то есть ее можно определить как «наделение этничности политическими функциями». При этом подвергаться политизации может не только этничность, но и паннациональная квазиэтническая (то есть выходящая за пределы одной этнической группы (подразумеваются славяне, тюрки и др.)) идентичность [*Осколков,* 2021, с. 131–132]. В данном контексте весьма показательно использование Турецкой Республикой пантюркизма через концепт тюркского/турецкого мира[3] в реализации своих внешнеполитических амбиций и решении внутренних вопросов (например, мобилизация электората), в том числе на постсоветском пространстве [Русский и Тюркский миры…, 2023].

Несмотря на то, что этничность преимущественно существует в социально-культурном пространстве, при наличии тех или иных благоприятных условий (внутренних и/или внешних стимулов) этническая идентичность может в любой момент стать субъектом и/или объектом политических процессов. Переход этнической идентичности в политическую сферу чаще всего обусловлен необходимостью конкурентной борьбы за ресурсный потенциал,

3 В турецком языке «тюрок» и «турок» имеет одно значение – «Türk», то есть на турецком языке это идеи «турецкого мира».

в том числе ресурс власти, который позволил бы обеспечить этнической группе более благоприятное существование в социуме [*Rothschild,* 1981].

Значимую роль в политизации этнической идентичности играет политическая коммуникация, а именно дискурсивные практики, используемые в публичной политике, которые порождают феномен этнически «сгущенной» политической коммуникации, состоящей из этнических стереотипов, символов, мифов и т. д. При этом политизация может быть как дискурсивной, так и недискурсивной. Однако данные виды политизации тесно взаимосвязаны между собой: если этничность политизируется на дискурсивном уровне, то в дальнейшем произойдет и политизация в правовой, экономической и других сферах. Имеет место и обратный процесс: если политизация проводится органами государственной власти и/или этнонациональной элитой на институциональном уровне, это неизбежно приведет к возникновению определенных дискурсивных смыслов и практик [*Осколков*, 2021, с. 131–132].

Структурно механизм политизации этничности включает следующие компоненты:

- мифологизация и героизация прошлого этнической группы;
- апеллирование к великим и/или трагическим историческим событиям: политизация может основываться на реваншистских идеях – необходимости возврата былого величия и/или на чувствах виктимизации; данные процессы чаще всего не противопоставляются, а дополняют друг друга;
- конструирование образа экзистенциального «врага», на которого возлагается ответственность за прошлые, настоящие и даже будущие возможные беды этноса [*Игошева*, 2020]: на основании ретроспективы и перспективы выстраивается общая канва событий, которая должна привести к логическому выводу, что борьба с «врагом» необходима ради предков, современников и потомков этнического группы;
- формирование этнополитических символов.

Мифологизация[4] выступает действенным инструментом консолидации и при необходимости мобилизации этнической общности. Характерной чертой этнополитических мифов является шаблонность построения, которая сводится к противопоставлению понятий «мы» и «они»/«свой» и «чужой». При этом «они» довольно часто отождествляются с понятием «враг», который виновен в трагических событиях этноса. Наряду с этим в мифах всегда фигурируют герои и примеры великих событий, которые в некотором смысле выступают ориентирами и символами той или иной этнической группы. Фактически мифы наравне с исторической памятью и этнополитическими символами направлены на создание метанарратива, который связывает прошлое, настоящее и будущее этноса и интерпретирует их в нужном ключе, тем самым побуждая определенные социальные группы к действиям или бездействию. Значимым мобилизационным потенциалом обладают мифы, обозначенные Смитом как «этнические мифы происхождения» [*Smith,* 1999, с. 63–67]. Именно они раскрывают особенности возникновения сообщества, тем самым обеспечивая легитимность

4 Под мифологизацией в исследовании будет подразумеваться процесс конструирования вымышленных смыслов, мифологем, этнических мифов и подмена ими истинных историко-политических событий, фактов и явлений.

элит и их притязаний в экономической, политической и иных сферах[5].

В переходе этничности из социально-культурной в политическую плоскость значимую роль играют манипуляции, основанные на чувствах страха и несправедливости. В данном смысле именно историческая память является своеобразным «хранилищем» не только ярких героических событий, но и травм, которые могут использоваться в качестве ресурса для мобилизации населения в настоящем ради «великого будущего»[6]. Травмы как факт коллективного восприятия вызывают сильные эмоции и опираются на множество символов (кроме того, они сами становятся символами), к которым прибегают как воображение, так и социальная практика [*Шнирельман*, 2023, с. 5]. Трагедии предполагают наличие виновного, так возникает образ экзистенциального «врага», угрожающего существованию этнической группы [*Игошева*, 2020].

Предыдущие компоненты политизации этнической идентичности сводятся к формированию и популяризации этнических символов, выступающих основой политизации, а в дальнейшем и мобилизации этнических групп. В данном случае великие свершения прошлого (победы в битвах и войнах, технологические и культурные достижения и т. д.), пантеон героев – символы величия этноса, в свою очередь трагические события и образ извечного «врага» – символы виктимности и ключевой источник реваншистских настроений, которые возможно достаточно эффективно использовать для деструктивной этнополитической мобилизации.

В данном контексте этнополитическая мобилизация – одна из составляющих политизации этничности, которой возможно воспользоваться как своеобразным инструментом для мотивации этнических групп к активным действиям политической направленности. Состояние мобилизованности возникает в результате сочетания негативных и/или положительных побудительных мотивов: чувства страха и ущемленности, угрозы групповым интересам, ожидания более высокого социального статуса или материальных дивидендов, ощущения сопричастности к значимым социально-политическим процессам и т. д. [Коммуникативные технологии…, 2016, с. 28].

Политизация этничности как западный инструмент фрагментации России в контексте СВО

После начала СВО коллективный Запад использует политизацию этничности как один из инструментов конкурентной борьбы с Россией. Данный процесс реализуется через следующие политические технологии:

- позиционирование России в качестве «колониальной империи» и экзистенциального «врага» различных этнонациональных групп;
- навязывание представлений о якобы дискриминации различных этносов со стороны России;
- апелляция к негативным аспектам совместного прошлого России и народов, проживающих на ее территории;

5 Мифы происхождения являются лишь одним из видов мифов, которые, наряду с памятью, символами и традициями, культивировались на протяжении веков. Так, Э. Смит выделяет и мифы об избранности, которые подразделяет на «заветные» и «миссионерские» [*Смит*, 2025, с. 173].

6 Важно отметить, что историческая память в целом и политика памяти в частности могут быть как продуктивными в деле врачевания ран прошлого, преодоления внутринациональных и межнациональных конфликтов, так и порождать новые конфликты, создавать сознательно искаженные образы прошлого [*Миллер*, 2009, с. 8].

- конструирование национального самосознания на антироссийских смыслах;
- противопоставление этносов, проживающих в субъектах Российской Федерации, органам государственной власти в частности и России в целом.

Приведенная классификация условна, поскольку чаще всего данные технологии интегрированы между собой для достижения синергетического эффекта.

С февраля 2022 г. от представителей стран Запада звучат тезисы о необходимости «деколонизации» и «деимпериализации» России через освобождение «порабощенных» народов, проживающих на ее территории [«Деколонизация» …, 2024, с. 12]. Происходит навязывание представлений об «имперских амбициях» России, «колониальном статусе» не только ее субъектов, но и стран постсоветского пространства для лишения России ее геополитического пространства, суверенитета и государственности. Эта тенденция прослеживается и в публичных выступлениях политиков, и в документах западных институтов. Например, в 2023 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ в Ванкуверской декларации признала Россию *«колониальной империей»*, якобы отказывающей в равных правах и самоопределении коренным народам и этническим меньшинствам в составе страны и реализующей *«мягкую аннексию»* Украины, Беларуси, *«оккупацию»* территории Грузии и поддержку *«сепаратизма»* в Молдове[7]. В резолюции Европарламента 2024 г. уже содержится призыв к *«деимпериализации»*, *«деколонизации»* и *«рефедерализации»* России[8]. 17 апреля 2024 г. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) заявила о том, что необходимо усилить резолюцию Европейского парламента от 29 февраля 2024 г. и что *«деколонизация Российской Федерации является необходимым условием установления демократии в Российской Федерации»*[9]. При этом ключевой темой указанных документов являются далеко не межнациональные процессы на территории России – они выступают здесь лишь дополнительным аргументом для обоснования необходимости разрушения государства и одновременно с этим направлены на формирование центробежных тенденций у этнонациональных групп, проживающих в России.

Кроме того, на различных международных площадках прослеживается попытка использования как негативных, так и положительных мотивов для мобилизации населения на антироссийских смыслах: обсуждаются якобы многочисленные «притеснения» прав народов со стороны российских органов власти, актуализируется миф о «золотом веке» (чаще всего он связан с наличием национальной государственности), который был утерян из-за «врага» – России, приводятся «положительные» перспективы разрушения государства. Странами коллективного Запада создана сеть организаций, которые на дискурсивном и недискур-

7 Vancouver Declaration and Resolutions Adopted by the OSCE Parliamentary Assembly at the Thirtieth Annual Session Vancouver, 30 June – 4 July 2023 // OSCE. – 2023. – July 4. – URL: https://www.oscepa.org/en/documents/annual-sessions/2023-vancouver/declaration-29/4744-vancouver-declaration-eng/file (дата обращения: 10.02.2025).

8 The murder of Alexei Navalny and the need for EU action in support of political prisoners and oppressed civil society in Russia // European Parliament. – 2024. – February 29. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0118_EN.html (дата обращения: 10.02.2025).

9 Alexei Navalny's death and the need to counter Vladimir Putin's totalitarian regime and its war on democracy // Parliamentary Assembly of the Council of Europe. – 2024. – April 17. – URL: https://pace.coe.int/en/files/33511/html (дата обращения: 10.02.2025).

сивном уровнях политизируют и мобилизируют этническую идентичность народов, проживающих на территории Российской Федерации. Прежде всего такими инструментами выступают Форум свободных народов/государств постРоссии[10], Лига свободных наций[11], Антиимперский блок народов[12], информационные ресурсы (СМИ-иноагенты, *Telegram*-каналы).

В данных структурах ключевую роль играют так называемые правительства в изгнании, эмигранты, позиционирующие себя представителями этнических сообществ, проживающих на территории России, участники национальных движений, активисты, а также эксперты из стран коллективного Запада (США, Великобритании, Украины, Польши, стран Прибалтики и др.).

С мая 2022 г. в различных странах мира проводятся форумы свободных народов / государств постРоссии[13]. На данный момент состоялось 14 форумов, в рамках которых не только осуществляется политизация этнической идентичности, но и разрабатываются механизмы дезинтеграции Российской Федерации. Например, на 5-м форуме анонсировали проведение онлайн-референдума об отделении от Москвы Калининградской области (Кёнигсберг), Ингрии (Санкт-Петербург), Урала (Екатеринбург), Сибири (Новосибирск) и Кубани (Краснодарский край)[14]. Кроме того, данная площадка через свои информационные ресурсы призывает население субъектов Российской Федерации выходить на пикеты и бороться за независимость[15].

В качестве своеобразного предшественника Форума свободных народов / государств постРоссии[16] возможно рассматривать Форум свободной России[17], который на постоянной основе проводится с марта 2016 г. в Вильнюсе. На данной площадке в рамках работы дискуссионной панели «Национальная или многонациональная Россия – самоопределение русских и других народов Российской Федерации» в 2021 г. звучали схожие, но еще не такие резонансные тезисы, как

10 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации.

11 Признана террористической организацией на территории Российской Федерации. Важно отметить, что Лига свободных наций и Антиимперский блок народов (также признан террористической организацией на территории Российской Федерации) обозначены Федеральной службой безопасности Российской Федерации как структурные подразделения Форума свободных народов / государств постРоссии. Список подразделений форума представлен 170 организациями. С ним можно ознакомиться на официальном сайте Федеральной службы безопасности Российской Федерации. См.: Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

12 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации.

13 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации. На сайте Форума и в его *Telegram*-канале встречаются два названия: Форум свободных народов постРоссии и Форум свободных государств постРоссии.

14 Голосование проходило с 16 по 28 февраля 2023 г. Участие в нем приняли якобы не менее 5,6 млн чел. В опросе «решали» судьбу Кёнигсберга (Калининград и область), Ингрии (Санкт-Петербург и Ленинградская область), Кубани (Краснодарский край), Сибири и Урала. Результаты получились следующими: Кёнигсберг – 72,1% за независимость, 27,9% – против; Ингрия – 66,2% за независимость, 33,8% – против; Кубань – 55,7% за независимость, 44,3% – против; Сибирь – 63,9% за независимость, 36,1% – против; Урал – 68,2% за независимость, 31,8% – против. См.: В России почти 6 миллионов человек … // Информационное агентство *GuildHall*. – 2023 г. – 3 марта. – URL: https://ghall.com.ua/2023/03/03/v-rossii-pochti-6-millionov-chelovek-progolosovali-za-nezavisimost-5-regionov-na-onlajn-referendume/ (дата обращения: 10.02.2025).

15 Призываем всех объединиться и бороться за независимость Татарстана вместе! // Форум свободных государств постРоссии. – 2024. – 24 марта. – URL: https://t.me/freenationsrussia/6212 (дата обращения: 29.05.2024); Азатлык! Азатлык! Сегодня татары проголосовали ЗА независимость! // Форум свободных государств постРоссии. – 2024. – 21 марта. – URL: https://t.me/freenationsrussia/6181 (дата обращения: 29.05.2024); Обращение правительства независимого Татарстана в изгнании к татарам во всём мире // Форум свободных государств постРоссии. – 2024. – 14 марта. – URL: https://t.me/freenationsrussia/6149 (дата обращения: 29.05.2024).

16 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации.

17 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации.

на Форуме свободных народов/государств постРоссии[18]: «*Для пересмотра федерального договора нужно объединяться представителям всех народов России*»[19], «*мы не говорим об отделении республик, мы говорим о возрождении федерализма и возвращении к тем конституционным правам*»[20], в России «*целые народы в угнетенном положении и не могут реализовать свое право на самоопределение*»[21].

Сами организаторы Форума свободных народов/государств постРоссии[22] отмечают, что со взглядами лидеров оппозиции вильнюсского форума они солидарны в плане неприятия «путинизма» и необходимости «депутинизации» Российской Федерации, но в плане перспектив развития государства есть расхождения: Форум свободной России[23] сохраняет «центристское мышление» (условно говоря, представители данного мероприятия стремятся заменить в Кремле «плохого царя» на «хорошего»). В свою очередь, организаторы Форума свободных народов/государств постРоссии[24] отрицают «центристский дискурс» и идут дальше – разрабатывают механизмы разрушения России на основании этнического национализма, делая ставку не только на «национальные» регионы, но и на «русские» края и области[25]. На сайте форума отмечено, что его участники разрабатывают подходы к созданию «*переходных администраций и правительств «постпутинских» независимых государств России*»[26], то есть организаторы заявляют о разработке планов по разрушению Российской Федерации. Основная цель мероприятия – «*41 независимое, свободное, развитое и успешное государство вместо одной сумасшедшей империи*»[27]. Ключевая роль в данном процессе отводится «*неизбежному поражению имперской армии в Украине*», что «*приведет к концу самой империи и откроет совершенно новую эпоху*»[28]. Именно для этого страны Запада политизируют этническую идентичность народов России для их последующей мобилизации на антигосударственных смыслах.

Это прослеживается в том числе и в проектах, направленных на «объективную» реконструкцию и популяризацию исторического прошлого отдельных этнических групп Российской Федерации. На сайте форума в разделе «*История порабощенных народов России*» размещена серия документальных фильмов под общим наименованием «*Народы против империи*». Она включает в себя такие видеоролики, как «*Башкиры – возрождение государства*»[29], «*Кавказ. Сра-*

18 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации.

19 «Постимперское» будущее нацреспублик: федерализм на Форуме свободной России // *Idel.*Реалии. – 2021. – 7 декабря. – URL: https://www.idelreal.org/a/31596318.html?fbclid=IwAR2o_vRlVq0AznQ_AuvsyRrAEGYZSVeveilViqHAPp2pB13-2U1zW5MSy2k (дата обращения: 15.05.2024).

20 Там же.

21 Там же.

22 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации.

23 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации.

24 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации.

25 Штепа В. Не надо готовиться к прошедшей войне // Регион. Эксперт. – 2022. – 10 мая. – URL: https://region.expert/no-past-war/ (дата обращения: 10.02.2025).

26 Там же.

27 В заявлениях участников форума изначально фигурировало около 30 государств.

28 Штепа В. Не надо готовиться к прошедшей войне // Регион. Эксперт. – 2022. – 10 мая. – URL: https://region.expert/no-past-war/ (дата обращения: 10.02.2025).

29 Башкиры – возрождение государства // Free Nations of PostRussia Forum. *YouTube*-канал. – 2023. – 10 марта. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=3MB-8Ny-Img (дата обращения: 10.02.2025).

жение за свободу»[30]*, «Драма свободной Сибири»*[31]*, «Ингрия: цена свободы»*[32]. В самих названиях раздела, серии, роликов заложены манипулятивные технологии: 1) навешивание ярлыков: современная Россия демонстрируется в качестве империи, а империя позиционируется как нечто негативное; 2) виктимизация этнических групп; 3) конструирование представлений о якобы «всеобщей борьбе» за «свободу» против «империи»; 4) искусственное противопоставление России и этнических групп, проживающих на ее территории.

В июне 2022 г. был создан еще один инструмент политизации этнической идентичности – общественно-политическая платформа «Лига свободных наций» (ЛСН)[33], объединяющая национальные движения «порабощенных» Москвой народов (бурятов, калмыков, эрзя, башкир, казаков, татар, мокши). Ключевыми целями этой сетевой структуры выступают консолидация антиимперских сил в России, подготовка кадров для государственного строительства, поиск союзников на международной арене, обретение «реального» суверенитета субъектами Российской Федерации и «реализация их права на самоопределение». Мировоззренческие принципы ЛСН[34] сводятся к следующему: 1) «Российская Федерация – это империя, силой удерживающая свои колонии в подневольном положении. Освобождение путем «проведения референдума» невозможно <...>; 2) «народы Российской Федерации должны получить возможность воспользоваться своим правом на самоопределение <...>; 3) с крахом действующего политического режима в Российской Федерации регионы не нуждаются в апеллировании к чему-либо для наделения их суверенитетом. Все регионы по определению обретают полный суверенитет и полную независимость от Москвы и уже тогда, как свободные территории, решают свое будущее <...>; 4) все субъекты Российской Федерации вправе самостоятельно определять свою дальнейшую судьбу»[35].

В рамках своей деятельности члены ЛСН[36] проводят стримы, посвященные «геноциду» народов России, федерализму и «постимперскому разложению» системы[37], публикуют программные статьи о государственном устройстве «независимых государств», которые будут образованы после «распада» Российской Федерации (например, государства эрзянского народа Эрзянь Мастар)[38], посты, посвященные «героям» белого движения[39], данные и видеоролики о двух батальонах ВСУ: им. Шейха Мансура и им. Джохара Дудаева

30 Кавказ. Сражение за свободу // Free Nations of PostRussia Forum. *YouTube*-канал. – 2023. – 8 апреля. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=EgappxcjIT4 (дата обращения: 10.02.2025).

31 Драма свободной Сибири // Free Nations of PostRussia Forum. *YouTube*-канал. – 2023. – 7 июня. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=frmMLdTCcT8 (дата обращения: 10.02.2025).

32 Ингрия: цена свободы // Free Nations of PostRussia Forum. *YouTube*-канал. – 2023. – 13 июля. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=6ldeznnIDwc (дата обращения: 10.02.2025).

33 Признана террористической организацией на территории Российской Федерации.

34 Признана террористической организацией на территории Российской Федерации.

35 О нас // Лига свободных наций. – URL: https://freenationsleague.org/ru/about-us/ (дата обращения: 10.02.2025).

36 Признана террористической организацией на территории Российской Федерации.

37 Убитый федерализм. Как запрещают татар и башкир. Беседа Руслана Айсина и Руслана Габбасова // Poistine. *YouTube*-канал. – 2022. – 11 июня. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=_rbzmYq5nUU&feature=youtu.be (дата обращения: 10.02.2025).

38 *Genö Markoń.* Общее виденье государственного устройства Эрзянь Мастор. – 2022. – 13 июня. – URL: https://telegra.ph/Obshchee-videne-gosudarstvennogo-ustrojstva-EHrzyan-Mastor-06-13 (дата обращения: 30.05.2024).

39 Убийство произошло на конференции представителей казачьих войск Кубани, Дона и Терека // Лига свободных наций / Free Nations League. – 2022. – 13 июня. – URL: https://t.me/League_FN/22 (дата обращения: 30.05.2024).

(в материалах ЛСН[40] отмечается, что они якобы укомплектованы преимущественно чеченцами, ингушами и аварцами), которые выступают против Российской Федерации в рамках СВО[41], информацию о «нежелании» народов России воевать за нее на СВО[42], организовывают митинги сторонников независимости от России[43]. Кроме того, организация совместно со специальной комиссией Верховной Рады Украины по взаимодействию с национально-освободительными движениями и Украинским институтом национальной памяти проводит конференции и симпозиумы (например, 3 августа 2023 г. был организован первый Международный онлайн-симпозиум «Российский империализм и колониализм»[44], 17 мая 2024 г. в Киеве состоялась международная конференция «Права колонизированных народов Российской Федерации»[45]); также в качестве приобщения к Неделе порабощенных народов[46] ЛСН[47] совершила открытое обращение к ныне действующему президенту США Дж. Байдену с просьбой поддержать народы в реализации их «права на самоопределение»[48].

Особого внимания заслуживают реанимированные механизмы, которые уже использовались в прошлом для политизации этничности и выступают своеобразным символом многолетней борьбы западно ориентированной этнической элиты с исторической Россией. Так, с июня 2023 г. на Украине в качестве информационной платформы для «порабощенных» народов начал действовать Антиимперский блок народов (АБН)[49], который является преемником Антибольшевистского блока народов, организационно-идеологическая база которого была заложена еще в ноябре 1943 г. на Конференции порабощенных народов Европы и Азии[50]. С ок-

40 Признана террористической организацией на территории Российской Федерации.

41 Вайнахи (чеченцы и ингуши) – самая многочисленная группа добровольцев из числа порабощенных народов (в составе Российской Федерации)… // Лига свободных наций / Free Nations Lea. – 2022. – 15 июня. – URL: https://t.me/League_FN/29 (дата обращения: 30.05.2024).

42 Касе Кик, полномочный представитель Объединенного черкесского совета в США, рассказывает Лиге свободных наций о влиянии русско-украинской войны на черкесов Кавказа и диаспоры // Лига свободных наций / Free Nations League. – 2024. – 24 января. – URL: https://t.me/League_FN/1517 (дата обращения: 30.05.2024).

43 Митинг сторонников независимости от России. Среди участников – ойрат-калмыки, буряты, татары, башкиры, чеченцы, саха, тувинцы, эрзяне и представители других народов. Акция в рамках Недели порабощенных народов. Нью-Йорк, США // Лига свободных наций / Free Nations League. – 2023. – 24 июля. – URL: https://t.me/League_FN/1312 (дата обращения: 30.05.2024); Создана Лига свободных наций, выступающая за освобождение нацменьшинств в России: планируется митинг и в Вильнюсе / Delfi. – 2022. – 23 июля. – URL: https://www.delfi.lt/ru/news/live/sozdana-liga-svobodnyh-naciy-vystupayushchaya-za-osvobozhdenie-nacmenshinstv-v-rossii-planiruetsya-miting-i-v-vilnyuse-90804717 (дата обращения: 30.05.2024).

44 Приглашаем на первый Международный онлайн-симпозиум «Российский империализм и колониализм», который состоится 3 августа в 19:00–22:00 по Киеву/Вильнюсу. – 2023. – 2 августа. – URL: https://t.me/League_FN/1341 (дата обращения: 11.02.2025).

45 Сегодня, 17 мая, в Киеве состоялась международная конференция «Права колонизированных народов Российской Федерации», совместно организованная специальной комиссией Верховной Рады Украины по взаимодействию с национально-освободительными движениями и Лигой свободных наций // Лига свободных наций / Free Nations League. – 2024. – 17 мая. – URL: https://t.me/League_FN/1631 (дата обращения: 30.05.2024).

46 Начиная с 1953 г. и до настоящего времени в США ежегодно проводится Неделя порабощенных народов, находящихся под контролем «коммунистических», а впоследствии «репрессивных» режимов, к которым традиционно относится и Россия.

47 Признана террористической организацией на территории Российской Федерации.

48 Байдена просят о поддержке порабощенных Москвой народов // Лига свободных наций / Free Nations League. – 2022. – 18 июля. – URL: https://t.me/League_FN/110 (дата обращения: 30.05.2024).

49 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации.

50 Конференция была организована по инициативе руководства Украинской повстанческой армии и Организации украинских националистов (организации запрещены в Российской Федерации). Официальное учреждение блока состоялось в апреле 1946 г. в Мюнхене. Наиболее активные группы поддержки АБН действовали в США, Великобритании, Западной Германии, Италии и других государствах.

тября 2023 г. АБН[51] возобновил свою деятельность в качестве международной структуры[52]. Показательно, что его первым структурным подразделением за границей стал американский комитет, начавший свое функционирование 18 апреля 2024 г. в Питтсбурге[53]. Главной целью АБН[54] обозначена *«поддержка национально-освободительной борьбы порабощенных народов и деколонизация России»*[55].

Помимо этого, АБН[56] совместно с Организацией украинских националистов[57] и информационно-политическим проектом «Свобода народам»[58] в ноябре 2023 г. стали инициаторами создания Университета свободных народов. Целевой аудиторией образовательного проекта являются общественники, представители объединений «порабощенных народов» (чеченцы, дагестанцы, ингуши, татары, буряты, якуты и др.). Учебный курс предполагает изучение истории национально-освободительных движений, теории создания и развития государства, ключевые аспекты информационно-пропагандистской борьбы[59].

Часть приведенных проектов позиционируются как украинские, но в них прослеживается как участие стран коллективного Запада, так и преемственность с западными инициативами. Данный тезис подтверждают ранее приведенные документы Европейского парламента, ПАСЕ, ОБСЕ и мероприятия с идентичным смысловым наполнением, проводимые на территории США. Например, в конце июня 2022 г. в Конгрессе Соединённых Штатов был проведен брифинг под названием «Деколонизация России: моральный и стратегический императив»[60], на котором обсуждались такие вопросы, как «притеснения», «подавления» национального самосознания и самоопределения народов России со стороны Москвы[61].

СМИ-иноагенты («Крым.Реалии», «Сибирь.Реалии», «Кавказ.Реалии», «*Idel*.Реалии», «Север.Реалии»), финансируемые за счет средств Конгресса США[62], поддерживают и активно

51 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации.

52 АБН возобновляет свою деятельность как международная структура // Антиимперский блок народов. – 2023. – 14 октября. – URL: https://abn.org.ua/ru/osvoboditelnye-dvizheniya/abn-vozobnovlyaet-svoyu-deyatelnost-kak-mezhdunarodnaya-struktura/ (дата обращения: 30.05.2024).

53 Создан Американский комитет АБН // Антиимперский блок народов. – 2024. – 18 апреля. – URL: https://abn.org.ua/ru/osvoboditelnye-dvizheniya/sozdano-amerikanskij-komitet-abn/ (дата обращения: 30.05.2024).

54 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации.

55 Создан Американский комитет АБН // Антиимперский блок народов. – 2024. – 18 апреля. – URL: https://abn.org.ua/ru/osvoboditelnye-dvizheniya/sozdano-amerikanskij-komitet-abn/ (дата обращения: 30.05.2024).

56 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации.

57 Организация запрещена на территории Российской Федерации.

58 В названии проекта прослеживается апелляция к лозунгу ОУН-УПА (запрещенная в Российской Федерации организация) *«Свобода народам! Свобода человеку!»*.

59 Университет свободных народов: начало конца империи // Антиимперский блок народов. – 2023. – 13 ноября. – URL: https://abn.org.ua/ru/osvoboditelnye-dvizheniya/universitet-svobodnyh-narodov-nachalo-koncza-imperii/ (дата обращения: 30.05.2024).

60 Decolonizing Russia: A Moral and Strategic Imperative // Commission on Security and Cooperation in Europe. – 2022. – June 23. – URL: https://www.csce.gov/wp-content/uploads/2023/11/0623-Decolonizing-Russia-A-Moral-and-Strategic-Imperative.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

61 Decolonizing Russia: A Moral and Strategic Imperative // Helsinki Commission. YouTube's Official Channel. – 2022. – June 23. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=-iGtFXs9gvo&embeds_euri=https%3A%2F%2Fwww.csce.gov%2F&feature=emb_imp_woyt (дата обращения: 10.02.2025).

62 Указанные СМИ-иноагенты являются региональными проектами Радио «Свобода» (радиостанция внесена в России в реестр иностранных агентов).

освещают деятельность ранее рассмотренных организаций[63]. Их контент также направлен на конструирование негативного образа России, ее этнонациональной политики, а также на этнонациональную мобилизацию населения регионов Российской Федерации на антироссийских смыслах (рисунок 1).

Анализ публикаций СМИ-иноагентов продемонстрировал, что контент данных ресурсов ориентирован на конкретные этнические группы (например, СМИ-иноагент «Крым.Реалии» наиболее часто виктимизирует крымских татар и украинцев, проживающих на Крымском полуострове) и выступает инструментом делегитимизации власти, конструирования межнациональных противоречий с целью внутриполитической дестабилизации Российской Федерации.

Политизация этничности на дискурсивном уровне осуществляется

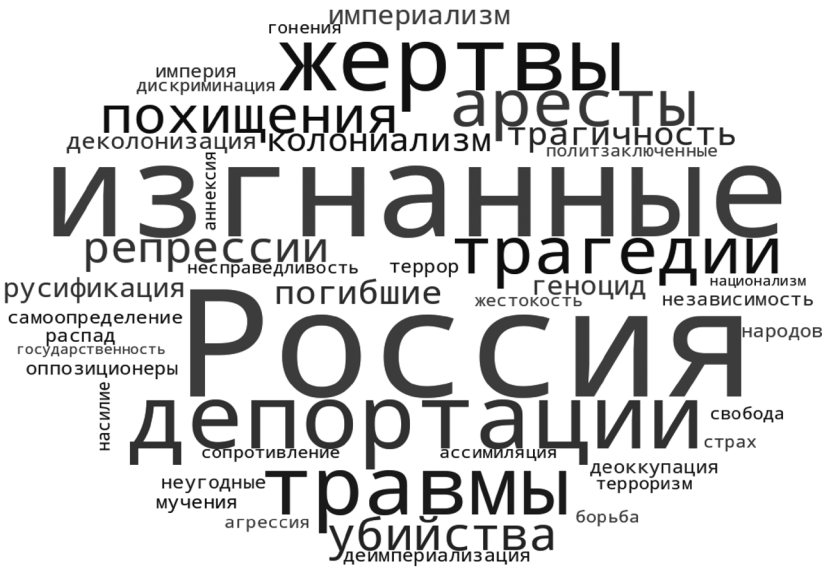


Рисунок 1. Облако слов по заданным маркерам[64]

Figure 1. A word cloud based on the specified markers

Составлено авторами по результатам исследования.

63 Выбор указанных СМИ-иноагентов обусловлен спецификой их контента: 1) на постоянной основе публикуются новости о «притеснениях» конкретных этнических групп якобы со стороны России (царской, советской и современной); 2) каждый ресурс ориентирован на определенный регион Российской Федерации, что позволяет учитывать его этническую, историческую, политическую особенности; 3) ключевой аудиторией являются представители этнонациональных групп России. Данные СМИ не только публикуют информационные заметки и аналитические статьи с безапелляционной антироссийской риторикой, но и готовят интервью, подкасты, циклы документальных фильмов. Помимо функционирования официальных сайтов СМИ-иноагентов, их контент также распространяется через различные информационные ресурсы: радио, телевидение, *YouTube*- и *Telegram*-каналы, социальные сети. Подробнее об анализе контента данных СМИ в контексте этнонациональной мобилизации см.: [«Деколонизация»…, 2024].

64 Заданные маркеры: «Россия», «национальная политика России», «народы России».

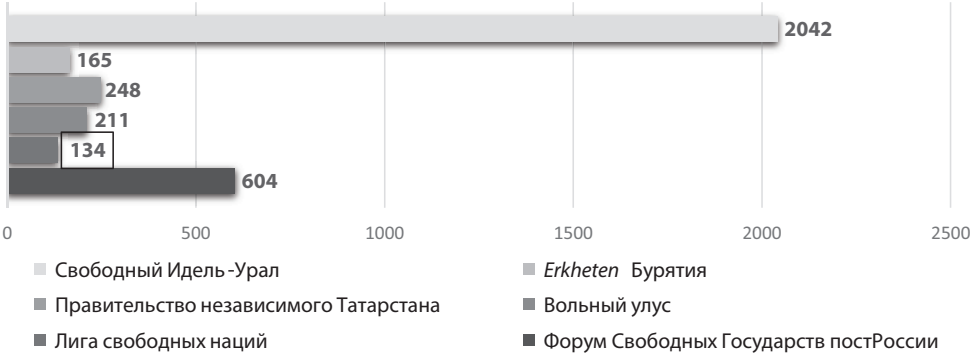


Рисунок 2. Мониторинг упоминания термина «деколонизация» в *Telegram*-каналах организаций, запрещенных в Российской Федерации

Figure 2. Monitoring the mention of the term "decolonization" in the telegram channels of organizations banned in the Russian Federation

Составлено авторами по результатам исследования.

в том числе через *Telegram*-каналы[65], которые либо принадлежат Форуму свободных народов/государств постРоссии[66], Лиге свободных народов[67], либо активно сотрудничают с ними и ориентированы на конкретные народы России[68]. На данных информационных ресурсах прослеживается популяризация тезиса «Россия должна быть деколонизирована». Об этом свидетельствуют и количественные результаты мониторинга их контента[69] (рисунок 2).

Заключение

Западные технологии, направленные на формирование этнонациональных расколов, применяются не только на территории Российской Федерации, но и на постсоветском пространстве в целом: тезисы о «колониальном» статусе и необходимости «освобождения» от российского влияния популяризируются в большей части государств бывшего Советского Союза и социалистического блока.

65 Сайты изучаемых организаций заблокированы на территории Российской Федерации, поэтому деструктивная информация ретранслируется через *Telegram*-каналы.

66 Признан террористической организацией на территории Российской Федерации.

67 Признана террористической организацией на территории Российской Федерации.

68 Участники форума активно сотрудничают с различными организациями националистического толка, которые обозначены Федеральной службой безопасности Российской Федерации как структурные подразделения Форума свободных народов/государств постРоссии (признаны террористическими организациями на территории Российской Федерации). См.: Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

69 Мониторинг публикаций *Telegram*-каналов осуществлялся по маркеру «деколонизация» в контексте Российской Федерации. Мониторинг исследуемых материалов варьировался в зависимости от периода их существования. Мониторинг публикаций *Telegram*-канала «Лига свободных наций» осуществлялся с 11.06.2022 по 05.01.2025, *Telegram*-канала «Форум свободных государств постРоссии» – с 04.06.2022 по 05.01.2025, *Telegram*-канала «Вольный улус» – с 17.03.2022 по 05.01.2025, *Telegram*-канала «Правительство независимого Татарстана» – с 08.04.2023 по 05.01.2025, *Telegram*-канала «*Erkheten* Бурятия» – с 08.08.2022 по 05.01.2025, *Telegram*-канала «Свободный Идель-Урал» – с 09.05.2022 по 05.01.2025. Данные *Telegram*-каналы являются одним из направлений работы одноименных организаций, деятельность которых направлена на распространение националистических и антироссийских смыслов, поэтому признаны террористическими и запрещены на территории Российской Федерации.

Местная элита использовала ранее и использует в настоящее время «колониальный» и «постколониальный» нарративы в пространстве публичной политики для нациестроительства в государствах, возникших после 1991 г. Для конструирования и консолидации национального самосознания Россия традиционно демонстрируется в образе «другого», а в более радикальных случаях – «врага», представляющего на протяжении различных исторических эпох перманентную «угрозу».

В этом смысле большое значение играет историческая политика, которая призвана прежде всего создать национальную историю и позиционировать «колонизаторскую» Россию в качестве ключевого «врага» той или иной этнонациональной группы. При этом политическая элита с помощью истории, как правило, апеллирует не только к уже существующим культурным стереотипам, но и создает новые. Речь идет о конструировании и воспроизводстве симулякров, которые способны не только активно воздействовать на настоящее и будущее, но и замещать их. Основа этого процесса – критическая оценка, а впоследствии – и отрицание положительных аспектов о совместном прошлом с Россией [*Касьянов*, 2019, с. 35–36, 119]. В современных международно-политических реалиях данные тенденции только усиливаются, в том числе под воздействием внешнеполитических акторов, что подтверждается и проведением мероприятий, в ходе которых разрабатываются механизмы «деколонизации» постсоветского пространства от российского влияния. В этом смысле, помимо Украины, весьма показательна и Центральная Азия[70].

После начала СВО публичная риторика коллективного Запада с каждым годом ужесточается и приобретает более высокий уровень откровенности и политического реализма: тезисы о демократии и нарушении прав человека являются не ключевыми, данная роль отводится заявлениям о необходимости лишить Россию ее ресурсов (территориальных, углеводородных, ядерного оружия и т. д.). Кроме того, звучат такие формулировки, как «*мир без реваншистской России*», «*мир без Русского мира*»[71]. То есть страны коллективного Запада на дискурсивном уровне формируют представления о новом мировом порядке без России и за счет России. Одновременно с этим на уровне реальной политики коллективным Западом разрабатываются конкретные механизмы дестабилизации и дезинтеграции Российской Федерации, в которых политизация этнической идентичности в очередной раз может привести к этнонациональным расколам как в России, так и на ее геополитическом пространстве.

Список литературы

Ачкасова В.А. Политическая мобилизация в этнических конфликтах // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2016. – № 5. – С. 37–49.

70 *IWPR* провел региональную конференцию «Деколонизация Центральной Азии: изменение нарративов» // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. – 2023. – 7 июля. – URL: https://cabar.asia/ru/iwpr-provel-regionalnuyu-konferentsiyu-dekolonizatsiya-tsentralnoj-azii-izmenenie-narrativov (дата обращения: 30.05.2024); Бекбасова А. Деколонизация в Центральной Азии: возможности и риски // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. – 2023. – 27 ноября. – URL: https://cabar.asia/ru/dekolonizatsiya-v-tsentralnoj-azii-vozmozhnosti-i-riski (дата обращения: 30.05.2024); Деколонизация Центральной Азии: рекомендательные записки для гражданского общества, правительств, СМИ и международных организаций // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. – 2023. – 21 июня. – URL: https://cabar.asia/ru/dekolonizatsiya-tsentralnoj-azii-rekomendatelnye-zapiski-dlya-grazhdanskogo-obshhestva-pravitelstv-smi-i-mezhdunarodnyh-organizatsij (дата обращения: 30.05.2024).

71 Пресс-анонс нашего ближайшего публичного мероприятия «*Russia's Rupture and Western Policy*» // Форум свободных государств постРоссии. – 2024. – 2 марта. – URL: https://t.me/freenationsrussia/6062 (дата обращения: 30.05.2024).

«Деколонизация» и «деимпериализация»: современная политика Запада в отношении фрагментации России / Демешко Н.Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. // Регионология. – 2024. – Т. 32, № 1. – С. 10–30. – DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030.

Демешко Н.Э., Ирхин А.А. Россия и Великобритания: национальный фактор в конкуренции великих держав // Диалог со временем. – 2023. – № 81. – С. 215–231.

Денисова Г.С. Социальная субъектность этноса (концептуальный подход). – Ростов-на-Дону : Изд-во РГПУ, 1997. – 52 с.

Здравомыслов А.Г., Цуциев А.А. Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм // Социологический журнал. – 2003. – № 3. – С. 20–50.

Игошева М.А. Политический ресурс этнической идентичности в условиях трансформации современного мироустройства // Социодинамика. – 2020. – № 5. – С. 26–42. – DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.33026.

Касьянов Г.В. Украина и соседи. Историческая политика. 1987–2018. – Москва : Новое литературное обозрение, 2019. – 632 с.

Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации: колл. монография / науч. ред. В.А. Ачкасова, Г.С. Мельник. – Москва : ФЛИНТА, Наука, 2016. – 248 с.

Максимова О.Н. Политическая субъектность этноса, или этничность в публичной сфере // Современное общество и власть : Электронный научный журнал. – 2015. – № 3 (5). – С. 77–82.

Малькова В.К. Этничность и медиа: Опыты этнополитического анализа современных российских СМИ. – Москва : ИЭА РАН, 2020. – 420 с.

Миллер А.И. Россия: власть и история // *Pro et Contra*. – 2009. – Т. 13, № 3–4. – С. 6–23.

Осколков П. Политизация этничности и смежные феномены // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 8. – С. 131–138. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-131-138.

Русский и Тюркский миры на пространстве Евразии / Демешко Н.Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 153–182. – DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182.

Смит Э. Этносимволизм и национализм: культурный подход. – Москва : Тотенбург, 2025. – 260 с.

Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. – Москва : Наука, 2001. – 240 с.

Шнирельман В.А. Социальная травма и особенности памяти // Этнографическое обозрение. – 2023. – № 1. – С. 5–10. – DOI: 10.31857/S0869541523010013.

Esman M. Ethnic Politics. – Ithaca : Cornell University Press, 1994. – 277 p.

Ethnicity: Theory and Experience / Ed. by N. Glazer, D. Moynihan. – Cambridge : Harvard University Press, 1975. – Vi, 531 p.

Gurr T.R. Transforming Ethnopolitical Conflicts: Exit, Autonomy or Access? Conflict Transformation. – London : Palgrave Macmillan, 1995. – P. 1–30. – DOI: 10.1007/978-1-349-23823-1_1.

Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley : University of California Press, 1985. – 697 p.

Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. – New York : Columbia University Press, 1981. – 290 p.

Smith A.D. Myths and Memories of the Nation. – New York : Oxford University Press, 1999. – 298 p.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.01

Politicization of Ethnic Identity: Western Technologies for Constructing Ethnonational Splits in Russia After the Start of the Special Military Operation

Natalia E. DEMESHKO
PhD (Political Science), Associate Professor, Political Science Department, Institute of Social Sciences and International Relations
Sevastopol State University
Universitetskaya Street, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053
E-mail: natalidem93@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9620-2410

Aleksandr A. IRKHIN
Dr. Sc. (Political Sciences), Leading Researcher
Sevastopol State University
Universitetskaya Street, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053;
Professor
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Vernadskogo Avenue, 4, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation, 295007
E-mail: alex.irhin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7895-550X

Sergei V. IURCHENKO
Dr. Sc. (Political Sciences), First Vice-Rector – Vice-Rector for International Activities
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Vernadskogo Avenue, 4, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation, 295007
E-mail: cbur@mail.ru
ORCID: 0009-0008-2835-4413

Olga A. MOSKALENKO
PhD (Philology), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations
Sevastopol State University
Universitetskaya Street, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053
E-mail: kerulen@bk.ru
ORCID: 0000-0002-4162-3162

CITATION: Demeshko N.E., Irkhin A.A., Iurchenko S.V., Moskalenko O.A. (2025). Politicization of Ethnic Identity: Western Technologies for Constructing Ethnonational Splits in Russia After the Start of the Special Military Operation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 6–24 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.01

Received: 02.03.2025.
Revised: 10.06. 2025.

ACKNOWLEDGEMENT. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 25-28-01354) https://rscf.ru/en/project/25-28-01354/.

ABSTRACT. *After the start of the special military operation in Ukraine, the collective West uses the politicization of ethnicity as one of the tools of competition with the Russian Federation. The research is based on an interdisciplinary methodology that includes geopolitical, civilizational, instrumentalist, and discursive approaches. The article analyzes the content of mass media and Telegram channels, the activities of organizations created and/or operating under the leadership of Western countries, which politicize and mobilize the ethnic identity of peoples living on the territory of the Russian Federation at the discursive and non-discursive levels. The authors conclude that these processes are implemented through the following political technologies: 1) positioning Russia as a "colonial empire" and an existential "enemy" of various ethnonational groups; 2) the imposition of ideas about alleged discrimination of various ethnic groups by the Russian Federation; 3) appeal to the negative aspects of the shared past of Russia and the peoples living on its territory; 4) the construction of national identity based on anti-Russian meanings; 5) the opposition of ethnic groups living in the subjects of the Russian Federation to state authorities in particular and Russia as a whole. The authors also conclude that the public rhetoric of the collective West in relation to interethnic processes in the Russian Federation is getting tougher every year and acquires a higher level of frankness and political realism: the theses about democracy and human rights violations are not the key ones, this role is assigned to the statements about the need to deprive Russia of its resources (territorial and hydrocarbon ones, nuclear weapons, etc.).*

KEYWORDS: *Russia, the West, politicization, ethnicity, ethnic identity, political technologies, ethnonational mobilization.*

References

Achkasova V.A. (2016). Political mobilization in ethnic conflicts. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. No. 5, pp. 37–49 (in Russian).

"Dekolonizatsiya"… (2024). Demeshko N.E., Muradov G.L., Irkhin A.A., Moskalenko O.A. "Decolonization" and "Deimperialization": Modern Western Policy Towards Fragmentation of Russia. *Regionologiya*. Vol. 32, no. 1, pp. 10–30 (in Russian). DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030.

Demeshko N.E., Irkhin A.A. (2023). Russia and Great Britain: a National Factor in the Competition of Great Powers. *Dialogue with Time*. No. 81, pp. 215–231 (in Russian).

Denisova G.S. (1997). *The social subjectivity of an ethnic group (a conceptual approach)*. Rostov-on-Don, 52 pp. (in Russian).

Esman M. (1994). *Ethnic Politics*. Ithaca: Cornell University Press, 277 pp.

Ethnicity… (1975). Glazer N., Moynihan D. (eds.). *Ethnicity. Theory and Experience.* Cambridge: Harvard University Press. 531 pp.

Gurr T.R. (1995). *Transforming Ethnopolitical Conflicts: Exit, Autonomy or Access? Conflict Transformation*. London: Palgrave Macmillan, pp. 1–30. DOI: 10.1007/978-1-349-23823-1_1.

Horowitz D.L. (1985). *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press, 697 pp.

Igosheva M.A. (2020). The political resource of ethnic identity in the context

of the transformation of the modern world order. *Sociodynamics*. No. 5, pp. 26–42 (in Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.33026.

Kasyanov G.V. (2019). *Ukraine and Its Neighbors: The Historical Politics*. 1987–2018. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 632 pp. (in Russian).

Kommunikativniye tekhnologii… (2016). *Communicative technologies in the processes of political mobilization: a collective monograph*. Moscow, 248 pp. (in Russian).

Maksimova O.N. (2015). Political subjectivity of an ethnic group or ethnicity in the public sphere. *Electronic scientific journal "Modern Society and Power"*. No. 3 (5), pp. 77–82 (in Russian).

Malkova V.K. (2020). *Ethnicity and Media: Experiences of Ethnopolitical Analysis of Modern Russian Mass Media*. Moscow: Institute of Ethnology and Antropology of the RAS, 420 pp. (in Russian).

Miller A.I. (2009). Russia: power and history. *Pro et Contra*. Vol. 13, no. 3–4, pp. 6–23 (in Russian).

Oskolkov P. (2021). Politicization of ethnicity and related phenomena. *World Economy and International Relations*. Vol. 65, no. 8, pp. 131–138 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-131-138.

Rothschild J. (1981). *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. New York: Columbia University Press, 290 pp.

Russkiy i Tyurkskiy miri… (2023). Demeshko N.E., Muradov G.L., Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2023). Russian and Turkic worlds in Eurasia. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 16, no. 6, pp. 153–182 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182.

Shnirelman V.A. (2023). Social Trauma and Specifi cs of Memory. *Ethnographic Review*. No. 1, pp. 5–10 (in Russian). DOI: 10.31857/S0869541523010013.

Smith A. (2025). *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. Moscow: Totenburg, 2025. 260 pp. (in Russian).

Smith A.D. (1999). *Myths and memories of the nation*. New York: Oxford University Press, 298 pp.

Tishkov V.A. (2001). *Ethnology and Politics. Scientific Journalism*. Moscow: Nauka, 240 pp. (in Russian).

Zdravomyslov A.G., Tsutsiev A.A. (2003). Ethnicity and ethnic violence: the confrontation of theoretical paradigms. *Sociological Journal*. No. 3, pp. 20–50 (in Russian).

УДК 341.1/8
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.02

Непризнанные и частично признанные образования сквозь призму понятия «государство» в международном праве

Олег Романович КОНДРАШОВ
аспирант Аспирантской школы по праву
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
E-mail: okpm@mail.ru
ORCID: 0009-0001-2212-8019

ЦИТИРОВАНИЕ: Кондрашов О.Р. Непризнанные и частично признанные образования сквозь призму понятия «государство» в международном праве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 25–36.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.02

Статья поступила в редакцию 03.06.2024.
Исправленный текст представлен 17.04.2025.

АННОТАЦИЯ. *Так называемые непризнанные и частично признанные государства сохраняют свой статус «серой зоны» международного права. С учетом современных тенденций в данной отрасли права, а также объективной реальности, проявляющейся в росте числа международных связей с такими образованиями, международное право всё еще не способно полностью осмыслить и объяснить это явление. Данное отставание характеризуется наличием широкого спектра отношений, четко не регулируемых международным правом, включая двустороннюю и многостороннюю кооперацию различных форм, в том числе договорную. В статье рассматриваются определяющие особенности периферийного существования таких образований в международной системе – сложности в экономической сфере с точки зрения этики и прав человека, совмещенные с высокой политической чувствительностью вопроса. Автор отмечает возникающие противоречия с позиции общепризнанных критериев государства, а именно с позиции понятия эффективности территориальной власти как центральной и отличительной характеристики государства в концепции, обобщенной Дж. Кроуфордом. Делается вывод о перспективности изучения данного феномена юристами-международниками, выработки юридически определенных подходов и критериев, которые также относились бы с должным вниманием к соблюдению баланса основополагающих международно-правовых принципов и ценностей.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *непризнанные государства, частично признанные государства, международная правосубъектность, критерии госу-*

дарственности, признание, эффективность, суверенитет, международная интеграция.

На протяжении своего развития международное право сталкивалось с многообразием всевозможных территориальных сообществ разного уровня независимости и развития публичной власти, которые тем не менее участвовали в международном общении [*Crawford*, 2007, p. 257–281; *Starke*, 1972, p. 122–138]. Хотя состоявшиеся державы не всегда признавали таких акторов равными себе, с ними приходилось считаться в силу разнообразных политических и экономических причин. Этот конфликт в дальнейшем обусловил особое положение в международном праве образований, которые претендуют на государственность, но тем не менее не находят признания, достаточного для полноценного и уверенного функционирования на международной арене[1].

Среди современных (на 2021 год) примеров таких оспариваемых территориальных образований часто называют республики Абхазия и Южная Осетия, Косово, Сомалиленд, Приднестровскую Молдавскую Республику, Китайскую Республику (Тайвань), Турецкую Республику Северного Кипра (далее – ТРСК), Сахарскую Арабскую Демократическую Республику. На 2020 г. Д. Заяц выделяет по меньшей мере 13 непризнанных государств [*Заяц*, 2020, с. 56], Н. Касперсен и Г. Стэнсфилд (на 2011 г.) – 21 непризнанное и частично признанное образование [Unrecognized…, 2011, p. 4]. Эти образования объединяют некоторые общие свойства. Во-первых, они претендуют на обособленное политическое существование, что подкрепляют определенными достижениями на поприще государственного строительства (и тем самым соответствием устоявшимся международно-правовым критериям государства, которые будут рассмотрены в данной статье). Во-вторых, как отмечают основные исследователи, значительная часть сообщества государств не признает такие образования субъектами международного права, хотя часто находят побочные возможности для взаимодействия с ними [*Pegg*, 2019; *Geldenhuys*, 2009]. Так называемые непризнанные государства не признаются международным сообществом либо признаются минимальным количеством государств (как указывает В. Толстых, менее десяти государств – членов ООН); частично признанные государства же демонстрируют большее количество признаний (исключая материнское государство), что иные государства тем не менее могут счесть недостаточным для вступления в круг субъектов международного права [*Толстых*, 2020, с. 139]. Разумеется, такое разделение представляет собой существенное обобщение: в реальности каждая упомянутая полития обладает уникальным набором характеристик и политико-правовых обстоятельств формирования; тем не менее такая дифференциация является необходимым условием их систематизированного исследования.

В течение последних десятилетий нарастала тенденция к расширению участия в международном праве различных негосударственных субъектов: индивидов, международных организаций; развивается и диалог о постепенном признании определенных «прав участия» за различными негосударственными коллективами (НПО, корпорациями, вооруженными группами) [*Ryngaert*, 2016, p. 183–195]. Хотя не-

1 Изложенные в этой статье суждения выражают исключительно результаты собственного анализа автора и ни в коей мере не отражают позицию какого-либо другого лица или организации.

признанные и частично признанные государства во многих аспектах неотличимы от признанных государств, их опасное положение на стыке конфликтующих международных принципов и ценностей обеспечивает решающее политическое противодействие их формальной интеграции в международное сообщество со стороны участников последнего. В то же время это означает неурегулированность целого ряда фактически существующих правоотношений, которые, как будет указано далее, имеют место даже с государствами, формально отказывающими в признании тем или иным подобным образованиям.

Данная статья призвана суммировать предпосылки и основные следствия указанной ситуации и объективно оценить аргументы, приводимые в пользу исключения непризнанных и частично признанных территориальных образований из международного права и международных отношений сквозь призму общепринятых характеристик государства. Это также подразумевает оценку перспективности данного направления исследования для юристов-международников.

Методологически такой анализ потребует оценки не только сопряженных международно-правовых концепций, но и иных политических, экономических и других факторов, определяющих особенности их существования, которые рассматривают специалисты-политологи. В частности, такие факторы, как практические последствия непризнания, возможность непризнанных и частично признанных образований вступать в двусторонние и многосторонние отношения с государствами, являются существенными не только для политологии, но и в международно-правовом контексте. Таким образом, в целях достижения исследовательской полноты и объективности, а также исходя из текущего (весьма ограниченного) статуса рассмотрения проблемы в международно-правовой доктрине, в данной работе будет использован междисциплинарный подход. Тем не менее в своем исследовании автор руководствуется понятийным аппаратом, выработанным в международно-правовой науке, включая понимание терминов «государство», «непризнанное государство», «частично признанное государство», характерное для данной конкретной дисциплины.

Наконец отметим, что за границы данного анализа выходят различные повстанческие движения, а также самопровозглашенные территориальные образования, не демонстрирующие достаточно высокий уровень самостоятельности, организации административно-политического устройства, территориального контроля, вследствие чего упоминаются лишь изредка либо вовсе не затрагиваются в данном контексте в работах по международному праву (например, Ва, Шан, Амбазония, Западный Тоголенд и др.). Также выходит за пределы данного анализа юридическая оценка правомерности сецессии в контексте права на самоопределение народов.

Значимость и изученность феномена непризнанных и частично признанных образований в плоскости международного права

Возникновение непризнанных и частично признанных государств исторически связывалось с возникновением кровопролитного конфликта в пределах признанного «материнского» государства (например, гражданской войны), что приводило к «выходу» из границ последнего тех или иных территорий или провинций [*Caspersen*, 2012, p. 2] либо, напротив, к прерыва-

нию процесса «вхождения» субъекта в такие границы (в случае, например, Республики Сомалиленд) [*Pegg*, 2019]. Такие неоднозначные обстоятельства формирования непризнанных и частично признанных государств обуславливают фундаментальный спор о том, может ли территориальный субъект называться государством, если тем самым он идет наперекор ключевой ценности «вестфальской системы» – беспрекословной и исключительной власти государства над его территорией.

Данный спор, в свою очередь, ставит юристов перед необходимостью преодоления ряда сложных международно-правовых пробелов. Как должно международное право отвечать на ситуации, являющиеся результатом столкновения фундаментальных международно-правовых ценностей: суверенитета, территориальной целостности, права на самоопределение и прав человека? Допустимо ли с международно-правовой точки зрения признание таких субъектов и каковы его правовые последствия? Это лишь часть вопросов, на которые юристам еще предстоит дать ответ. На данный момент исследование указанных проблем в международно-правовой науке носит в основном фрагментарный характер. В международном праве и международных отношениях доселе не удалось прийти даже к устоявшемуся определению соответствующих территориальных образований, обстоятельства складывания и жизни которых весьма разнообразны. Наиболее комплексные работы, посвященные указанной тематике, принадлежат пока специалистам в сфере политологии и международных отношений [*Pegg*, 2019; Unrecognized…, 2011; *Geldenhuys*, 2009], а не международного права – работы ученых-юристов пока не отличаются системностью и в основном рассматривают наиболее общие (например, вопрос правового значения признания) либо отдельные прикладные аспекты (например, местную законотворческую практику, конкретные соглашения с такими образованиями). При этом пренебрегать политологическими работами юристам не следует, так как они часто изобилуют необходимым для объективного анализа историческим и социально-политическим контекстом.

Тем не менее политическое существование таких субъектов имеет свое международно-правовое измерение, требующее пристального исследования. Во-первых, как отмечал Дж. Кроуфорд, пребывание обширных территорий вне международно-правового поля влечет серьезнейшие гуманитарные последствия для населяющих их людей, что не может полностью игнорироваться современным международным правом, в значительной мере ориентированным на защиту прав человека [*Crawford*, 2007, p. 27]. Во-вторых, противоположный подход не отвечает объективной действительности, так как признанные государства не только не относятся к непризнанным и частично признанным государствам как к совершенно исключенным из международного права, но и нередко поддерживают с ними взаимоотношения, функционально неотличимые от межгосударственных. Например, широко практикуется формирование государствами на своей территории неофициальных представительств таких образований, через которые осуществляются по сути дипломатические и консульские функции, а также заключаются соглашения, рассматриваемые сторонами как обязательные для соблюдения [*Caspersen*, 2012, p. 143; *Pegg*, 1998, p. 6–7, 9–10; *Geldenhuys*, 2009, p. 212; *Меден*, 2017, p. 223–224].

Положение непризнанных образований в современном международном пространстве

Контекст и последствия исключения из международно-правового сообщества непризнанных и частично признанных государств нечасто обсуждаются в литературе. Тем не менее далее будет рассмотрен именно этот аспект, ведь он представляется ключевым для объективного представления о феномене таких субъектов и проблеме их международно-правового положения.

Современные непризнанные и частично признанные государства зачастую представляют собой результат политического отделения («сецессии») региона компактного проживания определенной этничности, что обычно связано с кризисом государственной власти в материнском государстве или с его распадом [Проблемы…, 2018, с. 37]. Само продолжающееся существование таких образований воспринимается как угроза суверенитету и территориальной целостности как ключевым ценностям государств и основополагающим принципам международного права [*Cassese*, 2005, p. 46–68; *Caspersen*, 2012, p. 6; *Исполинов*, 2023, с. 74]. Получается, что установление с этими образованиями договорных и дипломатических отношений граничит с признанием их как состоявшихся международно-правовых субъектов, что может повлечь непредсказуемые и потенциально опасные политические и правовые последствия. Это в основном и препятствует существенной интеграции непризнанных и частично признанных государств в международные процессы. В лучшем случае они могут рассчитывать на некое ограниченное участие в них, в худшем – подвергаются существенной международной изоляции, политическому остракизму и санкционному давлению [*Pegg*, 1998, p. 4–8]. Так или иначе, их положение связано с жесткими ограничениями в ключевых для существования и развития государства сферах [*Pegg*, 1998, p. 4–8; *Riegl*, 2014, p. 29].

Наиболее очевидны издержки в сфере экономики. Отрыв от процессов международной торговой интеграции ограничивает способность таких образований к самостоятельному экономическому развитию. Отсутствие у них четкого правового статуса отталкивает иностранных инвесторов, транснациональный бизнес и традиционные источники внешней помощи в лице межправительственных и негосударственных организаций [*Pegg*, 1998, p. 3, 5–6]. В таких условиях непризнанные образования обычно вынуждены искать альтернативные источники финансирования, среди которых исследователями отмечаются государство-покровитель, теневая экономика, диаспоры за рубежом и др. [*Pegg*, 1998, p. 5; *Caspersen*, 2012, p. 53–54; *Riegl*, 2014, p. 29–30]. Особую значимость имеют издержки, связанные с санкционным давлением, а также исключением из важных международных и негосударственных организаций [*Pegg*, 1998, p. 4–5; *Riegl*, 2014, p. 29–30]. Такое уязвимое положение заставляет непризнанные и частично признанные государства экономить на финансировании публичной инфраструктуры, сферы общественных услуг, мероприятиях по охране окружающей среды и других менее приоритетных, но социально значимых сфер и является особо ощутимым в условиях необходимости преодоления последствий войн и минимального обеспечения внешнего контура безопасности [*Pegg*, 1998, p. 4–5; *Riegl*, 2014, p. 29–30].

Кроме того, население таких субъектов в силу внешнего давления оказывается существенно ограничено в реализации своих прав. Это вклю-

чает, например, возможность путешествовать, представлять свою родину на международном уровне (в образовательной, научной, спортивной и других сферах), защищать себя в зарубежных и международных судах [*Riegl*, 2014, p. 29; Проблемы…, 2018, с. 51].

Затрудненность взаимодействия с государствами, международными и неправительственными организациями также влечет исключение из международной кооперации в таких сферах, как охрана правопорядка и налогообложение. Это связывают с определенными рисками для международной безопасности: в частности, формируется благоприятная почва для развития офшорных зон и черных рынков, что является привлекательным для представителей организованной преступности [*Pegg*, 1998, p. 3, 5–6]. Критики характеризуют такие образования как «правовые черные дыры», несущие угрозу для международной стабильности [*Pegg*, 1998, p. 3, 5–6; *Harvey*, *Stansfield*, 2011, p. 15; *Caspersen*, 2012, p. 145–146]. В то же время нельзя не отметить цикличность такой логики. Кроме того, популярная критика зачастую игнорирует существенные и неоднозначные историко-политические обстоятельства, которые могут обуславливать возникновение таких образований, например репрессивную политику в отношении этнических и национальных групп и меньшинств со стороны материнского государства. Наконец, несмотря на описанные проблемы, многие непризнанные и частично признанные государства не просто не погибают, но оказываются способны возродить на своей территории основы власти и правопорядка, реанимировать экономику и даже опосредованно, а местами и напрямую участвовать в международных отношениях [*Pegg*, 1998, p. 4; Проблемы…, 2018]. Как видно из приведенных источников, несмотря на всю политическую чувствительность вопроса, указанные проблемы признаются специалистами разных стран.

Непризнанные образования и международно-правовые критерии государства

На первый взгляд может показаться, что в вопросах признания государства ведут себя произвольно, исходя исключительно из собственных политических интересов (так называемой *Realpolitik*). Отрицать это сложно; тем не менее следует констатировать, что государства обычно стремятся обосновать признание (или воздержание от него), опираясь на существующие правовые принципы и практику [*Starke*, 1972, p. 142–144]. Соответственно, необходимо оценить некоторые области критики непризнанных и частично признанных образований с позиции их противоречия устоявшимся в международном праве критериям государства.

Наиболее известен перечень признаков, представленный в статье 1 Межамериканской конвенции о правах и обязанностях государств 1933 г. (известной как Конвенция Монтевидео): постоянное население, определенная территория, собственное правительство и способность к вступлению в отношения с другими государствами. Хотя данный набор характеристик уже является общепризнанным, его теоретическая проработанность остается предметом споров. Наиболее глубокая работа по формулированию и развитию международно-правового концепта государства принадлежит перу Дж. Кроуфорда, судьи Международного суда с 2015 по 2021 г. «Дистиллируя» существующие концепции и сравнивая их с объективной политической реальностью, Дж. Кроуфорд сводит феномен

государства к центральному представлению об эффективной территориальной реализации публичной власти [*Crawford*, 2007]. Применение его подхода к проблематике непризнанных и частично признанных государств позволяет обнажить существенные противоречия сложившейся международной практики.

Начнем с того, что в своей основе статус государства предполагает *эффективную и исключительную территориальную власть* [*Crawford*, 2007, p. 37–95]. Если этот критерий обосновывает особое положение существующих государств в международной системе, то исключение из нее других образований должно демонстрировать некоторые дефекты в данном отношении. Реальная же практика его применения неоднозначна.

Политологи пробовали выработать для данных целей некий объективный стандарт эффективного территориального контроля. Н. Касперсен, например, признает статус *de facto* независимости лишь за образованиями, контролирующими не менее 2/3 своей декларируемой территории, включая ее столицу и ключевые регионы, и существующими не менее двух лет [*Caspersen*, 2012, p. 8, 11]. Тем не менее всё указывает на то, что для международного права совершенно безразлично, какой объем территории и в течение какого времени контролирует та или иная власть, как и факт оспаривания принадлежности данной территории извне [*Crawford*, 2007, p. 46–52]. Достаточно вспомнить, что известны и совсем «карликовые» государства, площади которых несравнимы не то что с известными непризнанными и частично признанными государствами, но даже многими крупными городами.

Более весомый из озвучиваемых доводов исходит из возможности нарушения ключевых принципов международного права (в первую очередь территориальной целостности) и/или запретов, диктуемых нормами *jus cogens* (например, грубые нарушения прав человека, пытки и т. д.) в процессе формирования образования, что должно влечь его неправомерность [The Fundamental Rules…, 2006, p. 99–125; Unrecognized…, 2011, p. 53–54] и потенциальное обязательство государств не признавать результаты данной ситуации. Безусловно, руководствуясь ценностью стабильности и целостности международного порядка, международное право отдает предпочтение реализации права на самоопределение в пределах существующего государства («внутреннее самоопределение»). В то же время ряд авторов указывает на необходимость учитывать и обстоятельства, когда само отделение субъекта является попыткой защиты своих прав в условиях репрессивной и международно-неправомерной политики материнского государства и когда иные методы урегулирования конфликта оказываются исчерпаны [Unrecognized…, 2011, p. 17–18]. Этот взгляд нашел выражение в концепции «защитной сецессии» (*remedial secession*), допускающей такое вынужденное отделение [*Crawford*, 2007, p. 119; *Исполинов*, 2023, с. 72–94]. Государства предпочитают воздерживаться от однозначного принятия и тем более детализации данной концепции; тем не менее ее логика позволяет прощупать существенные недостатки и ограничения современной международно-правовой парадигмы.

Неоднозначен также опыт применения критерия *эффективной публичной власти* (так называемый внутренний суверенитет). Например, Дж. Кроуфорд отмечал, что на момент провозглашения независимости Республику Конго едва ли можно было назвать «эффективно управляемой»: процесс ее отделения был стремительным и сопровождался деятельностью множества

сепаратистских движений, межэтническими конфликтами, разделением правительства на два соперничающих лагеря и внешним вмешательством. Тем не менее это не помешало Республике Конго получить широкое признание и войти в состав ООН (так называемое преждевременное признание) [*Crawford*, 2007, p. 56–58]. При этом в литературе нередко указывают на то, что сам факт продолжительного существования и развития в столь сложных условиях одних непризнанных и частично призванных государств, тогда как другие (Биафра, Республика Сербская Краина и др.) прекратили обособленное политическое существование, сам по себе может указывать на успехи в сфере строительства дееспособной и стабильной публичной власти [Unrecognized…, 2011, p. 6].

Наибольшие споры возникают вокруг критерия *независимости* (так называемого внешнего суверенитета), требующего, чтобы субъект не просто осуществлял на территории эффективную публичную власть, но делал это единолично, не подчиняясь в этом какой-либо внешней юрисдикции [*Crawford*, 2007, p. 65–89]. Исторически международная правосубъектность однозначно исключалась в случаях, когда речь шла о номинально суверенном образовании, созданном и фактически управляемом иностранным государством военным путем, в условиях оккупации. Так, первым примером так называемого коллективного непризнания стало Маньчжоу-Го, марионеточное государство, созданное и фактически управлявшееся Японией на оккупированной территории Маньчжурии (1932–1945 гг.) [*Crawford*, 2007, p. 65–89; *Caspersen*, 2012, p. 28–29]. Вопрос независимости практически неизбежно ставится перед непризнанными и частично признанными государствами, само уязвимое положение которых подталкивает к поиску источников внешней поддержки. Соответственно, основной вопрос в том, в какой мере такая поддержка допустима.

В наши дни здесь, к сожалению, не представляется возможным выявить хоть сколько-то последовательный правовой подход. Например, встречается критика с данной позиции кавказских республик Абхазия и Южная Осетия [Unrecognized…, 2011, p. 51–53]. Их тесные отношения с Россией характеризуются, например, значительной материальной и административной поддержкой, гармонизацией правовых систем [*Caspersen*, 2012, p. 56; Проблемы…, 2018, с. 37]. Схожим образом критикуются и отношения ТРСК и Турции, которые характеризуются зависимостью от турецкой военной и экономической поддержки и общей направленностью экономической политики в основных вопросах. При этом в целом признается, что такие явления политической кооперации, как создание военных баз и даже существенное делегирование публичных функций, не являются необычными для международной жизни и не могут сами по себе говорить об отказе от претензий на суверенитет или о подмене самостоятельной публичной власти другим субъектом [*Crawford*, 2007, p. 70]. С этим ярко контрастирует, например, широкое признание Боснии и Герцеговины (член ООН), чье политическое существование в литературе часто ассоциируют с несостоятельностью внутренней системы власти, ориентированной на практически неограниченное внешнее управление со стороны стран европейского блока [*Пономарева*, 2011, с. 69; The Law…, 2015, p. 281–290]. Очевидно, что оценка данного критерия с точки зрения международного права требует особой тщательности и объективности.

Немалое практическое значение имеет *способность вступать в отно-*

шения с государствами. В то же время определение правосубъектности территориального образования через данный критерий едва ли имеет смысл, ведь сама возможность формального сотрудничества с государствами обуславливается признанием с их стороны, а не наоборот [*Caspersen*, 2012, p. 13–14]. Тем самым можно говорить о таком взаимодействии как следствии и возможном индикаторе эффективной публичной власти, нежели как о юридическом критерии [*Crawford*, 2007, p. 61–62, 93]. Более того, на деле государства нередко поддерживают с непризнанными и частично признанными образованиями отношения, едва ли отличающиеся от межгосударственных, избегая при этом их *de jure* признания [*Geldenhuys*, 2009]. Та же КНДР сформировалась как признанное государство, будучи практически отрезанной от мира. Более того, встречается мнение, что в наши дни такое сотрудничество более не является исключительной прерогативой государств [*Ryngaert*, 2016].

Наконец, в современный период наблюдается тенденция дополнять имеющиеся критерии государственности рядом дополнительных, исходящих из современных, представлений о легитимности публичной власти. Как считает Дж. Кроуфорд, такие дополнительные критерии могут приниматься во внимание, но лишь в особых случаях: в большинстве ситуаций приоритет сохраняется за общепринятыми критериями, исходящими из принципа эффективности территориальных образований [*Crawford*, 2007, p. 46]. Например, не находит реальной поддержки в международном праве и в известной мере субъективный аргумент о недостаточной демократичности публичной власти в непризнанных субъектах [*Crawford*, 2007, p. 150–155]. Неготовность или неспособность территориального образования соблюдать международное право является личной прерогативой субъекта (как, например, выход КНДР из режима ядерного нераспространения), а потому также представляет собой спорный ориентир. Тем не менее такой отказ может быть полезен в качестве индикатора несостоятельности публичной власти при учете других значимых факторов [*Crawford*, 2007, p. 91–92].

Заключение

Подводя черту, следует констатировать, что государство сохраняет статус центрального субъекта международного права, избегая решения ряда фундаментальных вопросов своего возникновения и существования. В отсутствие (если не невозможности) единого подхода к тому, когда можно говорить о складывании государства, заключается неизбежная ирония самого положения международного права как первой и единственной системы, претендующей на универсальность. В этом же состоит и сложность положения непризнанных и частично признанных образований. Этот пробел едва ли полностью преодолим: необходимо помнить, что интерес в стабильности и транспарентности международного порядка, который является ключевым мотивом для разработки четких международно-правовых стандартов, – лишь один из многообразия стимулов, которыми государства руководствуются в их сложной политической жизни. Тем не менее на современном этапе, при всей противоречивости практики и несостоятельности отдельных заявляемых критических доводов, можно сделать вывод о том, что фундамент для последовательного подхода к оценке правосубъектности территориальных образований, претендующих на самостоятельную государственность, уже заложен.

Таким образом, нельзя исключать, что наблюдаемый сейчас разрыв между международным правом и политическим усмотрением государств продолжит сокращаться в пользу складывания и укрепления юридически определенного международного правопорядка.

Список литературы

Заяц Д. Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. – 2020. – № 1. – С. 53–69. – DOI: 10.18384/2712-7621-2020-1-53-69.

Исполинов А. Принцип территориальной целостности государств и право на защитную сецессию // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 1 (152). – С. 72–94. – DOI: 10.21128/1812-7126-2023-1-72-94.

Меден Н.К. Самопровозглашенные государства постсоветского пространства (по страницам немецких публикаций) // Россия и современный мир. – 2017. – № 1 (94). – С. 218–229.

Пономарева Е. Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 1. – С. 63–76.

Проблемы формирования и функционирования правовых систем непризнанных государств / Толстых В.Л., Григорян М.А., Коваленко Т.С., Халабуденко О.А. // Российский юридический журнал. – 2018. – № 3. – С. 36–44.

Толстых В.Л. Признание и непризнанные государства в начале XXI в. // Российский юридический журнал. – 2020. – № 5. – С. 135–151. – DOI: 10.34076/2071-3797-2020-5-135-151.

Caspersen N. Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System. – [S. l.] : John Wiley & Sons, 2012. – 224 p.

Cassese A. International Law. – 2nd edition. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 558 p.

Crawford J. The Creation of States in International Law. – 2nd edition. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 870 p.

Geldenhuys D. Contested States in World Politics. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. – 295 p.

Pegg S. De Facto States in the International System. – Vancouver : Institute of International Relations, University of British Columbia, 1998. – 26 p.

Pegg S. International Society and the De Facto State. – London : Routledge, 2019. – 326 p.

Riegl M. Prospects and Limits of Economic Development of Unrecognized States: Between Organized Hypocracy and Private Interests // European Scientific Journal. – 2014. – Vol. 10, N 4. – P. 17–35.

Ryngaert C. Non-State Actors: Carving Out a Space in a State-Centred International Legal System // Netherlands International Law Review. – 2016. – Vol. 63. – P. 183–195. – DOI: 10.1007/s40802-016-0062-1.

Starke J.G., Introduction to International Law. – 7th edition. – London : Buttersworths, 1972. – 631 p.

The Fundamental Rules of the International Legal Order: Jus Cogens and Obligations Erga Omnes / Ed. by C. Tomuschat, J.-M. Thouvenin. – Leiden : Brill, 2006. – 471 p.

The Law and Politics of the Kosovo Advisory Opinion / Ed. by M. Milanovic, M. Wood. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 550 p.

Unrecognized States in the International System / Ed. by N. Caspersen, G.R.V. Stansfield. – London : Routledge, 2011. – 272 p.

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.02

Unrecognized and Partially Recognized Entities Through the Prism of the Concept of the State in International Law

Oleg R. KONDRASHOV
PhD Student of the Doctorate School of Law
National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: okpm@mail.ru
ORCID: 0009-0001-2212-8019

CITATION: Kondrashov O.R. (2025). Unrecognized and Partially Recognized Entities Through the Prism of the Concept of the State in International Law. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 25–36 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.02

Received: 03.06.2024.
Revised: 17.04.2025.

ABSTRACT. *The so-called unrecognized and partially recognized States retain their status as a "grey area" of international law. In the view of the current trends in international law, and the objective reality manifest in the growing number of international ties with such entities, international law still struggles to comprehend and account for this phenomenon. This lag is characterized by the existence of a wide range of de facto legal relations that are not clearly regulated by international law, which includes bilateral and multilateral cooperation of various forms, including the treaty-based. The article discusses the defining aspects of the peripheral existence of such entities in the international system: difficulties in the economic sphere, from the point of view of ethics and human rights, combined with high political sensitivity of the issue. The author notes inconsistencies arising from the position of generally recognized criteria of the State, namely the notion of the effectiveness of territorial power as a central and distinctive characteristic of the State in the concept that was summarized by J. Crawford. The author concludes that it is promising for international lawyers to further study this phenomenon and to develop legally defined approaches and criteria with due attention to the balance of fundamental international legal principles and values.*

KEYWORDS: *unrecognized States, partially recognized States, international legal personality, criteria of statehood, recognition, effectiveness, sovereignty, international integration.*

References

Caspersen N. (2012). *Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*. S. l.: John Wiley & Sons, 224 pp.

Cassese A. (2005). *International Law*. 2nd edition. Oxford: Oxford University Press, 558 pp.

Crawford J. (2007). *The Creation of States in International Law*. 2nd edition. Oxford: Oxford University Press, 870 pp.

Geldenhuys D. (2009). *Contested States in World Politics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 295 pp.

Ispolinov A. (2023). The principle of territorial integrity of states and the right to a protective secession. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. No. 1 (152), pp. 72–94 (in Russian). DOI: 10.21128/1812-7126-2023-1-72-94.

Meden N.K. (2017). Self-proclaimed states of the post-Soviet space (on the pages of German publications)]. *Rossiya i sovremennyj mir*. No. 1 (94), pp. 218–229 (in Russian).

Pegg S. (1998). *De Facto States in the International System*. Vancouver: Institute of International Relations, University of British Columbia, 1998. 26 pp.

Pegg S. (2019). *International Society and the De Facto State*. London: Routledge, 326 pp.

Ponomareva E. (2011). Bosnia and Herzegovina: State without Statehood. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 1, pp. 63–76 (in Russian).

Problemi… (2018). Tolstykh V.L., Grigoryan M.A., Kovalenko T.S., Khalabudenko O.A. Problems of formation and functioning of legal systems of unrecognized states. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 36–44 (in Russian).

Riegl M. (2014). Prospects and Limits of Economic Development of Unrecognized States: Between Organized Hypocracy and Private Interests. *European Scientific Journal*. Vol. 10, no. 4, pp. 17–35.

Ryngaert C. (2016). Non-State Actors: Carving Out a Space in a State-Centred International Legal System. *Netherlands International Law Review*. Vol. 63, pp. 183–195. DOI: 10.1007/s40802-016-0062-1.

Starke J.G. (1972). *Introduction to International Law.* 7th edition. London: Buttersworths, 631 pp.

The Fundamental Rules… (2006). Tomuschat C., Thouvenin J.-M. (eds.). *The Fundamental Rules of the International Legal Order: Jus Cogens and Obligations Erga Omnes*. Leiden: Brill, 471 pp.

The Law… (2015). Milanovic M., Wood M. (eds.). *The Law and Politics of the Kosovo Advisory Opinion*. Oxford: Oxford University Press, 550 pp.

Tolstykh V. (2020). Recognition and non-recognized states at the beginning of the XXI century. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. No. 5, pp. 135–151 (in Russian). DOI: 10.34076/2071-3797-2020-5-135-151.

Unrecognized… (2011). Caspersen N., Stansfield G.R.V. (eds.). *Unrecognized States in the International System*. London: Routledge, 272 pp.

Zayats D. (2020). The phenomenon of unrecognized states in the modern world. *Geographical Environment and Living Systems*. No. 1, pp. 53–69 (in Russian). DOI: 10.18384/2712-7621-2020-1-53-69.

Азия: вызовы и перспективы

УДК 327:339(1*PK:1*RU)
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.03

Геополитические приоритеты Пакистана и фактор России: история и современность

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра исследования Глобального Юга
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: andreivolodine@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. Геополитические приоритеты Пакистана и фактор России: история и современность // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 37–64.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.03

Статья поступила в редакцию 19.07.2025.
Исправленный текст представлен 27.08.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-28-01479 «Новое “открытие” Россией Юго-Западной и Южной Азии: взаимозависимость внешнеэкономических связей и геополитики», https://rscf.ru/project/25-28-01479/.

АННОТАЦИЯ. *В статье на основе методов сравнительного анализа оценивается состояние геополитических приоритетов Пакистана. Сопоставляется глубина степени диверсификации отношений с принципиальными союзниками этой страны – США и Китаем. Показано, как развивались двусторонние отношения Исламской Республики Пакистан с США и КНР после 1947 г. Отмечается, что отношения «условного союза» с США определяли внешнеполитический курс Пакистана с момента получения независимости до событий 11 сентября 2001 г. Автор прослеживает становление отношений «всепогодного союзничества» Пакистана и Китая и выделяет их основные причины. Продемонстрировано, как и почему КНР превращается в центрального союзника Пакистана. Прослежены основные тенденции в развитии советско-пакистанских и российско-пакистанских отношений. Обращено внимание на ограничительные факторы, мешающие развитию двусторонних отношений. Делается вывод о необходимости направляюще-*

го влияния государства на расширение и углубление отношений между Москвой и Исламабадом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Пакистан, США, Китай, Россия, «условный союз», «Китайско-пакистанский экономический коридор», «всепогодное союзничество», Индия, Афганистан.*

Южная Азия остается наиболее населенным географическим регионом современного мира. Пространство, составляющее географический и историко-культурный массив «Южная Азия», согласно классификации ООН, включает в себя следующие государства: Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивская Республика, Непал, Пакистан, Шри-Ланка. На Южную Азию приходится около 10% всего земного пространства Азии и 3% всей мировой суши. В Южной Азии проживает 40% всего азиатского населения и 20% народонаселения мира. Общая численность населения Южной Азии составляет около 2 млрд человек. Около 70% из них приходится на Индию, тогда как более 240 млн человек проживает в Пакистане, который по советской традиции возглавляет группу «малых стран» Южноазиатского региона.

Обычно под Южной Азией понимается наиболее населенная страна мира Индия, с которой у Советского Союза и России развиваются отношения «стратегического союзничества», а в настоящее время – «всеобъемлющего стратегического партнерства». Отношения нашей страны с «крупнейшей демократией мира» подробно описаны. Однако трансформация мира в полицентрическое целое подталкивает российскую дипломатию к «открытию» других стран этого региона с целью расширения спектра внешних связей и укрепления позиций нашей страны в мире ближайшего будущего. Одним из перспективных партнеров России, как представляется, становится Пакистан.

Исламская Республика Пакистан (ИРП) является неотъемлемой историко-культурной и географической частью «большой индийской цивилизации». Данное обстоятельство оказывает постоянное воздействие на поведенческую модель этого государства в региональном и мировом пространстве. Пакистанская модель геополитического поведения берет начало в августе 1947 г., когда Пакистан стал независимым государством и когда в обществе только что появившейся страны возникла экзистенциальная потребность определить место и роль этого государства в мировой политике и международных отношениях.

Индусы и мусульмане по-разному адаптировались в системе британского колониального капитализма. Выдающийся индолог Глерий Кузьмич Широков образно и емко объяснял эту проблемную ситуацию студентам-индологам Московского университета в 1980-е годы: «На имперских железных дорогах машинистами были, как правило, индусы, тогда как стрелочниками служили по большей части мусульмане». Англичане искусно управляли противоречиями, возникавшими на почве «разнотемповости» социального и культурного развития основных религиозных общин Индостана – индусов и мусульман. Как полагает британский историк К. Уолмар, стратегия колониальных властей состояла в том, чтобы «поощрять мусульман и индусов к отождествлению себя с религиозной идентичностью, а не с принадлежностью к большому социуму-отечеству (Индии – *А. В.*); целью такой политики было ослабление давления индийцев [на колониальные власти], добивавшихся независимости» [*Wolmar*, 2017, p. 178]. Действительно, идейный

лидер будущей пакистанской элиты М.А. Джинна и его единомышленники всерьез опасались превращения мусульманской общины Британской Индии в зависимое сословие, подчиненное воле индусского большинства: активно формировавшейся буржуазии, разраставшегося среднего класса, квалифицированных отрядов индийских трудящихся. Современный Пакистан создавался на «идеологической» (религиозной) основе, что изначально рассматривалось как испытание на прочность для нового государства.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов считалось, что Пакистан обладает сверхвыгодным геостратегическим положением в единстве его Западной и Восточной провинций (отделенных друг от друга расстоянием в 1500 километров). Тогда в политических и академических кругах Америки, например, бытовало мнение, согласно которому «всякое государство, имевшее целью контроль [над Западной, Южной и Юго-Восточной Азией], должно быть заинтересовано в привлечении на свою сторону Пакистана. Тесное сотрудничество с Пакистаном открывало путь для влияния на политические процессы не только в Южной Азии, но и несло в себе способность воздействовать на ситуацию в зоне Персидского залива и в Юго-Восточной Азии» [*Raza*, 2021, p. 6–7]. Еще более категорично высказывались выдающиеся американские индологи Сьюзен и Ллойд Рудольфы: «Пакистан играет для Соединённых Штатов ту же роль, что Индия для Британской империи» [*Raza*, 2021, p. 8].

Мировая история после 1945 г. диктовала свою логику «граду и миру». Вышедшие из Второй мировой войны значительно окрепшими Соединённые Штаты Америки старались выстроить такую сеть/систему альянсов, которая не только поддерживала бы их преобладающее влияние в мировой политике, но и убеждала бы потенциальных противников в вездесущности Америки, в ее способности «наказать» отступников и сомневающихся в «непобедимости» США. В данной глобальной американской стратегии новообразованный Пакистан виделся официальному Вашингтону важным (хотя и слабым в политэкономическом отношении) союзником, способным стать несущей конструкцией внешней политики в регионах Западной Азии (с ее обильными нефтяными ресурсами), Южной Азии (одном из наиболее населенных регионов мира, где сосредоточены многочисленные конфликты национально-этнического и религиозно-общинного происхождения) и в бассейне Индийского океана, через который проходили пути доставки энергоносителей из региона Персидского залива на стратегически важные для США Японский архипелаг и Корейский полуостров. История американо-пакистанских отношений поучительна и для современной России, активно участвующей в строительстве нового полицентричного и многообразного мира.

«Условный союз» как парадигма американо-пакистанских отношений

С помощью исключительно выгодного географического положения только что родившейся страны руководство Пакистана во главе с М.А. Джинной пыталось компенсировать социально-экономические дефекты новообразованного государства за счет активной внешней политики и дипломатии «персоналистского» типа. (С самого появления Пакистана представители высшей власти этой страны настойчиво предлагали американской правящей элите свои услуги по «объединению сил

ислама против коммунизма», созданию военных баз США на территории страны, направленных своим острием против Советского Союза, высказывались о готовности выступить в качестве «клиента» Соединённых Штатов в любом региональном конфликте и т. п.) Настойчивые уведомления-напоминания руководства Пакистана о готовности обслуживать интересы Америки на Среднем Востоке и в Южной Азии проистекали также из желания нивелировать геополитическую ущербность этой страны, словно «сдавленной» с севера, юга и востока историческими «врагами» – Афганистаном и Индией.

Содержанием геополитической стратегии Америки после Второй мировой войны, как известно, было обеспечение за собой центральной роли в мировых делах посредством создания и поддержания военно-политических союзов по всему пространству ойкумены, по возможности избегая открытого столкновения с Советским Союзом. В регионе Южной Азии правящие круги США с самого начала холодной войны пытались совместить геополитические приоритеты Пакистана со своими долгосрочными интересами (противодействие Советскому Союзу, «защита нефтяных интересов» и т. д.). Пакистан органически вписывался в американский геостратегический «дизайн». При этом Пакистан не соответствовал критериям концепции «государства-клиента». Не соответствовал прежде всего потому, что элиты этого государства имели свои интересы и преследовали свои цели, не всегда совпадавшие с устремлениями правящих кругов США. Впоследствии несходство интересов обнаружило себя в установлении Пакистаном отношений «всепогодного союзничества» с Поднебесной, в стремлении обладать ядерным оружием, в использовании по своему усмотрению враждебных Америке социально-политических сил в Афганистане и т. п. Можно предположить: тогда, в конце 1940-х – начале 1950-х годов, американцы не распознали «скрытую повестку» во внешнеполитическом мышлении пакистанских руководителей, с самого установления двусторонних отношений преследовавших свои специфические цели.

В официальном Вашингтоне сознавали, что Южная Азия – это значительный территориальный массив, образующий «историческую» индийскую цивилизацию и обладающий *общими* характеристиками культуры, исторической памяти, нравственных установок, экзистенциальных парадигм, общественного сознания и т. п. Этот значительный по количеству населения регион, омываемый Индийским океаном, позволял контролировать (за счет доминирования в Персидском заливе и Красном море) до 2/3 мировых запасов нефти, которые поддерживали экономический рост и развитие промышленно развитых стран Запада и Дальнего Востока. На фоне начавшегося распада Британской империи (утвердившей свое глобальное влияние за счет контроля над бассейном Индийского океана и омываемыми им территориями) своеобразную геополитическую эстафету у Англии приняли Соединённые Штаты Америки, стремившиеся воспользоваться упадком своего конкурента для реализации стратегии *неоколониализма,* исторические истоки которой восходят к деятельности 28-го президента США Вудро Вильсона. «Центральное» географическое/геополитическое положение независимого государства Пакистан (стратегическая глубина в направлении севера, запада, востока и юга) привлекало правящие круги США, хотя в Америке на первоначальном этапе «освоения» Южной Азии делали вид, что придают наибольшее значение от-

ношениям с многонаселенной Индией. Тем самым американский внешнеполитический истеблишмент стремился использовать «непримиримые» исторические противоречия между Индией и Пакистаном, возникшие с разделом Британской Индии и появлением двух независимых государств; Соединённые Штаты всецело унаследовали от Англии принципы римской имперской политики «разделяй и властвуй». Южная Азия стала одним из первых примеров ее практической апробации.

В своей политике в отношении Пакистана правящим кругам США приходилось учитывать наличие двух «антагонистических наций» с возможными зловещими последствиями непрекращающихся пограничных споров, а также энергичного и неконтролируемого демографического роста, исключительно сложного характера межгосударственных отношений в Южной Азии в целом и т. п. Геополитическое значение Пакистана для великих держав постоянно возрастало в свете усиливавшихся противоречий между сверхдержавами: Советским Союзом и Соединёнными Штатами. Тем не менее южноазиатское направление внешней политики США было институционально обособлено только в августе 1992 г. [*Raza*, 2021, p. 74]. Своеобразной прелюдией к качественным организационным изменениям в государственном департаменте США стал ввод советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 г., который способствовал повышению статуса американо-пакистанских отношений до уровня «стратегического союзничества». Изменение статуса Пакистана в системе приоритетов американской внешней политики имело следствием *сознательное* невнимание американцев к поискам правящими кругами Пакистана ответа на взрыв Индией ядерного устройства в «мирных целях» в 1974 г. В этой позиции американского внешнеполитического истеблишмента присутствовала своя логика. Так, влиятельный политолог-международник Ричард Хаас, описывая круг интересов США в постбиполярном мире, в частности, отмечал: «Южная Азия важна [для Америки] не только сама по себе; этот регион обладает потенциалом оказывать влияние на развитие событий в других частях мира, чрезвычайно важных для нас» [*Haas*, 1990, p. 2178].

В послевоенное время содержание внешней политики США в Южной Азии состояло в том, чтобы не допустить в этом регионе «материализации» реальных геополитических соперников – как в индивидуальной, так и в коллективной форме. В общем виде генеральный замысел глобальной стратегии Америки был емко описан видным политологом-международником Дж. Миршаймером: «Центральным элементом американской внешней политики традиционно было доминирование в западном полушарии и предотвращение контроля над Европой и Северо-Восточной Азией со стороны некоей противостоящей США державы. Соединённые Штаты экзистенциально не заинтересованы в появлении равного им по силам противника». Развивая свою мысль, американский политолог отмечает, что альфой и омегой внешней политики США после распада Советского Союза стало предотвращение всеми доступными средствами появления аналогичной СССР угрозы жизненным интересам Америки [*Mearsheimer*, 2001, p. 64].

Однако, несмотря на все старания внешнеполитического и военного истеблишмента Америки, подобная угроза интересам США материализовалась. В Южной Азии энергичный экономический рост Поднебесной и растущее влияние Китая на международные процессы создавали потенциальную угро-

зу с трудом завоеванной «униполярности»: очевидное преимущество КНР состояло в консолидации основных социально-политических сил страны на платформе модернизации китайского общества, тогда как Америка была поглощена изнурительной борьбой с Советским Союзом. Одновременно в Южной Азии Китай начинал приобретать характеристики решающей внешнеполитической силы: на смену политике «экспансии» (включая использование «пакистанской карты» в отношениях с государствами региона) постепенно приходит расчетливая линия «конструктивного вовлечения» государств Южной Азии во внешнеэкономические связи с Китаем. Страны Южной Азии, учитывая растущий экономический потенциал Поднебесной, отвечают взаимностью. КНР начинает активно сотрудничать с региональными организациями. Результатом этих и других геополитических начинаний становится постепенная эрозия американского влияния в регионе Южной Азии. Американские политологи-международники начинают с тревогой отмечать, что в Соединённых Штатах наличествуют два типа восприятия международной активности Поднебесной. С одной стороны, Китай воспринимается как формирующаяся крупная геополитическая сила, заинтересованная в том, чтобы участвовать в функционировании «международного либерального порядка». С другой стороны, КНР уже тогда рассматривается как потенциальная «ревизионистская» держава, утверждающая себя в конфликте с коллективным Западом.

Задача Америки по контролю Южной Азии значительно усложнилась в мае 1998 г., когда Индия и Пакистан официально провели ядерные испытания военной направленности. Соединённые Штаты были вынуждены действовать осторожно, избегая резких движений. Надежным союзником Пакистана оставалась Саудовская Аравия, якобы материально поддерживавшая ядерную программу Исламской республики. Помимо этого, американский истеблишмент в своих геополитических расчетах исходил из того, что советское руководство во главе с Л.И. Брежневым в свое время вынашивало планы по овладению Ормузским проливом с целью лишения коллективного Запада возможности свободно транспортировать нефть из региона Персидского залива в Западную Европу и Японию. Не отказались американские политики и от давнего плана А. Даллеса по созданию антикоммунистического альянса с целью окружения Советского Союза на среднеазиатском направлении [*Raza*, 2021, p. 96–97]. В гипотетическом противодействии Советскому Союзу и в геополитическом «окружении» СССР в южной части Евразии роль Пакистана в официальном Вашингтоне в то время виделась решающей.

Американское общественное мнение изначально было более благосклонно расположено к «апостолу ненасилия» Махатме Ганди, чем к «изобретателю» теории «двух наций» М.А. Джинне. Так, президент США Г. Трумэн протокольно поздравил М.А. Джинну с образованием нового государства и формально пожелал успехов Пакистану в строительстве новой нации. Одновременно Министерство обороны США в меморандуме от 24 марта 1949 г. определило зону Карачи – Лахор как «жизненно важное» пространство для защиты стратегически важных интересов Соединённых Штатов. Американские политики были согласны с президентом Ф.Д. Рузвельтом в том, что раздел Британской Индии будет «ужасен», потому что он затруднит реализацию геополитических интересов Америки в Южной Азии. А министр обороны Дж. Форрестол полагал, что раздел Индии

(из-за своего «демонстрационного эффекта») отрицательно повлияет на позиции США в зоне арабо-израильского противостояния, а также в Египте и в Северной Африке в целом [*Raza*, 2021, p. 105]. Не спасали положение и уверения пакистанских официальных лиц в «необратимой» ориентации этой страны на Ближний Восток и интересы Америки. Ведь Пакистан был изначально «привязан» к США ввиду своей экономической немощи и финансовой неплатежеспособности, что в Вашингтоне отлично понимали.

Впрочем, у каждой администрации США были свои индивидуальные подходы к отношениям с Пакистаном, что придавало двусторонним отношениям характер изменчивости, чего на самом деле не было и быть не могло. Пакистанские власти постоянно подстраивались под американский внешнеполитический курс, время от времени выражая несогласие с генеральной линией США в Южной Азии. Индивидуальный подход Америки к отношениям с Пакистаном выглядел следующим образом. При администрации **Г. Трумэна** (1945–1953) Соединённые Штаты были заняты делами общего характера (послевоенным устройством мира), и их политика не предполагала глубокого вовлечения в специфические проблемы данного региона. Частично подобный «отстраненный» подход объяснялся относительно ограниченной активностью Советского Союза в Южной Азии в связи с войной на Корейском полуострове. Свое значение для сдержанности Америки в регионе имело желание правящих групп США не навредить отношениям с Индией, которая рассматривалась как более влиятельная сила, руководимая Джавахарлалом Неру, государственным деятелем международного масштаба. Администрация **Д. Эйзенхауэра** (1953–1961) работала в изменившихся международных условиях, важным элементом которых стала активизация в мировой политике СССР и освободившихся стран. Д. Эйзенхауэр и его коллеги оценивали международную жизнь того времени с позиций «быстрого распространения коммунизма» и необходимости противодействия этому процессу. Новая американская парадигма мировой политики материализовалась в значительном увеличении военной помощи Пакистану и в превращении Исламской республики в опорную зону военно-политических союзов, служивших интересам Соединённых Штатов (так появились блок *CEATO* в 1954 г. и Багдадский пакт в 1955 г., где США, впрочем, ограничились статусом наблюдателя). Президент Д. Эйзенхауэр, видя желание пакистанских властей сосредоточиться на получении американской военной помощи, обращал их внимание на необходимость запуска процесса *развития* (то есть на создание механизмов экономического роста, опирающегося на постоянно растущую занятость населения и поступательное уменьшение диспаритетов в распределении доходов в обществе). Со своей стороны, Пакистан был вынужден осознать опасность тесных отношений с Америкой, когда самолет-разведчик *U-2*, стартовавший с военной базы в Пешаваре, был сбит над территорией СССР 1 мая 1960 г.

Новый этап пакистано-американских отношений начался при администрации президента **Дж. Кеннеди** (1961–1963), который был известен как противник военно-политических альянсов Соединённых Штатов с развивающимися странами, а в межгосударственных отношениях предпочитал «помощь развитию» и снижение социально-имущественных диспропорций в обществах освободившихся стран. Помимо этого, Дж. Кеннеди в каче-

стве стратегического партнера Америки предпочитал Индию с ее устойчивыми политическими институтами и предсказуемым характером внутреннего развития. 35-й президент США в свое время был соавтором резолюции об экономической помощи Индии, принятой Конгрессом в 1959 г. В целом политика США в отношении Южной Азии была сбалансированной. Администрация Дж. Кеннеди поддерживала высокий уровень отношений с Индией и одновременно пыталась не раздражать и не «антагонизировать» Пакистан. Во время президентской легислатуры **Л. Джонсона** (1963–1969) в американо-пакистанские отношения впервые «встраивается» фактор Китая. Формально Л. Джонсон считал «неподобающими» духу союзничества двух стран тесные отношения между Пакистаном и Поднебесной. В таком подходе присутствовало определенное двоемыслие, поскольку сами Соединённые Штаты начали неофициальные контакты с КНР в кулуарах Организации Объединённых Наций в 1966–1967 гг. [*Daulet Singh*, 2020]. Со своей стороны, правящие круги Пакистана, лишенные американской военной помощи во время индо-пакистанской войны 1965 г. (Индию постигла аналогичная участь), готовы были обратиться за содействием к Советскому Союзу. Во второй половине 1960-х годов пакистано-американские отношения настолько осложнились, что их стали именовать «условным союзом» (*notional alliance*).

Для **Р. Никсона**, 37-го президента США (1969–1974), внешняя политика, как полагали американцы, была родной стихией. Особенностью тогдашнего внешнеполитического положения Америки была «погруженность» в войну во Вьетнаме, унаследованная от администрации Л. Джонсона. Пакистан же рассматривался как полезный помощник в установлении прямых контактов с Китаем. После индо-пакистанской войны 1971 г. (в которой Пакистан потерпел поражение) Поднебесная естественным образом стала частью усложненного «уравнения» геополитических сил, формировавшегося в Южной Азии и дополнительно включавшего в себя СССР и КНР. Администрация Р. Никсона молчаливо отказалась от практики «баланса сил» в Южной Азии и избрала Пакистан в качестве приоритетного партнера в данном регионе. В результате добровольной отставки Р. Никсона в Белом доме воцарилась администрация **Дж. Форда** (1974–1977). Помимо вопросов с Ближним Востоком, отношений с Москвой и Пекином, администрация Дж. Форда столкнулась с фактическим расширением «ядерного клуба»: в 1974 г. Индия произвела взрыв ядерного устройства в «мирных целях», что вызвало панику в правящих кругах Пакистана на фоне поражения Исламской республики в войне с Индией в декабре 1971 г. Поиски «ядерного ответа» на вызов Индии для Пакистана стали неизбежными. В то же время возможности США воздействовать на Пакистан оказались ограниченными. События в Южной Азии развивались с калейдоскопической быстротой. В конце 1975 г. сам премьер-министр Пакистана З.А. Бхутто «помазал» видного специалиста-атомщика А.К. Хана на пост руководителя национальной программы по обогащению урана для ядерного оружия.

Значительную эволюцию американо-пакистанские отношения претерпели при администрации **Дж. Картера** (1977–1981). В первый период своей деятельности администрация Дж. Картера следовала традиционной логике Демократической партии, согласно которой поставки вооружений развивающимся странам предосудительны. «Традиционным» выглядело предпочтение Индии Пакистану во внешней

политике США: визит премьер-министра Индии М. Десаи в Вашингтон (1977, июль) и ответный визит Дж. Картера в Индию (1978) наглядно демонстрировали политические предпочтения правящих кругов Америки в конце 1970-х годов. Однако давление американцев на Исламскую республику, преследовавшее цель отказ Пакистана от сотрудничества с Францией в сфере развития атомной энергии, имело прямо противоположный эффект: в 1979 г. в Гаване Пакистан стал членом Движения неприсоединения. События в Южной Азии продолжали развиваться стремительно. Так, ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 г. круто изменил вектор развития американо-пакистанских отношений. Прежние противоречия были забыты, и задачи борьбы с главным геополитическим соперником, Советским Союзом, стали генеральной линией политики США в отношении Пакистана. Поставки вооружений и военной техники (ВВТ) в Афганистан из США контролировались и координировались пакистанскими спецслужбами. В сущности, администрация Дж. Картера повторила логику поведения Р. Никсона и его коллег: «тема» ослабления геополитического соперника, Советского Союза, заслонила «рассуждения» о «защите прав человека» в Пакистане.

Президентская легислатура **Р. Рейгана** (1981–1989) стала «сказочным подарком» для правящих кругов Пакистана. Во внешнеполитическом и военном истеблишменте Исламской республики в то время с удовлетворением отмечали, что «пакистано-американская дружба поставлена на долгосрочную основу развития». Военно-техническое сотрудничество между двумя странами с экономических принципов функционирования было переведено на *геополитические* основания «хозяйствования». Иными словами, Пакистан получил возможность закупать американские ВВТ по сниженным ценам; вскоре Исламская республика приобрела желанные истребители *F-16*. В 1986 г. Пакистан получил системы *Stinger*, способные поражать низко летящие воздушные цели (включая вертолеты). Значительная часть данных ВВТ была переправлена в Афганистан. Резко возросли объемы американской военной помощи Пакистану. Считалось, что «новая дружба» с Пакистаном помогла Америке избавиться от своеобразного «комплекса неполноценности», который оставила после себя в американском политическом сознании администрация Дж. Картера. (Этот «комплекс неполноценности» во многом был связан с Иранской революцией 1978–1979 гг., показавший миру военно-политическую ущербность США.) В целом американо-пакистанские отношения во время президентской легислатуры Р. Рейгана рассматриваются политологами как «наиболее сердечный» период в истории их развития.

На период президентства **Дж. Буша-старшего** (1989–1993) приходятся остродраматические события мировой истории: кризис и распад Советского Союза, институционализация «вашингтонского консенсуса» и «униполя», превращение США в сверхдержаву, осуществляющую контроль над миром. В целом политика администрации Дж. Буша-старшего повторяла в основных чертах геополитическую линию Р. Рейгана.

Однако в этой линии появились важные нюансы. Пакистан продолжал поиски «ядерного решения», то есть искал пути получения ядерного оружия. В ответ на продолжение работ по созданию оружия массового уничтожения Пакистаном Соединённые Штаты приостановили передачу истребителей *F-16* Исламской республике. Руковод-

ство страны чувствовало, что распад Советского Союза уменьшил заинтересованность Соединённых Штатов в отношениях «стратегического союзничества» с Пакистаном. Одновременно официальный Вашингтон, помимо развития пакистанской ядерной программы, был недоволен поддержкой Исламабадом террористической деятельности в Индии и расширением своей «стратегической глубины» в Афганистане. Медленно, но верно обе страны начали возвращаться к состоянию «условного союза», тогда как Пакистан в своем стратегическом резерве уже имел «китайскую карту» и готов был ею воспользоваться.

Первоначально администрация президента **Б. Клинтона** (1993–2001) продолжала стратегию Дж. Буша-старшего на ограничение сотрудничества с Пакистаном. Такого рода внешнеполитический курс преследовал цель максимально сузить пространство Исламской республики для внешнеполитического маневра, прежде всего в Южной Азии, в условиях утверждения в международной жизни принципов «глобального либерального порядка» и его атрибутов. В частности, Соединённые Штаты были намерены ограничить «ядерные амбиции» Пакистана. Так, в 1994 г. Б. Клинтон выступил с инициативой «обменять» подвергшиеся эмбарго истребители *F-16* на разрешение американцам проверять состояние пакистанских исследований в сфере атомной энергии. Однако «ядерная проблема» уже успела переместиться в центр внутриполитической жизни Пакистана, и сама идея «обмена» была отвергнута пакистанским обществом. Словно отвечая на социальный запрос общества, 28 мая 1998 г. Пакистан провел ядерные испытания и стал фактическим участником «ядерного клуба». А Америка, казалось, окончательно выбрала Индию в качестве своего главного стратегического партнера в Южной Азии.

Подводя предварительные итоги эволюции американо-пакистанских отношений до начала нынешнего века, мы можем констатировать отсутствие преемственности и стратегического планирования в их развитии. В качестве частных особенностей, сопровождавших эволюцию этих отношений, называют их незавершенный характер, асимметрию интересов партнеров, их искаженные представления друг о друге, взаимную «неконгруэнтность» (то есть невозможность найти общую систему образов общения и достижения конкретных результатов и т. п.). Иными словами, характеристика «условный союз» (*notional alliance*) является обобщенным образом межгосударственных отношений Пакистана и Соединённых Штатов Америки. Сущностью «условного союза» выступали отсутствие *целеполагания* в двусторонних отношениях и неясность их долгосрочной перспективы и логического обоснования.

По законам функционирования «условного союза» необходим был толчок, идущий от внутриполитической жизни США, который активизировал бы американо-пакистанские отношения. Таким «толчком» стали трагические события 11 сентября 2001 г. в Америке, которые вызвали глубокий шок в обществе и вскоре породили инстинкт отмщения. Южная Азия, где укрылись террористы во главе с Усамой Бен Ладеном, вновь стала «горячей точкой» мировой политики. Одновременно события 11 сентября 2001 г. имели следствием быструю перегруппировку сил в американских элитах, которые в очередной раз убедились в том, что в отношениях с миром ислама без помощи Пакистана никак не обойтись.

Американцы сознавали, что апелляция к исламу была своеобразным

камуфляжем слабости пакистанского истеблишмента, который оказывался во всё большей зависимости от исламистских групп и течений, ускоренными темпами наращивавших свое влияние в обществе Исламской республики. Правда, не все в правящих группах Пакистана помнили, что процесс исламизации общественной жизни начался раньше, в 1980-е годы, когда пакистанская власть во главе с генералом Зия-уль-Хаком легкомысленно отнеслась к нарастанию исламистских настроений в пакистанском обществе и не приняла превентивные меры против политического ислама и его распространителей. В свою очередь, в Соединённых Штатах администрация Р. Рейгана была поглощена борьбой с Советским Союзом и не обратила должного внимания на тенденции в общественной жизни Исламской республики, которые потенциально угрожали экзистенциальным интересам США. Американская печать открыто восторгалась «отвагой» моджахедов и не предполагала, что внутреннее развитие Пакистана может принять угрожающие для Вашингтона формы.

Тем временем Пакистан постепенно погружался в волну насилия на религиозной почве. Проблемы религиозно-общинного характера накладывались на противоречия на национально-этнической почве. (Эксперты уже в середине 1990-х годов также обращали внимание на то, что религиозный экстремизм быстро трансформируется в антиамериканские настроения и начинает напрямую затрагивать геополитические интересы Соединённых Штатов.) Экономический рост в Пакистане в 2001 г. замедлился до 2,7% (против 4,8% в 2000 г.). Возникли серьезные проблемы платежного баланса страны: в августе 2001 г. золотовалютные резервы Пакистана составили всего 1,7 млрд долл. В 2000 г. дефицит платежного баланса Исламской республики составил 6,5% ВВП (при запланированном значении 4% ВВП). Внешняя задолженность Пакистана к концу июня 1999 г. составляла 64% ВВП этой страны, тогда как 60% доходов государства направлялось на обслуживание внешнего долга [*Nayar*, 2005, p. 254]. При активном демографическом росте стагнация подушевых доходов оборачивалась увеличением процента населения, проживающего за чертой бедности, и нарастанием социально-политического напряжения в пакистанском обществе. Можно сказать, что террористические атаки на США 11 сентября 2001 г. оказались для правящих элит Пакистана своеобразной «манной небесной».

В Америке официальным обоснованием возобновления «условного союза» с Пакистаном было желание покончить с группировкой «Аль-Каида»[1] и поддерживавшими ее силами в Афганистане. Американцы знали, что эти силы целиком зависят от помощи Пакистана и что прекращение Исламской республикой поддержки этих формирований поможет решить если не все, то многие проблемы, с которыми США столкнулись в Южной Азии. Становилось ясно, что уровень американо-пакистанских отношений напрямую зависит от объемов и эффективности военной помощи США Исламабаду, с одной стороны, и последовательности Исламабада в ликвидации террористических групп антиамериканской идейно-политической направленности как в самом Пакистане, так и на территории Афганистана – с другой.

Подводя итоги эволюции американо-пакистанских отношений за по-

1 Деятельность организации запрещена в России.

следние три четверти века, мы можем сделать следующие принципиальные выводы.

1. Роль Исламской Республики Пакистан в системе приоритетов внешней политики США в конечном счете определялась «общим дизайном» американской геополитической стратегии. Внешнеполитическая стратегия Америки в Южной Азии заимствовала основные принципы британской имперской политики «разделяй и властвуй»; в эту стратегию в духе «веяний времени» были интегрированы такие принципы, как «продвижение демократии», «свобода слова», «права человека» и т. п. Данные принципы имели факультативный характер и изымались американцами по мере геополитической надобности. Такого рода практика отражала содержание «условного союза».

2. События 11 сентября 2001 г. имели следствием качественные изменения американской политики в отношении Исламской республики и значительно повысили статус Пакистана в региональной политике.

3. Государственная линия США в отношении Исламской республики после террористических актов 11 сентября 2001 г. сводилась к рассуждениям об экзистенциальных интересах Соединённых Штатов и важной роли Пакистана в их реализации. Американские элиты, сосредоточившие свою энергию на противодействии международному терроризму, видимо, не придали надлежащего значения быстрому росту антиамериканских настроений в Пакистане и геополитическим интересам США в Южной Азии.

4. Доминирующая роль тем безопасности и военно-технического сотрудничества фактически исключила из повестки двусторонних отношений помощь США экономическому росту и развитию Пакистана. Отсутствие «повестки развития» в отношениях Америки и Пакистана делало неустойчивой всю архитектуру двусторонних отношений, придавало их развитию труднопрогнозируемый характер.

Вывод американских войск из Афганистана в конце лета 2021 г. подвел итог отношениям стратегического партнерства между Вашингтоном и Исламабадом; не произошел драматический разрыв важных связей, а имело место постепенное снижение заинтересованности Америки в Пакистане как в «незаменимом союзнике» в макрорегионе Южная Азия – Средний Восток. Данная тенденция, как полагают аналитики, продолжится и при администрации Д. Трампа[2].

Налицо была необходимость смены внешнеполитической парадигмы Пакистана. Новым «всеобъемлющим» геополитическим партнером Исламской республики стал Китай. История пакистано-китайских отношений, их сложная эволюция определенно интересна России, поскольку сама эта история демонстрирует эффективную стратегию получения максимально возможных результатов в «турбулентной» системе международных отношений, в которой постоянно пребывает Южная Азия со времени окончания Второй мировой войны.

Пакистан и Китай: поиски парадигмы «всепогодного союзничества»

Как представляется, Китай почувствовал себя истинно мировой державой после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Глобальный финансово-эко-

2 Afzal M. The New, and Low, Normal in US-Pakistan Relations // Lawfare. – 2025. – January 19. – URL: https://www.lawfaremedia.org/article/the-new--and-low--normal-in-u.s.-pakistan-relations (дата обращения: 20.08.2025).

номический кризис 2008–2009 гг. продемонстрировал миру неумение Соединённых Штатов и коллективного Запада в целом осуществлять контроль над мировой экономикой и мировыми финансами. «Глобальное управление» по-американски, образно говоря, приказало долго жить. Обращение Международного валютного фонда к Поднебесной и нефтяным монархиям Персидского залива за финансовой поддержкой для реализации программ помощи странам Мирового большинства заставило человечество по-новому взглянуть на эффективность «западной модели развития». В то время, оценивая новую ситуацию в мире, академик Н.А. Симония писал: окончательную «точку в процессе развенчания западной, особенно американской, модели капитализма поставил кризис 2007–2009 гг. (американцы датируют начало кризиса 2007 г. – *А. В.*). До кризиса у многих политиков и интеллектуалов в Азии всё еще теплилась вера в то, что, несмотря на, как им казалось, отдельные промахи, западная экономическая теория и практика были лучшими в мире. Но <…> кризис и глобальная рецессия заставили многих азиатов поставить под вопрос западную компетентность» [*Симония*, 2011, с. 25].

Поведение Соединённых Штатов и их союзников во время мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. имело следствием соответствующую реакцию в различных уголках мира, и Южная Азия не стала исключением. Тем более что здоровый скепсис в отношении Соединённых Штатов уже посещал пакистанские элиты. Китай, напротив, оставался своеобразным «островом спокойствия» среди непрекращающейся «турбулентности» мировой экономики. В Исламабаде, возможно, вспомнили историю пакистано-китайских отношений. Со времени установления дипломатических отношений в 1950 г. Пакистан и Китай поддерживают высокоинтенсивные, долгосрочные и взаимовыгодные связи, часто характеризуемые как «всепогодное партнерство/союзничество». Пакистано-китайское сотрудничество характеризуется плотностью политических, стратегических и экономических связей; обе страны рассматривают друг друга как «жизненно важных союзников». Китай и Пакистан воспринимают друг друга как «незаменимых» партнеров в международной жизни как на региональном, так и на глобальном уровне. КНР является основным внешнеторговым партнером Пакистана и наиболее крупным инвестором в народное хозяйство Исламской республики. Поднебесная на 70% обеспечивает Пакистан ВВТ и технологиями военного назначения. В свою очередь, Пакистан твердо поддерживает Китай по «узловым» проблемам мировой политики, включая линию Пекина в отношении острова Тайвань, Синьцзяна и Тибета.

Правящим кругам Пакистана определенно помогает начавшийся четверть века назад индо-американский «стратегический диалог». Регулярно и в «требуемой» геополитической перспективе подаваемый в «большой» пакистанской (англоязычной) прессе, этот процесс объективно сближает две страны и уплотняет отношения «всеобъемлющего стратегического партнерства» между Исламабадом и Пекином. Устойчивость отношениям «всепогодного союзничества» придает и «субъективный фактор» пакистанской истории и политики: элита Исламской республики рассматривает партнерство с Китаем как некую гарантию собственной безопасности и сохранения своей страны. «Первая четверть XXI века, – полагает специалист по проблеме двусторонних отношений Н.А. Замараева, – это годы последовательных действий Пакистана,

направленных на изменение стратегических приоритетов в его внешней политике и, как следствие, на смену стратегического союзника с США на нового партнера – Китай. <…> Ценность двустороннего стратегического партнерства и Китай, и Пакистан определяют через призму своих государственных интересов. Исламабад рассчитывает на инвестиционные возможности <…> и поддержку Пекина на международной арене. Китай же – на укрепление его позиции в мусульманском мире, при этом рассматривая территорию Пакистана как торгово-логистический мост на Ближний Восток, в Центральную Азию и Западную Европу» [*Замараева*, 2020, с. 228–229].

Понятно, что в пакистано-китайских отношениях системообразующее значение имеет военно-техническое сотрудничество (ВТС). Кооперационные связи в сфере производства вооружений и военной техники (ВВТ) имеют длительный и диверсифицированный характер. По мнению западных военных специалистов, сотрудничество в сфере ВТС с Поднебесной помогло Пакистану добиться «боевой ничьей» в недавнем вооруженном конфликте с Индией (24 апреля – 10 мая 2025 г.).

В пакистано-китайских отношениях экономические аспекты «всепогодного союзничества» практически неотделимы от геополитических измерений двусторонних связей. Наглядным примером могут служить стратегическая инициатива «Один пояс – один путь» и концепция «Морской шелковый путь», в которых Исламской республике придается исключительное значение «стратегического узла», связующего основные направления геополитической активности Китая. В намерениях Пекина в отношении Исламабада ясно просматриваются две основные цели: 1) расширение контроля КНР над сферами внешней и внутренней политики Пакистана, который объективно превращается в «жизненно важный узел» региональной (южноазиатской) геополитической стратегии Поднебесной, и 2) укрепление основ геополитического положения Пакистана в Южной Азии за счет помощи Китаю в диверсификации путей доставки энергоносителей на Дальний Восток (альтернатива Малаккскому проливу), а также содействия в борьбе против религиозно-политического экстремизма, непосредственно угрожающего Синьцзян-Уйгурскому автономному району Китая [*Rossi*, 2025].

Пакистан был первым мусульманским государством (и третьей несоциалистической страной), признавшим КНР. Этот шаг был продиктован желанием Карачи (тогдашней столицы Исламской республики) защитить себя от «исторически враждебной» Индии (протяженность государственной границы между Индией и Пакистаном составляла 2912 километров, включая «линию размежевания» в Кашмире) и стремлением ускорить промышленное развитие Исламской республики за счет укрепления внешнеэкономических связей с Поднебесной. Значительным событием в истории двусторонних отношений стала передача в 1963 г. части региона Каракорум Китаю в обмен на признание суверенитета Пакистана над другими приграничными территориями. Одним из последствий данного события стала передача Китаем ВВТ Пакистану во время Второй кашмирской войны (1965 г.) на сумму 250 млн долл. (в тогдашних ценах) [*Rossi*, 2025].

«Стратегический союз» Пекина и Исламабада в 1986 г. распространился на сотрудничество в области атомной энергии. Тогда стороны подписали соглашение о сотрудничестве в данной сфере, которое позволило Пакистану

получить технологии, которые были использованы при проведении ядерных испытаний в 1998 г. Одновременно КНР усилила экономическую составляющую двусторонних отношений с Исламской республикой; одним из долгосрочных двусторонних проектов стала модернизация Каракорумского шоссе, соединяющего Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР с северным Пакистаном. Содержание двусторонних отношений расширилось с запуском проекта «Китайско-Пакистанский экономический коридор», важного компонента геополитической концепции «Один пояс – один путь».

С утверждением Си Цзиньпина руководителем компартии Китая ускоряется процесс «интенсивной стратегической и экономической интеграции» двух экономик. Начало строительства «Китайско-пакистанского экономического коридора» рассматривается в Пекине как мощный импульс для развития стратегической инициативы «Один пояс – один путь». Будучи частью этой инициативы, «коридор» получает пакет инвестиций в сумме 62 млрд долл. При этом обозначены две основные цели данного проекта. Во-первых, Китай сознательно соглашается на усиление финансовой зависимости Исламабада от Пекина во имя долгосрочных геополитических замыслов Поднебесной. Так, в 2024 г. внешний долг Исламской республики достиг 124 млрд долл.; из них почти 30 млрд долл. приходятся на КНР. Во-вторых, Китай особо заинтересован в контроле над такими отраслями народного хозяйства Пакистана, как инфраструктура и энергетика. «Специальной» задачей Поднебесной становится уплотнение связей экономики Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР с Аравийским морем. В данном случае связующим звеном выступает пакистанский порт Гвадар (провинция Белуджистан). Геополитический смысл «коридора» заключается в создании дееспособной альтернативы Малаккскому проливу, через который осуществляется 80% объема перевозок сырой нефти из Западной Азии на Дальний Восток [*Володин*, 2012].

В сфере сотрудничества в области инфраструктуры серьезная роль отводится особой экономической зоне «Гвадар», в развитие которой предполагается инвестировать 2 млрд долл. Идея особой экономической зоны включает в себя модернизацию Каракорумского шоссе и пакистанского железнодорожного «коридора», который будет пропускать поезда, курсирующие со скоростью до 160 км/час. Стоимость проекта оценивается в 6,8 млрд долл., из которых Пакистаном будет финансироваться 15% от общей суммы инвестиций.

Кооперация двух стран в сфере энергетики предполагает прямые иностранные инвестиции Китая в экономику Исламской республики в объеме 28 млрд долл. Развитие атомной энергетики Пакистана включает, в частности, строительство с помощью КНР АЭС третьего поколения. С помощью КНР была построена атомная электростанция в Чашме (север Пакистана). Проект, завершенный в 2022 г., обошелся Китаю в 6,5 млрд долл. (общая стоимость строительства составила 9,59 млрд долл.).

Важным направлением двусторонних отношений является военно-техническое сотрудничество. Во-первых, ВТС предполагает передачу Исламской республике высокотехнологичных вооружений и военной техники, включая восемь дизель-электрических подводных лодок класса «Юань», четыре фрегата типа *054A* и ракетные системы *HQ-16A* «земля – воздух»; также двустороннее сотрудничество включает в себя совместное производство

истребителей *JF-17* и ракет, способных нести ядерные заряды. Во-вторых, индийско-пакистанское сотрудничество предполагает борьбу с терроризмом, включая поимку злоумышленников из «Исламского движения Восточного Туркестана», действующих с пакистанской территории. В-третьих, военно-техническое сотрудничество двух стран имеет особый пункт об использовании Военно-Морским флотом КНР порта Гвадар [*Володин*, 2012], что дает Пекину два важных стратегических преимущества: 1) Китай получает «короткий» доступ к Ормузскому проливу, через который проходит 20% мирового объема перевозок сырой нефти, 2) как следствие, ВМФ Китая расширит свое присутствие в западной акватории Индийского океана, включая Африканский рог/полуостров Сомали. Имея военно-морскую базу в Джибути, Китай получает возможность контролировать важные линии коммуникации в макрорегионе Западная Азия – Северо-Восточная Африка.

Быстро растущий внешнеторговый оборот двух стран, в 2024 г. достигший размера 23,1 млрд долл. (профицит Китая составил 17 млрд долл.), побуждает некоторых западных аналитиков предполагать, что Исламская республика трансформируется в «стратегического вассала» Поднебесной [*Rossi*, 2025].

Двусторонние отношения имеют солидную институциональную основу для развития. В июле 2007 г. вступило в силу Соглашение о свободной торговле между Китаем и Пакистаном (*China-Pakistan Free Trade Agreement*). В декабре 2019 г. был подписан двусторонний Протокол, имеющий целью увеличение объема не облагаемых тарифами товаров с 35 до 75% от общей суммы внешнеторговых обменов и сокращение тарифов на оставшиеся товары еще на 20%. Новые правила, вступившие в силу 1 января 2020 г., устраняют тарифы на продукцию, составляющую 5% от общей суммы товарооборота. Эти изменения еще больше активизируют двустороннее движение товаров, что особенно ценно для экономики Пакистана[3].

Есть в отношениях «всепогодного партнерства» и тревожащие обе стороны обстоятельства. Речь идет о нападениях политических радикалов-исламистов на китайских граждан, работающих в Пакистане по контракту (их более 20 тыс. человек) [*Володин*, 2012; *Chatterjee Miller*, 2022]. Китай с пониманием относится к проблемам властей Пакистана, не обладающих полным контролем над территорией страны, и пытается связать активность исламистов, направленную на дестабилизацию Синьцзян-Уйгурского автономного района, вовлечением потенциальных террористов в социально-экономические процессы на территории Пакистана. Определенную роль в подавлении террористической деятельности и сепаратистских тенденций имеет и строительство «Китайско-пакистанского экономического коридора». Поднебесная заинтересована как в безопасности своих граждан, работающих в провинции Белуджистан, так и в укреплении вооруженных сил Пакистана, чья эффективность в ходе последнего пограничного конфликта с Индией, как утверждают местные журналисты, должна отрезвляюще подействовать на сепаратистов и их покровителей. Для Китая сотрудничество с Пакистаном в сфере ВТС – это возможность продемонстрировать военную технику КНР и ее характеристики, подействовать на потенциальных по-

3 China-Pakistan Trade, Investment, and Strategic Partnership // China Briefing. – 2025. – March 24. – URL: https://www.china-briefing.com/news/china-pakistan-relations-trade-investment-strategy/(дата обращения: 04.08.2025).

купателей, размышляющих о приобретении ВВТ на Западе[4].

Отметим, что в пакистано-китайских отношениях властно и незримо присутствует тень «крупнейшей демократии мира», Индии. В индийском истеблишменте прочно укоренилась точка зрения о стремлении Поднебесной с помощью Пакистана «изолировать» Индию в Южной Азии и ограничить геополитический потенциал «крупнейшей демократии мира». Однако набирает силу и сторонников более нюансированный взгляд на проблемы Южной Азии, в частности на проблемы и перспективы индийско-китайских отношений. Авторы такого рода работ исходят из того, что противоборство «Слона» и «Дракона» в нынешнем диверсифицирующемся мире лишено смысла, тогда как сотрудничество в интересах обоих государств сулит конкретные экономические и геополитические выгоды двум наиболее населенным странам мира [*Daulet Singh*, 2020]. Тем не менее эта тенденция пробивает себе дорогу с трудом: слишком тяжел груз исторической памяти индийского общества – как элит, так и широких народных масс.

При всей сложности индо-пакистанских отношений «крупнейшая демократия мира» заинтересована во внутриполитической устойчивости пакистанского общества. Аналогичным образом мыслят в Пекине, а также в столицах государств Южной и Центральной Азии. Пакистан является ядерной державой, и от предсказуемости внешней политики Исламабада без преувеличения зависит спокойствие в макрорегионе Южная Азия – Центральная Азия. К слову, Пакистан располагает внушительным арсеналом ядерного оружия (от 80 до 100 боезарядов, по оценкам западных военных экспертов) [*Володин*, 2012].

Представляется, что Китай, экзистенциально заинтересованный как в ненасильственном подавлении сепаратистских тенденций в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, так и в беспрепятственном доступе в Индийский океан (через «Китайско-пакистанский экономический коридор»), рассматривает двусторонние отношения с Исламской республикой как жизненно важные и к тому же имеющие долгосрочный, стратегический характер. В то же время Соединённые Штаты после ухода из Афганистана утратили значительную часть своего влияния в Пакистане, уступив «пальму первенства» Поднебесной. Возвращение в Белый дом Д. Трампа, выступающего за ограничение военно-политических обязательств Америки за рубежом, еще более расширило поле для геополитического маневра Поднебесной в отношении Пакистана и стран Центральной Азии. Однако на повестке дня остается важный вопрос практического свойства: насколько продолжительно и в каких масштабах Исламская республика может рассчитывать на «щедрость» КНР в удовлетворении постоянно растущих запросов Пакистана?

Россия и Пакистан: трудная дорога к взаимопониманию

Советско-пакистанские, а затем и российско-пакистанские отношения прошли трудный путь развития, отмеченный как периодами разрядки и сотрудничества, так и годами напряженности. Начавшись с установления дипломатических отношений в 1948 г., двусторонние связи развивались по сложной траектории, в которой че-

4 74 years of China-Pakistan relations: A historical overview // The Express Tribune. – 2025. – May 20. – URL: https://tribune.com.pk/story/2546887/74-years-of-china-pakistan-relations-a-historical-overview (дата обращения: 07.08.2025).

редовались подъемы и спады. Как уже отмечалось, образование государства Пакистан не обещало дружественных отношений СССР и Исламской республики. Слишком враждебным был геополитический климат послевоенного мирового времени для развития двусторонних отношений. Слишком бескомпромиссной была критика «безбожного» Советского Союза со стороны элит новообразованного государства. Однако игнорировать важное географическое место Исламской республики на политической карте мира советской дипломатии было непозволительно. «Соседство с двумя материковыми гигантами (СССР и КНР – *А. В.*) придавало немалое геополитическое значение Пакистану, – читаем в коллективной монографии «Южная Азия в мировой политике». – Существенным также было географическое расположение Пакистана <…> примерно посредине между Ближним Востоком и Индокитаем как между двумя зонами раскола и кризиса («осколочными поясами») мирового геополитического пространства послевоенного времени» [*Белокреницкий, Москаленко, Шаумян*, 2003, с. 72].

Основные вехи российско-пакистанских отношений выглядят следующим образом. Установление дипломатических отношений между СССР и Пакистаном и соглашение об учреждении представительств в ранге посольств состоялось 1 мая 1948 г. Вскоре столицу Пакистана – на тот момент г. Карачи – посетила представительная советская делегация. Целью ее визита стало налаживание торговых отношений между двумя странами. В первые годы после обретения Пакистаном независимости Советский Союз поставил в страну несколько десятков тысяч тонн продовольственного зерна в качестве гуманитарной помощи. В 1949 г. в Москву прибыл первый посол Пакистана Шуэб Куреши. В начале следующего года первым главой советского посольства в Карачи был назначен А.Г. Стеценко.

В 1960–1970-е годы двусторонние отношения развивались особенно динамично. В 1961 г. было подписано Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в поисках нефти и газа с одновременным предоставлением со стороны Москвы крупных кредитов на льготных условиях. Значение этого соглашения для Пакистана обусловливалось, помимо прочего, тем, что СССР не арендовал земли, на которых проводилась разведка, и не претендовал на энергоносители, обнаруженные в ходе геологоразведочных работ. Кроме того, Советская Сторона взяла на себя обязательство подготовить в СССР национальные кадры геологов, что и было выполнено [*Каменев*, 2006]. Во время проведения работ было открыто два нефтяных и пять газовых месторождений.

В октябре 1963 г. была создана Пакистано-советская культурная ассоциация содействия дальнейшему развитию связей в данной сфере между двумя государствами, что имело продолжение, когда в июне 1964 г. было подписано соглашение о культурном и научном сотрудничестве. В январе 1965 г. было заключено соглашение между ТАСС и государственным агентством *Associated Press of Pakistan* об обмене информацией, а еще через год в СССР было учреждено Общество советско-пакистанских культурных связей.

В середине 1970-х годов при активном содействии со стороны СССР началось строительство крупнейшего в Пакистане Карачинского металлургического завода (КМЗ). На строительстве этого предприятия, оснащенного советским оборудованием, трудились сотни советских специалистов. Долгое время КМЗ оставался одним из ведущих промышленных предприятий страны и символом российско-пакистанского сотрудничества [*Белокреницкий*, 2024].

Годы присутствия Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979–1989) стали периодом серьезного охлаждения советско-пакистанских отношений. Сто́роны занимали разные, подчас противоположные позиции в вопросе афганского урегулирования. После вывода частей советской армии начинается период последовательного восстановления связей между странами.

20 января 1992 г. Исламская Республика Пакистан признала Российскую Федерацию в качестве «правопродолжателя» Советского Союза. В 1990-е годы осуществлялось совершенствование договорной базы двусторонних отношений. Значимым событием стало подписание в 1997 г. Консульской конвенции между Российской Федерацией и Исламской Республикой Пакистан. Закрепленные в этом документе принципы значительно упростили контакты между гражданами двух государств. Тогда же стороны заключили Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки, образования. В 1999 г. в ходе визита в Москву премьер-министра Пакистана Н. Шарифа было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, ставшее основой пакистано-российского взаимодействия в этой области [*Белокреницкий*, 2024].

С 2001 г., после присоединения Пакистана к международной антитеррористической коалиции, российско-пакистанские отношения вступили в период особенно динамичного развития. Значительно возросла интенсивность двусторонних контактов на высшем и высоком уровне.

Дважды, в 2003 и 2009 гг., Россию посещал президент Пакистана П. Мушарраф. В мае 2011 г. состоялся визит в Россию Президента Исламской республики А.А. Зардари. Визит главы внешнеполитического ведомства ИРП Х.Р. Кхар в Москву в феврале 2012 г. и ответный визит Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в Исламабад в октябре того же года придали дополнительный импульс развитию взаимовыгодного партнерства. Успешно развивались контакты между парламентами двух стран: в феврале 2013 г. Исламабад посетила председатель Совета Федерации России В.И. Матвиенко, в апреле 2014 г. ответный визит в Москву совершил спикер пакистанского Сената С. Бухари.

Россия и Пакистан активно сотрудничают в сфере противодействия терроризму, борьбы с наркоугрозой, в региональных энергетических проектах. Крупные российские компании рассчитывают принять участие в объявленной пакистанским правительством широкомасштабной программе приватизации.

Москва и Исламабад наладили продуктивное взаимодействие и в многосторонних организациях благодаря близким позициям по широкому кругу международных проблем, включая вопросы мирного урегулирования конфликтов, становления многополюсного миропорядка, усиления центральной роли ООН в мировой политике, утверждения принципов международного права в отношениях между государствами. Кроме того, Россия поддерживала стремление Пакистана обрести полноправное членство в ШОС. Наконец, сегодня на повестке дня – расширение товарооборота и активизация экономического сотрудничества. Это позволит в полной мере реализовать огромный потенциал двусторонних отношений на благо народов России и Пакистана[5].

5 Россия – Пакистан: общая информация // МИД России. – URL: https://pakistan.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/(дата обращения: 05.07.2025).

Долгое время мы смотрели на советско-пакистанские отношения сквозь призму идеологических противоречий холодной войны, в чем были свои резоны. Пакистан рассматривался нами как несамостоятельный игрок в сфере мировой политики, действия которого всецело определяли Соединённые Штаты и императивы их государственного курса. Подобный подход в целом был правильным, однако нюансы во внешней политике Исламской республики долгое время имели для советской дипломатии второстепенное значение. В то же время Пакистан, находясь в тенетах западного мира, на определенных направлениях внешнеполитической деятельности иногда проявлял самостоятельность, которая отвечала его геополитическим интересам. Представляется, что к нюансам поведения Исламской республики стоит присмотреться внимательнее, ибо «детали» имеют непосредственное отношение и к советско-пакистанским, и к российско-пакистанским отношениям.

Сознавая политэкономическую уязвимость и испытывая постоянное давление со стороны «исторического» соперника Индии (и отчасти Афганистана), правящие элиты Пакистана в качестве краеугольного основания внешнеполитической доктрины Исламской республики приняли идею «оборонительного реализма». Будучи не в состоянии самостоятельно справиться с внешними вызовами национальной безопасности, пакистанский внешнеполитический истеблишмент был поставлен в ситуацию выбора модели поведения во внешнем мире. Формулирование мирополитической парадигмы для Пакистана предполагало необходимость выбора из *четырех* геополитических установок, как то: 1) сохранение нейтралитета; 2) союз с государствами мусульманского мира; 3) вступление в «советский блок»; 4) присоединение к «американскому блоку» [*Khan*, 2019, p. 92]. Выбор пакистанских элит в пользу стратегического союза с Соединёнными Штатами («американским лагерем»), как представляется, диктовался, во-первых, плотной консолидацией политически активной части общества Исламской республики на платформе противостояния «захватнической» политике Индии (прежде всего в отношении Кашмира); во-вторых, категорическим неприятием элитой Пакистана «принципов атеизма», якобы практиковавшихся в Советском Союзе; в-третьих, надеждой новообразованного государства на значительную экономическую помощь, военное содействие и доступ к современным технологиям для противостояния Индии. К тому же вступление Пакистана в блок *СЕАТО* (январь 1955 г.) стало четким сигналом официальной Москве для стратегического выбора в пользу Индии в регионе Южной Азии (визит советских руководителей Н.А. Булганина и Н.С. Хрущёва в Индию в ноябре 1955 г.). Видный отечественный индолог Э.Н. Комаров не без эмоций описывал это «триумфальное» событие: «Впервые руководители великой державы не только посетили Индию, но и ездили по стране, выступали на массовых митингах. Уже само по себе это было внове и привлекало исключительное внимание, да и дружественные чувства и интерес к советской стране, издавна жившие в индийском национальном движении, сыграли свою роль, когда представилась возможность увидеть воочию и услышать руководителей этой совершенно особой страны мира» [*Комаров*, 1998, с. 169].

Распад биполярного мира положил начало «свободной геометрии» международных отношений – типу внешних связей, формировавшихся не на основе идеологических предписаний холодной войны, а на базе общих,

прагматически понимаемых интересов. Для России и Пакистана наступило время поиска экономической и геополитической основы для новых отношений на принципах взаимной выгоды. Так, в 2002 г. президент Исламской республики П. Мушарраф нанес визит в Москву, первый после поездки в Советский Союз премьер-министра Пакистана З.А. Бхутто тридцатью годами ранее. Оба визита преследовали цель – развитие двустороннего сотрудничества в экономике и культуре, а равно и в поиске точек соприкосновения в улучшении региональной ситуации в Южной Азии.

Пакистано-российские отношения начали развиваться по восходящей траектории. В 2007 г. премьер-министр правительства России М.Е. Фрадков совершил трехдневный официальный визит в Пакистан; состоялись встречи с президентом и главой правительства Исламской республики. В те дни пакистанская пресса отмечала, что двусторонние дискуссии отличались «глубиной и нацеленностью на решение конкретных проблем пакистано-российских отношений». Российская Сторона одобрила желание Исламской республики стать полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Последующее развитие событий имело следствием отмену взаимных ограничений, существовавших в годы холодной войны. Однако развитие двусторонних отношений имело *неспешный* характер, оно напоминало «обмен любезностями» в сфере дипломатии. Так, в 2014 г. Россия отменила эмбарго на военно-техническое сотрудничество с Пакистаном, существовавшее в советский период. В свою очередь, Пакистан в 2016 г. открыл России доступ в Индийский океан, разрешив пользоваться глубоководным портом Гвадар. Ответной «любезностью» стало согласие России на полноправное участие Исламской республики в деятельности ШОС. Сдвинулось с «мертвой точки» и военно-техническое сотрудничество. В 2015 г. Российская Сторона согласилась продать Пакистану четыре вертолета Ми-35М. В том же году было заключено соглашение об экспорте в Пакистан двигателей РД-93 для их последующей установки на самолеты *JF-17* совместного пакистано-китайского производства. Также было положено начало совместным проектам в сфере энергетики и модернизации пакистанских предприятий [*Khan*, 2019, p. 94–96].

Серьезное значение в Исламской республике придают возможному участию России в работе «китайско-пакистанского экономического коридора». В Исламабаде полагают, что участие России в функционировании данного «коридора» определенно усилит значение порта Гвадар для развития экономики нашей страны. Пакистанские власти исходят из того, что порт Гвадар мог бы связать экономики России и стран Центральной Азии с хозяйственной системой Пакистана, повысить темпы экономического роста в Исламской республике и уплотнить экономические связи в макрорегионе Центральная Азия – Южная Азия с непременным участием России. Рассчитывают в Исламабаде и на передачу Пакистану необходимых технологий для производства атомной энергии в мирных целях.

В связи с этим пакистанские авторы отмечают, что квинтэссенцией внешней политики Исламской республики являются дружественные отношения со всеми мировыми державами, включая Россию. Однако в подходе к России доминирует осторожность, намерение не навредить отношениям с давними союзниками, прежде всего Америкой и Китаем. Иными словами, перед нами подновленная версия концепции «ус-

ловного союза», только низкой интенсивности. Пакистанские специалисты при этом отмечают, что концепция развития отношений с Исламской республикой у России пока не выработана, тогда как сильное тормозящее влияние на политику Москвы в отношении Исламабада оказывает «индийский фактор». Поэтому двум странам стоит сосредоточить внимание на развитии конкретных направлений сотрудничества: внешнеэкономических связях, взаимной торговле, кооперации в сфере образования, совместного создания «прогрессивных» технологий, совершенствования инфраструктуры с помощью России, «содействия развитию». Отмечается, что важную вспомогательную роль в развитии пакистано-российского сотрудничества мог бы сыграть «всепогодный союзник» – Китай [*Khan*, 2019, p. 100–102].

За развитием российско-пакистанских отношений с пристальным вниманием наблюдают в Дели. Индийские эксперты отмечают: нынешняя динамика пакистано-российских отношений в конечном счете определяется двумя основными обстоятельствами: 1) качественными сдвигами в конфигурации мировой системы и 2) естественным продолжением тенденций, сформировавшихся в предыдущий период. 15–16 октября 2024 г. состоялась встреча председателя правительства России М.В. Мишустина и премьер-министра Пакистана Ш. Шарифа. Переговоры прошли «на полях» 23-го заседания Совета глав правительств государств – членов ШОС. В ходе встреч в Исламабаде М.В. Мишустин отметил особую важность развития экономического сотрудничества между государствами – членами ШОС, нацеленного на реализацию инициативы президента России о создании Большого евразийского партнерства. Отметим, что в ходе переговоров глава правительства России характеризовал двусторонние отношения как основанные «на принципах дружбы, взаимного уважения интересов друг друга». В ходе переговоров звучала идея о необходимости запуска «новых перспективных проектов в энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, строительстве инфраструктуры и логистике, транспортной сфере»[6].

Аналитики в Индии полагают, что нынешнее потепление в пакистано-российских отношениях связано с разочарованием Москвы в отношениях с коллективным Западом. Так, Пакистан стал одним из основных направлений «новой восточной политики» России. Конкретными причинами «оттепели» в двусторонних отношениях стали следующие обстоятельства. Во-первых, более глубокое, чем прежде, вовлечение Поднебесной в экономические и социально-политические процессы в Южной Азии. Так, Пекин рассматривает «Китайско-пакистанский экономический коридор» как часть общего замысла стратегической инициативы «Один пояс – один путь». Во-вторых, институционализация концепции «неограниченного партнерства» России и Китая, «всепогодного союзника» Пакистана, естественным образом сформировала стратегический «треугольник» Москва – Пекин – Исламабад, который теоретически может придавать ускорение экономическому сотрудничеству двух стран. В-третьих, углубление «стратегического диалога» Дели и Вашингтона, который, как полагают в Поднебесной, имеет целью сдерживание геополитической активности КНР, повышает значение России

6 Встреча Михаила Мишустина с Премьер-министром Пакистана Шехбазом Шарифом // Правительство России. – 2024. – 16 октября. – URL: http://government.ru/news/53006/(дата обращения: 12.07.2025).

и Пакистана в вытеснении Америки из Азии. Вышеперечисленные факторы создали основу для переформатирования всей системы отношений между Россией и Пакистаном, а вступление Исламской республики в Шанхайскую организацию сотрудничества «выстроило» платформу для взаимодействия Москвы и Исламабада по широкому кругу вопросов международной повестки [*Singh*, 2024].

Одним из таких вопросов является борьба с терроризмом. Вывод американских войск из Афганистана в конце лета 2021 г. оказался болезненным для Исламской республики. Так, в 2024 г. имел место всплеск террористической активности в Пакистане; эта активность возросла на 40% по сравнению с 2023 г. Пакистанские эксперты полагают, что террористы действуют с территории соседнего Афганистана и их активность грозит распространиться на другие страны Южной Азии. Террористическая деятельность уже оказывает негативное влияние на поток прямых иностранных инвестиций в Исламскую республику, наносит ущерб международной репутации Пакистана [*Munir*, 2025]. В свою очередь, Россия жизненно заинтересована в политической устойчивости обществ Центральной Азии и ее государственных институтов. Думается, пересечение экзистенциальных интересов может стать дополнительным фактором уплотнения и улучшения отношений России и Пакистана.

Сотрудничество Российской Федерации и Исламской республики активизировалось с началом специальной военной операции, так как Пакистан почувствовал себя «свободным игроком» в условиях сосредоточенности коллективного Запада на конфликте на постсоветском пространстве. Однако у развития российско-пакистанских отношений сохраняется существенный ограничитель. Суть в том, что в отношениях между Исламабадом и Москвой незримо присутствует геополитический «пятиугольник», включающий в себя Россию, Америку, Китай, Индию и Пакистан, внутри которого складываются отношения многосторонней зависимости с вытекающими из нее взаимными ограничениями. Наличие этого стратегического *пятиугольника* заведомо ограничивает автономию пространства пакистано-российских отношений сотрудничеством в таких областях, как промышленность, энергетика, продовольственная безопасность, борьба с терроризмом. Наконец, значительное влияние на отношения Исламабада и Москвы оказывает фактор Индии. Министр иностранных дел «крупнейшей демократии мира» С. Джайшанкар афористично сформулировал суть этого фактора: «Российско-индийские отношения – это единственная константа современного мира». Отказавшись от участия в кампании Запада по изоляции России, Дели тем самым дал понять Москве, что ожидает от России «взаимности» при выстраивании отношений с ближним зарубежьем Индии, то есть со странами Южной Азии.

В настоящее время в позицию официальной Москвы в отношении стратегического «треугольника» Москва – Исламабад – Дели внесены некоторые коррективы. Так, Россия старается поддерживать равновесие в геополитическом подходе к Индии и Пакистану, стремясь снизить напряженность в Южной Азии в целом, а не занимать чью-либо сторону в межгосударственных конфликтах. Если Советский Союз поддерживал Индию, особенно во время войны 1971 г., то Россия сегодня старается укрепить региональную стабильность, используя такие геополитические «инструменты», как Шанхайская организация сотрудничества, членами которой являются как Индия,

так и Пакистан. В настоящее время, как представляется, Россия уделяет приоритетное внимание своим двусторонним отношениям с каждой из этих стран и избегает вмешательства в отношения Дели и Исламабада.

Свои особенности в развитии двусторонних отношений имеет и позиция Пакистана. Хроническая зависимость официального Исламабада от политики Международного валютного фонда (МВФ) ограничивает возможности Исламской республики вдохнуть новую энергию в развитие двусторонних отношений. Так, поставки ВВТ из Пакистана на постсоветское пространство в обмен на «вспомоществование» от МВФ наглядно демонстрируют ограниченность «стратегической автономии» официального Исламабада в формировании независимой от влияния внешних сил модели отношений с Россией. Также значительным препятствием развитию диверсифицированных отношений с Россией является слабое развитие инфраструктуры в Исламской республике, что выпукло проявилось во время переговоров о доставке сырой нефти из России в Пакистан. И всё же наиболее значительным препятствием качественному «облагораживанию» двусторонних отношений является прозападная ориентация пакистанских элит. «В отличие от Китая и Ирана, в Пакистане правящий класс и либеральная интеллигенция «идолизировали» западную модель управления и существования и имеют личный интерес в развитии отношений с коллективным Западом. Поэтому обе эти социальные группы занимают колеблющуюся позицию в противоборстве демократии и авторитаризма, как это идеологическое явление концептуализировал [бывший] президент США Дж. Байден» [*Singh*, 2024].

Развитие советско-пакистанских и российско-пакистанских отношений за более чем три четверти века позволяет сделать выводы, которые, как представляется, имеют как научное, так и практическое значение.

1. С самого своего образования Пакистан показал себя как «переменчивый» партнер в отношениях с другими странами. Обещания «объединить мусульманский мир против коммунизма» (то есть против СССР) служат историческим предостережением современной России. Стремление использовать свое выгодное географическое положение без философского и этического обоснования императивов внешнеполитического курса не может не настораживать «проницательного» партнера по переговорам. *Realpolitik* в исполнении Исламской республики порой напоминает внешнеполитические установки некоторых бывших социалистических стран Европы, а также постсоветских территорий. Прошлое и настоящее Пакистана, на наш взгляд, диктует осторожный подход к отношениям России с этой страной.

2. После завершения индо-пакистанской войны 1965 г. и подписания Ташкентской декларации 1966 г. отношения между СССР и Пакистаном получили импульс для развития, особенно в сфере внешнеэкономических связей и культурной дипломатии. Как представляется, взвешенный подход советской дипломатии к отношениям с Пакистаном и сегодня сохраняет свою актуальность.

3. В современном мире «свободной геометрии» международных отношений существует множество возможностей развития межгосударственных связей. При всём прагматизме идеи *Realpolitik* Россия вынуждена учитывать особенности условий формирования концепции внешней политики Пакистана, а именно: зависимость Исламской республики от внешних сил (международных финансовых институтов), «всепогодное

союзничество» с Китайской Народной Республикой, «историческое» соперничество государства Пакистан с важным «всеобъемлющим стратегическим партнером» Россия – Индия, устойчивую ориентацию пакистанских правящих кругов на страны коллективного Запада во главе с США. Надо полагать, что уже само признание Исламской республики дружественным России государством выглядит как значительный шаг в развитии внешнеполитической философии и дипломатической практики нашей страны.

Внимательное отношение к истории внешней политики Пакистана, прежде всего к взаимодействию с такими стратегическими партнерами и союзниками, как Соединённые Штаты Америки и Китайская Народная Республика, позволит российской дипломатии обращать себе во благо «исторические уроки» и выстраивать отношения с Пакистаном на прочной основе национальных интересов и глобальной геополитической перспективы.

Список литературы

Белокреницкий В.Я. Основные вехи и этапы развития российско-пакистанских отношений // Вестник Института востоковедения РАН. – 2024. – № 1. – С. 175–186. – DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-175-186.

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. – Москва : Международные отношения, 2003. – 368 с.

Володин А. Россия, Индия и пакистано-китайское сотрудничество // Фонд стратегической культуры. – 2012. – 6 июля. – URL: https://www.fondsk.ru/news/2012/07/06/rossia-india-i-pakistano-kitajskoe-sotrudnichestvo-i.html (дата обращения: 20.08.2025).

Замараева Н.А. Китайско-пакистанские отношения: двусторонние и региональные вызовы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXV. Ежегодное издание. – Москва : ИДВ РАН, 2020. – С. 226–242. – DOI: 10.24411/26186888-2020-10014.

Каменев С.Н. Экономическое сотрудничество России с Пакистаном // Российский внешнеэкономический вестник. – 2006. – № 7. – С. 20–28.

Комаров Э.Н. В России и в Индии. Из воспоминаний и наблюдений индолога. – Москва : Восточная литература, 1998. – 192 с.

Симония Н.А. Догоняющее развитие в эпоху глобализма // Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия / отв. ред. А.М. Петров. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2011. – С. 9–27.

Chatterjee Miller M. How China and Pakistan Forged Close Ties // Council on Foreign Relations. – 2022. – October 3. – URL: https://www.cfr.org/article/how-china-and-pakistan-forged-close-ties (дата обращения: 07.04.2025).

Daulet Singh Z. Powershift. India-China Relations in a Multipolar World. – New Delhi : Macmillan, 2020. – 335 p.

Haas R.N. USA and South Asia // Strategic Digest. – 1990. – Vol. 20, N 4 (April). – P. 2178–2182.

Khan M.T.F. Pakistan's Foreign Policy towards Russia // Strategic Studies. – 2019. – Vol. 39, N 3. – P. 89–104. – DOI: 10.53532/ss.039.03.00107.

Mearsheimer J.J. The Future of American Pacifier // Foreign Affairs. – 2001. – Vol. 80, N 5 (September/October). – P. 46–61.

Munir T. Relationship Between Afghanistan and Pakistan: Allies or Adversaries? // The Geopolitics. – 2025. – March 5. – URL: https://thegeopolitics.com/relationship-between-afghanistan-and-pakistan-allies-or-adversaries/ (дата обращения: 27.08.2025).

Nayar B.R. The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Develop-

ment. – New Delhi : Oxford University Press, 2005. – 301 p.

Raza S.T. United States and Pakistan in the 21st Century. Geostrategy and Geopolitics in South Asia. – London, New York : Routledge, 2021. – 271 p.

Rossi R. Geopolitics of China-Pakistan's Relations // Special Eurasia. – 2025. – June 10. – URL: https://www.specialeurasia.com/2025/06/10/geopolitics-china-pakistan/ (дата обращения: 04.08.2025).

Singh P. Pakistan-Russia Relations Mark Shifting Sands in South Asia // The Diplomat. – 2024. – December 12. – URL: https://thediplomat.com/2024/12/pakistan-russia-relations-mark-shifting-sands-in-south-asia/ (дата обращения: 12.07.2025).

Wolmar Ch. Railways & The Raj. How the Age of Steam Transformed India. – London : Atlantic Books, 2017. – 363 p.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.03

Pakistan's Geopolitical Priorities and the "Russia Factor": History and Modernity

Andrey G. VOLODIN
Chief Researcher, Center for Global South Research
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: andreivolodine@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2025). Pakistan's Geopolitical Priorities and the "Russia Factor": History and Modernity. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 37–64 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.03

Received: 26.02.2025.
Revised: 21.04.2025.

ACKNOWLEDGMENT. The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant no. 25-28-01479, https://rscf.ru/project/25-28-01479/.

ABSTRACT. *The article evaluates the State of Pakistan's geopolitical priorities based on comparative analysis methods. The depth of the degree of diversification of relations with the country's principal allies, the United States and China, is compared. It shows how the bilateral relations of the Islamic Republic with the USA and China have developed after 1947. It is noted that the relations of the "notional alliance"*

with the United States shaped the foreign policy course of Pakistan from the moment of independence to the events of September 11th, 2001. The author traces the formation of "all-weather alliance" relations between Pakistan and China and highlights their main causes. The article shows how and why China is turning into a pivotal ally of Pakistan. The main trends in the development of Soviet-Pakistani and Russian-Pakistani relations are traced. The restrictive factors hindering the development of bilateral relations are demostrated. The conclusion is drawn about the need for the guiding influence of the state on the expansion and deepening of the relations between Moscow and Islamabad.

KEYWORDS: *Pakistan, the USA, China, Russia, "notional alliance", "China-Pakistan economic corridor", "all-weather alliance", India, Afghanistan.*

References

Belokrenitsky V.Y. (2024). Main milestones and stages in development of Russia-Pakistan relations. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. No. 1, pp. 175–186 (in Russian). DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-175-186.

Belokrenitsky V.Y., Moskalenko V.N., Shaumyan T.L. (2003). *South Asia in International Politics*. Moscow: Mezhdunarodniye Otnosheniya, 368 pp. (in Russian).

Chatterjee Miller M. (2022). How China and Pakistan Forged Close Ties. *Council on Foreign Relations*. October 3. Available at: https://www.cfr.org/article/how-china-and-pakistan-forged-close-ties, accessed 07.04.2025.

Daulet Singh Z. (2020). *Powershift. India-China Relations in a Multipolar World*. New Delhi: Macmillan, 335 pp.

Haas R.N. (1990). USA and South Asia. *Strategic Digest*. Vol. 20, N 4 (April), pp. 2178–2182.

Kamenev S.N. (2006). Economic cooperation between Russia and Pakistan. *Russian Foreign Economic Journal*. No. 7, pp. 20–28 (in Russian).

Khan M.T.F. (2019). Pakistan's Foreign Policy towards Russia. *Strategic Studies*. Vol. 39, no. 3, pp. 89–104. DOI: 10.53532/ss.039.03.00107.

Komarov E.N. (1998). *In Russia and India. From the Memories and Observations of an Indologist*. Moscow: Vostochnaya literatura, 192 pp. (in Russian).

Mearsheimer J.J. (2001). The Future of American Pacifier. *Foreign Affairs*. Vol. 80, no. 5 (September/October), pp. 46–61.

Munir T. (2025). Relationship Between Afghanistan and Pakistan: Allies or Adversaries? *The Geopolitics*. March 5. Available at: https://thegeopolitics.com/relationship-between-afghanistan-and-pakistan-allies-or-adversaries/, accessed 27.08.2025.

Nayar B.R. (2005). *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*. New Delhi: Oxford University Press, 301 pp.

Raza S.T. (2021). *United States and Pakistan in the 21st Century. Geostrategy and Geopolitics in South Asia*. London, New York: Routledge, 271 pp.

Rossi R. (2025). Geopolitics of China-Pakistan's Relations. *Special Eurasia*. June 10, available at: https://www.specialeurasia.com/2025/06/10/geopolitics-china-pakistan/, accessed 04.08.2025.

Simoniya N.A. (2011). Catch-up Development in the Era of Globalization. In: Petrov A.M. (ed.). *"Catch-up Development" and What It Is Catching Up With*. Moscow: Institute of Oriental Studies, pp. 9–27 (in Russian).

Singh P. (2024). Pakistan-Russia Relations Mark Shifting Sands in South Asia. *The Diplomat*. December 12. Available at: https://thediplomat.com/2024/12/pakistan-russia-relations-mark-shifting-sands-in-south-asia/, accessed 12.07.2025.

Volodin A. (2012). Russia, India and Pakistan-China Cooperation. Fund of

Strategic Culture. July 6 (in Russian). Available at: https://www.fondsk.ru/news/2012/07/06/rossia-india-i-pakistano-kitajskoe-sotrudnichestvo-i.html, accessed 20.08.2025.

Wolmar Ch. (2017). *Railways & The Raj. How the Age of Steam Transformed India*. London: Atlantic Books, 363 pp.

Zamaraeva N.A. (2020). China – Pakistan Relations: Bilateral and Regional Challenges. In: *China in World and Regional Politics. History and Modernity. Yearbook*. Issue 25. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, pp. 226–242 (in Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10014.

УДК 339.5(1*US:1*RU)
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.04

Тарифная политика США и ее последствия для стран АСЕАН

Владимир Моисеевич МАЗЫРИН
доктор экономических наук, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, главный научный сотрудник
Институт Китая и современной Азии РАН
Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: mazyrin_v@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6988-0139

ЦИТИРОВАНИЕ: Мазырин В.М. Тарифная политика США и ее последствия для стран АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 65–84.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.04

Статья поступила в редакцию 12.09.2025.
Исправленный текст представлен 22.10.2025.

АННОТАЦИЯ. *Автор анализирует комплекс вопросов, вызванных резкой сменой тарифной и (более широко) торговой политики администрации Дональда Трампа в отношении большой группы партнеров США. Дана краткая характеристика прежней системы торговли и сложившейся на ее основе модели развития новых рынков, представлены требования, выдвинутые США, оценено их возможное воздействие и восприятие пострадавшими странами, прежде всего в Юго-Восточной Азии. Рассмотрены варианты «погашения» новых пошлин и имеющаяся по этой теме научная литература, практика. Показано, как новые барьеры могут отразиться на конкурентоспособности и специализации экспорта стран ЮВА в США. Подробно разобрано предложенное Вашингтоном содержание торговых сделок на примере Индонезии. В заключение выявлены суть, гипотетические последствия транзита китайских товаров через страны ЮВА, прежде всего Вьетнам, в США. Сделан прогноз, что тем странам, которые использовали США как свой крупнейший экспортный рынок, грозят резкое падение двустороннего товарооборота и снижение темпов экономического развития в целом. Автор приходит к выводу, что мировой торговле под воздействием этих мер Вашингтона грозит серьезнейший кризис и развивающиеся страны смогут противостоять дискриминации только совместными усилиями в рамках БРИКС и других объединений Глобального Юга.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *тарифная политика Трампа, торговая система эпохи ВТО, партнеры США в Юго-Восточной Азии, последствия новых пошлин, содержание торговой сделки.*

Введение

Тема тарифных нововведений Вашингтона и их влияния на систему мировой торговли только начала исследоваться и обсуждаться в академической среде, причем преимущественно зарубежной, ввиду недавнего (с апреля 2025 г.) появления в международной повестке и остроты вопроса. Столь явное нарушение принятых правил в этой сфере не происходило несколько десятилетий. В силу данных причин очевидна необходимость рассмотреть, интерпретировать жесткие действия США, их возможные последствия для экономики и внешней торговли затронутых стран. Автор раннее дал краткую предварительную оценку этого явления на примере Вьетнама, сделав акцент на его реакцию и взаимосвязь с американским рынком [*Мазырин*, 2025, с. 508–520]. В статье подробно изучены требования Вашингтона во взаимосвязи с прежней системой торговли и их воздействие на широкий круг стран АСЕАН.

Удар по системе, основанной на правилах

Система торговли, основанная на международных правилах, принятых более 80 лет назад, служила основным двигателем экономического роста и развития по всему миру, особенно успешно в Юго-Восточной Азии. Ряд стран АСЕАН, проводя курс экспортной ориентации, добился бурного прогресса и модернизации своего хозяйства, вошел в группу «азиатских тигров», осуществив догоняющее развитие. Введя 7 августа 2025 г. новый тарифный режим для торговых партнеров США, отличный от тарифов Всемирной торговой организации (ВТО), президент Дональд Трамп игнорировал эти правила, тем самым пойдя против системы, создание и развитие которой США всемерно отстаивали и контролировали. В послевоенный период (вторая половина XX в.) глобальные тарифные ставки неуклонно снижались в духе свободной торговли путем многостороннего согласования [*Hoda,* 2001]. Проводя такую политику, участники многосторонней системы несли обязательство не поднимать их выше определенных уровней и предоставлять всем участникам режим наибольшего благоприятствования. Несмотря на некоторые исключения, на протяжении 80 лет члены ВТО пользовались стабильностью недискриминационного режима и предсказуемостью тарифного регулирования, основанного на прозрачных правилах.

Отступление Д. Трампа от принятой системы тарифов поставило под угрозу всю модель развития, благодаря которой появились так называемые азиатские тигры. В 1960-е годы лидером была Япония, за ней последовали Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур и в 1980-е годы Китай. Другие страны Юго-Восточной Азии, в том числе Вьетнам, Малайзия и Таиланд, находятся на разных этапах реализации аналогичных стратегий. Хотя политика, приоритеты, подходы участников АСЕАН отличаются, они нуждаются в открытых экспортных рынках и недискриминационных правилах торговли для достижения своих целей в области развития.

Указ президента Д. Трампа от 31 июля 2025 г. имеет глобальное значение, поскольку он затронул более 90 стран и охватил 70% объема мировой торговли[1]. В основе такого шага лежит нежелание

1 Trump's Global Tariffs: Complete List of Nations and Rates // Tariff Check. – 2025. – August 18. – URL: https://tariffcheck.org/deadline-deals (дата обращения: 20.10.2025).

вести длительные и сложные переговоры по выработке соглашения о свободной торговле, осуществлять непростой контроль за графиком снижения пошлин и соблюдением норм страны происхождения. Вместо этого Д. Трамп прибег к силе, используя военно-политическое и экономическое превосходство США. Новые тарифные ставки на ввоз товаров в эту страну установлены односторонне, произвольно, необоснованно и фактически под диктатом.

Средние тарифные ставки в США, составлявшие в 2024 г. всего 2,4%, подняты до 18%. Странам Юго-Восточной Азии объявлены разные уровни базового тарифа – от 10% для Сингапура, как наиболее лояльного партнера, до 40%[2] для Лаоса и особенно Мьянмы, вызывающих максимальное недовольство Вашингтона. Ряд государств сразу согласился на предложенную Трампом «сделку», заключив расплывчатые «рамочные» соглашения, которые снизили уровень угроз (в сравнении с ранее объявленными ставками) для своего экспорта.

Но большинство стран просто получили информацию о новом уровне пошлин, с которыми им придется иметь дело. Лишь крупные и самостоятельные державы, такие как Китай, Бразилия, Индия, заявили резкий протест и приняли ответные меры, причем некоторые перед угрозой понести серьезные экономические потери (например, Индии грозит дополнительная к уже установленной в том же размере 25%-я пошлина в счет вторичных санкций за импорт российской нефти для переработки на своих заводах с последующим экспортом в другие страны, прежде всего в США и Европу). По оценке генерального консула Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) в Сан-Франциско Хоанг Ань Туана, «введение взаимных пошлин, исходя лишь из баланса торговли или по другим причинам, является беспрецедентным шагом с целью оказать давление на двусторонних переговорах»[3].

К чему это приведет? Торговые партнеры США столкнулись с резко возросшими тарифами, зависящими от прихоти американского президента, и они, как правило, находятся в положении зависимых и менее благополучных. Хотя мировые торговые отношения после этой атаки Вашингтона не вернулись полностью к системе «законов джунглей», они опасно приблизились к ней. Страны Юго-Восточной Азии, строящие свое экономическое благополучие на вешней торговле, получили действительно болезненный удар и ухудшение перспектив.

Традиционно США были крупнейшим потребительским рынком в мире и самым активным импортером. Теперь, когда Вашингтон возвел тарифную стену вокруг своей экономики и пренебрегает установленными правилами торговли, главный двигатель роста, основанный на экспорте, дал серьезнейший сбой. Глобальный экономический динамизм смещается с Запада на Восток, и многие страны Азиатско-Тихоокеанского региона уже начали диверсифицировать свои связи с учетом невыгодных условий торговли с США[4]. Тем не менее роль американского рынка остается крити-

2 Chu B., Wainwright D., Leake Ph. How much cash is the US raising from tariffs? // BBC. – 2025. – August 8. – URL: https://www.bbc.com/news/articles/cr5rm7v5166o (дата обращения: 20.10.2025).

3 Mỹ áp đặt thuế quan đối với hàng hóa từ các nước khác = США вводят пошлины на товары из других стран // Sputnik. Việt Nam. – 2025. – 03.04. – Вьет. яз. – URL: https://kevesko.vn/20250403/my-ap-dat- thue-quan-doi-voi-hang-hoa-tu-cac-nuoc-khac-35369424.html (дата обращения: 20.10.2025).

4 Olson S. Southeast Asia Should Be Clear-Eyed As It Navigates Trump's Tariff Fog // Fulcrum. – 2025. – August 8. – URL: https://fulcrum.sg/southeast-asia-should-be-clear-eyed-as-it-navigates-trumps-tariff-fog/(дата обращения: 20.10.2025).

чески важной. Вьетнам имеет огромный профицит в торговле с США, особенно по таким товарам, как электроника, текстиль, мебель из дерева, морепродукты[5]. Из данного примера видно, что исторически беспрецедентную роль США как ведущего экспортного рынка невозможно будет быстро или легко заменить.

Вопрос в том, что заключение нескольких «сделок» и введение «окончательных» тарифов – это далеко не конец истории. Д. Трамп относится к торговой политике как к непрерывному *реалити-шоу,* намеренно сохраняя непредсказуемость. Те страны, которые заключили с США «рамочное соглашение», должны быть готовы впоследствии к непредвиденным трудностям и дополнительным требованиям. Любое достигнутое соглашение может существенно отличаться от «рамочного»; в худшем случае может быть полностью расторгнуто. Разногласия в «толковании» уже возникли с Японией по поводу рамочного соглашения, обещавшего восстановить стабильность. Новые тарифы и вовсе могут быть отменены при возникновении новых обстоятельств.

Страны, не заключившие соглашения и получившие «назначенные» ставки тарифов, также не уверены, что эти ставки сохранятся. Д. Трамп неоднократно угрожал введением тарифов в ответ на любые политику, действия или заявления, противоречащие интересам США. Для Бразилии, например, ставка поднята до 50% в ответ на внутреннее судебное разбирательство в отношении бывшего президента Жаира Болсонару, союзника Д. Трампа[6].

Размеры и последствия новых тарифов США для торговых партнеров

Введенные президентом США Д. Трампом с августа 2025 г. импортные тарифы особенно сильно ударили по Юго-Восточной Азии (ЮВА). Хотя они снижены по сравнению с заявленными в апреле, но по-прежнему значительны. Перед экспортерами стоит выбор: компенсировать новые ставки за счет снижения своей прибыли или «переложить» их на импортеров в виде более высоких цен и тем самым рисковать потерей своей доли рынка. По мнению ученых АСЕАН, компании-поставщики из Юго-Восточной Азии, как и их конкуренты, в конечном счете, скорее всего, выберут второе, что ударит по экономике США (признаки уже видны ввиду ухода индийских товаров с американского рынка)[7]. Оказывая мощное давление на своих партнеров, Д. Трамп явно рассчитывает на первый вариант, перекладывающий бремя дополнительных тарифов с местных покупателей на иностранных продавцов[8], чтобы ограничить негативное влияние своих инициатив. Он считает, что экспортеры снизят цены, чтобы сохранить конкурентоспособность на крупнейшем в мире потребительском рынке.

5 Vietnam-US exports account for 30 percent of GDP // The Jakarta Post. – 2025. – February 25. – URL: https://www.thejakartapost.com/business/2025/02/25/vietnams-us-exports-account-for-30-percent-of-gdp-making-it-highly-vulnerable-to-tariffs.html (дата обращения: 20.10.2025).

6 Mitchell A., Cerullo J. Trump hits Brazilian products with 50% tariffs over Bolsonaro // NBC News. – 2025. – August 2. – URL: https://www.nbcnews.com/politics/trump-administration/trump-brazilian-products-tariffs-bolsonaro-rcna222534 (дата обращения: 20.10.2025).

7 Menon J. Will Southeast Asian Exporters 'Eat' the Trump Tariffs? // Fulcrum. – 2025. – August 29. – URL: https://fulcrum.sg/will-southeast-asian-exporters-eat-the-trump-tariffs/(дата обращения: 20.10.2025).

8 Trump says countries have to start paying tariffs on Aug 1 // The Straits Times. – 2025. – August 1. – URL: https://www.straitstimes.com/world/united-states/trump-says-countries-have-to-start-paying-tariffs-on-aug-1-floats-range-of-10–70 (дата обращения: 20.10.2025).

Существует обширная литература, в которой рассмотрены факторы, влияющие на отражение изменений в политике, в основном обменных курсов [*Menon*, 1993], но также и тарифов [Tariff Passthroug…, 2019] на цены товаров, продаваемых на международном рынке. Исследователи предполагают, что адаптация изменений зависит от степени конкуренции между продавцами и покупателями, может варьироваться в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Есть свидетельства того, что частичное «погашение» пошлин происходило и раньше. Во время своего первого президентского срока Д. Трамп ввел пошлины на товары из Китая в 2017 г. Так, было выявлено, что китайские экспортеры поглотили от 10 до 50% пошлин на отдельные товары, например сталь [*Amiti, Redding, Weinstein,* 2020]. Как показал ряд исследований, экспортеры обычно не меняли цены своих поставок в ответ на повышение импортных пошлин. Но, что еще важнее, у экспортеров теперь меньше стимулов мириться с завышенными тарифами. На этот раз инициативами Д. Трампа затронуты многие страны, что нехарактерно для его первого срока, когда санкции применялись только против Китая. Разница в тарифах для разных стран не настолько велика, чтобы угрожать занимаемой экспортерами доле рынка и сохранению их конкурентоспособности.

При отказе экспортеров принять дополнительные издержки их понесет импортер ввиду роста цен из-за тарифов. Например, индекс цен производителей в США в июле 2025 г. вырос на 0,9%, что стало самым высоким показателем за более чем 3 года[9]. Поскольку срок до введения тарифов для импортеров (кроме Китая) истек в августе 2025 г., а накопленные ранее запасы истощаются, грядет дальнейшее повышение цен. Другие косвенные факторы со временем усилят инфляционное давление, поскольку цены на отечественные товары-заменители растут вместе с ценами на импортную продукцию, с которой они конкурируют.

Тем не менее это пока основные ценовые последствия мер США в краткосрочной перспективе. В долгосрочной же перспективе рост стоимости импортных ресурсов отразится на производственных цепочках поставок, усилив инфляционное воздействие тарифов и снизив конкурентоспособность американского экспорта, опирающегося на внешние поставки. Инфляция приводит к росту стоимости жизни, что, в свою очередь, влечет необходимость повышения номинальной заработной платы для сохранения ее реальной стоимости, ускоряет рост цен и заработной платы. Спровоцированный рост инфляционных ожиданий на макроуровне может запустить порочный круг, который приведет к неконтролируемой инфляции. Для ее сдерживания требуется ужесточение денежно-кредитной политики, которое замедлит экономический рост.

Со временем торговые партнеры, скорее всего, отреагируют на «вызов» Д. Трампа снижением зависимости от американского рынка. Ученые отмечают признаки того, что Юго-Восточная Азия уже диверсифицирует свою внешнюю торговлю [*Khong, Liow,* 2025]. Учитывая важность американского рынка для стран данного региона, они не будут делать это кардинально или понесут большие затраты на адаптацию к новым условиям. В первом случае произойдет ослабление конкуренции за поставки на американский

9 US retail giant Walmart warns Donald Trump's tariffs are pushing up costs // Financial Times. – 2025. – August 30. – URL: https://www.ft.com/content/fd81c050-2236-4dc0-900c-57f61ab08235 (дата обращения: 20.10.2025).

рынок, а во втором – снизится стимул брать издержки на себя. Конечным результатом станут повышение цен рынка и сокращение выбора для американских потребителей. Международные данные свидетельствуют о том, что в долгосрочной перспективе тарифы обычно полностью компенсируются[10]. Эта закономерность проявляется и в случае с недавними тарифами Д. Трампа. Если тенденция сохранится, она приведет к росту инфляции, неравенству и замедлению экономической динамики в США, а также повысит риск стагфляции.

По мнению исследователей, экспортеры из стран АСЕАН смогут не сокращать прибыль, только если большинство стран поступят так же. Производственные цепочки поставок в ЮВА по-прежнему сосредоточены в Китае и настолько сложны, что перенос производства в США из-за этих пошлин вряд ли будет простым или целесообразным. Если поставки в США сохранят свою рентабельность, объемы экспорта способны сократиться, особенно при замедлении темпов роста в США. По оценке С. Ольсона, в ЮВА появятся как победители, так и проигравшие, но из-за новых американских пошлин пострадают сами США и весь мир[11].

Вместе с тем по поводу всех этих «сделок» следует оговориться: они далеки от завершения. Переговоры продолжаются, чтобы проработать детали, и любые условия могут быть уточнены или изменены. Кроме того, поскольку страны региона часто конкурируют друг с другом за долю рынка США, до тех пор, пока не станут известны окончательные тарифы, нельзя судить о том, можно ли считать эти «сделки» «победой» для Вьетнама, Индонезии и т. п. То же самое касается заявленных или уже введенных секторальных тарифов на ключевые товары, такие как автомобили, сталь, фармацевтические препараты, электроника, мебель и медь. Если страна получает сравнительно низкие ответные тарифы, но ее основной экспорт облагается секторальными тарифами в диапазоне от 25 до 200%, то разрушительные последствия также неизбежны[12].

Дополнительным фактором неопределенности является угроза Трампа ввести 10%-ю пошлину на товары стран – участников БРИКС и других стран, которые разделяют антиамериканские взгляды и заявляют намерение отказаться от доллара в своих внешнеторговых расчетах[13]. Индонезия, как член БРИКС, очевидно, пострадает первой в регионе, Вьетнам, Таиланд и Малайзия, как партнеры, – во вторую. Однако в зависимости от восприятия США согласованности действий этой организации, которой пока нет, все страны АСЕАН могут получить дополнительный 10%-й налог. Наиболее вероятным предположением является то, что так называемый тариф для БРИКС будет добавлен к ввозному тарифу, согласованному с каждым участником сделки, если он не откажется от сотрудничества с этим объединением.

10 Handbook of International Economics – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/B9780444543141000070 (дата обращения: 30.08.2025).

11 Olson S. Trump's Tariff Deals With Southeast Asia: It's Complicated // Fulcrum. – 2025. – July 23. – URL: https://fulcrum.sg/trumps-tariff-deals-with-southeast-asia-its-complicated/making-it-highly- vulnerable-to-tariffs.html (дата обращения: 30.08.2025).

12 Chao Deng. Where Things Stand With Trump's Tariffs // Wall Street Journal. – 2025. – July 11. – URL: https://www.wsj.com/economy/trade/trump-tariffs-countries-goods-explained-b9878e1a.

13 Anniek Bao.Trump threatens extra 10% tariff on countries that align with 'Anti-American' BRICS policies // CNBC. – 2025. – July 6. – URL: https://www.cnbc.com/2025/07/07/trump-says-countries- aligning-with-brics-bloc-will-face-extra-tariff.html (дата обращения: 20.10.2025).

Конкурентоспособность и специализация экспорта стран ЮВА в США

Вьетнам стал первой страной Юго-Восточной Азии, заключившей торговое соглашение с США, и сделал это, по нашей оценке, на совершенно невыгодных для себя условиях[14]. Ханой предоставил беспошлинный доступ американским товарам на свой рынок (исключения сделаны, но пока неизвестны). СРВ получила примерно те же тарифные ставки, что и другие страны ЮВА. На большую часть вьетнамского экспорта установлена 20%-я пошлина, и это более чем вдвое ниже уровня, заявленного Д. Трампом в начале апреля (46%). Кроме того, США при импорте намерены применять 40%-ю пошлину к транзитным и переоформленным в третьих странах товарам из Китая. Поскольку Вьетнам стал частью глобальной производственной сети Китая, вьетнамские товары, производимые из китайских импортных комплектующих и сырья и ввозимые в США, очевидно имеют риск обложения повышенной импортной пошлиной.

Сравним это с размером введенных пошлин на экспорт из шести других стран Юго-Восточной Азии. Для трех из этих стран тарифный порог был снижен: для Камбоджи – с 49 до 19%, Лаоса – с 48 до 40%, Мьянмы – с 44 до 40%. Пошлины для Индонезии снижены с 32 до 19%, Таиланда – с 36 до 19%, Малайзии – с 24 до 19%[15]. Это сравнение выявляет явный приоритет, предоставленный странам АСЕАН в торговле с США. Учитывая относительно низкие тарифы на экспорт, товары этих стран могут быть конкурентоспособнее, чем товары из других регионов. Однако это зависит от степени совпадения номенклатуры поставок в США из Вьетнама и его партнеров из стран ЮВА.

За последние два десятилетия, когда импортные пошлины в США были в целом низкими, страны Юго-Восточной Азии специализировались в нескольких экспортных нишах. Например, в 2023–2024 гг. Таиланд экспортировал в США 3947 товарных позиций. На 25 основных товаров приходилось 56% общей стоимости его экспорта (таблица 1), среди них преобладали машины, механические устройства и электроника. Экспортная корзина Малайзии была более концентрированной (60%), в то время как Индонезии и Вьетнама – более диверсифицированной[16]. Хотя в структуре экспорта этих четырех стран доминировали две группы товаров (машины и механическое оборудование плюс электроника), конкретное наполнение данных групп различалось. Кроме того, каждая имеет свои конкурентные преимущества в производстве и экспорте других товаров, таких как каучук, резинотехнические изделия и автошины у Таиланда, мебель и медицинское оборудование у Малайзии, одежда и обувь у Вьетнама и Индонезии.

14 Как показывает проведенный автором в октябре этого года опрос экспертов в Ханое и Хошимине, они, наоборот, считают согласованные с США условия выгодными для Вьетнама.

15 Trump's Global Tariffs: Complete List of Nations and Rates // Tariff Check. – 2025. – August 18. – URL: https://tariffcheck.org/deadline-deals (дата обращения: 20.10.2025); Regulating Imports with a Reciprocal Tariff to Rectify Trade Practices that Contribute to Large and Persistent Annual United States Goods Trade Deficits // The White House. – 2025. – April 2. – URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/04/regulating-imports-with-a-reciprocal-tariff-to-rectify-trade-practices-that-contribute-to-large-and-persistent-annual-united-states-goods-trade-deficits/(дата обращения: 20.10.2025).

16 Jongwanich J., Kohpaiboon A. Will Vietnam's Tariff Deal with the US Make Its Exports More Competitive? // Fulcrum. – 2025. – August 17. – URL: https://fulcrum.sg/will-vietnams-tariff-deal-with- the- us-make-its-exports-more-competitive/(дата обращения: 20.10.2025).

Таблица 1. Ассортимент экспорта в США 4 стран ЮВА, 2023–2024 гг.

Table 1. Assortment of exports to the USA from four Southeast Asian countries, 2023–2024

	Индонезия	Малайзия	Таиланд	Вьетнам
Экспортные товары , кол-во позиций	3214	3214	3497	3247
Доля в общем объеме экспорта стран АСЕАН, %				
25 лидирующих позиций	48	60	56	50
50 лидирующих позиций	62	72	67	63
100 лидирующих позиций	76	82	77	75

Источник: расчет на основе базы данных *UN Comtrade*. – URL: https://comtradeplus.un.org/ (дата обращения: 20.10.2025).

Таблица 2. Сравнение товарной номенклатуры экспорта в США 4 стран ЮВА

Table 2. Comparison of the product range of exports to the USA from four Southeast Asian countries

	Индонезия	Малайзия	Таиланд
Кол-во товарных позиций			
25 лидирующих позиций	6	7	5
50 лидирующих позиций	18	16	13
100 лидирующих позиций	44	33	30
Доля в общем объеме экспорта в США, %			
25 лидирующих позиций	13,0	27,8	20,9
50 лидирующих позиций	24,6	33,5	40,9
100 лидирующих позиций	38,5	38,6	46,1
Ранговая корреляция с экспортом из **Вьетнама**			
25 лидирующих позиций	0,14	0,08	0,10
50 лидирующих позиций	0,19	0,08	0,12
100 лидирующих позиций	0,24	0,07	0,18

Источник: расчет на основе базы данных *UN Comtrade*. – URL: https://comtradeplus.un.org/ (дата обращения: 20.10.2025).

Основные статьи экспорта Индонезии, Малайзии и Таиланда в США практически не пересекаются со статьями экспорта Вьетнама (таблица 2). Среди 25 лидирующих позиций экспорта этих трех стран количество одинаковых исчисляется единицами. Однако на эти пересекающиеся позиции в списке ведущих 25 приходится довольно значительный объем экспорта в США, особенно из Малайзии (27,8%) и Таиланда (20,9%)[17].

Более детальный анализ торговой статистики показывает, что экспортные поставки Малайзии, Таиланда и Вьетнама в США пересекаются в та-

17 Ibid.

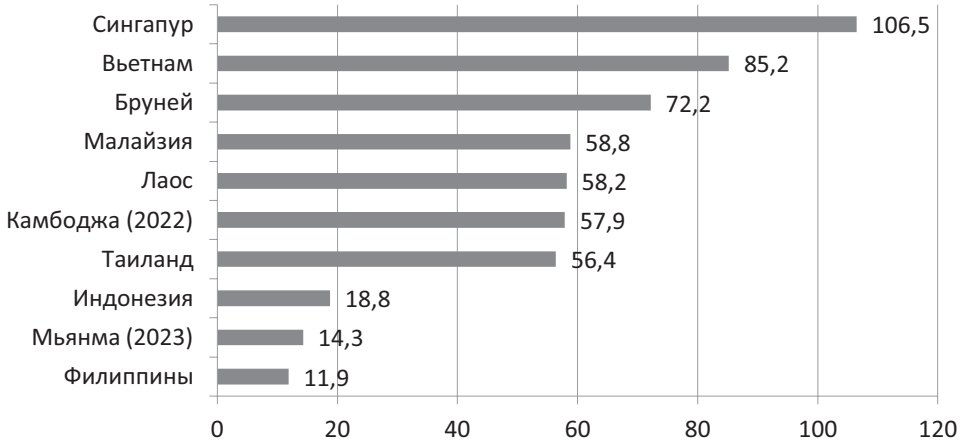


Рисунок 1. Вклад экспорта товаров в ВВП стран АСЕАН в 2024 г., %

Figure 1. Contribution of goods exports to the GDP of ASEAN countries in per cent, 2024

Источник: расчеты на основе базы *CEIC*, приведенные *Wihardja M.M., Negara S.D. What the Weak Must Suffer: Indonesia's High-Cost Trade Deal with the US* // Fulcrum. – 2025. – July 31. – URL: https://fulcrum. sg/what-the-weak- must-suffer-indonesias-high-cost-trade-deal-with-the-us/ (дата обращения: 30.08.2025).

ких отраслях, как производство компьютерных комплектующих (например, плат и модулей памяти), электронных преобразователей, устройств для приема, преобразования и передачи голоса, изображения и других данных, а также модулей солнечных батарей. На более детальном уровне, чем шестизначный код ТН ВЭД, товары Малайзии и Таиланда отличаются от вьетнамских. Например, это аппараты приема, преобразования и передачи голоса, изображения и других данных. Таиланд специализируется на экспорте оборудования для систем беспроводной передачи данных или по цифровым проводным линиям. Малайзия и Вьетнам экспортируют оборудование для передачи данных в сочетании с приемниками. Экспорт Индонезии в США в основном сосредоточен на блоках управления и адаптерах.

На первый взгляд может показаться, что умеренные ставки на экспорт в США делают Вьетнам более конкурентоспособным по сравнению с его региональными соперниками. Однако более детальное изучение вопроса показывает, что это не так: наоборот, другие страны ЮВА – Индонезия, Малайзия, Таиланд – скорее, увеличат свою долю на рынке США за счет Вьетнама. Еще более негативное влияние может оказать пошлина за перевалку экспортной продукции через вьетнамскую территорию. Это, по сути, дань за транзит грузов и оформление их как вьетнамских с целью снижения налогообложения в США. Однако углубление пере(об)работки товаров за пределами Китая, если она возможна, потребует времени и затрат.

У разных стран АСЕАН различается не только номенклатура экспорта, но и интересы, возможности. В отличие от Вьетнама, где экспорт товаров составляет 85,2% ВВП, в Индонезии этот показатель равен лишь 18,8%, а у Филиппин меньше 12% (рисунок 1). В частности, в 2024 г. на США, как страну-импортера, приходилось 9,9% (26 млрд долл.) индонезийского

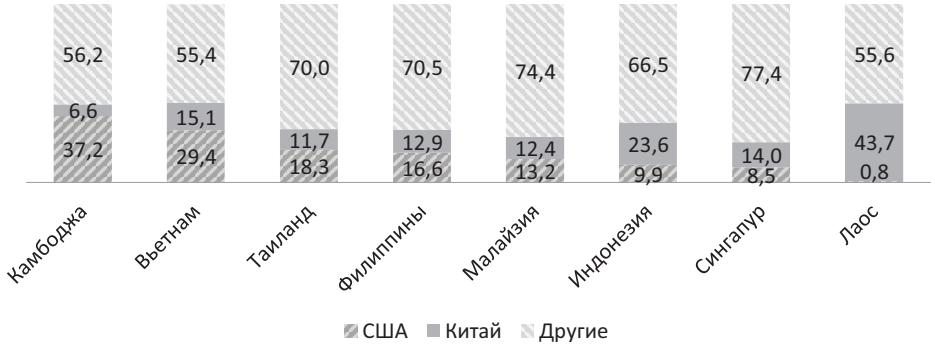


Рисунок 2. Географическая структура экспорта стран АСЕАН в 2024 г., %

Figure 2. Geographic structure of ASEAN countries' exports in per cent, 2024

Источник: Расчеты на основе базы CEIC, приведенные *Wihardja M.M., Negara S.D. What the Weak Must Suffer: Indonesia's High-Cost Trade Deal with the US* // Fulcrum. – 2025. – July 31. – URL: https://fulcrum. sg/what-the-weak- must-suffer-indonesias-high-cost-trade-deal-with-the-us/ (дата обращения: 30.08.2025).

экспорта (264 млрд долл.), но 29,4% общего объема экспорта Вьетнама (рисунок 2)[18].

Кроме того, положительное сальдо торгового баланса Индонезии с США составляет менее 2% от ее ВВП по сравнению с 21,8% у Вьетнама. Вследствие этого, по оценкам банка *BNP Paribas*, влияние тарифов Д. Трампа на Индонезию приведет к снижению темпов роста ВВП на 0,6 процентного пункта, в то время как для Вьетнама – на 6,8 процентных пункта[19]. По сравнению с Индонезией Вьетнам, судя по таким данным, испытывает больше угроз от повышения тарифов. Поэтому Ханой больше заинтересован пойти навстречу США ввиду значительных объемов своего экспорта и возможных экономических последствий введения высоких тарифов.

Тем не менее торговые санкции Д. Трампа привели к внутрирегиональной конкуренции в АСЕАН, в рамках которой члены ассоциации соревнуются за самые низкие относительные тарифы в регионе. По оценкам Центра экономических и правовых исследований (*CELIOS*), если бы тарифы остались на уровне 32% (то есть если бы сделки не были заключены), больше всего пострадали бы трудоемкие отрасли Индонезии (производство пальмового масла, обуви, одежды, электронных изделий и автокомпонентов), что могло бы привести к значительным увольнениям (1–1,2 млн чел.)[20]. В 2024 г. эти отрасли были лидерами по экспорту в США с общей долей около 20%. США остаются важным рынком для Индонезии: в 2023 г. (по последним доступным данным)

18 Donald Trump says US has struck trade deal with Vietnam // Financial Times. – 2025. – July 2. – URL: https://www.ft.com/content/69260592-2c59-4750-a6a9-229fe0f84145 (дата обращения: 30.08.2025).

19 Which ASEAN countries are most vulnerable to the hike in US tariffs // BNP Paribas Economic Research. – 2025. – April 4. – URL: https://economic-research.bnpparibas.com/html/en-US/Which-ASEAN-countries-most-vulnerable-hike-US-tariffs-4/4/2025,51441 (дата обращения: 20.10.2025).

20 Celios Warns Trump's Tariff Policy on Indonesia Could Lead to Economic Recession // Tempo. – 2025. – April 3. – URL: https://en.tempo.co/read/1993267/celios-warns-trumps-tariff-policy-on-indonesia-could-lead-to-economic-recession (дата обращения: 30.08.2025).

сюда шло 18,7% экспорта одежды и 14,8% экспорта электроники, производимой в стране[21].

В последние годы Вьетнам увеличил свою долю на рынке США в секторе машиностроения и электроники по сравнению с другими странами АСЕАН, что свидетельствует о его растущей конкурентоспособности на региональном и глобальном уровнях, а также о технологическом потенциале. Около 40% продукции, экспортируемой Индонезией и Вьетнамом в США в 2023 г., составляли товары с низкой технологической сложностью, в том числе одежда и обувь. Однако еще 40% экспорта Вьетнама в США приходилось на высокотехнологичную продукцию по сравнению с 40% экспорта Индонезии в США, который состоял из сырьевых товаров, таких как пальмовое масло и креветки[22].

Правительство Индонезии утверждает, что, помимо доступа на рынок США, более низкие тарифы по сравнению с соседними странами могут побудить инвесторов перенести свои инвестиции в Индонезию. Поскольку Вьетнам находится в центре внимания как перевалочный пункт для китайских производителей, доля добавленной стоимости в экспортируемых товарах выше по сравнению с другими странами АСЕАН (Индонезией, Малайзией, Филиппинами и Таиландом) и составляет 51,7%. При этом большая ее часть приходится на Китай (42,5%)[23]. Тем не менее более низкие тарифы сами по себе не приведут к тому, что инвесторы уйдут в Индонезию, поскольку важней такие факторы, как производительность, надежная нормативно-правовая база и др.

Содержание торговой сделки с США на примере Индонезии

Торговое соглашение с Индонезией[24] четко демонстрирует, насколько сложные обязательства придется нести в такой ситуации и другим странам ЮВА (не по всем нами сделан подробный анализ, но содержание «сделок» Д. Трампа, как мы предполагаем, в основном идентично). Оно также открывает американцам доступ на индонезийский рынок, ранее считавшийся невозможным, дает новые возможности для американского бизнеса в сферах производства, сельского хозяйства и цифровизации.

Ключевые положения Соглашения о взаимной торговле между США и Индонезией:

Устранение тарифных барьеров. Индонезия на льготных условиях устранит тарифные барьеры в отношении более чем 99% товарных позиций, экспортируемых из США, в том числе на сельскохозяйственную продукцию, товары для здоровья, услуги ИКТ, морепродукты, автомобили и химикаты. Это создаст коммерчески значимые возможности для доступа на местный рынок всего спектра американских товаров и будет способствовать созданию новых рабочих мест в США.

21 Exports of Garments (Convection) of Textile by Major Countries of Destination, 2012–2024 // BPS Statistics Indonesia. – 2025. – July 24. – URL: https://www.bps.go.id/en/statistics-table/1/MjAyNiMx/ekspor-pakaian-jadi--konveksi--dari-tekstil-menurut-negara-tujuan-utama--2012–2024.html (дата обращения: 30.08.2025).

22 Which ASEAN countries are most vulnerable to the hike in US tariffs // BNP Paribas Economic Research. – 2025. – April 4. – URL: https://economic-research.bnpparibas.com/html/en-US/Which-ASEAN-countries-most-vulnerable-hike-US-tariffs-4/4/2025,51441 (дата обращения: 20.10.2025).

23 Ibid.

24 Fact Sheet: The United States and Indonesia Reach Historic Trade Deal // The White House. – 2025. – July 22. – URL: https://www.whitehouse. gov/fact-sheets/2025/07/fact-sheet-the-united-states-and-indonesia-reach-historic-trade-deal/(дата обращения: 20.10.2025).

Снижение нетарифных барьеров для промышленного экспорта США в Индонезию путем: 1) освобождения американских компаний и товаров американского происхождения от требований к местному содержанию; 2) применения к импорту транспортных средств из США федеральных стандартов безопасности автотранспорта и выбросов; 3) принятия сертификатов *FDA* и предварительных разрешений на продажу медицинских устройств и фармацевтических препаратов; 4) освобождения экспорта косметики, медицинских устройств и других промышленных товаров из США от обременительных требований к сертификации и маркировке; 5) снятия ограничений на импорт или лицензионных требований к товарам *second hand* и их частям из США; 6) отмены требований к досмотру перед отправкой или проверке при импорте товаров из США; 7) принятия и внедрения надлежащей практики регулирования; 8) реализации мер по решению давних проблем интеллектуальной собственности, определенных в *USTR*; 9) решения проблем США, связанных с процедурами оценки происхождения товаров по сертификату соответствия.

Устранение нетарифных барьеров для импорта сельскохозяйственных товаров из США путем: 1) исключения продуктов питания и сельскохозяйственной продукции США из всех режимов лицензирования импорта Индонезии, включая регулирование ее торгового баланса; 2) обеспечения прозрачности и справедливости в отношении товаров, имеющих географические указатели (ГИС), включая мясо и сыры; 3) постоянного обозначения сроков годности продукции растительного происхождения (*FFPO*), ввозимых из США; 4) признания надзора регулирующих органов США, включая лицензирование предприятий по производству мяса, птицы и молочной продукции в США и принятие индонезийскими органами сертификатов, выданных регулирующими органами США.

Усиление контроля правил происхождения товаров. США и Индонезия проведут переговоры о правилах происхождения товаров, которые обеспечат получение выгод от соглашения Соединённым Штатам и Индонезии, а не третьим странам.

Устранение барьеров для цифровой торговли. США и Индонезия завершат работу над обязательствами в области цифровой торговли, услуг и инвестиций. Индонезия обязалась отменить существующие тарифные линии *HTS* для «нематериальных продуктов» и приостановить действие соответствующих требований к импортным декларациям, поддержать постоянный мораторий на таможенные пошлины на электронную торговлю в духе политики Всемирной торговой организации немедленно и без каких-либо условий, принять эффективные меры для реализации совместной инициативы по внутреннему регулированию услуг, включая выработку конкретных обязательств для их сертификации по линии ВТО. Индонезия обеспечит возможность передачи персональных данных за пределы своей территории в США, признав их страной или юрисдикцией, которая обеспечивает надлежащую защиту этих данных в соответствии с законодательством Индонезии. Американские компании добивались проведения подобных реформ в течение многих лет.

Согласование вопросов экономической безопасности. Индонезия обязалась присоединиться к Глобальному форуму по избыточным производственным мощностям в сталелитейной промышленности и принять эффективные меры для сокращения таких мощностей в сталелитейном секторе и устранения их последствий. Соединённые Шта-

ты и Индонезия намерены укреплять сотрудничество в целях повышения устойчивости цепочек поставок. Это включает в себя борьбу с уклонением от уплаты пошлин и сотрудничество в области экспортного контроля и безопасности инвестиций. Индонезия снимет ограничения на экспорт в США своих промышленных товаров, включая важнейшие полезные ископаемые.

Улучшение трудовых стандартов. Индонезия взяла на себя обязательство ввести запрет на принудительный импорт рабочей силы и отменить положения, ограничивающие право работников и профсоюзов на свободу объединения и ведение коллективных переговоров.

Заключение коммерческих сделок. США и Индонезия заключат коммерческие сделки в области сельского хозяйства, аэрокосмической промышленности и энергетики, что приведет к дальнейшему увеличению экспорта США в Индонезию.

То, что данное торговое соглашение выгодно для США, не вызывает сомнений: по официальной оценке, «оно принесет пользу американским рабочим, экспортерам, фермерам и разработчикам цифровых технологий»[25]. Но при этом оно принесет большой ущерб экономике Индонезии и ограничит ее суверенитет.

Суть и последствия транзита китайских товаров в США

Пожалуй, самые большие сложности для Вьетнама и его соседей, столкнувшихся с новыми требованиями США в сфере торговли, принесет реализация ограничений на перевалку китайских грузов. С тех пор как США начали повышать тарифы при первой администрации Д. Трампа, стало очевидно, как заявляет авторитетная *Financial Times*, что страны региона используются в качестве каналов для поставок китайской продукции в обход американских тарифов[26]. Администрация Д. Трампа пришла к власти с намерением положить конец этой практике путем регулирования взаимных тарифов.

Разберем данную коллизию на примере Вьетнама. Китайский импорт в эту страну в последние годы вырос и объемно и по захваченной доле рынка, особенно в сегменте запчастей и комплектующих (рисунок 3). Товары, производимые вьетнамскими заводами из китайских комплектующих и сырья, занимают большое место и в поставках в США.

Экономика СРВ процветает за счет глобализации: в 2023 г. доля товарооборота к ВВП достигла 166%, что является вторым по величине показателем в регионе после Сингапура. В 2024 г. во Вьетнаме был зафиксирован самый высокий экономический рост в АСЕАН – 7,09%, что в значительной степени обусловлено мощной динамикой экспорта в США (рисунок 4). Общий экспорт достиг 405,5 млрд долл., что эквивалентно 85% ВВП страны. При этом треть экспорта (136,6 млрд долл.) приходится на США – крупнейший экспортный рынок СРВ. Примечательно, что положительное сальдо торгового баланса Вьетнама с США в размере 123,5 млрд долл. составляет треть его ВВП в размере 476,3 млрд долл.[27]

25 Fact Sheet: The United States and Indonesia Reach Historic Trade Deal // The White House. – 2025. – July 22. – URL: https://www.whitehouse. gov/fact-sheets/2025/07/fact-sheet-the-united-states-and- indonesia-reach-historic-trade-deal/(дата обращения: 20.10.2025).

26 China reroutes exports via South-East Asia in bid to dodge Trump's tariffs // Financial Times. – 2025. – July 6. – URL: https://www.ft.com/content/d3941234-2eeb-476c-9a8c-249a35c8b7fa (дата обращения: 20.10.2025).

27 Hoang Thi Ha. Vietnam Navigates Trump's Trade Headwinds: Making Virtue Out of Necessity // Fulcrum. – 2025. – April 22. – URL: https://fulcrum.sg/vietnam-navigates-trumps-trade-headwinds- making-virtue-out-of-necessity/(дата обращения: 20.10.2025).

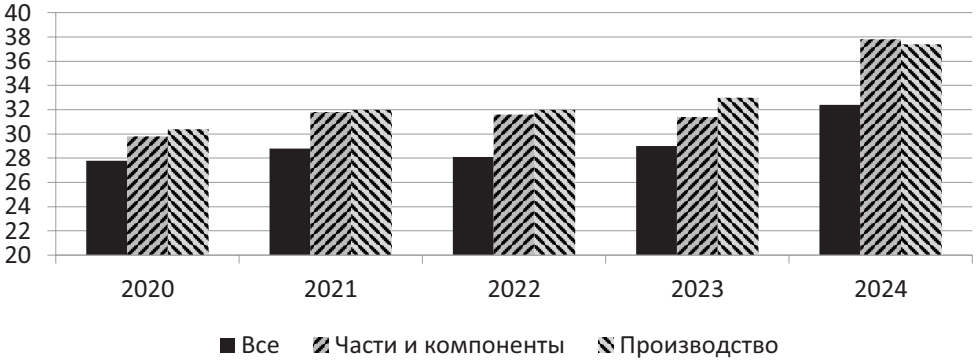


Рисунок 3. Доля Китая во вьетнамском импорте в 2020–2024 гг. по кодам ТН ВЭД*

Figure 3. China's share of Vietnamese imports in 2020–2024 by commodity nomenclature of foreign economic activity codes

Источник: Jongwanich J., Kohpaiboon A. Will Vietnam's Tariff Deal with the US Make Its Exports More Competitive? // Fulcrum. – 2025. – August 17. – URL: https://fulcrum.sg/will-vietnams-tariff-deal-with- the- us-make-its-exports-more-competitive/ (дата обращения: 20.10.2025).

* ***Примечание:*** основное производство – группы ТН ВЭД 28–99; полуфабрикаты и компоненты – группы 84, 85 и 87 на 6-значном уровне детализации, все – импорт в целом.

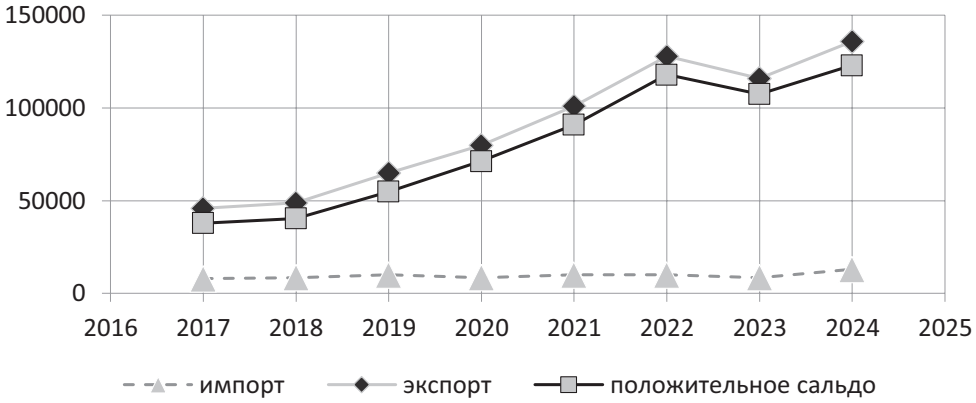


Рисунок 4. Показатели внешней торговли Вьетнама с США в 2017–2024 гг., млн долл.

Figure 4. Vietnam's foreign trade with the United States in 2017–2024, million USD

Source: United States Census Bureau. – URL: https://www.census.gov/(дата обращения: 20.10.2025).

Торговля Вьетнама с США значительно активизировалась в результате быстрого смещения поставок из Китая в другие страны ввиду торговой войны между двумя сверхдержавами. В 2017–2024 гг. экспорт СРВ на американский рынок рос на 16,7% в год, а среднегодовой темп увеличения профицита ее торгового баланса с США за тот же период был еще выше – 18,2%[28]. Благо-

28 Cuc hai quan Viet Nam = Таможенное управление Вьетнама). – Вьет. яз. – URL: https://www.customs.gov.vn/(дата обращения: 20.10.2025).

даря такому импульсу Вьетнам начиная с 2016 г. сохранял и наращивал положительное сальдо двустороннего торгового баланса.

Эти данные наглядно показывают значение американского рынка для Вьетнама. Тем больше вопросов вызывает согласие Ханоя оплачивать дополнительные 20% налога. Предварительные расчеты вьетнамских экспертов уже дали неутешительный прогноз. По базовому сценарию (его вероятность оценивалась в 50%) ожидалось, что США могут повысить тарифы на вьетнамский импорт с 2,2% в соответствии с правилами ВТО до уровня 5,1%, который Вьетнам тогда взимал с американских товаров. В негативном сценарии (вероятность 25%) допускалось, что США введут 10%-ю пошлину на импорт из Вьетнама в соответствии с предыдущими заявлениями Д. Трампа об универсальных пошлинах. Как следствие, падение динамики экспорта Вьетнама в 2025 г. было оценено в 1,5–2 процентных пункта, а снижения темпов роста ВВП – в 0,2–0,3 процентных пункта[29]. Заметно более жесткий прогноз по ВВП Вьетнама (минус 0,7–1,5 процентных пункта) дало агентство *Goldman Sachs*, обещая увеличение среднего тарифа на вьетнамские товары до 13%[30]. Очевидно, что навязанная Ханою дополнительная нагрузка чревата более серьезным спадом. В 2025 г. эти эффекты еще не успели проявиться полностью, но позже они неизбежны.

Какова же суть требований к Вьетнаму, другим странам ЮВА по отказу от так называмого транзита в США? Очевидно, речь идет о китайских товарах, пропускаемых через эти страны с целью обойти более высокие для них импортные пошлины США. Д. Трамп, по сути, заявил о введении запретительного барьера для части вьетнамского экспорта.

Учитывая размеры импорта СРВ из КНР (144 млрд долл. США в 2024 г.)[31], Ханой опасается возможных ответных мер Пекина в случае принятия первых ограничений от США. Хотя возможности Китая наказать своего соседа объективно ограничены более широкими стратегическими и экономическими соображениями, Ханой, по понятным причинам, заинтересован минимизировать торговый ущерб своего соглашения с Вашингтоном, чтобы не вызвать ухудшения отношений с Китаем.

Что подразумевается под «транзитом» в заявлении президента Д. Трампа, остается размытым и создает неопределенность в отношении экономических последствий для Вьетнама. В лучшем для последнего случае *перевалкой* будет считаться ввоз китайской продукции в страну исключительно для перемаркировки и реэкспорта в США без существенной переработки. Если 40%-й тариф будет применяться в таких случаях, то это довольно странное признание незаконной практики, которое можно расценить как молчаливое согласие Вашингтона.

Официальные данные о доле вьетнамского экспорта, который попадает в США за счет перевалки китайских товаров, отсутствуют, но этот поток быстро растет с начала торговой войны США против КНР. По явно завышенной оценке министра торговли США Г. Латника, он равен 90 млрд долл. в год, что равно 2/3 вьетнамского экспор-

29 China reroutes exports via South-East Asia in bid to dodge Trump's tariffs // Financial Times. – 2025. – July 6. – URL: https://www.ft.com/content/d3941234-2eeb-476c-9a8c-249a35c8b7fa (дата обращения: 20.10.2025).

30 Mỹ muốn «huỷ diệt» Việt Nam? = США хотят уничтожить Вьетнам? // Sputnik. Việt Nam. – 2025. – 03.04. – Вьет. яз. – URL: https://kevesko.vn/20250403/my-muon-huy-diet-viet-nam-35382034.html (дата обращения: 20.10.2025).

31 Cuc hai quan Viet Nam = Таможенное управление Вьетнама). – Вьет. яз. – URL: https://www.customs.gov.vn/(дата обращения: 20.10.2025).

та в США и близок к 20% совокупного вьетнамского экспорта[32]. Однако даже в таком случае вклад «китайского транзита» в экономический рост СРВ невелик, так как он приносит низкую добавленную стоимость. Лишь с этой оговоркой ее прибыль можно называть минимальной и считать, что ужесточение контроля за «перевалкой» окажет ограниченное влияние на вьетнамскую экономику.

Однако двусмысленность данного термина оставляет Вашингтону шанс принять более широкое толкование, распространив его также на товары, произведенные во Вьетнаме с использованием сырья и компонентов из Китая. Вьетнам в значительной степени зависит от них, особенно в ключевых экспортных секторах, таких как электроника, текстильная промышленность[33]. В 2024 г. на долю добавленной стоимости этих товаров приходилось до 19% экспорта Вьетнама в США[34].

Таким образом, если будет применяться более широкое определение и США установят низкий порог содержания китайских компонентов для применения оговорки о «транзите», то гораздо большая доля вьетнамского экспорта подпадет под 40%-ю пошлину. Многонациональные корпорации и американские компании, такие как *Apple*, *Google*, *Nike* и *Gap*, которые используют китайские материалы и комплектующие на своих заводах во Вьетнаме, также серьезно пострадают. Крайний сценарий приведет к тяжелым экономическим потрясениям во Вьетнаме и способен вызвать значительную напряженность в отношениях с Китаем.

Таким образом, реакция Китая на положение о перевалке грузов в торговом соглашении между Вьетнамом и США будет зависеть от трактовки этого положения. В лучшем случае, если «перевалка грузов» будет пониматься в узком смысле, Китай вряд ли отреагирует резко. Чистая перевалка грузов является явным нарушением правил происхождения товаров, у Китая мало оснований для ее защиты. Более того, широкие приоритеты КНР во Вьетнаме, в том числе укрепление экономических и политических связей, серьезно снижают заинтересованность Пекина в ответных мерах. Его недавние шаги, направленные на углубление сотрудничества с Ханоем, в том числе совместное планирование крупных инфраструктурных проектов[35], говорят о заинтересованности в сохранении стабильных отношений. Этот контекст позволяет надеяться на разумную трактовку пункта о транзите и взвешенную, прагматичную реакцию Китая.

Во втором сценарии, когда при более низкой доле китайских комплектующих приводится в действие оговорка о транзите, реакция Китая может быть более жесткой. Пекин готов принять ответные экономические меры, ограничив импорт из Вьетнама, например сельскохозяйственной продукции. На политическом фронте он может

32 Diaz A. US to Keep Pressure on Vietnam Over China Imports, Lutnick Says // Bloomberg. – 2025. – June 4. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2025–06–04/us-will-not-give-vietnam-reprieve-on-tariffs-lutnick-says (дата обращения: 20.10.2025).

33 Trung Quốc là thị trường cung ứng nguyên liệu lớn nhất cho Việt Nam = Китай – крупнейший рынок поставок сырья для Вьетнама // Lao đong. – 2022. – 01.03. – Вьет. яз. – URL: https://laodong.vn/kinh-doanh/trung-quoc-la-thi-truong-cung-ung-nguyen-lieu-lon-nhat-cho-viet-nam-1018839.ldo (дата обращения: 20.10.2025).

34 Hoang Thi Ha. Vietnam Navigates Trump's Trade Headwinds: Making Virtue Out of Necessity // Fulcrum. – 2025. – April 22. – URL: https://fulcrum.sg/vietnam-navigates-trumps-trade-headwinds- making-virtue-out-of-necessity/(дата обращения: 20.10.2025).

35 Vietnam and China sign 7 important documents on railways and roads // Ministry of Construction. – 2025. – April 16. – URL: https://moc.gov.vn/en/news/84677/vietnam-and-china-sign-7-important-documents-on-railways-and-roads.aspx (дата обращения: 20.10.2025).

усилить напряженность в Южно-Китайском море, чтобы заставить Ханой занять более жесткую позицию в отношениях с Вашингтоном. Тем не менее возможности Китая в некоторой степени ограничены, поскольку ответные меры нанесут ущерб китайскому экспорту во Вьетнам, а также растущим инвестициям в эту страну. Более того, любая жесткая реакция деструктивна для имиджа КНР как конструктивного регионального лидера и противоречит его заявлениям о сотрудничестве, особенно на фоне того, как он негативно характеризует Америку.

В целом вероятность того, что порог для транзитных перевозок будет установлен на крайне низком уровне и приведет к серьезным экономическим последствиям для Китая, относительно невелика. Как у вьетнамских чиновников, так и у американских импортеров, транснациональных корпораций, имеющих производственные мощности во Вьетнаме, есть веские причины выступать против строгого или чрезмерно широкого определения понятия «транзитные перевозки». Такой подход поможет, как считают эксперты, предотвратить сбои в торговых отношениях между Вьетнамом и США и снизить вероятность ответных мер со стороны Пекина[36].

Как настойчивое стремление Америки пресечь китайскую практику перевалки грузов, так и угрозы Китая принять ответные меры отражают более широкую динамику экономического и стратегического соперничества между США и Китаем – усиливающуюся борьбу, в которой такие средние страны, как Вьетнам, оказываются между двух огней. Вьетнам, экономика которого сильно зависит от экспортного рынка США и импорта из Китая, как поставщика критически важных ресурсов, имеет ограниченные возможности для маневра. С одной стороны, Ханой не может игнорировать требования США пресечь мошенничество с перевалкой грузов, учитывая, насколько важен американский рынок для вьетнамского экспорта. С другой стороны, он не хочет настраивать против себя Китай, поскольку отношения с Пекином по-прежнему влияют на его безопасность и экономическое благополучие. Если Пекин и Вашингтон займут чрезмерно жесткую и бескомпромиссную позицию, они рискуют оказаться в проигрыше: глобальные экономические потрясения нанесут ущерб не только таким странам, как Вьетнам, но и самим крупным державам.

Заключение

Судя по всему, Юго-Восточную Азию ожидают негативные последствия в случае реализации требований Д. Трампа: предсказуемости и стабильности теперь ждать трудно. При новых торговых отношениях с США путь развития, основанный на экспорте, и перспективы выхода из ловушки среднего дохода будут значительно более трудными. Мировые торговые отношения в части, касающейся американского рынка, оказались перед угрозой деградации. Тем странам, которые пошли на невыгодную сделку с Вашингтоном, придется расплачиваться за последствия этого шага. Если США были их крупнейшим экспортным рынком и торговля велась с большим профицитом, им надо готовиться к резкому падению двустороннего товарооборота, своего профицита, снижению темпов экономического развития в целом. Спасением для них была бы отмена

36 Le Hong Hiep. Caught in the Crossfire: Vietnam and the Chinese Transshipment Dilemma // Fulcrum. – 2025. – July 14. – URL: https://fulcrum.sg/caught-in-the-crossfire-vietnam-and-the-chinese- transshipment-dilemma/(дата обращения: 20.10.2025).

законодательными органами США или ВТО указов Д. Трампа как незаконных. Не исключено, что он сам резко сменит курс, просто передумает, станет жертвой заговора.

Учитывая масштаб и скорость запущенных США изменений на мировом рынке, лидерам стран ЮВА требуется быстрее осознать новые реалии и взвесить, какие меры надо принять перед лицом сюрпризов своего патрона. Одно совершенно очевидно: мир торговли, регулируемой из Вашингтона, уже сильно изменился, наступление новой эпохи – свершившийся факт, и противостоять ему развивающиеся страны смогут только совместными усилиями. Думается, что достичь этого можно только в рамках БРИКС, других независимых центров развития. Решение данной дилеммы подтверждают самые свежие события, например, просьба Лаоса о его приеме в ШОС. Так или иначе, но эти события – отражение системного кризиса американской системы.

Список литературы

Мазырин В.М. От поощрения к подчинению: реалии тарифных санкций США для Вьетнама // Международная экономика. – 2025. – № 6. – С. 508–520. – DOI: 10.33920/vne-04-2506-04.

Amiti M., Redding S.J., Weinstein D.E. Who's Paying for the US Tariffs? A Longer-Term Perspective // NBER Working Paper. – 2020. – N 26610. – DOI: 10.3386/w26610.

Hoda A. Tariff Negotiations and Renegotiations under the GATT and the WTO: Procedures and Practices. By World Trade Organization. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – DOI: 10.1017/9781108157803.

Khong Y.F., Liow J.Ch. Southeast Asia Is Starting to Choose: Why the Region Is Leaning Toward China // Foreign Affairs. – 2025. – June 24. – URL: https://www.foreignaffairs.com/china/southeast-asia-starting-choose-khong-liow (дата обращения: 20.10.2025).

Menon J. Exchange Rate Pass-through: Theory and Evidence // Centre of Policy Studies, Monash University. Preliminary Working Paper. – 1993. – N IP-59. – URL: https://ageconsearch.umn.edu/record/266332 (дата обращения: 20.10.2025).

Tariff Passthrough at the Border and at the Store: Evidence from US Trade Policy / Cavallo A., Gopinath G., Neiman B., Tang J. // NBER Working Paper. – 2019. – N 26396. – DOI 10.3386/w26396.

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.04

US Tariff Policy and Its Implications for ASEAN Countries

Vladimir M. MAZYRIN
Dr. Sc. (Econ.), Head of the Centre for Vietnam and ASEAN Studies, Chief Researcher
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: mazyrin_v@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6988-0139

CITATION: Mazyrin V.M. (2025). US Tariff Policy and Its Implications for ASEAN Countries. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 65–84 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.04

Received: 12.09.2025.
Revised: 22.10.2025.

ABSTRACT. *The author analyzes a set of issues caused by the abrupt change in the tariff and, more broadly, trade policy of the Trump administration in relation to a large group of the US partners. This overview includes a brief description of the previous trading system and the model of development of emerging markets based on it, the requirements put forward by the United States, their possible impact and perception by the affected countries, primarily in Southeast Asia. Options for the "absorption" of new duties and the available scientific literature and practice in this regard are considered. It is stressed how new barriers can affect the competitiveness and specialization of Southeast Asian countries' exports to the United States. The content of trade deals ultimately imposed by Washington is analyzed in detail using the example of Indonesia. In the end, the essence and consequences of the transit of Chinese goods through Southeast Asian countries, primarily Vietnam, to the United States, for which the weakening hegemon threatens them with additional taxation and sanctions, are revealed. It is predicted that those countries that have used the United States as their largest export market and will submit to pressure, expect a sharp drop in bilateral trade and a slowdown in economic development in general. The author comes to the conclusion that global trade, which is being reshaped by Washington to suit its own selfish interests, is facing a serious crisis, and developing countries will be able to resist the onset of a new colonialism only through joint efforts within the framework of BRICS and other associations of the global South.*

KEYWORDS: *Trump's tariff policy, trade system under WTO rule, US partners in Southeast Asia, consequences of new duties, content of the trade deal.*

References

Amiti M., Redding S.J., Weinstein D.E. (2020). Who's Paying for the US Tariffs? A Longer-Term Perspective. *NBER Working Paper*. No. 26610. DOI: 10.3386/w26610.

Hoda A. (2001). *Tariff Negotiations and Renegotiations under the GATT and the WTO: Procedures and Practices. By World Trade Organization*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108157803.

Khong Y.F., Liow J.Ch. (2025). Southeast Asia Is Starting to Choose: Why the Region Is Leaning Toward China. *Foreign Affairs*. June 24. Available at: https://www.foreignaffairs.com/china/southeast-asia-starting-choose-khong-liow, accessed 20.10.2025.

Mazyrin V.M. (2025). From encouragement to dependence: the Realities of US tariff sanctions for Vietnam. *International Economics*. No. 6, pp. 508–520 (in Russian). DOI: 10.33920/vne-04-2506-04.

Menon J. (1993). Exchange Rate Passthrough: Theory and Evidence. *Centre of Policy Studies, Monash University. Preliminary Working Paper*. No. IP-59. Available at: https://ageconsearch.umn.edu/record/266332, accessed 20.10.2025).

Tariff Passthrough… (2019). Cavallo A. et al. Tariff Passthrough at the Border and at the Store: Evidence from US Trade Policy. NBER *Working Paper*. No. 26396. DOI 10.3386/w26396.

Российский опыт

УДК 327(1*RU:1*EC)
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.05

Российско-эквадорские отношения: история, современность, перспективы

Александра Завеновна АРАБАДЖЯН
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН
Профсоюзная ул., д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: aleche28@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8927-5411

ЦИТИРОВАНИЕ: Арабаджян А.З. Российско-эквадорские отношения: история, современность, перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 85–104.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.05

Статья поступила в редакцию 30.05.2025.
Исправленный текст представлен 08.09.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве» № 075-15-2024-551.

АННОТАЦИЯ. *В статье раскрываются основные изменения в отношениях между Россией и Эквадором к 2025 г. в политической, торгово-экономической и военно-технической областях. Анализ существующей литературы позволяет сделать вывод о том, что исторические аспекты налаживания связей между странами были недостаточно освещены в исследованиях. В контексте 80-летия с даты установления дипломатических отношений между Эквадором и СССР (1945 г.) статья нацеливается на раскрытие ключевых исторических вех и современного положения в рамках российско-эквадорских связей с опорой на источниковую базу в виде официальных документов государств, СМИ и материалов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Исторически отношения между странами зависели от ряда внешне- и внутриполитических факторов, но к концу существования СССР у государств уже были проработаны не только дипломатические, но и торгово-экономические плодотворные контакты. Замедление развития двусторонних отношений, наметившееся в связи с распадом СССР, стало преодолеваться в конце 1990-х годов. Связи интенсифицировались с прихо-*

дом к власти в Эквадоре левого президента-прогрессиста Р. Корреа, на президентские сроки которого пришлась эпоха наиболее интенсивных и плодотворных контактов. Пришедшие ему на смену правые правительства привели к замедлению сотрудничества и даже значительному охлаждению контактов в связи с инцидентом начала 2024 г. Однако торговый оборот между странами остается стабильным (более 1 млрд долл. в 2023 г.), существует взаимный интерес предпринимателей к использованию новой геополитической ситуации, вызванной украинским конфликтом, для запуска экономических проектов. Дальнейшее развитие двусторонних отношений будет зависеть от политической стабильности и электорального процесса в Эквадоре, динамики украинского конфликта и способности российского капитала соперничать с китайскими, итальянскими и американскими компаниями, которые инвестируют в южноамериканскую республику.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Россия, Эквадор, Даниэль Нобоа, Рафаэль Корреа, российско-эквадорские отношения, Латинская Америка.*

Введение

В 2025 г. отмечается ровно 80 лет с установления дипломатических отношений между Эквадором и СССР. Такой временной промежуток заслуживает отдельного скрупулезного исследования. На сегодняшний момент историкам и международникам только предстоит изучить эту тему, которой не было уделено необходимого внимания в существующей литературе. Наиболее комплексным материалом по вопросу стал сборник официальных документов, посвященный отношениям Российской Федерации и Эквадора, опубликованный в 2005 г. и охватывающий, соответственно, период с 1945 по 2005 г. [Россия – Эквадор…, 2005]. Ценным изданием стал также сборник документов, подготовленный послом Эквадора в Российской Федерации (2007–2015 гг.) П.А. Чавесом Савалой на испанском и русском языках, изданный в 2013 г. [*Чавес Савала*, 2013]. Сюда вошли исторические документы и материалы, затрагивающие российско-эквадорские отношения с 2007 по 2013 г. – период исполнения автором функций посла.

В современных исследованиях значительно больше внимания уделяется не истории, а текущей ситуации в российско-эквадорских отношениях. Отдельным аспектам сотрудничества двух стран посвящены работы В.Х. Медины Гонсалеса [*Медина Гонсалес*, 2018a, 2018b, 2022] и М. Хихон Солорсано [*Jijón Solórzano*, 2016], в последнем случае исследование содержит интересную историческую справку с привлечением архивных материалов Эквадора. О состоянии и перспективах развития отношений России и Эквадора в начале XXI в. писали исследователи Института Латинской Америки РАН [Эквадор на пути…, 2009]. Некоторые моменты отражены также в более новой коллективной монографии Института научной информации по общественным наукам РАН [Россия и Латинская Америка…, 2022]. Узкие аспекты этой темы получили частичное освещение и в ряде исследований более широкого характера, рассматривающих вопросы отношений Российской Федерации и стран Латинской Америки в целом [*Алексеева, Гореславский*, 2020; *Кузнецов*, 2022; *Пятаков*, 2020; *Школяр*, 2020; *Яковлев*, 2014; *Яковлев*, 2015].

Зарубежные политологи и экономисты освещали ряд узких аспектов российско-эквадорского взаимодействия, в частности раскрывали интересы Рос-

сийской Федерации в энергетическом секторе [*Bouchard*, 2024], вопросы торговли оружием [*Blank, Kim*, 2015]. Однако чаще всего исследования охватывали более широкий круг стран региона, с которыми развивала связи Российская Федерация в разных сферах [*Farah, Ortiz*, 2023; *Miles*, 2021], либо были посвящены проблемам Латиноамериканского региона в международных отношениях [*Farah, Babineau*, 2019].

Стоит отметить, что на сегодня ряд наблюдений и выводов, сделанных в исследованиях, несколько утратили актуальность. Это объясняется, с одной стороны, комплексными геополитическими переменами, которые происходят в мире в 2022–2025 гг., что сказалось и на политических, и на экономических аспектах взаимодействия России и Эквадора. С другой стороны, за это же время накопились новые массивы данных, касающихся динамики товарооборота и экономических аспектов сотрудничества, которые требуют отдельного анализа. За этот же период времени изменилась внутренняя ситуация в Эквадоре, где в 2025 г. проходят всеобщие выборы, первый тур которых, состоявшийся 9 февраля, продемонстрировал раскол общества. Так, между прошедшими во второй тур кандидатами разница составила менее 1% голосов. Кандидат от левых Л. Гонсалес набрала 43,97%, тогда как ее соперник, действующий президент Д. Нобоа, представляющий правую часть политического спектра, потомственный бизнесмен и наследник конгломерата компаний *Noboa*, показал результат 44,17%[1]. И хотя во втором туре Д. Нобоа победил с перевесом более 10%, его соперница, убежденная в том, что результаты выборов были сфальсифицированы, отказалась их признавать[2]. Наконец, сама юбилейная дата предполагает рефлексию по поводу того, как изменилась ситуация в двусторонних отношениях между Россией и Эквадором в текущих условиях и какие факторы оказывают на эту динамику наибольшее влияние.

Именно этот вопрос лег в основание данной статьи. С применением методологического принципа историзма, уделив внимание исторической специфике выстраивания отношений между Эквадором и СССР (Россией), мы рассматриваем наиболее важные вехи и проблемы политического, экономического и военно-технического сотрудничества между двумя странами на современном этапе, осознанно оставляя за скобками в силу формата научной статьи вопросы культурного, образовательного и других форм взаимодействия.

Источниками исследования стали официальные документы, регулирующие взаимодействие южноамериканского государства и России (СССР), а также публикации СМИ, отражающие ключевые вехи сотрудничества двух стран. Кроме того, в исторической части к исследованию привлекались неопубликованные материалы Архива внешней политики Российской Федерации.

Исторические сложности налаживания двусторонних отношений

Установление советско-эквадорских дипломатических отношений произошло 16 июня 1945 г. в Мехико посредством обмена нот между Поверенным в делах СССР в Мексике В.П. Якубов-

1 Presentación de resultados preliminares elecciones generales 2025. Presidente y Vicepresidente // Consejo Nacional Electoral. – Исп. яз. – URL: https://resultados2025.cne.gob.ec/(дата обращения: 20.02.2025).

2 Resultados de las elecciones en Ecuador: Noboa gana y es reelegido presidente // AP News. – 2025. – 14 de abril. – Исп. яз. – URL: https://apnews.com/live/elecciones-ecuador-en-vivo-noboa-gonzalez (дата обращения: 14.04.2025).

ским и послом Эквадора М. Ларреа Хихоном[3].

Динамика отношений между Советским Союзом и южноамериканской страной во многом объяснялась внутриполитическими тенденциями в Эквадоре и общей конъюнктурой международных отношений эпохи холодной войны – острого противостояния США и СССР. При этом США в 1960-х годах усиленно изолировали нового союзника СССР в Латиноамериканском регионе – революционную Кубу, поэтому оказывали давление на правительства южноамериканских стран, пытаясь удержать их в собственном фарватере и добиться изоляции карибского острова.

Попытки со стороны советского руководства провести зондаж обмена дипломатическими представителями с Эквадором проводились и с привлечением кубинских дипломатов. Посол СССР на Кубе С.М. Кудрявцев еще в январе 1961 г. обсуждал эту возможность с министром иностранных дел Кубы, известным как министр достоинства, Р. Роа с привлечением посла Кубы в Эквадоре М. Родригеса Сольвейру, который тоже присутствовал на беседе[4]. Последний имел хорошие отношения с эквадорским президентом Х.М. Веласко Ибаррой, и шансы были немаленькими. Симпатизировавший революционной Кубе и желавший наладить отношения с СССР Х.М. Веласко Ибарра, со своей стороны, направлял на Кубу министра внутренних дел М. Араухо с целью выяснить, возможно ли наладить контакт с Советским Союзом и начать получать от него помощь. Это вызвало недовольство США, которые стали оказывать на президента южноамериканской страны давление. В результате Х.М. Веласко Ибарре пришлось отправить М. Араухо в отставку[5].

Попытки продвинуться в двусторонних дипломатических связях тогда не увенчались успехом. Открытие посольств состоялось значительно позже – только 12 ноября 1969 г. [*Jijón Solórzano*, 2016, p. 84]. Обмен послами между Эквадором и СССР произошел уже в 1970 г. Первым послом СССР в Эквадоре стал И.И. Марчук, а функции первого посла южноамериканской страны в Советском Союзе легли на Х.И. Ловато [*Чавес Савала*, 2013, с. 281, 291]. До распада СССР и еще до открытия посольств наиболее активно сотрудничество между странами шло в сфере культуры и образования. Немало эквадорцев, не только членов компартии, получили возможность поехать в Советский Союз на учебу, и одним из наиболее популярных вариантов стал Университет дружбы народов им П. Лумумбы (сегодня более известный как РУДН). Уже позднее, в июне 1983 г., университет подписал договор о научном и культурном сотрудничестве с Университетом Гуаякиля [Россия – Эквадор…, 2005, с. 53].

В 1969 г. сто́роны подписали Торговое соглашение, по которому они отказывались от реэкспорта импортируемых товаров (если не обговаривали разрешение на его осуществление)[6].

3 Обмен нотами между поверенным в делах СССР в Мексике В.П. Якубовским и послом Республики Эквадор в Мексике Модесто Ларреа Хихоном об установлении дипломатических и консульских отношений между СССР и Эквадором // МИД России. – 1945. – URL: https://mid.ru/ru/rossiya_latinskaya_amerika_diplomaticheskaya_vesna/ekvador/1762958/(дата обращения: 19.02.2025).

4 АВП РФ. Ф. 0104. Оп. 17. П. 118. Д. 3. Л. 32.

5 Там же, л. 69–70.

6 Торговое соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Эквадор // МИД России. – 1969. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58671/(дата обращения: 20.02.2025).

В 1980 г. СССР и Эквадор подписали Соглашение о культурном и научном сотрудничестве[7]. В 1981 г. было подписано Положение о Межправительственной советско-эквадорской Комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству[8]. Три вышеперечисленных документа продолжают действовать и входят в нормативно-правовую базу российско-эквадорских отношений. Следует отметить, что южноамериканская республика признала правовой статус Российской Федерации как продолжателя СССР в 1991 г.

Кооперация последних лет существования СССР была направлена на расширение экономических связей. В частности, в 1987 г. сто́роны заключили соглашение о поставках машин и оборудования при предоставлении Советским Союзом эквадорским контрагентам рассрочки на период до 10 лет под 5% [Россия – Эквадор…, 2005, с. 56]. К концу 1980-х годов на повестке дня в сфере экономических отношений стояло немало вопросов: обсуждались поставки советских тракторов и автомобилей и их сборка в южноамериканской стране, СССР рассматривал возможность принять участие в строительстве ГЭС Дауле-Перипа (прибрежный регион в провинции Гуаяс), цементного завода, завода по переработке отходов, реконструкции железной дороги в пригородах Кито и др. [Россия – Эквадор…, 2005, с. 60–68].

Но у истории оказались свои планы на роль и место СССР в мире. Начало 1990-х голов (после распада СССР) ознаменовалось значительным сокращением объемов двустороннего сотрудничества. Во многом это объяснялось внутренними проблемами. Россия переходила на капиталистические рельсы и сталкивалась с серьезными социально-экономическими вызовами этого перехода, особенно острым моментом которого стал кризис 1998 г. Результатом этой ситуации оказалось ослабление связей с латиноамериканскими странами в принципе, даже с наиболее близким союзником СССР Кубой, что достигло апогея с отказом России от радиоэлектронного центра в Лурдесе (недалеко от Гаваны) в 2001–2002 гг. Центр был создан благодаря помощи СССР в 1960-х годах и являлся стратегически важным объектом, использовавшимся для получения разведывательной информации и перехвата сообщений из США.

Основными связями с Эквадором в этот период оставались культурные и образовательные. К концу 1990-х годов наметилось некоторое оживление. Оно характеризовалось новой волной установления контактов и подписания соглашений, которые, правда, носили во многом формальный характер. Так, 25 сентября 1997 г. было заключено Соглашение об основах отношений между Российской Федерацией и Республикой Эквадор [Россия – Эквадор…, 2005, с. 85], а в сентябре 1998 г. правительства сторон подписали Соглашение о взаимном учреждении аппаратов военных атташе при посольствах [Россия – Эквадор…, 2005, с. 91].

Значительные перемены произошли с приходом к власти в Эквадоре левого правительства Р. Корреа, который сумел победить на демократических выборах в ноябре 2006 г. и опередить своего соперника, бизнесмена и одного

7 Соглашение о культурном и научном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Эквадор // МИД России. – 1980. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58674/(дата обращения: 20.02.2025).

8 Положение о межправительственной советско-эквадорской Комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству // МИД России. – 1981. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58676/(дата обращения: 20.02.2025).

из самых богатых людей страны А. Нобоа [*Дабагян*, 2019, с. 38], отца действующего президента. Победа политика стала одним из наиболее интересных примеров триумфов левых сил в рамках так называемого левого поворота наряду с успехами У. Чавеса в Венесуэле, Э. Моралеса в Боливии, а также ряда более умеренных левых лидеров в других странах региона [*Cameron*, 2009; *Eaton*, 2014].

Занимая умеренно левые позиции, Р. Корреа развивал идею «гражданской революции», используя социально-экономическую и в некоторых аспектах антиамериканскую повестку. Это сближало Эквадор Р. Корреа с правительствами «левого поворота» и даже революционной Кубой. Вместе эти страны объединились в рамках организации АЛБА (Боливарианский альянс для народов нашей Америки), предлагая альтернативную форму экономической интеграции на более солидарных и менее рыночных началах, развивались идеи строительства так называемого социализма XXI века [*Casanova*, 2019]. Внешнеполитический вектор этих правительств был ориентирован на диверсификацию связей и выстраивание многополярного и более справедливого миропорядка. Эквадор присоединился к учрежденному в 2004 г. альянсу в 2009 г. (в 2018 г. южноамериканская республика вышла из организации после смены политического руководства в стране и внешнеполитического курса).

Новая политическая обстановка в 2000-х годах стимулировала Эквадор по-новому взглянуть на Российскую Федерацию. Наиболее важным событием в рамках двусторонних отношений в новых условиях стала Декларация о стратегическом партнерстве, подписанная в 2009 г.[9] Документ заложил основные принципы российско-эквадорских отношений, которые, несмотря на некоторые существенные изменения внешнеполитического и внутриполитического характера в мире и в обеих странах, до сих пор являются действующими. Среди этих принципов важно отметить стремление углублять политический диалог, наращивать экономические связи, взаимодействовать в рамках ООН, а также «поощрять и поддерживать все инициативы, направленные на поддержание мира и стабильности в Латинской Америке и в Российской Федерации, способствующие социально-экономическому развитию латиноамериканского и российского народов».

Политические связи России и Эквадора на современном этапе

В рамках политического диалога принципиально важным оказался фактор внутренней политической ситуации в Эквадоре. Значимую роль сыграла смена власти в южноамериканской стране. Несмотря на значительную популярность «Гражданской революции» Р. Корреа, его преемник Л. Морено (2017–2021) сменил курс предшественника, сдвинув его вправо. В период этого президентского срока, в 2018 г., Эквадор вышел из АЛБА. Позднее курс страны поправил еще сильнее с приходом к власти предприниматель Г. Лассо (2021–2023). Ему не удалось завершить весь президентский срок из-за конфликтов с Национальной ассамблеей – однопалатным парламентом Эквадора, что подтолкнуло президента в мае 2023 г. использовать особый конституционный механизм (*Muerte cruzada*), чтобы распустить парламент и обновить как законодательную, так

9 Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Эквадор // Президент России. – 2009. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/356 (дата обращения: 21.02.2025).

и исполнительную ветвь власти в стране[10]. На следующих проведенных досрочно выборах победил его преемник Д. Нобоа, сын бизнесмена А. Нобоа, который в свое время уступил в политической борьбе Р. Корреа. Таким образом, политический курс в стране остался правым, отношения с левыми проектами в латиноамериканском регионе остаются сдержанными.

Если Р. Корреа был инициатором и сторонником налаживания кооперации с Россией, то с приходом к власти правых президентов ситуация несколько изменилась, что не замедлило отразиться на реакции Эквадора на действия Российской Федерации на международной арене. Ярким примером стало голосование Эквадора по резолюциям относительно вопросов Крыма и Украины. Республика Эквадор воздержалась во время голосования по Резолюции о территориальной целостности Украины от 27 марта 2014 г.[11] Но в 2022 г. в контексте нового витка обострения противоречий вокруг Украины Эквадор занял иную позицию. 24 февраля 2022 г., в день начала Россией специальной военной операции (СВО), Министерство иностранных дел Эквадора выпустило заявление, в котором правительство страны осудило действия Российской Федерации[12]. В заявлении подчеркивалось, что, с точки зрения правительства южноамериканской страны, российская операция «нарушает суверенитет и территориальную целостность Украины»[13].

В ходе голосования по Резолюции «Агрессия против Украины» от 2 марта 2022 г. Эквадор высказался «за»[14]. То же было сделано южноамериканской страной и в случае последующих резолюций по украинскому кейсу: Эквадор поддержал Резолюцию от 24 марта 2022 г. «Гуманитарные последствия агрессии против Украины»[15], Резолюцию от 7 апреля 2022 г., приостановившую членство Российской Федерации в Совете ООН по правам человека,[16] Резолюцию от 10 октября о территориальной целостности Украины[17] и Резолюцию от 14 ноября 2022 г. о репарациях для Украины[18].

Еще одним заметным изменением стала частота и глубина политических контактов на высшем уровне. Значительное количество контактов первых лиц пришлось на пребывание во главе Эквадора Р. Корреа. В ноябре 2008 г. Эквадор посетил министр иностранных дел России С.В. Лавров. Одним из результатов поездки стало Соглашение о военно-техническом сотрудниче-

10 ¿Qué es la «muerte cruzada» decretada por Lasso en Ecuador? // CNN. – 2023. – 18 de mayo. – Исп. яз. – URL: https://cnnespanol.cnn.com/2023/05/18/que-es-muerte-cruzada-significado-lasso-ecuador-orix (дата обращения: 21.02.2025).

11 Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 27 марта 2014 г. // Организация Объединенных Наций. – 2014. – URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/68/262 (дата обращения: 21.02.2025).

12 Comunicado oficial. Quito, 24 de febrero del 2022 // Ministerio de relaciones exteriores y movilidad humana. – 2022. – Исп. яз. – URL: https://www.cancilleria.gob.ec/2022/02/24/comunicado-oficial-62/(дата обращения: 04.08.2025).

13 Ibid.

14 Aggression against Ukraine: resolution/adopted by the General Assembly // Объединенные Нации: цифровая библиотека. – 2022. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/3959039? ln=ru (дата обращения: 21.02.2025).

15 Humanitarian consequences of the aggression against Ukraine: resolution/adopted by the General Assembly // Объединенные Нации: цифровая библиотека. – 2022. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/3965954? ln=ru (дата обращения: 21.02.2025).

16 Suspension of the rights of membership of the Russian Federation in the Human Rights Council: resolution/adopted by the General Assembly // Объединенные Нации: цифровая библиотека. – 2022. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/3967778? ln=ru (дата обращения: 21.02.2025).

17 Territorial integrity of Ukraine: defending the principles of the Charter of the United Nations: resolution/adopted by the General Assembly // Объединенные Нации: цифровая библиотека. – 2022. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/3990400? ln=ru (дата обращения: 21.02.2025).

18 Furtherance of remedy and reparation for aggression against Ukraine: resolution/adopted by the General Assembly. Объединенные Нации: цифровая библиотека. – 2022. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/3994052? ln=ru (дата обращения: 21.02.2025).

стве, которое действует по настоящее время[19]. В июне 2009 г. состоялся ответный визит министра иностранных дел Эквадора Ф. Фалькони Бенитеса в Российскую Федерацию[20]. В октябре этого же года произошел и первый визит президента Эквадора в Россию. Именно тогда Р. Корреа провел переговоры с президентом Д.А. Медведевым, стороны подписали пакет документов. Наиболее важным из них стала уже упомянутая Декларация о стратегическом партнерстве. Помимо нее заслуживает внимания Соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах, которое обозначало стремление интенсифицировать и упростить торговый оборот между странами[21]. Также было подписано соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, которое, однако, так и не вступило в действие[22].

В следующий раз президент Эквадора посетил Россию в 2013 г. Основным результатом переговоров с В.В. Путиным стали договоренности о совместных проектах в сфере энергетики[23]. В 2015 и 2016 гг. также состоялись визиты в Россию министров иностранных дел Эквадора Р. Патиньо и Д. Лонга.

Хотя лидер России не совершал визитов в Эквадор, внимание, уделенное встречам на высшем уровне в период президентских сроков Р. Корреа, было выше, чем после них. Ни один из последующих президентов Эквадора не посещал Российскую Федерацию. Не совершал визитов в Эквадор и министр иностранных дел С.В. Лавров. Министр иностранных дел Эквадора М.Ф. Эспиноса посетила Россию в мае 2018 г. После этого основная часть контактов проходила на нейтральной территории либо по телефону. При этом если с президентом Г. Лассо у В.В. Путина состоялся телефонный разговор (август 2021 г.[24]), то с его преемником Д. Нобоа – уже нет.

Таким образом, пик интенсивности политических контактов между Россией и Эквадором на высшем уровне пришелся на президентские сроки Р. Корреа. На более поздних этапах политические отношения были отмечены некоторым охлаждением, острая фаза которого пришлась на начало 2024 г. и была связана с СВО.

В начале 2024 г. в СМИ распространилась информация о том, что Эквадор планировал передать старое российское оружие США, позднее оно могло быть использовано в конфликте на территории Украины[25]. Со сторо-

19 Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Эквадор о военно-техническом сотрудничестве // МИД России. – 2008. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45613/(дата обращения: 23.02.2025).

20 Об официальном визите в Россию Министра иностранных дел, торговли и интеграции Эквадора Ф. Фалькони // МИД России. – 2009. – 18 июня. – URL: https://www.mid.ru/ru/maps/ec/1733521/(дата обращения: 23.02.2025).

21 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Эквадор о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах // МИД России. – 2009. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45421/(дата обращения: 24.02.2025).

22 Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Эквадор о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях // МИД России. – 2009. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45319/(дата обращения: 24.02.2025).

23 Россия и Эквадор запланировали совместные проекты на 1,5 млрд долл. // РБК. – 2013. – 29 октября. – URL: https://www.rbc.ru/economics/29/10/2013/570411f39a794761c0ce32a7 (дата обращения: 24.02.2025).

24 Президенты России и Эквадора обсудили двустороннее сотрудничество // Посольство Российской Федерации в Республике Эквадор. – 2021. – 6 августа. – URL: https://ecuador.mid.ru/ru/news/prezidenty_rossii_i_ekvadora_obsudili_dvustoronnee_sotrudnichestvo/(дата обращения: 24.02.2025).

25 Кулагин В., Калиневич К., Ковалева А. Передача Эквадором вооружений для Украины ударит по экспорту бананов и гвоздик // Ведомости. – 2024. – 5 февраля. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/05/1018373-peredacha-ekvadorom-vooruzhenii-na-nuzhdi-ukraini-udarit-po-eksportu-bananov (дата обращения: 24.02.2025).

ны России не замедлила последовать реакция – приостановление закупок эквадорских бананов со ссылкой на возникшие вопросы в сфере фитосанитарных норм по линии Роспотребнадзора, также под угрозу попал импорт гвоздик из южноамериканской страны. Фактически речь шла о введении экономических санкций в ответ на политические действия. В скором времени Эквадорская Сторона отказалась от идеи передачи вооружений США. Тем не менее в целом ситуация оказалась негативным фактором в двусторонних отношениях: Российская Федерация подчеркнула, что передача оружия США будет расценена как недружественный шаг[26]. Эквадор, отказавшись от задуманного, несколько улучшил ситуацию, но осадок всё же остался, и это сказалось на экономических связях двух стран.

Помимо этого инцидента, несколько омрачает политическое взаимопонимание двух стран стремление Украины, находящейся в прямом противостоянии с Россией, открыть посольство в южноамериканской республике, а также в таких странах, как Панама, Уругвай и Доминиканская Республика[27]. Это намерение с настороженностью было воспринято экспертами, которые предполагают, что такой политический маневр будет использоваться для вербовки наемников среди граждан упомянутых стран для участия в военных действиях[28].

Торгово-экономические отношения

С точки зрения формальных процедур и налаживания экономических контактов между Россией и Эквадором важную роль играет Межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. В истории современной России, после распада Советского Союза, долгое время Межправительственная комиссия, основанная еще в 1981 г., не работала. Возобновить ее функционирование удалось только в 2009 г.[29] На тот момент с последнего заседания советско-эквадорской Межправительственной комиссии прошло 30 лет: в прошлый раз третья по счету встреча была проведена в Кито с 3 по 7 апреля 1989 г. [Россия – Эквадор…, 2005, с. 58]. Обнадеживает тот факт, что в октябре 2025 г. намечается проведение очередного заседания Межправительственной комиссии[30].

Также заслуживает внимания учреждение Делового совета по торгово-экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Эквадором, которое состоялось 30 ноября 2022 г. в Гуаякиле[31]. Структура предполагает более близкие контакты между представителями российского и эквадорского бизнеса. Значимым для отношений в экономической сфере стало присутствие в России представительства компании *ProEcuador*. Это структура при Министерстве внешней

26 Власти Эквадора передумали поставлять США российскую технику // РБК. – 2024. – 17 февраля. – URL: https://www.rbc.ru/politics/17/02/2024/65cfd3299a7947d7f245f524? from=article_body (дата обращения: 26.02.2025).

27 Рогов рассказал о вербовке наемников в ВСУ // РИА новости. – 2025. – 23 июля. – URL: https://ria.ru/20250723/vsu-2030852954.html (дата обращения: 06.08.2025).

28 Эксперт прокомментировал инициативу Киева по поиску наемников в Эквадоре // РИА новости. – 2025. – 29 июля. – URL: https://ria.ru/20250729/ekvador-2032063902.html (дата обращения: 06.08.2025).

29 Российско-эквадорская межправкомиссия возобновляет работу после долгого перерыва // Интерфакс. – 2009. – 28 октября. – URL: https://www.interfax.ru/russia/107336 (дата обращения: 03.03.2025).

30 Хуан Ольгин: в отношениях Эквадора с Россией нет проблемных тем // РИА новости. – 2025. – 17 июля. – URL: https://ria.ru/20250717/olgin-2029500198.html (дата обращения: 06.08.2025).

31 О создании Делового совета российско-эквадорского сотрудничества // МИД России. – 2022. – 12 декабря. – URL: https://mid.ru/ru/press_service/photo/meropriyatiya_v_zagran_uchrezdeniyah/1843216/(дата обращения: 04.03.2025).

торговли Эквадора, которая функционирует в качестве Института продвижения экспорта страны. Фактически *ProEcuador* является аналогом торгового представительства, способствует проникновению эквадорского бизнеса на российский рынок.

Хотя Эквадор является далеко не самой крупной с точки зрения территории, населения и ВВП страной региона, к настоящему моменту южноамериканское государство утвердилось в качестве одного из основных торговых партнеров России в Латинской Америке. Так, Эквадор входит в четверку крупнейших торговых партнеров Российской Федерации в регионе наряду с такими странами, как Бразилия, Мексика и Аргентина[32]. Этот результат стал итогом поступательного роста взаимной торговли стран за последнее десятилетие.

Так, еще в 2013 г. Эквадор экспортировал в Россию товары на сумму 812 млн долл., а Россия поставляла в южноамериканскую страну продукцию на 102 млн долл.[33] В 2022 г. эквадорский экспорт составлял уже 928 млн долл., а импорт из Российской Федерации вырос до 411 млн долл.[34] Так, общим трендом стало увеличение взаимной торговли, хотя год от года показатели экспорта и импорта варьировались. В 2023 г. ситуация несколько ухудшилась: Эквадор поставил в Россию продукции на 924 млн долл., тогда как Российская Федерация экспортировала в южноамериканскую страну всего на 157 млн долл.[35]

В 2024 г. после случая с вооружениями и потенциальными ограничениями на импорт в Российскую Федерацию эквадорских бананов общий объем торговли не испытал значительного сокращения. Напротив, за первые три квартала 2024 г. товарооборот между странами даже увеличился на 1,8%[36]. Экспорт из южноамериканской страны увеличился на 2%, тогда как импорт – на 0,6%. И всё же по итогу за весь 2024 г. общий эквадорский экспорт в Российскую Федерацию снизился по сравнению с 2023 г. на 0,68% в стоимостном выражении и почти на 4% в объеме[37].

Всё же нужно учесть динамику структуры товарооборота. Привлекает внимание тот факт, что, несмотря на снятие ограничений по фитосанитарным нормам в отношении эквадорских бананов, их экспорт снизился. В частности, за первые восемь месяцев 2024 г. Россия импортировала 776 тыс. тонн тропического фрукта – это наименьший показатель с 2012 г., когда объем закупок достиг лишь 755 тыс. тонн[38]. Снижение экспорта эквадорских бананов по сравнению с тем же периодом 2023 г. составило 20%. Хотя Россия сохранила первое место среди импортеров тропического фрукта из южноамериканской страны, ее доля снизилась до 18,9%, тогда как ранее

32 Chakrabarty A. Changing Dynamics of Russia's Engagement with Latin America // Indian Council of World Affairs. – 2023. – October 30. – URL: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=10113&lid=6452 (дата обращения: 26.02.2025).
33 Direction of Trade Statistics. Ecuador // International Monetary Fund. – URL: https://data.imf.org/?sk=9d6028d4-f14a-464c-a2f2-59b2cd424b85&sid=1515619375491 (дата обращения: 26.02.2025).
34 Ibid.
35 The Observatory of Economic Complexity. Ecuador – Russia // OEC. – URL: https://oec.world/en/profile/bilateral-country/ecu/partner/rus (дата обращения: 26.02.2025).
36 Владимир Спринчан: Кито интересуют российские технологии нового поколения // РИА новости. – 2025. – 7 февраля. – URL: https://ria.ru/20250207/sprinchan-1997723654.html (дата обращения: 27.02.2025).
37 Хуан Ольгин: Россия – очень важный рынок для Эквадора // РИА новости. – 2025. – 31 марта. – URL: https://ria.ru/20250331/olgin-2008315066.html (дата обращения: 06.08.2025).
38 Россия сократила ввоз бананов из Эквадора до 12-летнего минимума // РИА новости. – 2024. – 30 октября. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6721b7d79a79476d8f2ab05a (дата обращения: 27.02.2025).

достигала 25%[39]. Интересно отметить, что экспортом бананов занимается семья действующего президента Эквадора Д. Нобоа: еще его дед Л. Нобоа Наранхо сделал состояние на продаже за рубеж тропического фрукта.

По структуре поставок эквадорский экспорт, помимо бананов, представлен преимущественно цветами, морепродуктами (в первую очередь креветками), какао и кофе. Список российских поставок традиционно возглавляет рубрика минеральных удобрений, также представлены изделия из бумаги и картона, металлы и оборудование. Ключевым российским поставщиком удобрений является компания «Август». Корпорации Российской Федерации активно поставляют удобрения не только в Эквадор, но и в другие страны региона, что является характерной чертой российско-латиноамериканских экономических связей [*Farah, Ortiz*, 2023]. В случае с Эквадором исследователи отмечают высокую степень зависимости страны от импорта удобрений, которые крайне необходимы для развития сельского хозяйства страны и выращивания тех же бананов [*Llive Cóndor*, 2016].

Российскому бизнесу удается относительно успешно конкурировать с иностранными корпорациями: на поставки удобрений из Российской Федерации в 2023 г. приходилось более 38% всего эквадорского экспорта этой продукции[40]. Во многом это объясняется стабильностью истории поставок российских удобрений в страны региона, высокой степенью диверсификации предложения и зарекомендовавшим себя качеством продукции, а также гибкостью российских компаний, которым удается оперативно адаптироваться к изменениям международной логистической ситуации, ценовой конъюнктуры, находить инновационные технологические решения и разрабатывать новые формы сотрудничества, представляющие интерес для контрагентов. Сохранение позиций российского бизнеса можно считать положительным результатом в контексте роста цен на удобрения в связи с логистическими проблемами периода пандемии (2020) и геополитическими переменами с 2022 г. Тем не менее стоит учесть расширение эквадорских закупок удобрений у альтернативных поставщиков из Чили, США, Канады и Германии на фоне роста цен на российскую продукцию.

Другие наиболее важные аспекты экономического сотрудничества – интересы российских корпораций по реализации проектов в Республике Эквадор. Характерно, однако, что нередко этот интерес не достигает точки реализации, даже если переговоры по осуществлению совместных проектов ведутся.

Ключевым вектором этого сотрудничества стал интерес Российской Стороны к энергетическому сектору южноамериканской страны. В частности, российская компания «Интер РАО» начала сотрудничать с Эквадорской Стороной еще в 2010 г., когда заключила соглашение с электроэнергетической компанией *Hidrotoapi* (позднее поглощена эквадорской электроэнергетической корпорацией *Celec*) о поставке в Эквадор электромеханического оборудования для обслуживания ГЭС Тоачи-Пилатон[41]. Проект располагается

39 Там же.

40 Coba G. Dependencia de fertilizantes rusos le pasa factura a Ecuador // Primicias. – 2023. – 21 de enero. – Исп. яз. – URL: https://www.primicias.ec/noticias/economia/fertilizantes-rusia-ucrania-agricultura-ecuador/(дата обращения: 05.08.2025).

41 Reseña histórica // Corporación eléctrica del Ecuador. Hidrotoapi. – Исп. яз. – URL: https://www.celec.gob.ec/hidrotoapi/resena-historica/(дата обращения: 27.02.2025).

в андской зоне Эквадора (провинции Пичинча и Санто-Доминго-де-лос-Тсачилас), предполагал расширение мощности ГЭС до 252 МВт и стал одним из ключевых в области совместных российско-эквадорских работ. 12 апреля 2011 г. в Москве Эквадорская Сторона подписала соглашения с рядом банков (Внешэкономбанком, Росэксимбанком, Газпромбанком, *Gazprombank Switzerland*, *Russian Commercial Bank* (Кипр)), в соответствии с которыми выдавался кредит на сумму до 123 млн долл. для реализации строительных работ по Тоачи-Пилатон[42].

Реализация грандиозного проекта проходила не без шероховатостей. С 2017 по 2019 г. проект находился в простое. В 2017 г. развязался конфликт между «Интер РАО» и эквадорской *Celec*: Эквадорская Сторона обвиняла Российскую Сторону в затягивании выполнения обязательств. Российская компания, в свою очередь, объясняла нарушение сроков действиями китайских подрядчиков, которые занимались строительством, утверждая, что со стороны российских компаний проблем не возникало (оборудованием занималась российская компания «Тяжмаш»). В 2019 г. проект был возобновлен благодаря тому, что стороны сумели договориться: российский «Тяжмаш» взял на себя все обязательства по проекту без прибегания к субподряду[43].

Всё же сроки введения в эксплуатацию очередей ГЭС постоянно переносились. В конце концов первая очередь проекта – подстанция Сарапуйо на 49 МВт – была введена в эксплуатацию в феврале 2023 г. Монтирование оборудования по второй очереди (станция Айюркин на 204 МВт) должно было завершиться еще к октябрю 2023 г., но по факту работы шли и в 2025 г.

«Интер РАО» проявляла интерес и к другим инфраструктурным проектам в Эквадоре. В 2013 г. российская корпорация получила контракт на 230 млн долл. по строительству установок на ТЭС Мачала (провинция Эль-Оро, близ Тихоокеанского побережья)[44]. Были намерения у российской компании также принять участие в некоторых других гидроэлектрических и разведывательных проектах, преимущественно в провинции Пичинча, известной обилием рек и горным рельефом: Чирапи (ГЭС, провинция Пичинча), Чонталь (ГЭС, провинции Пичинча и Имбабура)[45], Эль Тигре (ГЭС, провинции Имбабура и Пичинча), Тортуго (ГЭС, провинция Пичинча) и Льюримагуа (провинция Имбабура, проект по добыче меди и молибдена)[46]. Тем не менее эти начинания в конечном счете были поставлены на паузу.

Помимо «Интер РАО», к Эквадору проявляли интерес корпорации «Газпром» и «Роснефть», которые рассматривали возможности разработки нефтегазовых месторождений на шельфе южноамериканской страны. Также компания «РЖД» изучала вопрос

42 «ИНТЕР РАО» ЕЭС развивает сотрудничество с Эквадором // Neftegaz.ru. – 2011. – 12 апреля. – URL: https://neftegaz.ru/news/politics/266562-inter-rao-ees-razvivaet-sotrudnichestvo-s-ekvadorom/(дата обращения: 27.02.2026).

43 Власти Эквадора пытаются урегулировать проблемы вокруг комплекса ГЭС Тоачи Пилатон, строящегося на российском оборудовании // Neftegaz.ru. – 2024. – 27 апреля. – URL: https://neftegaz.ru/news/energy/831517-vlasti-ekvadora-pytayutsya-uregulirovat-problemy-vokrug-kompleksa-ges-toachi-pilaton-stroyashchegosya/(дата обращения: 27.02.2025).

44 «ИНТЕР РАО» получило новый контракт в Эквадоре на 230 млн долларов // Neftegaz.ru. – 2013. – 16 июля. – URL: https://neftegaz.ru/news/companies/255667-inter-rao-poluchilo-novyy-kontrakt-v-ekvadore-na-230-mln-dollarov/(дата обращения: 27.02.2025).

45 О пребывании в Эквадоре делегаций ОАО «ИНТЕР РАО» ЕЭС» и ЗАО «РОСЭКСИМБАНК» // МИД РФ. – 2011. – 28 ноября. – URL: https://mid.ru/ru/maps/ec/1696002/(дата обращения: 27.02.2025).

46 Церетели М. «Интер РАО» построит ГЭС в Эквадоре // Энергетика и промышленность России. – 2011. – 12 апреля. – URL: https://www.eprussia.ru/pressa/articles/16809.htm (дата обращения: 27.02.2025).

прокладки железнодорожной сети в южноамериканской стране, которая связала бы четыре основных порта со столицей[47].

Среди других обсуждающихся векторов экономического сотрудничества – заинтересованность Эквадорской Стороны в развитии атомной энергетики. Попытки обсуждать вопрос совместных проектов по развитию мирного атома предпринимались уже не раз. В начале 2025 г., по словам посла Российской Федерации в Эквадоре В.И. Спринчана, министр энергетики южноамериканского партнера обратился на официальном уровне к Российской Стороне с просьбой обсудить возможность сотрудничества в сфере электроэнергетики, в том числе атомной[48]. Эквадор в целом крайне заинтересован в привлечении иностранных компаний к развитию энергетического сектора – к проектам не только по гидроэнергетике, но и по развитию альтернативных источников энергии. Здесь России придется конкурировать с другими партнерами Эквадора: например, с Турцией, которая имеет опыт предоставления в аренду плавучих электростанций латиноамериканским странам, в том числе Эквадору.

Также стоит отметить недавний интерес Эквадора к продукции российского АВТОВАЗа, о чем сообщил посол Эквадора в Российской Федерации Х.Ф. Ольгин Флорес[49]. За постсоветский период автомобили компании уже были представлены на рынке южноамериканской страны: в 1990-х годах в Эквадоре имелись предприятия по сборке ряда моделей фирмы. Однако вскоре они закрылись.

Некоторые положительные изменения, пусть и скромные, наблюдались в вопросе инвестиций. По данным Центрального банка Российской Федерации, российские инвесторы с 2018 по 2022 г. увеличили объемы вложений в экономику Эквадора с 1,2 млн до 9,1 млн долл.[50] Хотя сумма остается крайне низкой, нельзя не отметить повышательный тренд.

Военно-техническое сотрудничество

Актуальное Соглашение о военно-техническом сотрудничестве Эквадора и Российской Федерации было подписано в 2008 г. В соответствии с первой статьей это взаимодействие охватывает широкий спектр областей, среди которых поставка вооружений и техники, командирование специалистов и подготовка кадров, поставка запасных частей и вспомогательных материалов к вооружениям и их техническое обслуживание и др.[51]

Первый контракт по поставке российской военной техники был заключен еще в конце 1990-х годов. В соответствии с ним Российская Федерация поставила в южноамериканскую республику семь вертолетов Ми-7

47 Президент Рафаэль Корреа: «Эквадор ждет от РЖД оценку рентабельности проекта по развитию сети железных дорог республики» // РЖД. – 2025. – 29 октября. – URL: https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314? id=135086 (дата обращения: 27.02.2025).

48 Эквадор попросил Россию о сотрудничестве в сфере электроэнергетики // РИА Новости. – 2025. – 6 февраля. – URL: https://ria.ru/20250206/ekvador-1997771189.html (дата обращения: 03.03.2025).

49 Эквадор готов обсуждать закупки машин АвтоВАЗа // Известия. – 2025. – 3 марта. – URL: https://iz.ru/1847626/ekaterina-hamova/nu-i-lada-ekvador-nameren-zakupit-rossiiskie-avtomobili (дата обращения: 03.03.2025).

50 Данные выгружены с сайта ЦБ: Координированное обследование прямых инвестиций // Банк России. – 2025. – URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/di/(дата обращения: 04.03.2025).

51 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Эквадор о военно-техническом сотрудничестве // МИД России. – 2008. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45613/(дата обращения: 23.02.2025)

и 222 ПЗРК «Игла-1»[52]. В XXI в. контракт по поставке российской техники был подписан в 2009 г., контрагентом со стороны России выступил Рособоронэкспорт. Он обязался поставить в южноамериканскую страну 2 вертолета Ми-171Е[53]. Также были куплены 50 ПЗРК «Игла-С»[54].

Однако в дальнейшем сотрудничество российской компании с эквадорскими партнерами активного развития не получило. На сайте Рособоронэкспорта среди стран-партнеров Эквадор не фигурирует, хотя другие латиноамериканские страны: Мексика, Куба, Венесуэла, Перу, Колумбия, Бразилия, Уругвай, Аргентина и Чили – на весну 2025 г. отмечены[55].

Более того, ситуация в области военного сотрудничества усугубилась из-за отмеченного выше скандала в связи с намерением Эквадора в начале 2024 г. передать США вооружения из России. Хотя Д. Нобоа не пояснил, какая именно техника имелась в виду, эти действия нарушали действующее Соглашение о военно-техническом сотрудничестве. В соответствии с его 5-й статьей, «Каждая из Сторон не продает и не передает международным организациям, третьим государствам, юридическим и физическим лицам продукцию военного назначения, а также сведения, которые были получены и (или) приобретены в ходе выполнения настоящего Соглашения, без предварительного письменного согласия поставляющей Стороны»[56].

Чтобы избежать этого нарушения, Д. Нобоа отметил, что передаваемая военная техника уже представляла собой «металлолом»[57]. Подобное высказывание, как и сам прецедент, не остались без внимания Москвы. 24 января 2024 г. Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству России дала комментарий для СМИ о сложившейся ситуации, подчеркнув, что Эквадор нарушал как упомянутое Соглашение о военно-техническом сотрудничестве, так и те самые контракты, по которым техника была поставлена[58]. В свою очередь, представитель МИД России М.В. Захарова 2 февраля 2024 г. отметила, что «столь опрометчивое решение было принято Эквадорской Стороной под серьезным давлением заинтересованных лиц извне. Если бы речь шла о «металлоломе», как его называют в Эквадоре, то вряд ли в Вашингтоне предложили бы взамен современную технику, причем на довольно внушительную сумму. Надеемся, что в Кито отдают себе в этом

52 Хетагуров А. Военно-техническое сотрудничество России: государства Центральной и Латинской Америки // РСМД. – 2017. – 27 октября. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-gosudarstva-tsentralnoy-i-latinskoy-ameriki/(дата обращения: 06.03.2025).

53 Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Эквадоре Я.А. Бурляя «В отношениях с Эквадором очевидные успехи достигнуты в рамках экономического сотрудничества», опубликованное в журнале «Дипкурьер», № 19 от 13 октября 2011 г. // МИД России. – 2011. – URL: https://www.mid.ru/ru/maps/ec/1724629/(дата обращения: 04.03.2025).

54 Хетагуров А. Военно-техническое сотрудничество России: государства Центральной и Латинской Америки // РСМД. – 2017. – 27 октября. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-gosudarstva-tsentralnoy-i-latinskoy-ameriki/(дата обращения: 06.03.2025).

55 Страны-партнеры // Рособоронэкспорт. URL: https://roe.ru/about/partner-countries/(дата обращения: 05.03.2025).

56 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Эквадор о военно-техническом сотрудничестве // МИД РФ. – 2008. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45613/(дата обращения: 23.02.2025).

57 Президент Эквадора пообещал отдать США «металлолом» из России // РБК. – 2025. – 31 января. – URL: https://www.rbc.ru/politics/31/01/2024/65b972c19a79479f0cb4b14a (дата обращения: 06.03.2025).

58 Заявление ФСВТС России для СМИ // Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству. – 2024. – 24 января. – URL: https://www.fsvts.gov.ru/doc/467F08B663C560CA43258AAE004A2083/(дата обращения: 06.03.2025).

отчет»[59]. И действительно, как утверждали СМИ, Эквадор хотел обменять «металлолом» на американские вертолеты *UH-60A/L Black Hawk*[60].

Хотя к действиям Эквадорская Сторона позднее не перешла, трудно предполагать, что после такого неприятного для Российской Стороны инцидента военно-техническое сотрудничество между странами начнет интенсифицироваться.

Заключение

В заключение стоит резюмировать основные тенденции и отметить факторы, влияющие на динамику двусторонних отношений между Россией и Эквадором. С одной стороны, оба государства выражают интерес к укреплению связей, в первую очередь в экономической сфере. Эквадор заинтересован в российском рынке для сбыта бананов, цветов и морепродуктов, в то время как российские предприниматели не только осуществляют поставки удобрений, но и стремятся входить в более крупномасштабные инфраструктурные проекты наподобие ГЭС Тоачи Пилатон. С другой стороны, политические отношения отмечаются повышенной нестабильностью. Это связано и с политической ситуацией в южноамериканской стране, где с приходом правых к власти отношение к России несколько охладело, и с переходом России к конфронтации с так называемыми недружественными странами в ходе украинского конфликта.

Кроме того, хотя Россия в новых геополитических обстоятельствах демонстрирует повышенный интерес к латиноамериканскому региону, Эквадор не вошел в число государств, наиболее часто посещаемых российскими политиками высшего уровня (Куба, Никарагуа, Венесуэла, Бразилия), что во многом объясняется внешнеполитической позицией страны по отношению к украинскому конфликту. На протяжении 2024 г. к этому фактору добавилось и обострение социально-экономической и политической ситуации в южноамериканской республике, где выросла преступность и ухудшилась электроэнергетическая ситуация, что ударило по уровню жизни граждан. С учетом итогов выборов 2025 г. дальнейшее углубление политических отношений между Россией и Эквадором в ближайшие несколько лет едва ли представляется возможным.

Наконец, в Эквадоре активно ищут иностранные инвестиции, в том числе ожидаются вложения в развитие инфраструктурных проектов. Однако для российского капитала, который отдает предпочтение инвестициям в стабильные страны и возможностям быстрого извлечения прибыли, развитие инфраструктуры – это не самое привлекательное направление ведения бизнеса. В свою очередь, выходя на эквадорский рынок и задумываясь об инвестиционных проектах более крупного масштаба, российский капитал неизбежно сталкивается с конкуренцией. Повышенным интересом Эквадор пользуется у китайских инвесторов. В частности, в 2023 г. Эквадор получил 9% всех инвестиций КНР в регионе, войдя в четверку региональных реципиентов китайских вложений (на Бразилию пришлось более полови-

59 Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ в связи с заявлениями Президента Эквадора Д. Нобоа о передаче США российской военной техники // МИД России. – 2024. – 2 февраля. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1929114/(дата обращения: 06.03.2025).

60 Saumeth E. Las Fuerzas Armadas de Ecuador recibirán helicópteros Black Hawk por parte de Estados Unidos // Infodefensa. – 2024. – 12 de febrero. – Исп. яз. – URL: https://www.infodefensa.com/texto-diario/mostrar/4715427/ecuador-recibira-helicopteros-blackhawk-estados-unidos (дата обращения: 07.03.2025).

ны, а на Мексику и Колумбию – по 19% [La inversión extranjera directa…, 2024, p. 42]). Китай в 2023 г. вложил 18% всех ПИИ, полученных Эквадором, уступив Италии (23%) и Чили (20%). Замкнули четверку США (16%) [La inversión extranjera directa…, 2024, p. 58].

Таким образом, дальнейшее развитие двусторонних отношений будет зависеть от политической стабильности в Эквадоре, динамики украинского конфликта и способности российского капитала соперничать с китайскими, итальянскими, чилийскими и американскими компаниями, которые инвестируют в южноамериканскую республику и поставляют ей стратегически важную продукцию. В этом смысле российскому бизнесу необходимо суметь оставаться привлекательным, вопреки волатильности рынков и логистическим трудностям, которые усилились в контексте СВО. Это особенно сложно в связи с тем, что конкуренты в текущей конъюнктуре имеют ряд преимуществ в виде возможности предлагать продукцию Эквадору по более низким ценам, а также использовать более дешевые логистические маршруты. Кроме того, конкуренты в области поставок удобрений – ключевой статьи российского экспорта – обладают и другими сильными сторонами: достижениями в развитии зеленых технологий и уменьшении углеродного следа, программами социальной ответственности, значительными объемами инвестиций, которые среди прочего тратятся на научно-исследовательские проекты и внедрение инноваций.

Список литературы

Алексеева Т.А., Гореславский С.С. Военно-техническое сотрудничество России со странами Латинской Америки. Потенциал развития и факторы риска // Латинская Америка. – 2020. – № 9. – С. 24–46. – DOI: 10.31857/S0044748X0010598-6.

Дабагян Э. Эквадор на перепутье // Новая и новейшая история. – 2019. – № 2. – С. 38–49. – DOI: 10.31857/S013038640004247-9.

Кузнецов А.В. Прямые инвестиции из России в страны Латинской Америки // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 3 (115). – С. 254–269. DOI: 10.31249/ape/2022.03.11.

Медина Гонсалес В.Х. Российский вектор во внешней политике Республики Эквадор (2007–2017 гг.) : дис. … канд. ист. наук. – Москва : РУДН, 2018a. – 170 с.

Медина Гонсалес В.Х. Россия и Эквадор: партнерство в технической и технологической сферах // Международные отношения. – 2018b. – № 1. – С. 67–74. – DOI: 10.7256/2454-0641.2018.1.25328.

Медина Гонсалес В.Х. Тенденции и перспективы развития эквадорско-российских отношений (2017–2022) // Латиноамериканский исторический альманах. – 2022. – № 34. – С. 265–278. – DOI: 10.46272/2409-3416-2022-10-1-99-112.

Пятаков А. Россия – Латинская Америка в XXI веке // Russie. Nei. Visions. – 2020. – № 119. – 36 с.

Россия – Эквадор, 1945–2005: к 60-летию установления дипломатических отношений : документы и материалы. – Москва : Международные отношения, 2005. – 126 с.

Россия и Латинская Америка: взаимодействие в контексте меняющегося мирового порядка / под ред. А.В. Кузнецова, П.П. Яковлева. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – 133 с.

Чавес Савала П.А. Эквадор – Россия: 68 лет дипломатических отношений. – Москва : [б.и.], 2013. – 295 с.

Школяр Н.А. Внешняя торговля России с ЛКА: состояние и перспективы // Латинская Америка. –

2020. – № 5. – С. 6–17. DOI: 10.31857/S0044748X0009119-9.

Эквадор на пути «гражданской революции». – Москва : ИЛА РАН, 2009. – 104 с.

Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка в новой геополитической реальности // Латинская Америка. – 2014. – № 10. – С. 4–17.

Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка на траектории взаимного сближения // Перспективы. Электронный журнал. – 2015. – № 1. – С. 43–56.

Blank S., Kim Y. Russia and Latin America: The new frontier for geopolitics, arms sales and energy // Problems of Post-Communism. – 2015. – Vol. 62, N 3. – P. 159–173. – DOI: 10.1080/10758216.2015.1019817.

Bouchard J. Russia's Energy Interests in the Central Andes: Bolivia, Peru, and Ecuador. – Florida : Jack D. Gordon Institute for Public Policy, 2024. – 12 p.

Cameron M.A. Latin America's Left Turns: beyond good and bad // Third World Quarterly. – 2009. – Vol. 30, N 2. – P. 331–348. – DOI: 10.1080/01436590802681082.

Casanova A. Una aproximación teórica del "Socialismo del siglo XXI" // Iberoamérica. – 2019. – N 4. – P. 165–183. – Исп. яз.

Eaton K. Recentralization and the left turn in Latin America: Diverging outcomes in Bolivia, Ecuador, and Venezuela // Comparative Political Studies. – 2014. – Vol. 47, N 8. – P. 1130–1157. – DOI: 10.1177/0010414013488562.

Farah D., Babineau K. Extra-regional actors in Latin America // Prism. – 2019. – Vol. 8, N 1. – P. 96–113.

Farah D., Ortiz R.D. Russian Influence Campaigns in Latin America. – Washington : United States Institute of Peace, 2023. – 36 p.

Jijón Solórzano M. La cooperación rusa con Ecuador del 2007–2015 // AFESE: revista de la Asociación de Funcionarios y Empleados del Servicio Exterior Ecuatoriano. – 2016. – P. 82–91. – Исп. яз.

La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe, 2024. – Santiago : Naciones Unidas, CEPAL, 2024. – 181 pp. – Исп. яз.

Llive Cóndor F. Vulnerabilidad y dependencia internacional de fertilizantes en el Ecuador // Revista Tecnológica ESPOL – RTE. – 2016. – Vol. 29, N 2. – P. 68–88. – Исп. яз.

Miles R. Russia in Latin America // External Powers in Latin America / Ed. by G. Luca Gardini. – London : Routledge, 2021. – P. 59–74.

Russian Experience

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.05

Russian-Ecuadorian Relations: History, Reality and Prospects

Alexandra Z. ARABADZHYAN
PhD (History), Research Fellow
Primakov Institute of World Economy and International Relations of the RAS,
Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: aleche28@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8927-5411

CITATION: Arabadzhyan A.Z. (2025). Russian-Ecuadorian Relations: History, Reality and Prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 85–104 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.05

Received: 30.05.2025.
Revised: 08.09.2025.

ACKNOWLEDGEMENT. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

ABSTRACT. *This article reveals the main changes in the relations between Russia and Ecuador by 2025 in political, economic, and military spheres. The analysis of the existing literature reflects that historical aspects of establishing ties between the countries have received little attention among the researchers. In the context of the 80th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Ecuador and the USSR (1945), the article aims to highlight the key historical milestones and the current state of the Russian-Ecuadorian affairs, relying on a source base consisting of official documents of the states, media, and archival materials (Foreign Policy Archive of the Russian Federation). Historically, the relations between the countries depended on a number of external and internal political factors, but by the end of the existence of the USSR, the states had already developed not only diplomatic but also fruitful trade and economic contacts. The setback that occurred due to the collapse of the USSR began to be overcome in the late 1990s. The affairs intensified with the rise to power of the leftist progressist president R. Correa in Ecuador, whose presidential terms coincided with the era of the most intense and effective contacts. The subsequent right-wing governments led to a slowdown in cooperation and even a significant cooling of contacts due to an incident in early 2024. However, the trade turnover (over one billion dollars in 2023) between the countries remains stable, and there is mutual interest among entrepreneurs in utilizing the new geopolitical situation*

caused by the Ukrainian conflict to launch economic projects. The further development of bilateral relations will depend on political stability and the electoral process in Ecuador, the dynamics of the Ukrainian conflict, as well as the ability of Russian capital to compete with Chinese, Italian, and American companies that are investing in the South American republic.

KEYWORDS: *Russia, Ecuador, Daniel Noboa, Rafael Correa, Russian-Ecuadorian relations, Latin America.*

References

Alekseeva T., Goreslavsky S. (2020). Military-Technical Cooperation of Russia with the Countries of Latin America. Potential For Development and Risk Factors. *Latinskaya Amerika*. No. 9, pp. 24–46 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0010598-6.

Blank S., Kim Y. (2015). Russia and Latin America: The new frontier for geopolitics, arms sales and energy. *Problems of Post-Communism*. Vol. 62, no. 3, pp. 159–173. DOI: 10.1080/10758216.2015.1019817.

Bouchard J. (2024). *Russia's Energy Interests in the Central Andes: Bolivia, Peru, and Ecuador*. Florida: Jack D. Gordon Institute for Public Policy, 12 pp.

Cameron M.A. (2009). Latin America's Left Turns: beyond good and bad. *Third World Quarterly*. Vol. 30, no. 2, pp. 331–348. DOI: 10.1080/01436590802681082.

Casanova A. (2019). A theoretical approach to "21st Century Socialism". *Iberoamérica*. No. 4, pp. 165–183 (in Spanish).

Chavez Zavala P.A. (2013). *Ecuador – Russia: 68 Years of Diplomatic Relations*. Moscow: S. n., 295 pp. (in Russian)

Dabaghyan E. (2019). Ecuador at the Crossroads. *Modern and Contemporary History*. No. 2, pp. 38–49 (In Russian). DOI: 10.31857/S013038640004247-9.

Eaton K. (2014). Recentralization and the left turn in Latin America: Diverging outcomes in Bolivia, Ecuador, and Venezuela. *Comparative Political Studies*. Vol. 47, no. 8, pp. 1130–1157. DOI: 10.1177/0010414013488562.

Ekvador na puti… (2009). *Ecuador on the Way of a "Civil War"*. Moscow: ILA RAN, 104 pp. (in Russian).

Farah D., Babineau K. (2019). Extra-regional actors in Latin America. *Prism*. Vol. 8, no. 1, pp. 96–113.

Farah D., Ortiz R.D. (2023). *Russian Influence Campaigns in Latin America*. Washington: United States Institute of Peace, 36 pp.

Jijón Solórzano M. (2016). Russian cooperation with Ecuador from 2007–2015. *AFESE: revista de la Asociación de Funcionarios y Empleados del Servicio Exterior Ecuatoriano*. Pp. 82–91 (in Spanish).

Kuznetsov A.V. (2022). Russian direct investment in countries of Latin America. *Current Problems of Europe*. No. 3 (115), pp. 254–269 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2022.03.11.

La inversión extranjera directa… (2024). *Foreign Direct Investment in Latin America and the Caribbean, 2024*. Santiago: Naciones Unidas, CEPAL, 181 pp. (in Spanish).

Llive Cóndor F. (2016). Vulnerabilidad y dependencia internacional de fertilizantes en el Ecuador. *Revista Tecnológica ESPOL – RTE*. Vol. 29, no. 2, pp. 68–88 (in Spanish).

Medina González V.J. (2018a). *Russian Vector in Foreign Policy of Ecuador (2007–2017). PhD Dissertation in History*. Moscow: RUDN, 170 pp. (in Russian).

Medina González V.J. (2018b). Russia and Ecuador: the Partnership in Technical and Technological spheres. *International Relations*. No. 1, pp. 67–74 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0641.2018.1.25328.

Medina González V.J. (2022). Trends and Prospects for the Development of Ecuadorian-Russian Relations (2017–

2022). *Latin American Historical Almanac*. No. 34, pp. 265–278 (in Russian). DOI: 10.46272/2409-3416-2022-10-1-99-112.

Miles R. (2021). Russia in Latin America. Luca Gardini G. (ed.) *External Powers in Latin America*. London: Routledge, pp. 59–74.

Pyatakov A. (2020). Russia – Latin America in XXI Century. *Russie. Nei. Visions*. No. 119, 36 pp. (in Russian).

Rossiya – Ekvador… (2005). *Russia – Ecuador, 1945–2005: on the 60th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations: Documents and Materials*. Moscow: Mezhdunarodniye otnosheniya, 126 pp. (in Russian).

Rossiya i Latinskaya Amerika… (2022). Kuznetsov A.V., Yakovlev P.P. (eds.). *Russia and Latin America: Interaction in the Context of a Changing World Order*. Moscow: INION RAN, 133 pp. (in Russian).

Shkolyar N.A. (2020). Foreign Trade of Russia with Latin American Countries: Situation and Prospects. *Latinskaya Amerika*. No. 5, pp. 6–17 (in Russian).

Yakovlev P.P. (2014). Russia and Latin America in a New Geopolitical Reality. *Latinskaya Amerika*. No. 10, pp. 4–17 (in Russian).

Yakovlev P.P. (2015). Russia and Latin America on the trajectory of mutual rapprochement. *Perspectives. Electronic journal*. No. 1, pp. 43–56 (in Russian).

Китайский глобальный проект для Евразии

УДК 339.9(1*CN)
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.06

Стратегия Китая в Центральной Азии сквозь призму модели институционально управляемого соразвития

Нинель Юрьевна СЕНЮК
кандидат экономических наук, доцент Факультета мировой экономики и мировой политики
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Малая Ордынка, д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 101000
E-mail: nseniuk@hse.ru
ORCID: 0000-0002-7425-9029

Александр Игоревич САБАНЦЕВ
стажер-исследователь Центра стратегических исследований Института мировой военной экономики и стратегии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Малая Ордынка, д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 101000
E-mail: asabantsev@hse.ru
ORCID: 0009-0009-9619-4113

Екатерина Андреевна КОЗЛОВА
младший научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН)
Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117218
E-mail: kozlova@iccaras.ru
ORCID: 0009-0009-1312-5594

ЦИТИРОВАНИЕ: Сенюк Н.Ю., Сабанцев А.И., Козлова Е.А. Стратегия Китая в Центральной Азии сквозь призму модели институционально управляемого соразвития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 105–123.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.06

Статья поступила в редакцию 27.09.2025.
Исправленный текст представлен 10.11.2025.

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматривается аналитическая модель институционально управляемого соразвития для объяснения механизмов формирования и реализации политико-экономической стратегии Китая в Центральной Азии. Показывается, что данная модель представляет собой иерархическую трехуровневую систему. На стратегическом уровне*

высшее политическое руководство Китайской Народной Республики (КНР) во главе с Си Цзиньпином и Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) формулирует доктринальные основы (в частности, «Сообщество единой судьбы», пятилетние планы). На политико-институциональном уровне эти установки переводятся в плоскость межгосударственных отношений, прежде всего через китаецентричный формат С+С5 и дифференцированную сеть двусторонних межправительственных комитетов. На исполнительном уровне действует «национальная команда» акторов (включая профильные госорганы, госкорпорации, политические банки и суверенные фонды), обеспечивающая непосредственную реализацию проектов. Указанная модель выходит за рамки простой формулы «политика ведет экономику» и функционирует как «мягкое проектное управление». В этой системе высокоуровневые политические решения запускают целостную экосистему, использующую организационные и финансовые ресурсы для планомерного и долгосрочного переформатирования геоэкономического ландшафта региона в соответствии со стратегическими интересами КНР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Китай, Центральная Азия, Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП), внешняя политика КНР, институционально управляемое соразвитие, саммиты «Китай – Центральная Азия», «Сообщество единой судьбы», стратегия двойной циркуляции, 14-й пятилетний план, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).*

Введение

Приход к власти Си Цзиньпина в 2013 г. ознаменовал переход Китая к более активной внешней политике, отказавшейся от принципа «скрывать свои возможности», сформулированного Дэн Сяопином. Ядром нового курса стала глобальная инициатива «Пояс и Путь», идеологически обрамленная концепцией «Сообщества единой судьбы человечества». Эта стратегия – не просто набор экономических проектов, а целостная модель институционально управляемого соразвития, особенно ярко проявляющаяся в Центральной Азии.

Формирование этой модели обусловлено исчерпанием прежней модели экономического роста (внутренний фактор), глобальной нестабильностью и противостоянием с Западом (внешний фактор). Китай стремится укрепить суверенитет и расширить сотрудничество со странами Евразии, что было подтверждено, в частности, на 3-м пленуме ЦК КПК в июле 2024 г.[1]

В этом контексте Центральная Азия приобретает для Пекина критическое значение. Именно через этот регион проходят основные сухопутные ветки «Экономического пояса Шёлкового пути», что позволяет снизить зависимость от уязвимых морских путей, а текущая геополитическая ситуация с перераспределением вовлеченности Российской Федерации создает для Китая «окно возможностей» для углубления влияния.

Обзор литературы

В научной литературе деятельность КНР в Центральной Азии рассматривается как двухуровневый процесс. На государственном уровне через ЭПШП решаются стратегические зада-

1 Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 20-го созыва = 中国共产党第二十届中央委员会第三次全体会议公报 // МИД КНР. – 2024. – Июль. – Кит. яз. – URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240721_11457413.html (дата обращения: 11.11.2024).

чи, например, обеспечивается безопасность торговых коридоров и стабильность в Синьцзяне [*Makarov, Sokolova*, 2016; *Reeves*, 2018; *Dave, Kobayashi*, 2018]. На корпоративном уровне доминируют коммерческие мотивы, такие как доступ к ресурсам и выход на новые рынки: в этом контексте китайские транснациональные корпорации (ТНК) активно вовлечены в реализацию политики «выхода за рубеж» [*Hofman*, 2016; *Andrews-Speed, Qiu, Len*, 2016]. При этом, как показали Ван дер Клей и Яу, даже ориентированные на прибыль компании продолжают поддерживать политические интересы КНР [*Van der Kley, Yau*, 2021]. В частности, среди основных интересов китайских ТНК – инвестиции в стратегические секторы, такие как транспорт и энергетика [*Игитян*, 2019; *Zaretskaya, Aloulou*, 2022]. Ключевыми исполнителями проектов выступают государственные предприятия при финансовой поддержке политических банков Китая [*Jones, Zou*, 2017; *Nie*, 2021; *Chen*, 2020; *Chen*, 2021].

Центральная Азия выступает в качестве энергетического поставщика, торгово-логистического коридора и инфраструктурного узла в рамках стратегии «двойной циркуляции» [*Chen, Fazilov*, 2018; *Duan, Duan*, 2023] и для ЭПШП [*Чжан Фанхуэй, Ван Цяожун*, 2023, с. 65]. В этой связке Синьцзян служит «мостом», переплетая свое развитие с региональной политикой Пекина в экономике и безопасности [*Hoh*, 2019; *Chao*, 2021]. Стоит учитывать, что именно развитие западных регионов стало одним из важнейших драйверов запуска ЭПШП (например, [*Забелла, Мелкина, Иметинова*, 2025]).

Процесс выработки внешнеполитического курса КНР отличается высокой степенью централизации, в частности, ключевые решения определяются высшим руководством КПК [*Tsang*, 2019; *Xue*, 2016; *Cai*, 2020]. В то же время в литературе отмечается существенное влияние личных взглядов Си Цзиньпина, который рассматривает сотрудничество с Центральной Азией как краеугольный камень ЭПШП, позиционируя его как взаимовыгодное партнерство в рамках концепции «Сообщества единой судьбы» [*Clarke*, 2017; *Dave, Kobayashi*, 2018; *Pantucci*, 2019]. При этом Китай активно институционализирует взаимодействие с Центральной Азией, опираясь на форматы ШОС и *C+C5*, что отражает встраивание Пекина «в существующий в регионе тренд в целях недопущения вытеснения Китая из Центральной Азии», в частности действиями США [*Вахрушин, Николаев*, 2024, с. 145]. Происходит это в контексте глобального характера стратегии партнерских отношений Пекина, который стремится поменять свой статус в глобальном управлении с принятия норм и правил к их созданию. По мнению китайских экспертов, ШОС, ЭПШП и *C+C5* – «три столпа китайской дипломатии» в регионе [*Дэн Хао*, 2022, с. 105].

Выработка стратегии Китая по отношению к Центральной Азии рассматривается в литературе преимущественно фрагментарно. В работе Ю. Цзе и Л. Ридаут [*Jie, Ridout*, 2021] показывается, что, несмотря на наличие четкой иерархии и определяющую роль Си Цзиньпина и КПК, внешнеполитический механизм включает в себя акторов, которые конкурируют друг с другом. Соответственно, внешнеполитические решения являются результатом системы взаимодействий между центральными ведомствами, влиятельными провинциальными правительствами и крупными госкомпаниями.

В то же время в работе В. Акоста применительно к Центральной Азии рассматривается система разработки и имплементации решений с акцентом на описании иерархичности и централизации системы, подчиненной лично

Си Цзиньпину [*Acosta*, 2024]. Описанная им иерархия выстраивается от высшего уровня (Генеральный секретарь КПК) и уровня одобрения (Политбюро) к координирующим органам (ЦКИД, КНБ)[2] и к исполнителям (МИД и др.).

Таким образом, существующие исследования, несмотря на эмпирический материал, фрагментированы и сосредоточены на отдельных уровнях системы. В результате сохраняется проблема описания целостной рамки, связывающей идеологию, институты и реализацию проектов. Предлагаемая статья призвана закрыть этот пробел, представив модель «институционально управляемого соразвития».

Стратегический уровень: место Центральной Азии в большой стратегии КНР

Формирование доктринальной рамки внешней политики КНР происходит в рамках централизованной партийно-государственной системы. Хотя формально существует двойная система управления, доминирующей силой является КПК [*Acosta*, 2024, p. 2]. Ключевые решения утверждаются Постоянным комитетом Политбюро, а непосредственная координация осуществляется через центральные комиссии, которые готовят предложения для высшего руководства [*Acosta*, 2024, p. 4]. Этот центральный узел во главе с Си Цзиньпином и формирует итоговую доктрину.

Идеологическим ядром подхода является концепция «Сообщества единой судьбы». Применительно к региону она была сформулирована Си Цзиньпином на саммите в 2023 г.[3] и позиционируется как альтернатива западному «гегемонизму» и «протекционизму»[4], служа основой для модели соразвития, в которой лидерство КНР представлено как взаимовыгодное партнерство[5].

Важность Центральной Азии для ЭПШП подтверждена в 14-м пятилетнем плане КНР (2021–2025), где говорится о «высококачественном развитии» инициативы[6], что отводит региону роль незаменимого транзитного коридора[7]. В своих выступлениях Си Цзиньпин определяет стратегическое значение региона через четырехчастную формулу, согласно которой миру нужна Центральная Азия:

1. Стабильной – в контексте безопасности Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), защиты инвестиций ЭПШП[8] и борьбы с «тремя силами зла».

2 Центральная комиссия по иностранным делам (ЦКИД) и Комиссия национальной безопасности (КНБ).

3 Xi charts course for China-Central Asia cooperation // People's Daily Online. – 2023. – URL: http://en.people.cn/102775/517848/index.html (дата обращения: 01.07.2025).

4 Full text of Xi's keynote speech at second China-Central Asia Summit // The State Council of the People's Republic of China. – 2025. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202506/18/content_WS685222e5c6d0868f4e8f36f0.html (дата обращения: 13.07.2025).

5 Полный текст программного выступления Си Цзиньпина на церемонии открытия 3-го Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Пояс и Путь» // Синьхуа Новости. – 2023. – URL: https://russian.news.cn/20231018/ad2207aaf51d4b53b4c51639a21db6ef/c.html (дата обращения: 13.08.2025).

6 Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035 // Center for Security and Emerging Technology. – 2021. – URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf (дата обращения: 17.01.2025).

7 The 14th Five-year Plan in the New Era of China's Reform – Asian Integration, Belt and Road Initiative and Safeguarding Multilateralism // Le Centre d'études prospectives et d'informations internationales (CEPII). – 2021. – URL: https://cepii.fr/PDF_PUB/pb/2021/pb2021-36.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

8 Full text of Xi Jinping's keynote speech at China-Central Asia Summit // The State Council of the People's Republic of China. – 2023. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202305/19/content_WS6467059dc6d03ffcca6ed305.html (дата обращения: 22.03.2025).

2. Процветающей – как новый рынок для китайских товаров и услуг[9].

3. Гармоничной – для предотвращения межэтнических и межрелигиозных конфликтов[10].

4. Взаимосвязанной – как транзитный узел Евразии с развитой инфраструктурой[11].

Данная формула выполняет функцию «мягкого проектного управления», мотивируя страны региона синхронизировать свои приоритеты с китайским видением.

Также 14-й пятилетний план как ключевой документ государственного планирования обозначил векторы углубления взаимодействия с регионом[12], несмотря на то, что сама по себе Центральная Азия в нем упоминается редко[13]. Центральным элементом плана является стратегия «двойной циркуляции», которая, опираясь на внутренний рынок, требует для «международного контура» надежных сухопутных маршрутов в Европу и на Ближний Восток[14] в рамках создания «транспортной державы» (交通强国), что снова подчеркивает значение устойчивости китайских цепочек поставок[15].

План прямо предписывает «укреплять строительство стратегических магистральных коридоров, выходящих из Синьцзяна», и создавать там «крупные базы чистой энергии»[16], что делает внутреннее развитие СУАР элементом внешней политики: СУАР как логистический хаб ЭПШП, а Центральная Азия – безопасная внешняя среда.

Институциональная архитектура: механизмы взаимодействия

Для реализации своих стратегических целей Китай выстроил многоуровневую иерархическую систему институционального взаимодействия с Центральной Азией. К многосторонним форматам следует отнести, во-первых, ШОС, которая долгое время выступала площадкой продвижения китайских интересов и в то же время платформой для согласования их с Россией [*Лексютина*, 2025, с. 121]. Кроме того, организация обеспечила международное признание китайской кампании по борьбе с «тремя силами зла» (терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом) [*Лексютина*, 2025, с. 121].

Тем не менее создание формата саммитов «Китай – Центральная Азия» (*C+C5*) – одно из наиболее значимых шагов Китая в региональной дипломатии за последнее время. Его особенности – регулярность, постоянный секретариат в Китае и отраслевые министерские

9 Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай – Центральная Азия» // Синьхуа Новости. – 2023. – URL: https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html (дата обращения: 14.04.2025).

10 Full text of Xi Jinping's keynote speech at China-Central Asia Summit // The State Council of the People's Republic of China. – 2023. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202305/19/content_WS6467059dc6d03ffcca6ed305.html (дата обращения: 29.05.2025).

11 Ibid.

12 Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035 // Center for Security and Emerging Technology. – 2021. – URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf (дата обращения: 17.01.2025).

13 Issue Brief – China's 14th Five-Year Plan // UNDP. – 2021. – URL: https://www.undp.org/china/publications/issue-brief-chinas-14th-five-year-plan (дата обращения: 01.08.2025).

14 The 14th Five-year Plan in the New Era of China's Reform – Asian Integration, Belt and Road Initiative and Safeguarding Multilateralism // Le Centre d'études prospectives et d'informations internationales (CEPII). – 2021. – URL: https://cepii.fr/PDF_PUB/pb/2021/pb2021-36.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

15 Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035 // Center for Security and Emerging Technology. – 2021. – URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf (дата обращения: 03.03.2025).

16 Ibid.

встречи, в рамках которых создана сеть рабочих групп, формирующих прямые каналы для сотрудничества[17].

Развитие институционализации взаимодействия с Центральной Азией было обусловлено в том числе несовершенствами ШОС, например, осложнением достижения компромиссов и несоразмерным экономическим потенциалом членов, что мешает формированию прочной экономической основы [*Вахрушин, Николаев*, 2024, с. 138]. Формат *C+C5* можно рассматривать как стратегический шаг по созданию китаецентричного механизма регионального управления.

Основой исполнительного уровня остается сеть двусторонних межправительственных комитетов и комиссий. Структура этих органов и, что особенно важно, ранг их сопредседателей свидетельствуют о дифференцированном подходе Пекина к странам региона. В частности, отношения с Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном – ключевыми поставщиками энергоресурсов и транзитными узлами – курируются на самом высоком субпрезидентском уровне, на уровне вице-премьеров Государственного совета КНР (таблица 1).

Таблица 1. Система двусторонних межправительственных механизмов сотрудничества КНР и стран Центральной Азии

Table 1. System of bilateral intergovernmental cooperation mechanisms between China and Central Asian countries

Страна	Название основного органа	Уровень/руководители (сопредседатели)	Ключевые подкомитеты/направления
1	2	3	4
Казахстан[18]	Китайско-Казахстанский комитет по сотрудничеству	Уровень вице-премьера: вице-премьер Госсовета КНР (Дин Сюэсян) и первый заместитель премьер-министра Республики Казахстан (Роман Скляр)	Экономика, торговля, производство и инвестиции, финансы, транспорт, геология, сельское хозяйство, безопасность, гуманитарные обмены, энергетика, экология
Узбекистан[19]	Китайско-Узбекский межправительственный комитет по сотрудничеству	Уровень вице-премьера: вице-премьер Госсовета КНР (Лю Гочжун) и премьер-министр Республики Узбекистан (Абдулла Арипов)	Экономика, торговля, энергетика, транспорт, сельское хозяйство, наука, гуманитарные обмены, сокращение бедности, безопасность
Туркменистан[20]	Туркмено-Китайский комитет по сотрудничеству	Уровень вице-премьера: вице-премьер Госсовета КНР (Дин Сюэсян) и заместитель Председателя Кабинета Министров, министр иностранных дел Туркменистана (Рашид Мередов)	Энергетика, транспорт, торговля, сельское хозяйство, наука, культура, образование, безопасность

17 Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай – Центральная Азия» // Синьхуа Новости. – 2023. – URL: https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html (дата обращения: 19.01.2025).

18 Участие в 12-м заседании Подкомитета по геологии и недропользованию Казахстанско-Китайского Комитета по сотрудничеству // Gov.Kz: Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. – 2025. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/geology/press/news/details/948211?lang=ru (дата обращения: 09.01.2025).

19 Chinese vice premier visits Uzbekistan, co-chairs intergovernmental meeting // The State Council of the People's Republic of China. – 2024. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202405/16/content_WS66453dc2c6d0868f4e8e7211.html (дата обращения: 21.02.2025).

20 Xi Jinping Meets with Turkmen President Serdar Berdimuhamedov // The Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2025. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyxw/202506/t20250618_11652394.html (дата обращения: 12.03.2025).

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Киргизская Республика[21]	Киргизско-Китайская межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству	Уровень заместителя министра: первый заместитель Председателя Кабинета Министров Киргизской Республики и представитель на международных торговых переговорах (в ранге зам. министра) Министерства коммерции КНР (Ван Шоувэнь)	Торговля, транспорт, сельское хозяйство, инвестиции
Таджикистан[22]	Таджикско-Китайская межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству	Уровень заместителя министра: министр экономического развития и торговли Республики Таджикистан и зам. министра коммерции КНР	Торговля, инвестиции, энергетика, транспорт, сельское хозяйство. Отдельные комитеты по науке и по сотрудничеству приграничных регионов (Синьцзян)

Источник: составлено авторами.

Стратегические решения претворяются в жизнь системой государственных акторов, включающей в себя основные правительственные ведомства, крупные государственные корпорации и финансовые институты, которые действуют в тесной координации, формируя единый механизм реализации модели управляемого соразвития.

Центральную роль в формировании и реализации политики Китая в Центральной Азии играют государственные органы: стратегический проектировщик (Государственный комитет по делам развития и реформ) и ключевые исполнительные координаторы (МИД КНР, Министерство коммерции КНР) (таблица 2).

Таблица 2. Ведущие китайские государственные акторы в выработке и координации политики в странах Центральной Азии

Table 2. Leading Chinese state actors in policymaking and coordination in Central Asian countries

Орган	Роль и функции
1	2
Государственный комитет по делам развития и реформ	Главный орган макроэкономического планирования в Китае, играет решающую роль в согласовании проектов ЭПШП с национальными пятилетними планами. «Мозг» системы, оценивает и отбирает наиболее значимые проекты, соответствующие долгосрочной стратегии КНР. Заместитель председателя является сопредседателем ключевых инвестиционных комитетов (например с Республикой Казахстан) – прямое указание на полномочия в утверждении крупнейших инициатив[23]

21 Кыргызстан и Китай заключили торговое соглашение до 2030 г. // Акчабар. – 2022. – URL: https://www.akchabar.kg/news/kirgizstan-i-kitaj-zaklyuchili-torgovoe-soglashenie-do-2030-goda-yagqceznrphxxfra (дата обращения: 07.04.2025).

22 11-е заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству между Таджикистаном и Китаем // Министерство экономического развития и торговли Республики Таджикистан. – 2020. – URL: https://medt.tj/ru/news/novosti-ministerstva-ekonomiki/1726-alasai-11-umi-komissiyai-bajni-hukumat-oid-ba-amkori-oi-ti-orativu-i-tisod-bajni-to-ikiston-va-khitoj (дата обращения: 30.06.2025).

23 Kazakhstan, China Strengthen Cooperation in Investments // Astana Times. – 2024. – URL: https://astanatimes.com/2024/10/kazakhstan-china-strengthen-cooperation-in-investments (дата обращения: 02.02.2025).

Продолжение таблицы

1	2
Министерство иностранных дел КНР	Общая политическая координация, дип. контакты и визиты на высшем уровне. Профильное подразделение – Департамент Европы и Центральной Азии[24]. Пост Специального представителя Правительства КНР по делам Евразии свидетельствует о значительном внимании к региону и существовании специального механизма для решения особо сложных вопросов и координации межведомственных усилий[25]
Министерство коммерции КНР	Двигатель торгово-экономического сотрудничества. Департамент по делам Евразии отвечает за «разработку и реализацию стратегий, программ и политик торгово-экономического сотрудничества», а также за «организацию двусторонних и региональных межправительственных торгово-экономических совместных или смешанных комиссий»[26]

Источник: составлено авторами.

Реализация основных проектов на местах возложена на крупные государственные предприятия и политические банки и финансовые институты[27].

Ведущая роль госпредприятий в экономических проектах Китая в Центральной Азии зримо проявляется в структуре ведущих китайских инвесторов в регионе. На основе статистики агрегированных потоков прямых иностранных инвестиций можно выделить 10 наиболее крупных китайских инвесторов в регионе, среди которых доминируют госкорпорации (таблица 3).

Таблица 3. Ведущие китайские инвесторы в странах Центральной Азии на основе агрегированной величины потоков прямых иностранных инвестиций в 2015–2024 гг., отраженной в базе данных *China Global Investment Tracker*

Table 3. Leading Chinese investors in Central Asian countries based on aggregated FDI flows in 2015–2024, as reflected in the China Global Investment Tracker database

Инвестор	Сумма (млн долл.)	Тип компании
China National Petroleum Corp. (CNPC)	7260	*SOE*
China Energy Engineering	2640	*SOE*
China National Chemical Engineering	2600	*SOE*
China Petroleum and Chemical (Sinopec)	2420	*SOE*
China National Machinery Industry (Sinomach)	2300	*SOE*
China International Trust and Investment (CITIC)	1730	*SOE*
State Construction Engineering	1690	*SOE*
Power Construction Corp. (PowerChina)	1290	*SOE*
China General Technology (Genertec)	730	*SOE*
China North Industries (Norinco)	710	*SOE*

Источник: American Enterprise Institute (AEI). SOE – State-Owned Enterprise (государственное предприятие).

24 The Department of European Affairs – Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // The Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2025. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zzjg_663340/xos_664404 (дата обращения: 14.02.2025).

25 MFA News – Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // The Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2025. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/wjbxw/index_95.html (дата обращения: 03.03.2025).

26 Ministry of Commerce (MOFCOM) – Organization Chart // The US-China Business Council. – 2021. – URL: https://www.uschina.org/sites/default/files/2021.04.23_mofcom_organization_chart.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

27 14th Five-Year Plan – Open to Autarky: China's Coming 5-Year Plan // Asia Society Australia. – URL: https://chinaexecutivebriefing.asiasociety.org/brief/14th-five-year-plan (дата обращения: 09.04.2025).

Крупнейший инвестор (2015–2024) – госкорпорация *CNPC*, доминирующая в энергетике в Туркменистане (проект «Амударья», газопровод «Китай – Центральная Азия») и Узбекистане (разработка месторождений Каракульского блока)[28]. В Узбекистане *CNPC* через совместное предприятие *New Silk Road Oil & Gas Company* разрабатывает газовые месторождения Каракульского блока[29].

Финансовую поддержку китайских проектов в Центральной Азии обеспечивает многоуровневая система институтов. Политические банки, такие как Эксимбанк и Банк развития Китая, предоставляют как льготные кредиты для политически значимых проектов, так и коммерческое финансирование для стратегических секторов. Инвестиционные банки (АБИИ), и государственные фонды (Фонд Шёлкового пути), в свою очередь, выступают в роли кредиторов и соинвесторов в крупных инфраструктурных и энергетических инициативах (таблица 4).

Таблица 4. Примеры ключевых финансовых структур КНР, осуществляющих финансирование проектов в странах Центральной Азии

Table 4. Examples of key financial institutions of the PRC financing projects in Central Asian countries

Финансовый институт	Роль	Примеры
1	2	3
Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк)	Предоставление льготных кредитов на политически значимые проекты	Дорога «Север – Юг» (Киргизская Республика, 400 млн долл.), ТЭЦ «Душанбе-2» (Таджикистан)[30]. Крупнейший кредитор Киргизской Республики (1,7 млрд долл.)[31]; кредиты Узбекистану на 500 млн долл. (телеком) и 220 млн долл. (ирригация)[32]
Банк развития Китая	Финансирование коммерчески жизнеспособных проектов в стратегических секторах	Ключевой финансовый партнер в ВИЭ (Шелекская ВЭС в РК), финансирование проектов *Huawei* по развитию *5G* в Республике Узбекистан[33]. Крупный кредитор для масштабных проектов (газопровод «Китай – Центральная Азия»[34])

28 Туркменистан и *CNPC* обсуждают перспективы газового сотрудничества // News Central Asia. – 2024. – URL: https://www.newscentralasia.net/2024/05/29/turkmenistan-i-cnpc-obsuzhdayut-perspektivy-gazovogo-sotrudnichestva (дата обращения: 27.04.2025).

29 Uzbekistan // CRBC. – 2017. – URL: https://www.crbc.com/site/crbcEN/77802/info/2017/46840914.html (дата обращения: 15.05.2025).

30 Alternative North-South Road (Phase 3) // China & Central Asia Studies Center. – URL: https://china-centralasia.org/project/145 (дата обращения: 22.02.2025).

31 Exim Bank of China to Reschedule Debt of Kyrgyzstan // 24.KG. – URL: https://24.kg/english/151447_Exim_Bank_of_China_to_reschedule_debt_of_Kyrgyzstan_/ (дата обращения: 08.01.2025).

32 Uzbekistan, China Eximbank Expand Cooperation With New Strategic Agreement // Trend.Az. – 2025. – URL: https://en.trend.az/business/4060616.html (дата обращения: 17.02.2025).

33 China's Renewable Energy Projects Bring $4Bn Direct Investment to Uzbekistan // Daryo.UZ. – 2024. – URL: https://daryo.uz/en/2024/07/15/chinas-renewable-energy-projects-bring-4bn-direct-investment-to-uzbekistan (дата обращения: 05.03.2025). Project 91917 // AidData (China). – URL: https://china.aiddata.org/projects/91917 (дата обращения: 29.04.2025).

34 Project 91917 // AidData (China). – URL: https://china.aiddata.org/projects/91917 (дата обращения: 29.04.2025).

Продолжение таблицы

1	2	3
Азиатский банк инфраструктурных инвестиций	Кредитование инфраструктурных и энергетических проектов	Строительство ветропарка «Жанатас» в Республике Казахстан (2019)[35], два этапа программы по развитию систем водоснабжения и канализации в Бухаре (2020 и 2022)[36], участие в многоэтапном финансировании Рогунской ГЭС в Таджикистане (с 2024)[37]
Фонд Шёлкового пути	Долгосрочные прямые инвестиции в стратегические проекты «Пояса и Пути»	В 2015 г. вложил 2 млрд долл. в совместный инвестиционный фонд «Китай – Казахстан» для проектов индустриальной кооперации[38]. В 2022 г. приобрел 49% в *ACWA Power Uzbekistan Project Holding*[39]

Источник: составлено авторами.

Институционально управляемое соразвитие: от межгосударственных мероприятий к совместным проектам

В рамках модели институционально управляемого соразвития крупные экономические инициативы не возникают спонтанно в результате рыночных процессов, а являются результатом целенаправленной деятельности, где политический импульс на высшем уровне, подкрепленный идеологией общих интересов, запускает всю институциональную и финансовую машину для реализации совместных проектов.

Сопоставление визитов на высшем уровне, подписанных деклараций и последующих экономических анонсов выявляет четкую последовательность: высокоуровневые политические договоренности создают институциональные рамки и дают старт для последующих экономических действий (таблица 5).

Функционирование работы цепочки в модели институционально управляемого соразвития можно проследить посредством анализа отдельных кейсов.

Кейс 1: Железная дорога Китай – Киргизия – Узбекистан (ККУ)

Переговоры по данному проекту велись десятилетиями, но проект оставался в тупике из-за политических и финансовых разногласий. Прорыв произошел во время визита Си Цзиньпина в Самарканд в сентябре 2022 г., когда была достигнута договоренность о начале строительства. Сразу после этого последовала быстрая практическая

35 AIIB Invests in Central Asia's Largest Wind Farm with First Project in Kazakhstan // AIIB. – 2019. – URL: https://www.aiib.org/en/news-events/news/2019/AIIB-Invests-in-Central-Asias-Largest-Wind-Farm-with-First-Project-in-Kazakhstan.html (дата обращения: 12.05.2025).

36 Uzbekistan: Bukhara Region Water Supply and Sewerage (BRWSSP) // AIIB. – 2020. – URL: https://www.aiib.org/en/projects/details/2020/approved/Uzbekistan-Bukhara-Region-Water-Supply-and-Sewerage-Project.html (дата обращения: 09.06.2025).

37 AIIB Supports Clean, Renewable Energy Development in Tajikistan and Central Asia // AIIB. – 2025. – URL: https://www.aiib.org/en/news-events/news/2025/aiib-supports-clean-renewable-energy-development-in-tajikistan-and-central-asia.html (дата обращения: 28.07.2025).

38 China Pledges $2 Bln for "Capacity Cooperation" Fund with Kazakhstan – Xinhua // Reuters. – 2015. – URL: https://www.reuters.com/article/markets/china-pledges-2-bln-for-capacity-cooperation-fund-with-kazakhstan-xinhua-idUSL3N143459/?utm_source (дата обращения: 24.01.2025).

39 ACWA Power Company and Its Subsidiaries. Interim Condensed Consolidated Financial Statements for the Three- and Nine-Month Periods Ended 30 September 2022 (Q3 2022) // AcwaPower.Com. – 2022. – URL: https://acwapower.com/media/341866/q3-2022-api-consolidated-fs_en-final.pdf (дата обращения: 18.06.2025).

Таблица 5. Примеры связки в хронологии политических событий на высшем уровне и последующих экономических соглашений, 2022–2023 гг.

Table 5. Examples of links in the chronology of high-level political events and subsequent economic agreements, 2022–2023

Дата и событие	Участники	Ключевые подписанные документы / декларации	Последующие анонсированные проекты / инвестиции
Сентябрь, 2022 г.: Государственный визит Си Цзиньпина в Узбекистан (в рамках саммита ШОС)[40]	Си Цзиньпин, Шавкат Мирзиёев	Соглашения в торгово-экономической, инвестиционной и финансово-технической сферах	Подписан пакет соглашений на общую сумму 15 млрд долл. Достигнута «историческая договоренность» о начале строительства железной дороги «Китай – Киргизия – Узбекистан»
Сентябрь, 2022 г.: Государственный визит Си Цзиньпина в Казахстан[41]	Си Цзиньпин, Касым-Жомарт Токаев	24 межправительственных и межведомственных документа	Анонсированы конкретные проекты в рамках подписанных документов, охватывающие энергетику, транспорт, торговлю и другие сферы
Май, 2023 г.: Первый саммит «Китай – Центральная Азия» (*C+C5*) в Сиане[42]	Си Цзиньпин, лидеры всех 5 стран ЦА	Сианьская декларация, учреждение механизма встреч глав государств, создание отраслевых рабочих групп	• Выделение 26 млрд юаней (около 3,8 млрд долл.) в виде безвозмездной помощи. • Дан импульс продвижению ж/д ККУ и Транскаспийского международного транспортного маршрута. • Создание партнерства по энергетическому развитию, ускорение строительства 4-й нитки газопровода «Китай – Центральная Азия». • После саммита произошел всплеск анонсов проектов в сфере ВИЭ. Китайские компании начали реализацию крупных проектов СЭС и ВЭС в Республику Казахстан и Республику Узбекистан[43]

Источник: составлено авторами.

реализация: создано совместное предприятие с контрольным пакетом у Китайской Стороны (51%, в то время как у Киргизской Республики и Республики Узбекистан по 24,5%)[44], а госкорпорация *CRCC* начала строительство ключевых тоннелей на киргизском участке[45]. Проект был назван одним из флагманов сотрудничества в рамках механизма *C+C5*, что еще раз подчеркивает его политическую значимость[46].

40 Узбекистан и Китай подписали соглашения на $15 млрд // AA.Com.TR. – 2022. – URL: https://www.aa.com.tr/ru/экономика/узбекистан-и-китай-подписали-соглашения-на-15-млрд-/2685768 (дата обращения: 10.01.2025).

41 Казахстан и Китай подписали 24 соглашения по итогам визита Си Цзиньпина // BizMedia.KZ. – 2025. – URL: https://bizmedia.kz/2025-06-16-kazahstan-i-kitaj-podpisali-24-soglasheniya-po-itogam-vizita-si-dzinpina (дата обращения: 23.02.2025).

42 China – Central Asia Summit – Special Coverage – People's Daily Online // People's Daily Online. – 2023. – URL: http://en.people.cn/102775/517848/index.html (дата обращения: 30.07.2025).

43 Kazakhstan, China Sign Key Deals in Energy, Technology, Infrastructure // The Astana Times. – 2025. – URL: https://astanatimes.com/2025/06/kazakhstan-china-sign-key-deals-in-energy-technology-infrastructure/ (дата обращения: 05.01.2025).

44 Дан официальный старт строительству железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан // Железные дороги мира. – 2025. – URL: https://zdmira.com/news/dan-ofitsialnyj-start-stroitelstvu-zheleznoj-dorogi-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan (дата обращения: 26.01.2025).

45 На железной дороге Китай – Кыргызстан – Узбекистан начато строительство трех тоннелей // Железные дороги мира. – 2025. – URL: https://zdmira.com/news/na-zheleznoj-doroge-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan-nachato-stroitelstvo-trekh-tonnelej (дата обращения: 12.02.2025).

46 Full text of Xi's keynote speech at second China–Central Asia Summit // The State Council of the PRC. – 2025. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202506/18/content_WS685222e5c6d0868f4e8f36f0.html (дата обращения: 18.02.2025).

Кейс 2: Специальная экономическая зона «Хоргос – Восточные ворота»

Международный центр приграничного сотрудничества и сухой порт «Хоргос – Восточные ворота» возникли благодаря политическим договоренностям на самом высоком уровне между Казахстаном и Китаем. Инициатива зародилась во время официального визита президента Н. Назарбаева в Китай: рамочное соглашение было подписано 24 сентября 2004 г., а уже 4 июля 2005 г. утвержден межправительственный акт, регламентирующий деятельность центра как трансграничной зоны экономического сотрудничества площадью более 528 гектаров[47]. Проект включает в себя сухой порт для перегрузки железнодорожных составов, логистическую и промышленную зоны[48]. Хаб стал платформой для дальнейшей экспансии: можно вспомнить недавний запуск строительства «Казахстанско-китайского международного промышленного города» на территории СЭЗ стоимостью более 1 млрд долл. (330 млрд тенге)[49].

Кейс 3: Прорыв в «зеленой» энергетике

На Сианьском саммите *C+C5* в 2023 г. «зеленое развитие» было объявлено одним из приоритетных направлений сотрудничества[50]. За этим заявлением последовал резкий рост инвестиций в сектор возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Китайские компании (например, *PowerChina*, при финансовой поддержке Банка развития Китая) активно реализуют проекты по строительству солнечных и ветровых электростанций общей мощностью более 1700 МВт в Республике Казахстан[51] и направили более 4 млрд долл. прямых инвестиций в сектор ВИЭ Республики Узбекистан[52]. Этот кейс показывает, как новые стратегические приоритеты, озвученные на политическом саммите, быстро трансформируются в конкретные инвестиционные проекты, реализуемые связкой «государство – корпорации».

Кейс 4: Модель «Ресурсы в обмен на инфраструктуру»

Данный кейс демонстрирует, как политические приоритеты (доступ к стратегическим ресурсам) преобладают над чисто рыночной логикой. Республика Таджикистан и Эксимбанк заключили ресурсно-инфраструктурную сделку: компания *TBEA* получила льготные кредиты Эксимбанка на строительство ТЭЦ «Душанбе-2» (реализовано в 2012–2016 гг.). В обмен на это Таджикистан предоставил *TBEA* эксклюзивные лицензии на разработку двух золотоносных месторождений – Верхний Кумарг и Восточная Дуоба – до того момента, пока инвестиции не будут полностью возмещены; также

47 Project of Establishment of the International Center for Boundary Cooperation «Khorgos» // CAREC Program. – URL: https://www.carecprogram.org/uploads/011_102_209_International-Center-for-Boundary-Cooperation-Khorgos.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

48 СЭЗ «Хоргос – Восточные ворота» – Казахский ПромТрансПроект // Казахский ПромТрансПроект. – URL: https://kazptp.kz/sez-horgos-vostochnye-vorota/(дата обращения: 21.03.2025).

49 В Казахстане появится промышленный город // LSM.kz. – 2024. – URL: https://lsm.kz/v-kazahstane-poyavitsya-promyshlennyj-gorod (дата обращения: 07.04.2025).

50 Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай – Центральная Азия» // Синьхуа Новости. – 2023. – URL: https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html (дата обращения: 28.04.2025).

51 Kazakhstan, China Sign Key Deals in Energy, Technology, Infrastructure // The Astana Times. – 2025. – URL: https://astanatimes.com/2025/06/kazakhstan-china-sign-key-deals-in-energy-technology-infrastructure/(дата обращения: 15.05.2025).

52 China's renewable energy projects bring $ 4bn direct investment to Uzbekistan // Daryo.uz. – 2024. – URL: https://daryo.uz/en/2024/07/15/chinas-renewable-energy-projects-bring-4bn-direct-investment-to-uzbekistan (дата обращения: 30.06.2025).

были предусмотрены льготы по ввозным пошлинам и НДС на оборудование, связанные со строительством и геологоразведкой[53].

Рассмотренные примеры наглядно иллюстрируют, как на практике работает модель институционально управляемого соразвития: они демонстрируют четкую и последовательную цепочку прохождения всех трех описанных выше уровней. Хотя указанная модель не обобщается на весь контур деятельности китайских компаний в Центральной Азии, поведение которых на микроуровне подвержено влиянию различных корпоративных мотивов, она отражает движущие механизмы деятельности ведущих китайских государственных ТНК, доминирующих в торгово-инвестиционной сфере в Центральной Азии, и связанных с ними экономических проектов в Центральной Азии.

Заключение

Таким образом, в статье была предложена комплексная иерархическая модель механизма принятия и реализации внешнеполитических решений КНР в отношении Центральной Азии – модель институционально управляемого соразвития. Структура данной модели имеет три основных уровня: стратегический, политико-институциональный и исполнительный.

На вершине – высшее политическое руководство КНР во главе с Председателем Си Цзиньпином и Политбюро ЦК КПК. На этом уровне формулируются глобальные доктрины и национальные стратегические планы, которые определяют место и роль Центральной Азии в большой стратегии Китая. На следующем уровне – формальные механизмы взаимодействия, которые переводят стратегические установки в плоскость межгосударственных отношений. Ключевую роль здесь играет новый китаецентричный формат *C+C5*, который служит главной площадкой для согласования позиций со всем регионом. Он дополняется разветвленной и дифференцированной сетью двусторонних межправительственных комитетов, ранг которых отражает иерархию приоритетов Пекина в отношениях с каждой из стран региона. Наконец, на исполнительном уровне происходит непосредственная реализация проектов. Он состоит из «национальной команды» акторов, включающей: 1) профильные государственные структуры; 2) политические банки и финансовые институты; 3) государственные корпорации, которые выступают в роли подрядчиков и инвесторов в регионе, реализуя конкретные проекты.

Данная модель выходит за рамки простой формулы «политика ведет экономику» и представляет собой более сложный механизм. Экономическое взаимодействие, инвестиции и инфраструктурные проекты служат не просто инструментами для достижения политических задач, а являются ядром «мягкого проектного управления», в рамках которого Пекин стремится гармонизировать свои интересы с прагматическими потребностями стран региона.

Высокоуровневые политические решения служат не просто спусковым крючком, а запускают целостную экосистему. Эта система использует идеологию («Сообщество единой судьбы») для создания общего видения, институты (*C+C5*) для управления процессом и управляемые государством финансы

53 China Eximbank provides RMB 929.9 million government concessional loan for Phase 2 of the 400MW Dushanbe CHP-2 Construction Project (Linked to Project ID#54106, #71101, #71137, #91801) // AidData (William & Mary). – URL: https://china.aiddata.org/projects/46211 (дата обращения: 03.03.2025).

и проекты для направления развития региона в стратегически желаемое русло – будь то развитие инфраструктуры для повышения транзитного потенциала региона или развитие производственных мощностей в энергоресурсном секторе в контексте обеспечения ресурсной безопасности КНР.

Соответственно, подход Китая к выстраиванию сотрудничества со странами Центральной Азии – это целостная, высокоструктурированная и централизованно управляемая стратегия. Она нацелена на планомерное и долгосрочное переформатирование геополитического и геоэкономического ландшафта региона в соответствии с национальными интересами КНР, используя для этого комбинацию институционального дизайна, экономической мощи и идеологического лидерства. В связи с этим дальнейшие исследовательские усилия должны быть направлены на разработку новых концептуальных подходов, способных адекватно описать эту сложную, многоуровневую и пространственно распределенную систему, которая активно трансформирует институциональную архитектуру современного миропорядка.

Список литературы

Вахрушин И.В., Николаев Н.А. Риски институционализации формата «Центральная Азия – Китай» для солидарности и политического доверия внутри Шанхайской организации сотрудничества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 135–152. – DOI: 10.31249/kgt/2024.02.07.

Забелла А.А., Мелкина А.Н., Иметинова Н.Н. Саммитовая дипломатия Китая в Центральной Азии // Постсоветские исследования. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 151–160.

Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России // Власть. – 2019. – №. 3. – С. 250–259.

Лексютина Я.В. Дипломатия Китая в Центральной Азии: механизм многоуровневых партнерств и многосторонние платформы // Постсоветские исследования. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 114–126.

Acosta V.S. Chinese foreign policy in Central Asia: who makes it and what matters? // Crossroads Central Asia. – 2024. – January. – 12 p. – URL: https://crossroads-ca.org/chinese-foreign-policy-in-central-asia-who-makes-it-and-what-matters (дата обращения: 15.04.2025).

Andrews-Speed P., Qiu M., Len C. Chinese engagement in Southeast Asian energy and mineral resources: motivations and outlook // Eurasian Geography and Economics. – 2016. – Vol. 57, N 3. – P. 316–342. – DOI: 10.1080/15387216.2016.1211025.

Cai K. Constructing an Analytical Framework for Explaining Chinese Foreign Policy // Chinese Political Science Review. – 2020. – Vol. 5, N 3. – P. 289–307. – DOI: 10.1007/s41111-020-00150-5.

Chao W. The Political Economy of China's Rising Role in the Shanghai Cooperation Organization (SCO): Leading with Balance // The Chinese Economy. – 2021. – Vol. 55, N 4. – P. 293–302. – DOI: 10.1080/10971475.2021.1972548.

Chen M. Beyond Donation: China's Policy Banks and the Reshaping of Development Finance // Studies in Comparative International Development. – 2020. – Vol. 55, N 4. – P. 436–459. – DOI: 10.1007/s12116-020-09310-9.

Chen M. Infrastructure finance, late development, and China's reshaping of international credit governance // European Journal of International Relations. – 2021. – Vol. 27, N 3. – P. 830–857. – DOI: 10.1177/13540661211002906.

Chen X., Fazilov F. Re-centering Central Asia: China's "New Great Game" in the old Eurasian Heartland // Palgrave Communications. – 2018. – Vol. 4. –

Art. 60. – DOI: 10.1057/s41599-018-0125-5.

Clarke M. The Belt and Road Initiative: China's New Grand Strategy? // Asia Policy. – 2017. – Vol. 24, N 1. – P. 71–79. – DOI: 10.1353/ASP.2017.0023.

Dave B., Kobayashi Y. China's silk road economic belt initiative in Central Asia: economic and security implications // Asia Europe Journal. – 2018. – Vol. 16, N 3. – P. 267–281. – DOI: 10.1007/S10308-018-0513-X.

Duan M., Duan Y. Research on Oil and Gas Energy Cooperation between China and Central-North Asian Countries under the "One Belt and One Road" Strategy // Energies. – 2023. – Vol. 16, N 21. – Art. 7326. – DOI: 10.3390/en16217326.

Hofman I. Politics or profits along the "Silk Road": what drives Chinese farms in Tajikistan and helps them thrive? // Eurasian Geography and Economics. – 2016. – Vol. 57, N 4. – P. 457–481. – DOI: 10.1080/15387216.2016.1238313.

Hoh A. China's Belt and Road Initiative in Central Asia and the Middle East // Digest of Middle East Studies. – 2019. – Vol. 28, N 2. – P. 236–256. – DOI: 10.1111/dome.12191.

Jie Y., Ridout L. Who decides China's foreign policy? The role of central government, provincial-level authorities and state-owned enterprises // Briefing Paper. Asia-Pacific Programme November 2021. – London : Chatham House, 2021. – 22 p. – URL: https://www.chathamhouse.org/2021/11/who-decides-chinas-foreign-policy (дата обращения: 15.04.2025).

Jones L., Zou Y. Rethinking the Role of State-owned Enterprises in China's Rise // New Political Economy. – 2017. – Vol. 22, N 6. – P. 743–760. – DOI: 10.1080/13563467.2017.1321625.

Makarov I., Sokolova A. The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Opportunities for Russia // International Organisations Research Journal. – 2016. – Vol. 11, N 2. – P. 40–57. – DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-40.

Nie W. China's State-owned Enterprises: Instruments of Its Foreign Strategy? // Journal of Contemporary China. – 2021. – Vol. 31, N 135. – P. 383–397. – DOI: 10.1080/10670564.2021.1966897.

Pantucci R. China in Central Asia: the first strand of the Silk Road Economic Belt // Asian Affairs. – 2019. – Vol. 50, N 2. – P. 202–215. – DOI: 10.1080/03068374.2019.1622930.

Reeves J. China's Silk Road Economic Belt Initiative: Network and Influence Formation in Central Asia // Journal of Contemporary China. – 2018. – Vol. 27, N 112. – P. 502–518. – DOI: 10.1080/10670564.2018.1433480.

Tsang S. Party-state Realism: A Framework for Understanding China's Approach to Foreign Policy // Journal of Contemporary China. – 2019. – Vol. 29, N 122. – P. 304–318. – DOI: 10.1080/10670564.2019.1637562.

Van der Kley D., Yau N. How Central Asians Pushed Chinese Firms to Localize. – [S. l.] : Carnegie Endowment for International Peace54, 2021. – URL: https://carnegieendowment.org/files/VanderKley_Yau_China_Central_Asia_REVISED_v2.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

Xue L. China's Foreign Policy Decision-Making Mechanism and "One Belt One Road" Strategy // Journal of Contemporary East Asia Studies. – 2016. – Vol. 5, N 1. – P. 23–35. – DOI: 10.1080/24761028.2016.11869095.

Zaretskaya V., Aloulou F. As of 2021, China Imports More Liquefied Natural Gas Than Any Other Country // U.S. Energy Information Administration. – 2022. – May 2. – URL: https://www.eia.gov/today-

54 Признан нежелательной организацией на территории Российской Федерации.

inenergy/detail.php?id=52258 (дата обращения: 17.03.2025).

Дэн Хао = 邓 浩. Дипломатия Китая в Центральной Азии: прогресс, опыт и будущие направления = 中国对中亚外交: 进展、经验与未来方向, 2022 // Исследования международных проблем (国际问题研究). – Кит. яз. – URL: https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/dqqk/202208/P020220803344504197044.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

Чжан Фанхуэй, Ван Цяожун = 张方慧，王巧荣. Анализ нового прогресса и направлений развития сотрудничества Китая и стран Центральной Азии в контексте «Одного пояса, одного пути» = “一带一路”背景下中国与中亚国家合作新进展与发展方向论析, 2023 // Социальные науки Нинся (宁夏社会科学). – Кит. яз. – URL: http://www.hprc.org.cn/gsyj/wjs/gjjl/202304/P020230425536534783431.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

The Chinese Global Project for Eurasia

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.06

China’s Strategy in Central Asia Through the Prism of the Institutionally Governed Co-development Model

Ninel Yu. SENIUK
PhD (Economics), Associate Professor, Faculty of World Economy and International Affairs
National Research University Higher School of Economics
Malaya Ordynka Street, 17, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: nseniuk@hse.ru
ORCID: 0000-0002-7425-9029

Alexander I. SABANTSEV
Research Intern, Center for Strategic Studies, Institute for World Military Economy and Strategy
National Research University Higher School of Economics
Malaya Ordynka Street, 17, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: asabantsev@hse.ru
ORCID:0009-0009-9619-4113

Ekaterina A. KOZLOVA
Junior Researcher, Center for Central Asian Studies
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)
Nakhimovskiy Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117218
E-mail: kozlova@iccaras.ru
ORCID: 0009-0009-1312-5594

CITATION: Seniuk N.Yu., Sabantsev A.I., Kozlova E.A. (2025). China's Strategy in Central Asia Through the Prism of the Institutionally Governed Co-development Model. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 105–123 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.06

Received: 27.09.2025.
Revised: 10.11.2025.

ABSTRACT. *The article discusses an analytical model of "institutionally-governed co-development" to explain the mechanisms for shaping and implementing China's political-economic strategy in Central Asia. It is demonstrated that this model constitutes a hierarchical three-level system. At the strategic level, the top political leadership of the PRC, headed by Xi Jinping and the Politburo, formulates the doctrinal foundations (notably, the "Community of a Shared Future" and five-year plans). At the political-institutional level, these guidelines move into inter-state relations, primarily through the Sino-centric C+C5 format and a differentiated network of bilateral intergovernmental committees. At the executive level, a "national team" of actors (including relevant government bodies, state-owned corporations, policy banks, and sovereign funds) operates to ensure the direct implementation of projects. This model goes beyond the simple "politics leads the economy" formula and functions as "soft project governance". In this system, high-level political decisions trigger a holistic ecosystem that uses organizational and financial resources to systematically and long-term reshape the region's geo-economic landscape in accordance with the strategic interests of the PRC.*

KEYWORDS: *China, Central Asia. Silk Road Economic Belt (BRI), foreign policy of the People's Republic of China (PRC); institutionally governed co-development, China–Central Asia Summits, Community of Common Destiny, Dual Circulation Strategy, 14th Five-Year Plan, Shanghai Cooperation Organisation (SCO).*

References

Acosta V.S. (2024). Chinese foreign policy in Central Asia: who makes it and what matters? *Crossroads Central Asia*. January, 12 pp. Available at: https://crossroads-ca.org/chinese-foreign-policy-in-central-asia-who-makes-it-and-what-matters, accessed 15.04.2025.

Andrews-Speed P., Qiu M., Len C. (2016). Chinese engagement in Southeast Asian energy and mineral resources: motivations and outlook. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 57, no. 3, pp. 316–342. DOI: 10.1080/15387216.2016.1211025.

Cai K. (2020). Constructing an Analytical Framework for Explaining Chinese Foreign Policy. *Chinese Political Science Review*. Vol. 5, no. 3, pp. 289–307. DOI: 10.1007/s41111-020-00150-5.

Chao W. (2021). The Political Economy of China's Rising Role in the Shanghai Cooperation Organization (SCO): Leading with Balance. *The Chinese Economy*. Vol. 55, no. 4, pp. 293–302. DOI: 10.1080/10971475.2021.1972548.

Chen M. (2020). Beyond Donation: China's Policy Banks and the Reshaping of Development Finance. *Studies in Comparative International Development*. Vol. 55, no. 4, pp. 436–459. DOI: 10.1007/s12116-020-09310-9.

Chen M. (2021). Infrastructure finance, late development, and China's reshaping of international credit governance. *European Journal of International Relations*. Vol. 27, no. 3, pp. 830–857. DOI: 10.1177/13540661211002906.

Chen X., Fazilov F. (2018). Re-centering Central Asia: China's "New Great Game" in the old Eurasian Heartland. *Palgrave Communications*. Vol. 4, article 60. DOI: 10.1057/s41599-018-0125-5.

Clarke M. (2017). The Belt and Road Initiative: China's New Grand Strategy? *Asia Policy*. Vol. 24, no. 1, pp. 71–79. DOI: 10.1353/ASP.2017.0023.

Dave B., Kobayashi Y. (2018). China's silk road economic belt initiative in Central Asia: economic and security implications. *Asia Europe Journal*. Vol. 16, no. 3, pp. 267–281. DOI: 10.1007/S10308-018-0513-X.

Deng Hao (2022). China's Diplomacy in Central Asia: Progress, Experience and Future Directions // Studies of International Problems. No. 4, pp. 100–116 (in Chinese).

Duan M., Duan Y. (2023). Research on oil and gas energy cooperation between China and Central-North Asian countries under the "One Belt and One Road" strategy. *Energies*. Vol. 16, no. 21, article 7326. DOI: 10.3390/en16217326.

Hofman I. (2016). Politics or profits along the "Silk Road": What drives Chinese farms in Tajikistan and helps them thrive? *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 57, no. 4, pp. 457–481. DOI: 10.1080/15387216.2016.1238313.

Hoh A. (2019). China's Belt and Road Initiative in Central Asia and the Middle East. *Digest of Middle East Studies*. Vol. 28, no. 2, pp. 236–256. DOI: 10.1111/dome.12191.

Igityan M.Yu. (2019). Chinese Foreign Policy in Central Asia and Russia's Interests. *Vlast'*. No. 3, pp. 250–259 (in Russian).

Jie Y., Ridout L. (2021). Who Decides China's Foreign Policy? The Role of Central Government, Provincial-Level Authorities and State-Owned Enterprises. *Briefing Paper. Asia-Pacific Programme November 2021*. London: Chatham House, 22 pp. Available at: https://www.chathamhouse.org/2021/11/who-decides-chinas-foreign-policy, accessed 15.04.2025.

Jones L., Zou Y. (2017). Rethinking the Role of State-Owned Enterprises in China's Rise. *New Political Economy*. Vol. 22, no. 6, pp. 743–760. DOI: 10.1080/13563467.2017.1321625.

Lexyutina Ya.V. (2025). Diplomacy of China in Central Asia: Multilevel Partnership Mechanisms and Multilateral Platforms. *Postsovetskie issledovaniya*. Vol. 8, no. 2, pp. 114–126 (in Russian).

Makarov I., Sokolova A. (2016). The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Opportunities for Russia. *International Organisations Research Journal*. Vol. 11, no. 2, pp. 40–57. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-40.

Nie W. (2021). China's State-Owned Enterprises: Instruments of its Foreign Strategy? *Journal of Contemporary China*. Vol. 31, no. 135, pp. 383–397. DOI: 10.1080/10670564.2021.1966897.

Pantucci R. (2019). China in Central Asia: the First Strand of the Silk Road Economic Belt. *Asian Affairs*. Vol. 50, no. 2, pp. 202–215. DOI: 10.1080/03068374.2019.1622930.

Reeves J. (2018). China's Silk Road Economic Belt Initiative: Network and Influence Formation in Central Asia. *Journal of Contemporary China*. Vol. 27, no. 112, pp. 502–518. DOI: 10.1080/10670564.2018.1433480.

Song G. (2019). China's Economic Strategy in Asia. *Asian Education and Development Studies*. Vol. 9, no. 2, pp. 219–231. DOI: 10.1108/AEDS-08-2017-0083.

Tsang S. (2019). Party-State Realism: A Framework for Understanding China's Approach to Foreign Policy. *Journal of Contemporary China*. Vol. 29, no. 122, pp. 304–318. DOI: 10.1080/10670564.2019.1637562.

Vakhrushin I.V., Nikolaev N.A. (2024). Risks of Institutionalization of the Central Asia-China Format for Solidarity and Political Trust in the Shanghai Cooperation Organization. Outlines of

Global Transformations: Politics, Economics, Law. Vol. 17, no. 2, pp. 135–152 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.02.07.

Van der Kley D., Yau N. (2021). How Central Asians Pushed Chinese Firms to Localize. *Carnegie Endowment for International Peace*[55]. Available at: https://carnegieendowment.org/files/VanderKley_Yau_China_Central_Asia_REVISED_v2.pdf, accessed 15.04.2025.

Xue L. (2016). China's Foreign Policy Decision-making Mechanism and "One Belt One Road" Strategy. *Journal of Contemporary East Asia Studies*. Vol. 5, no. 1, pp. 23–35. DOI: 10.1080/24761028.2016.11869095.

Zabella A.A., Melkina A.N., Imetinova N.N. (2025). China's summit diplomacy in Central Asia. *Postsovetskie issledovaniya*. Vol. 8, no. 1, pp. 151–160 (in Russian).

Zaretskaya V., Aloulou F. (2022). As of 2021, China Imports More Liquefied Natural Gas Than Any Other Country. *U.S. Energy Information Administration*. May 2. Available at: https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=52258, accessed 17.03.2025.

Zhang Fanghui, Wang Qiaorong (2023). Analysis of new progress and directions for the development of cooperation between China and Central Asian countries in the context of the "One Belt, One Road". *Social Sciences of Ningxia*. No. 4, pp. 65–72 (in Chinese).

55 Признан нежелательной организацией на территории Российской Федерации.

Панорама Африки и Ближнего Востока

УДК 327(1*CI)
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.07

Роль Кот-д'Ивуара в геополитической трансформации Западной Африки

Дарья Вадимовна ШЕВЧЕНКО
лаборант-исследователь Отдела антропологии Востока
Институт востоковедения РАН
ул. Рождественка, д. 12, г. Москва, Российская Федерация, 107031
E-mail: dunya.she@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-6269-8753

ЦИТИРОВАНИЕ: Шевченко Д.В. Роль Кот-д'Ивуара в геополитической трансформации Западной Африки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 124–140.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.07

Статья поступила в редакцию 10.10.2025.
Исправленный текст представлен 13.11.2025.

АННОТОАЦИЯ. *Статья посвящена участию Кот-д'Ивуара в ряде структурных и геостратегических изменений Западной Африки. Создание новой региональной архитектуры в лице Альянса государств Сахеля (АГС), дезинтеграция Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС), а также интенсификация сотрудничества государств региона с альтернативными партнерами стали ответными реакциями на кризисы безопасности, социально-политическую обстановку в государствах и распад французской неоколониальной системы. Стремительные изменения во многом усиливают региональную дестабилизацию, из-за чего своеобразной опорой могут служить наиболее устойчивые государства, одним из которых по экономическим и политическим показателям считается Кот-д'Ивуар. Целью настоящего исследования является определение влияния Кот-д'Ивуара на процесс и характер трансформации региональной системы в глобальном контексте антиколониального дискурса. Для этого решались задачи по оценке ответов государства на современные социально-политические вызовы государства (микроуровень), региональные угрозы безопасности (мезоуровень) и риски воздействия внеконтинентальных игроков (макроуровень). Анализ государственных реакций показал, что Кот-д'Ивуар придерживается преемственности в ведении внешней политики и, опираясь на поддержку западных государств, преследует цели по купированию внутренних конфликтов и сохранению элитами властно-управленческих позиций. При данной стратегии Кот-д'Ивуар выступает в роли государства-антагониста в отношении новых моделей сотрудничества, что замедляет темпы по-*

строения более стабильного и справедливого регионального порядка в Западной Африке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *геополитический фактор, Западная Африка, Кот-д'Ивуар, Альянс государств Сахеля, неоколониализм, политическая стабильность*.

Введение

Выстраивание новых геополитических контуров в Западной Африке стало ответом государств на современные угрозы безопасности, борьбу мировых держав за стратегически важные зоны региона, обострение давних внутриполитических и региональных кризисов, которые возникали в процессе построения государственности после колониального периода и продолжают существовать и переходить в открытые конфликты сейчас, когда страны укрепляют свою политическую субъектность и противостоят явлениям неоколониализма. В указанных условиях для африканских государств актуализируются вопросы практического применения национальных программ, независимое ведение внешней политики, защита суверенитета, а также формулирование национальных интересов и развитие межгосударственных отношений в соответствии с ними. Таким образом, под геополитической трансформацией Западной Африки следует понимать реализацию геостратегий, принципиально важных для государств региона в контексте внутренних вызовов и внешних рисков.

Выражением изменений современной картины региона являются случившиеся военные перевороты в Мали (2021), Буркина-Фасо (2022) и Нигере (2023), за которыми последовали создание АГС и выход трех государств из структуры Экономического сообщества стран Западной Африки. Сейчас АГС в работе над развитием своих интеграционных механизмов сталкивается с рядом угроз, включая неспособность в краткосрочной перспективе решить проблему терроризма, хрупкое положение новых правительств в Нигере и Буркина-Фасо и давление ЭКОВАС, не оставляющее попытки вернуть государства «сахельской тройки» в сообщество[1]. Несмотря на трудности, у АГС есть амбиции и возможности продолжать свое существование и развиваться как наднациональная структура, альтернативная ЭКОВАС, которое, в свою очередь, скорее всего, в сложившихся условиях также будет вынуждено перейти к серьезным реформам. Текущие изменения регионального баланса сил происходят в условиях властного транзита, который находит свое выражение в том числе на Африканском континенте, где при сохранении влияния традиционных западных государств (прежде всего США и Франции) всё большую активность и претензии на выстраивание альтернативных моделей взаимодействия проявляют незападные внешние агенты (Россия и Китай) [*Дегтерев*, 2024, с. 61], из-за чего государства региона оказываются втянуты в борьбу мировых держав за стратегически важные зоны.

В условиях турбулентности особое значение для регионального порядка приобретают наиболее стабильные государства, одним из которых для Западной Африки является Кот-д'Ивуар. Последнее десятилетие государство экономически развивается, остается привлекательным для внешних ин-

1 Bagayoko N. AES versus CEDEAO: Vers la fragmentation de l'Afrique de l'Ouest? // Fondation Méditerranéenne d'Études Stratégiques. – 2025. – 26 mars. – Франц. яз. – URL: https://fmes-france.org/aes-versus-cedeao-vers-la-fragmentation-de-lafrique-de-louest/(дата обращения: 20.09.2025).

весторов из-за отсутствия проблем с безопасностью, а также сохраняет относительную политическую стабильность. Геостратегия Кот-д'Ивуара и ее влияние на региональную динамику особенно актуально для анализа в условиях электорального процесса, связанного с президентскими выборами 25 октября 2025 г.

Факторы геополитической трансформации Западной Африки

Можно выделить три ключевых фактора геополитической и геостратегической трансформаций Западной Африки по принципу уровней их воздействия: на уровне внутриполитического развития государств (микроуровне) отметим социально-политическое неравенство, которое под влиянием различных рисков катализируется, что приводит к сменам политического руководства и новой региональной архитектуре; на региональном (мезоуровне) значимой является террористическая угроза региональной безопасности, которая исходит из региона Сахеля и имеет потенциал для расширения к государствам Гвинейского залива; на уровне международного взаимодействия (макроуровне) представляется важным рассмотреть ослабление позиций Франции, выраженное преимущественно снижением роли военно-стратегического компонента в политике африканского вектора.

Первым фактором трансформации региона на государственном уровне выступает социально-политическое неравенство в исследуемом регионе. Данная проблема характерна для всего континента, но именно в Западной Африке она привела к трансформациям за счет сложившихся специфических предпосылок, сделавших ее «взрывоопасной». В качестве исторически обусловленной предпосылки выступает прошлая колониальная зависимость стран региона от Франции, которая «не только неофициально, но и формально признавала власть влиятельных традиционных правителей, прежде всего тех, кто активно с ними сотрудничал» [*Емельянов*, 2011, с. 43]. После обретения независимости Франция продолжила в рамках политики неоколониализма те же манипуляции с элитами. Для самих правительств уже независимых государств схема внешнего патронажа была выгодна в силу того, что она выступает гарантом сохранения власти. Однако при таком раскладе основные политические институты остаются слабыми в вопросах решения проблем, свойственных полиэтническим образованиям. Таким образом, дискриминируемые этнические группы не могут использовать конвенциональные способы выражения требований и недовольств, что в конечном итоге приводит к силовому выражению давних конфликтов [*Ильяс*, 2023, с. 24]. Также к предпосылкам можно отнести территориальную близость государств Сахеля к арабским странам Северной Африки, дезинтеграционные процессы в которых влияют в том числе на Африку Южнее Сахары. Например, последствия «арабской весны» затронули государства Сахеля: это влияние отразилось на Мали [*Коротаев, Хохлова*, 2023] и Буркина-Фасо [*Исаев, Коротаев, Бобарыкина*, 2022]. Кроме того, на социально-политическое неравенство накладываются экономические показатели (в государствах «сахельской тройки» более 40% населения находятся за чертой бедности)[2], которые влия-

2 Poverty Rate by Country 2025 // World Population Review. – URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/poverty-rate-by-country (дата обращения: 20.09.2025).

ют на социальную сплоченность и лояльность к власти.

Этнические группы, испытывающие на себе тяжелые социальные условия, поражение в правах и прочие формы дискриминации, становятся объектом манипуляций. Прежде всего, население подвержено влиянию идей радикального ислама: эту «идеологию можно квалифицировать как феномен, привнесенный извне и воспринятый частью мусульман в качестве позитивной альтернативы имевшей место социальной ситуации, характеризовавшейся низким уровнем жизни значительной части населения, неэффективностью и коррумпированностью властей, их неспособностью решить насущные проблемы» [*Долгов*, 2019, с. 37]. Еще одной вариацией воздействия на население являются многочисленные оппозиционные группы, особенно они имеют воздействие на население, если состоят из военных, которые традиционно пользуются авторитетом среди африканского общества. Социально ущемленные и недовольные сообщества примыкают к военным хунтам, организующим государственные перевороты, подхватывая антиправительственные (в случае с Западной Африкой – антифранцузские) общественные настроения, и делают возможным государственные революции, запуская цепную реакцию дестабилизации по всему региону.

На региональном уровне (мезоуровень) таким фактором является проблема африканских государств в сфере безопасности – распространение международного терроризма. Для данной проблемы в целом на континенте сложился целый комплекс предпосылок социально-экономического (бедность, безработица, несправедливое распределение ресурсов), политического (институциональная слабость государств, коррупция, прозрачность и незащищенность границ, рост внутренних и межгосударственных конфликтов, которые приводят в том числе к насыщенности континента оружием), идеологического (радикализация ислама в результате разочарования населения правительствами), демографического (значительный рост мусульманского населения, в том числе в странах южнее Сахары, как за счет естественного прироста, так и за счет миграций) характера [*Костелянец*, 2016]. Для Западной Африки существуют специфические предпосылки: падение режима Муаммара Каддафи 20 октября 2011 г. в Ливии в результате операции НАТО разрушило механизмы контроля над вооружениями и границами, что привело к бесконтрольному распространению оружия, оставило движение туарегов без обещанного гражданства и привело к росту террористических движений, которые направили свои усилия на регион[3].

Выделим два этапа распространения террористической угрозы в Западной Африке по принципу темпов консолидации исламистских группировок и расширения их географии с последующим увеличением террористических актов и жертв. Первый этап, характеризующийся проникновением международного терроризма и формированием аффилированных местных группировок в регионе, обозначим с 2016 по 2020 г. Второй этап, отмеченный значительным увеличением атак и территориальным охватом действий группировок, начинается с 2020 г. и продолжается по нынешнее время.

3 Мохамед Ламин Каба. Терроризм и его последствия в Западной Африке: панорамный взгляд на транснациональное бедствие // New Eastern Outlook. – 2024. – 7 марта. – URL: https://journal-neo.su/ru/2024/03/07/terrorizm-i-ego-posledstviya-v-zapadnoj-afrike-panoramnyj-vzglyad-na-transnaczionalnoe-bedstvie/(дата обращения: 20.09.2025).

С 2016 г. количество атак в регионе резко увеличилось, и зона Сахеля стала еще одним театром действий террористических группировок с множественными очагами[4]. Это объясняется появлением в регионе двух конкурирующих между собой международных террористических организаций, каждая из которых имеет претензии на единоличный статус лидера глобального джихада: ИГИЛ (ИГ)[5] и «Аль-Каиды»[6].

ИГИЛ, ощущая свое поражение в Сирии и Ираке, стало перемещать командование, средства массовой информации и ресурсы в Африку, превращая ее во «второй фронт»[7]. Для закрепления своих позиций организация использовала местные исламистские формирования, которые откололись от джихадистской группировки «Аль-Мурабитун», и присягнула на верность ИГ в 2015 г. – региональное ответвление стало называться «Исламское государство в Большой Сахаре» (ИГ в Большой Сахаре). Базируясь в районе Липатко-Гурма, группировка с 2018 г. заручилась поддержкой населения северной части Мали, участила атаки на Нигер и способствовала эскалации салафитско-джихадистского мятежа в Буркина-Фасо[8].

ИГ в Большой Сахаре соперничает с аффилированными с «Аль-Каидой» группировками, которые пришли в регион раньше, но действовали в основном только на севере Мали. В 2017 г. отдельные группировки «Ансар ад-Дин», «Фронт освобождения Масины» (ФОМ), «Аль-Мурабитун» и «Сахарский эмират "Аль-Каида" в странах исламского Магриба» объединились, создали коалицию «Джамаат Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин» (ДНИМ), начали активно вести агитационную деятельность и расширять влияние[9].

Началом второго этапа распространения мы обозначаем 2020 г.: он стал рекордным по уровню насилия со смертельным исходом со стороны боевиков-исламистов в Сахеле. Тенденция на увеличение атак продолжилась, и число смертельных случаев к 2024 г. стала более чем в 2,5 раза выше, чем в 2020 г., когда произошел первый военный переворот в регионе[10].

Рост террористических нападений в регионе неразрывно связан с военными переворотами в Западной Африке: они одновременно являются и следствием, и причиной распространения террористических организаций в регионе. С одной стороны, разочарование общества и военных от несостоятельности правительств, уровня смертности среди мирного населения и неэффективности регионального и международного сотрудничества в сфере безопасности обостряет социально-политический кризис, что, как следствие, приводит к формированию оппозиции во главе с военными, которые организуют государственный переворот. С другой – политический кризис, наступивший в государствах

4 Africa's Constantly Evolving Militant Islamist Threat // Africa Center for Strategic Studies. – 2024. – August 13. – URL: https://africacenter.org/spotlight/mig-2024-africa-constantly-evolving-militant-islamist-threat/(дата обращения: 20.09.2025).

5 Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

6 Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

7 Семенов К. «Исламское государство» в Африке – филиалы и конкуренты // РСМД. – 2023. – 12 июля. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/islamskoe-gosudarstvo-v-afrike-filialy-i-konkurenty/(дата обращения: 20.09.2025).

8 Islamic State in the Greater Sahara (ISGS) // Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. – 2020. – 23 февраля. – URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/content/islamic-state-greater-sahara-isgs (дата обращения: 22.09.2025).

9 Eizenga D., Williams W. The Puzzle of JNIM and Militant Islamist Groups in the Sahel // Africa Center for Strategic Studies. – 2020. – December 1. – URL: https://africacenter.org/publication/puzzle-jnim-militant-islamist-groups-sahel/(дата обращения: 22.09.2025).

10 Militant Islamist Groups in Africa Sustain High Pace of Lethality // Africa Center for Strategic Studies. – 2025. – February 18. – URL: https://africacenter.org/spotlight/mig2025-militant-islamist-groups-in-africa/(дата обращения: 22.09.2025).

в результате свержения власти, парализует на время политические институты – этим временем пользуются террористические организации, активизируя атаки, вербуя население и забирая под свой контроль территории.

Значительные пробелы национальной безопасности на фоне переворотов требовали включения региональных сил ЭКОВАС, которое, однако, оказалось неэффективно. В начале 2013 г., когда началось решительное наступление повстанцев-туарегов и террористических групп на Бамако, была образована Международная миссия под африканским руководством по поддержке Мали, которая проводилась Африканским Союзом (АС) совместно с ЭКОВАС. Через полгода миссия АС была передана под международное управление и преобразована в Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации в Мали. Террористическая угроза вскрыла проблемы ЭКОВАС в области обеспечения безопасности: нехватка самофинансирования, недостаток опыта борьбы с терроризмом, логистические трудности, слабая техническая база и кризис доверия между государствами-членами [*Худайкулова*, 2023].

Государства Сахеля после военных переворотов вышли из ЭКОВАС, выразив недоверие организации в связи с отсутствием фактической помощи в противодействии терроризму, угрозами интервенции и введенными после переворотов санкциями[11], и 17 сентября 2023 г. образовали АГС. Новое интеграционное объединение, согласно подписанной участниками «Хартии Липтако-Гурма», ориентировано прежде всего на создание механизмов коллективной безопасности, в том числе с целью борьбы с терроризмом[12].

Третий выделенный нами фактор, связанный с международным влиянием на государства региона (макроуровень), – ослабление позиций Франции – проявляется прежде всего в вырождении феномена «Франсафрик», который представляет собой «систему клиентелистских связей между Пятой республикой и ее бывшими заморскими территориями, военно-политический механизм, призванный контролировать осуществление французской неоколониальной стратегии на Чёрном континенте» [*Филиппов*, 2016, с. 114].

Антитеррористическая операция французских военных сил «Бархан», неэффективная и критикуемая новым малийским правительством за пособничество террористическим группировкам, запустила цепь событий, свидетельствующих о выходе Мали из орбиты влияния Франции. Мали стала первой страной, потребовавшей вывести французские войска со своей территории. Попытки бывшей метрополии вернуть страну под свое влияние посредством давления на ЭКОВАС только усилили антифранцузские настроения в ней [*Аду, Мезяев*, 2023, с. 172]. Аналогичным образом разрыв отношений с Францией проходил и с Буркина-Фасо и Нигером, которые после переворотов также потребовали вывода французских войск.

Постепенное ослабление Франции дало возможность другим государствам обозначить свои позиции в Западной Африке. Так, Российская Федерация стала основным партнером государств Сахеля в области поставки вооруже-

11 Communiqué conjoint du Burkina Faso, de la République du Mali et de la République du Niger: Les trois pays décident de leur retrait sans délai de la CEDEAO // ONEP: Office National d'édition et de presse. – 2024. – 28 janvier. – Франц. яз. – URL: https://www.lesahel.org/communique-conjoint-du-burkina-faso-de-la-republique-du-mali-et-de-la-republique-du-niger-les-trois-pays-decident-de-leur-retrait-sans-delai-de-la-cedeao/(дата обращения: 26.09.2025).

12 Charter of Liptako-Gourma establishing the Alliance of Sahel states // Embassy of the Republic of Mali in United States of America. – URL: https://maliembassy.us/wp-content/uploads/2023/09/LIPTAKO-GOURMA-Engl___–2.pdf (дата обращения: 26.09.2025).

ний и обучения военного состава еще до военных переворотов: в 2017 г. было подписано военное соглашение с Нигером[13], в 2018-м – с Буркина-Фасо[14], в 2019-м – с Мали[15]; все соглашения продолжают действовать и сегодня. Отправка в 2021 г. в Мали контингента ЧВК «Вагнер» и последующее создание на его базе в конце 2023 г. Африканского корпуса при Министерстве обороны Российской Федерации стало важным шагом на пути к закреплению российских позиций в Западной Африке[16]. Еще один крупный агент – Китай, который традиционно предлагает инфраструктурные и экономические проекты, но в последнее время продвигает и военные (например, Китай поставляет военную технику в Мали)[17].

Таким образом, неэффективность военного контингента в регионе, имиджевые потери Франции, которая зарекомендовала себя как государство с корыстными целями, а также совокупное исчерпание смыслов и идей феномена «Франсафрик» привели Францию к снижению своего влияния в Западной Африке[18]. Данные процессы и негибкая реакция на них со стороны французского правительства затруднили дальнейшие инициативы по объединению государств Сахеля с западными странами и ЭКОВАС и создали условия для развития сплоченности в рамках АГС, совместной переориентации внешнеполитического сотрудничества, что стало свидетельством глубоких структурных изменений в регионе [*Медушевский, Абрамова*, 2024, с. 310].

Выделенные факторы связаны между собой и в совокупности создают «каскадный эффект»: риски и вызовы в отдельно взятом государстве Западной Африки, усиливая друг друга, в силу прозрачности границ, межгосударственного расселения этносов и региональной неустойчивости воздействуют на соседние государства, слабые политические институты которых не могут амортизировать их воздействие. В конечном счете региональная система не справляется с изменениями в рамках существующих механизмов ответной реакции и перестраивается – государствами создается новая региональная архитектура, в которую активно включаются ранее отсутствующие или минимально вовлеченные внешние глобальные игроки.

Влияние факторов трансформации на Кот-д'Ивуар

Выявленные факторы производят эффект регионального значения и в достаточной степени оказывают воздействие и на Кот-д'Ивуар. Для дальнейшего

13 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Нигер о военном сотрудничестве // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/1736/845 (дата обращения: 28.09.2025).

14 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Буркина-Фасо о военном сотрудничестве // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/53371/(дата обращения: 28.09.2025).

15 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Мали о военном сотрудничестве // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/57592/(дата обращения: 28.09.2025).

16 Констатян В., Чекашев А. Выход Буркина-Фасо, Мали и Нигера из ЭКОВАС. Контуры нового регионального порядка в Западной Африке // РСМД. – 2025. – 26 марта. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/vykhod-burkina-faso-mali-i-nigera-iz-ekovas-kontury-novogo-regionalnogo-poryadka-v-zapadnoy-afrike/?sphrase_id=202230143&ysclid=mgcpc26ep5640442582 (дата обращения: 30.09.2025).

17 Mali Receives Military Equipment Shipment From China // The Defense Post. – 2023. – April 27. – URL: https://thedefensepost.com/2023/04/27/mali-military-equipment-china/(дата обращения: 30.09.2025).

18 Чихачев А. Франция и Африка: очередной новый старт? // РСМД. – 2023. – 20 марта. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-i-afrika-ocherednoy-novyy-start/?ysclid=mgcpl49kwc788751580 (дата обращения: 30.10.2025).

определения стратегии ответов исследуемого государства на современные вызовы рассмотрим, каким образом они влияют на политическую стабильность.

Особое внимание стоит уделить фактору социально-политического неравенства, который несет в себе риск нестабильности для Кот-д'Ивуара как для полиэтнического государства. Рассмотрим эту проблему в исторической ретроспективе, поскольку ее причины формировались на протяжении всего периода развития независимого государства.

Исторически северные территории Кот-д'Ивуара являются местом пересечения потоков мигрантов, которые бегут от насильственных кризисов в государствах Сахеля. Имевшие место еще в колониальный период столкновения между «коренными ивуарийцами» и иностранцами с севера в постколониальный период только обострились, и негласно стала обозначаться линия разделения между мусульманским населением и мигрантами Севера и христианскими автохтонами Юга [*Филиппов*, 2016, с. 212].

Правительство не формировало национальную политику, направленную «на единство в многообразии», а скорее наоборот, последовательными действиями, которые хотя и помогали элитам удерживать властные места, углубляли этносоциальные противоречия. Так, первый президент Кот-д'Ивуара Уфуэ-Буаньи в свое правление активно покровительствовал своему народу бауле, к которому принадлежал, и шире – этносу акан, в том числе организуя места в органах публичной власти и отстаивая социальные интересы своей этнической группы, что обеспечило их доминирование в институтах государства и породило этнический снобизм акан в обществе по отношению к другим этническим сообществам, преимущественно северным [*Meledje*, 2015, p. 129, 134]. Экономический кризис на рубеже веков способствовал подъему северного населения, которое оказалось более приспособленным к социально-экономическим вызовам, и заметно ухудшил положение южан, не готовым терять преференции и доминирующее положение, – противоречия и взаимная неприязнь усилили неравенство Севера и Юга [*Филиппов*, 2016, с. 210].

На эту уже конфликтную почву легла концепция «ивуарийскости», которая появилась как социокультурный и политический феномен, подчеркивающий самобытность населения Кот-д'Ивуара и изначально введенный президентом Анри Конаном Бедье в политическое поле с целью создания единой национальной идентичности [*Kone*, 2020, p. 224]. Однако заявленная форма была далека от содержания: на социальном уровне концепция подчеркивала превосходство автохтонов Юга, преимущественно этноса акан над диула (собирательное название северных этносов), а на политическом уровне применение концепции президентами приобрело структурный характер, который включал в себя в том числе систематическое расширение механизмов по социальной изоляции «людей с Севера» [*Akindès*, 2003, p. 18]. Самым значительным политическим следствием стало принятие Конституции 2000 г., которая ограничивала число кандидатов в президенты теми гражданами, которые родились только в Кот-д'Ивуаре и от ивуарийских родителей[19], что исключало из президентских выборов популярного оппозиционера из северных общин Алассана Уаттара.

После прихода к власти Лорана Гбагбо ответом северных районов на дискриминирующие законы стало формирование ополчений, которые

19 Constitution de la République de Côte d'Ivoire du 23 juillet 2000 // Constitute. – Франц. яз. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Cote_DIvoire_2000 (дата обращения: 01.10.2025).

захватывали и удерживали север страны, а также совершили неудавшуюся попытку государственного переворота в 2002 г. [*Campbell*, 2010, p. 7]. С этого момента началась гражданская война (Первая Ивуарийская война в 2002–2007 гг.), ход которой будет опущен в данной статье; отметим лишь, что военное выражение конфликта углубило кризис, который в имплицитной форме просуществовал до выборов 2010 г. Социально-политические кризисы в Кот-д'Ивуаре являются многоуровневым конфликтом, в котором этническая принадлежность играет важную роль, но тесно связана с экономическим кризисом, миграционной политикой, политической дискриминацией и, прежде всего, вопросами гражданства [*Krupova, Cech*, 2020, p. 305]. После Второй Ивуарийской войны (2010–2011 гг.) к власти по результатам президентских выборов пришел Уаттара, который совместно с миссией ООН работал над политической стабилизацией государства, в результате чего ситуация с безопасностью улучшилась – конфликт перестал иметь силовое выражение.

Фактор террористической угрозы на мезоуровне становится всё более актуальным для Кот-д'Ивуара, так как затянувшийся кризис безопасности позволяет джихадистам расширять зону вербовки и атаковать государства к югу от Сахеля. С 2018 г. всё большую активность на юго-западе Буркина-Фасо стал проявлять ФОМ, который, обосновавшись недалеко от леса Дида на северной границе Кот-д'Ивуара, с 2020 г. атаковал ивуарийские силы безопасности, а также пост армейской жандармерии в Кафоло. С этого инцидента другие подразделения ДНИМ, пользуясь лесными зонами трансграничных парков, совершали нападения на севере страны в 2020–2021 гг.[20] Последнее нападение было совершено 25 августа 2025 г. на деревню Дифита на севере Кот-д'Ивуара. Ни одна террористическая организация не взяла на себя ответственность, однако такие особенности атаки, как локальная близость деревни к границе с Буркина-Фасо, убийство четырех человек, угон скота и кража транспортных средств, указывают на причастность экстремистской группировки[21]. Несмотря на инцидент, Кот-д'Ивуар остается наименее затронутым атаками, так как не сталкивался с террористическими инцидентами на протяжении трех лет, в отличие от других стран побережья, граничащих со странами Сахеля (прежде всего от Бенина и Того), где ситуация становится критической: число насильственных инцидентов, связанных с исламистскими группировками в пределах 50 км от границ Сахеля в Западной Африке, увеличилось более чем на 250% в 2022–2024 гг.[22]

На уровне внешних игроков в настоящее время в Кот-д'Ивуаре заметно влияние двух глобальных агентов: Франция после ухода из Сахеля применяет переформатированный вектор африканской политики, который выражается прежде всего в более дипломатичном и гибком военно-политическом направлении; США активизировали

20 Eizenga D., Gnanguênon A. Recalibrating Coastal West Africa's Response to Violent Extremism // Africa Center for Strategic Studies. – 2024. – July 22. – URL: https://africacenter.org/publication/asb43en-recalibrating-multitiered-stabilization-strategy-coastal-west-africa-response-violent-extremism/(дата обращения: 01.10.2025).

21 Ouedraogo N. Côte d'Ivoire: attaque meurtrière contre le village de Difita, près de la frontière burkinabè // Journal du Faso.com. – 2025. – 26 août. – Франц. яз. – URL: https://journaldufaso.com/cote-divoire-attaque-meurtriere-contre-le-village-de-difita-pres-de-la-frontiere-burkinabe/(дата обращения: 01.10.2025).

22 Eizenga D., Gnanguênon A. Recalibrating Coastal West Africa's Response to Violent Extremism // Africa Center for Strategic Studies. – 2024. – July 22. – URL: https://africacenter.org/publication/asb43en-recalibrating-multitiered-stabilization-strategy-coastal-west-africa-response-violent-extremism/(дата обращения: 02.10.2025).

сотрудничество. Что касается Франции, то апробация новой модели проходит именно в Кот-д'Ивуаре, как в одной из стран, исторически находящихся в зоне французского влияния. Франция встраивает элементы сотрудничества, отвечающие современным геополитическим реалиям и обеспечивающие паритет с новыми региональными игроками: после вывода французского контингента из Порт-Буэ и передачи базы ивуарийским военным в феврале 2024 г. основой нового формата взаимодействия становятся военные учения[23], проводимые Францией, а вместо дислоцирования военных баз защитой стратегически важных городов будут заниматься французские охранные компании[24]. Проблемами политики африканского направления и кризисом отношений Франции с государствами Сахеля воспользовались США, которые избрали Кот-д'Ивуар для укрепления позиций в регионе в силу выгодного географического расположения государства. Так, после закрытия американской военной базы в Нигере новым местом дислокации базы был выбран ивуарийский город Одиенне, с которого, благодаря разведывательным беспилотникам *Reaper*, американские военные могут контролировать Гвинейский залив и почти весь Сахель[25]. Для Кот-д'Ивуара поддержка западных государств обеспечивает безопасность и приток инвестиций, которые являются ключевым фактором экономического развития.

Таким образом, Кот-д'Ивуар заметно ощущает влияние факторов трансформации, но сохраняет политическую стабильность. Однако представляется важным ответить на вопрос о том, как государственные меры по ее достижению влияют на региональную трансформацию.

Стратегия Кот-д'Ивуара в меняющемся политическом ландшафте региона

Роль Кот-д'Ивуара в региональной трансформации определяется ответами правительства на вызовы, которые мы рассмотрели в предыдущих разделах статьи. Общая стратегия государства складывается из мер, которые принимает правительство на микро-, мезо- и макроуровнях для достижения устойчивости государства.

Во внутренней политике Уаттара делает основной упор на экономическое развитие государства: успехами в этой области президент объясняет выход государства из кризиса 2010-х годов и легитимирует свое правление [Страны…, 2021, с. 80]. Действительно, после Второй Ивуарийской войны с 2012 по 2023 г. экономика страны в среднем росла на 7% ежегодно, рост продолжается, при этом инфляция остается низкой в сравнении со средним уровнем Западной Африки[26]. Несмотря на то, что победа Уаттара на выборах 2020 г. объясняется рекордным экономическим ростом, а также масштабной ре-

23 Военные Франции и Кот-д'Ивуара обсудили вывод французского контингента // Африканская Инициатива. – 2024. – 11 октября. – URL: https://afrinz.ru/2024/10/voennye-franczii-i-kot-divuara-obsudili-vyvod-franczuzskogo-kontingenta/(дата обращения: 30.09.2025).

24 Гришин А. Охранники вместо солдат: как Франция меняет формат присутствия в Африке // Африканская Инициатива. – 2024. – 13 мая. – URL: https://afrinz.ru/2024/05/ohranniki-vmesto-soldat-kak-francziya-menyaet-format-prisutstviya-v-afrike/(дата обращения: 30.09.2025).

25 Côte d'Ivoire: la France se retire, les Américains arrivent… // Mondafrique. – 2024. – 5 juillet. – Франц. яз. – URL: https://mondafrique.com/international/cote-divoire-la-france-se-retire-les-americains-arrivent/(дата обращения: 30.09.2025).

26 The success of Ivory Coast is Africa's best-kept secret // The Economist. – 2025. – March 20. – URL: https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2025/03/20/the-success-of-ivory-coast-is-africas-best-kept-secret (дата обращения: 30.09.2025).

формой армии[27], оба этих достижения на практике имели спорные результаты. Экономический прогресс был неравномерным и положительно сказался в основном на городском населении Юга, обнажив региональные и этнические различия. Кроме того, поляризация населения страны сказывается и на национальной военной силе: сектор безопасности по-прежнему фактически разделен между Севером и Югом[28].

Проблема раскола населения остается актуальной, что подтверждается напряженным электоральным процессом после выдвижения Уаттары на четвертый срок в 2025 г. Баллотирование спровоцировало обвинение оппозиции в манипуляции Конституцией, так как президент продолжает использовать механизм «обнуления» ограничения сроков выдвижения после принятия поправок в Конституцию в 2016 г. Кроме того, предвыборная компания сопровождается запретом главных оппозиционных кандидатов Лорана Гбагбо, Гийома Соро и Тиджана Тиама, что усиливает противостояние Севера, поддерживающего нынешнего президента, и оппозиционного Юга. Население южных районов, несмотря на социально-экономическое развитие, всё же составляет оппозицию нынешнему президенту по ряду причин. Во-первых, экономическое благополучие становится фактором, формирующим гражданское общество, которое отличается политической активностью и заинтересованностью в демократическом процессе. Во-вторых, на Юге расположены самые густонаселенные и быстрорастущие города, в которых сконцентрирована основная рабочая сила, представленная преимущественно молодежью, – у нее за долгие годы правления Уаттара сформировался политический запрос на ротацию власти. В-третьих, большую роль играет этнический фактор: этнос акан, населяющий центральный и юго-восточные районы государства, стремится к возвращению своих привилегированных позиций за счет представленности членов этнического сообщества во власти. Проблемы нахождения демократического консенсуса, кризис легитимности, недовольства населения, которые выражаются в многотысячных митингах в главных городах Кот-д'Ивуара[29], не только обостряют предвыборную ситуацию в государстве, но и свидетельствуют о сохранении характерных для Кот-д'Ивуара национальных и политических противоречий. Таким образом, достигнутая за счет экономических показателей политическая стабильность оказывается непрочной: глубинные социально-политические проблемы, ставшие причинами двух гражданских войн, остаются нерешенными и, более того, усугубляются за счет авторитарных тенденций в государстве, из-за чего в ивуарийском обществе накапливаются протестный и конфликтный потенциалы.

Проблема терроризма на мезоуровне тесно связана с внутренней политикой Уаттары на современном этапе, поскольку в свой третий срок президент, помимо военных усилий, сделал акцент на социальном развитии в рамках борьбы с радикальным экстремизмом.

После укрепления военных сил, благодаря которым удалось добиться пре-

27 Садовская Л.М. Президентские выборы 2020 г. в Кот-д'Ивуаре // Институт Африки Российской академии наук. – 2020. – 11 декабря. – URL: https://www.inafran.ru/node/2377? ysclid=mgjxrwvh73353380990 (дата обращения: 30.09.2025).

28 Côte d'Ivoire: Six Issues Shaping the Presidential Election // Africa Center for Strategic Studies. – 2020. – 20 октября. – URL: https://africacenter.org/spotlight/six-issues-shaping-cote-divoires-presidential-election/(дата обращения: 30.09.2025).

29 В Кот-д'Ивуаре прошел еще один митинг против переизбрания действующего президента // Африканская Инициатива. – 2025. – 17 августа. – URL: https://afrinz.ru/2025/08/v-kot-divuare-proshel-eshhe-odin-miting-protiv-pereizbraniya-dejstvuyushhego-prezidenta/(дата обращения: 01.10.2025).

кращения атак[30], в 2021 г. правительство Кот-д'Ивуара начало реализацию Специальной программы для молодежи Севера – 2 (2022–2024 гг.) в качестве социально-экономических ответных мер в борьбе с терроризмом. Основное внимание в рамках первого стратегического направления программы уделялось образованию, здравоохранению, обеспечению доступа к электричеству и питьевой воде, содержанию дорог, профессиональной интеграции и занятости молодежи, а также предоставлению пособий по социальному обеспечению[31]. Тем не менее ряд основных проблем, критически влияющих на социальные условия в северных регионах Кот-д'Ивуара, остаются нерешенными: массовая миграция из приграничных государств оказывает нагрузку на социальную сферу региона[32]; безработица среди молодежи (государственная программа «Профессиональная интеграция и трудоустройство молодежи», запущенная в 2022 г.[33], оказалась неэффективна в этом вопросе, так как стажеры после прохождения государственных программ не имеют оплачиваемой работы или оплата настолько мала, что молодежь вынуждена присоединяться к маргинализированным группам, которые могут предложить бóльшую финансовую защищенность, нежели государство[34]); и наконец, основным фактором вербовки населения остается бедность (за ее чертой в Кот-д'Ивуаре находятся 37% населения, что всего на 5–8% меньше, чем в государствах «сахельской тройки»)[35]. Ввиду указанных проблем некоторые категории населения (бедная молодежь приграничных деревень, скотоводы, золотодобытчики, контрабандисты [*Assanvo*, 2023]) остаются лояльными к появлению экстремистских элементов в регионе. Они получают доступ к торговым потокам в зоне пересечения границ Мали, Кот-д'Ивуара и Буркина-Фасо и имеют возможность пополнять материальные, финансовые и людские ресурсы за счет уязвимых северных территорий.

Региональное сотрудничество в условиях национальной уязвимости может иметь прочный долгосрочный эффект только при взаимодействии с государствами Сахеля, так как основная угроза исходит из этого региона. Поскольку самой незащищенной территорией Кот-д'Ивуара остается север страны, который граничит с Буркина-Фасо и Мали, именно с этими государствами особенно важно сотрудничать. Однако после создания АГС отношения между «сахельской тройкой» и Кот-д'Ивуаром в сфере безопасности осложнились. Последние совместные операции с Буркина-Фасо проводились еще до прихода к власти военной хунты, в 2020–2021 гг. В дальнейшем после переворота сотрудничество приостановилось, и только в апреле 2024 г. министры обороны двух стран договорились о противодействии тер-

30 Assanvo W. Has Côte d'Ivoire found the solution to violent extremism? // Institute for Institute for Security Studies. – 2023. – 25 July. – URL: https://issafrica.org/iss-today/has-cote-divoire-found-the-solution-to-violent-extremism (дата обращения: 01.10.2025).

31 Ibid.

32 Côte d'Ivoire Humanitarian Situation Report No. 1 // UNICEF. – 2025. – 31 March. – URL: https://www.unicef.org/media/169716/file/C%C3%B4te-d'Ivoire-Humanitarian-Situation-Report-No.1, – 31-March-2025.pdf (дата обращения: 02.10.2025)

33 Programme spécial du Nord: 5664 premiers bénéficiaires connus // Abidjan.net. – 2022. – 27 juin. – Франц. яз. – URL: https://news.abidjan.net/articles/709545/programme-special-du-nord-5664-premiers-beneficiaires-connus (дата обращения: 03.10.2025).

34 Peltier E. A New Frontline Emerges as Jihadists Eye West Africa Coast // The New York Times. – 2025. – June 17. – URL: https://www.nytimes.com/2025/06/16/world/africa/africa-terrorism-trump-ivory-coast.html (дата обращения: 01.10.2025).

35 Poverty Rate by Country 2025 // World Population Review. – URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/poverty-rate-by-country (дата обращения: 02.10.2025).

роризму и контроле за границей[36]. Несмотря на договоренность, дипломатические и стратегические отношения двух государств развиваются в духе взаимного недоверия: Буркина-Фасо обвиняет Кот-д'Ивуар в пособничестве террористам[37], а также в последние годы имели место приграничные инциденты[38]. Дипломатические отношения Кот-д'Ивуара с Мали также остаются напряженными: отсутствует контакт глав государств[39], а также со стороны Кот-д'Ивуара исходит риторика об охлаждении военного сотрудничества ввиду поддержки Правительства Мали российскими военными[40].

Применение ограниченных и поверхностных мер в противодействии терроризму угрожает региональной безопасности, поскольку не исключена возможность превращения Кот-д'Ивуара в еще один театр действий террористов, как это случилось с Буркина-Фасо, которое еще в 2015 г. считалось буфером против распространения насильственного экстремизма на прибрежные государства, но уже сегодня утратило этот негласный статус[41].

На уровне международного взаимодействия Кот-д'Ивуар отказывается от сближения с альтернативными партнерами, несмотря на их попытки расширить сотрудничество. Например, отношения Китая и Кот-д'Ивуара основываются в основном на торговом партнерстве в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и нескольких инфраструктурных проектах в Абиджане, в то время как ведение бизнеса, масштабные инвестиционные вложения и экспорт безопасности остаются ограниченными сферами для Китая[42]. Процесс распада неоколониальной системы Франции еще в большей степени поставил Кот-д'Ивуар в позицию форпоста не только влияния Франции, но и в целом западной повестки в регионе. С одной стороны, геостратегические амбиции реализует Франция, которая стремится реабилитировать свой имидж в глазах африканских государств для сохранения своего влияния, так как регион имеет принципиальное значение для экономики государства. С другой – США, которые, используя антиколониальные нарративы против французского присутствия в Африке, закрепляют свои позиции в Кот-д'Ивуаре и через него стремятся к контролю стран Сахеля не только из экономических соображений, но и с геополитической целью не допустить расширение влияния России в регионе. В этом ракурсе Кот-д'Ивуар, помимо других положительных моментов, перечисленных в предыдущем разделе, приобретает более сильного партнера в лице США, что особенно важно для правительства в связи с президентскими выборами, однако ценой

36 Министры обороны Буркина-Фасо и Кот-д'Ивуара договорились о сотрудничестве // ИА Красная Весна. – 2024. – 20 апреля. – URL: https://rossaprimavera.ru/news/610975ca?ysclid=mfr570uid6956620115 (дата обращения: 01.10.2025).

37 Relation Burkina Faso – Côte d'Ivoire: Le Capitaine Ibrahim Traoré lâche ses vérités // Burkina 24. – Франц. яз. – URL: https://burkina24.com/(дата обращения: 02.10.2025).

38 Burkina Faso repatriates fourteen military trainees trained in Côte d'Ivoire // Africanews. – 2024. – 13 августа. – URL: https://www.africanews.com/2023/11/03/burkina-faso-repatriates-fourteen-military-trainees-trained-in-cote-divoire/(дата обращения: 02.10.2025).

39 Лидер Мали Гоита не ответил на приглашение Уаттары посетить Кот-д'Ивуар // Африканская Инициатива. – 2024. – 24 июля. – URL: https://afrinz.ru/2024/07/lider-mali-goita-ne-otvetil-na-priglashenie-uattary-posetit-kot-divuar/?ysclid=mggvi1ktnf79944368 (дата обращения: 02.10.2025).

40 Платонов В. Почему Запад раздражают только российские ЧВК? // New Eastern Outlook. – 2021. – 18 октября. – URL: https://journal-neo.su/ru/2021/10/18/pochemu-zapad-razdrazhayut-tol-ko-rossijskie-chvk/(дата обращения: 02.10.2025).

41 Abatan J.E., Matongbada M., Kwarkye S. Can the Accra Initiative prevent terrorism in West African coastal states? // Institute for Institute for Security Studies. – 2019. – 30 September. – URL: https://issafrica.org/iss-today/can-the-accra-initiative-prevent-terrorism-in-west-african-coastal-states (дата обращения: 02.10.2025).

42 Baloi A-M., China and Japan compete over business expansion in Ivory Coast // Grey dynamics. – 2021. – 15 April. – URL: https://greydynamics.com/china-and-japan-compete-over-business-expansion-in-ivory-coast/(дата обращения: 10.11.2025).

иностранных преференций становятся утрата политической субъектности и зависимость от иностранного влияния.

Резюмируем, что Правительство Кот-д'Ивуара, придерживаясь стратегии нивелировать социально-политическое напряжение экономическими достижениями, позволяет протекать конфликтам межэтнического, социального и политического характеров в латентной форме – исключение из государственной политики шагов по манифестации и институционализации конфликта приводит к дестабилизации всей политической системы. На региональном уровне сохраняется потенциал для продвижения террористических группировок к берегам Гвинейского залива из-за нерешенности социально-экономических и политических причин распространения угрозы, а также ограниченных региональных контактов в области безопасности. Уровень международных контактов всё более сводится к лавированию между двумя западными игроками – Францией и США, сотрудничество с которыми ослабляет внутренний суверенитет государства, а также препятствует сближению с важными сахельскими государствами и альтернативными внешними партнерами.

Заключение

Кот-д'Ивуар в геополитической трансформации Западной Африки принимает роль консервативного игрока, нацеленного на закрепление тех условий и порядков, которые на протяжении десятилетий позволяли государству экономически развиваться, а политическим элитам сохранять властно-управленческие позиции. На микроуровне решение проблем социально-политического развития принимает форму превентивных, «фасадных» мер правительства, принципиально не меняющих структуру общества, глубоко разделенного социально-экономически и политически. Обеспечение стабилизации своего хрупкого положения перед президентскими выборами современная политическая элита Кот-д'Ивуара находит в иностранной поддержке, а не в национальных демократических процедурах. На мезоуровне нарушение контакта Кот-д'Ивуара со странами АГС по вопросам безопасности и активное следование внешнему прозападному вектору приводят к распространению трансграничного терроризма, миграционным кризисам и дестабилизации межгосударственных отношений. Исходя из этого, можно заключить, что процессы макроуровня во многом подчиняют решения Кот-д'Ивуара на других уровнях, причем процессы, идущие вразрез с основным вектором реконфигурации Мир-Системы, который подразумевает ослабление центра мирового порядка (США и Запада) [*Гринин, Гринин, Коротаев*, 2024]. В связи с этим ориентация Кот-д'Ивуара на внешних западных агентов, которые обеспечивают устойчивость режиму, консервируя при этом национально-политическое развитие, не только ставит под вопрос способности лидеров государства проводить политику, отвечающую потребностям страны и ее населения [*Садовская*, 2025, с. 60], но и негативно влияет на выстраивание кооперативных связей с соседними государствами, гармоничное сотрудничество в ключевых сферах и устойчивое развитие региона.

Список литературы

Аду Я.Н., Мезяев А.В. Конфликт между ЭКОВАС и Мали: международно-правовые и политические аспекты // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 170–189. – DOI: 10.17323/1996-7845-2023-01-07.

Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 124–150. – DOI: 10.31249/poln/2024.02.06.

Дегтерев Д.А. «Коллективная опора на собственные силы»: новое прочтение концепции в Сахеле в контексте становления многополярного мира // Ученые записки Института Африки РАН. – 2024. – № 2. – С. 60–81. – DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-60-81.

Емельянов А.Л. Колониальная история Африки южнее Сахары : учебное пособие. – Москва : МГИМО-Университет, 2011. – 432 с.

Исаев Л.М., Коротаев А.В., Бобарыкина Д.А. Влияние «арабской весны» на «черную весну» в Буркина-Фасо // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. – 2022. – № 1. – С. 98–109.

Костелянец С.В. Терроризм и его последствия в Западной Африке: панорамный взгляд на транснациональное бедствие // Пути к миру и безопасности. – 2016. – № 2. – С. 101–113. – DOI: 10.20542/2307-1494-2016-2-101–113.

Коротаев А.В., Хохлова А.А. Мали: революционное десятилетие после «арабской весны» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2023. – Т. 148, № 2. – С. 206–223. – URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/850150187.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

Медушевский Н.А., Абрамова А.А. Анализ начального этапа становления Альянса государств Сахеля // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 3. – С. 310–315. – DOI: 10.34823/SGZ.2025.3.52065.

Садовская Л.М. Кот-д'Ивуар. Президентские выборы 2025 г. В контексте современной геополитической ситуации // Азия и Африка сегодня. – 2025. – № 5. – С. 54–61. – DOI: 10.31857/S0321507525050061.

Страны Тропической Африки: 60 лет политического и экономического развития : монография. – Москва : Институт Африки РАН, 2021. – 388 с.

Филиппов В.Р. «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. – Москва : Горячая линия – Телеком, 2016. – 376 с.

Филиппов В.Р. Французский неоколониализм: эволюция «Франсафрик» // Конфликтология / nota bene. – 2016. – № 2. – С. 114–128. – DOI: 10.7256/2409-8965.2016.2.20972.

Худайкулова А.В. Регионализация миротворчества в Африке: опыт Африканского союза // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 339–357. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-339-357.

Akindès F. Côte d'Ivoire: Socio-political Crises, 'Ivoirité' and the Course of History // African Sociological Review. – 2003. – Vol. 7, N 2. – P. 11–28.

Assanvo W. Links Between Violent Extremism and Illicit Activities in Côte d'Ivoire. – [S. l.] : Institute for Security Studies, 2023. – 24 p.

Campbell C.K. The Discursive Construction of the Ivorian Nation in the Period of Ivoirité – PhD Thesis. – Pittsburgh : University of Pittsburgh, 2010. – 301 p.

Kone D. The Concept of "Ivoirité": An Identity Based Concept and Its Impact on Socio-political Life in Ivory Coast. – USA : Unification Theological Seminary, 2020. – 12 p.

Krupova K., Cech L. A Neo-colonialist French Foreign Policy in Africa? Insights from Côte d'Ivoire // Studia Politica: Romanian Political Science Review. – 2020 – Vol. 20, N 2. – P. 291–317. – URL: https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/69916 (дата обращения: 10.11.2025).

Meledje J-C. Côte d'Ivoire: A Crisis of Leadership from Houphouët-Boigny to Bédié, Gbagbo and Ouattara – PhD Thesis. – Adelaide : Flinders University, 2015. – 427 p.

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.07

The Role of Côte d'Ivoire in the Geopolitical Transformation of West Africa

Daria V. SHEVCHENKO
Laboratory Researcher at the Department of Oriental Anthropology
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Rozhdestvenka Street, 12, Moscow, Russian Federation, 107031
E-mail: dunya.she@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-6269-8753

CITATION: Shevchenko D.V. (2025). The Role of Côte d'Ivoire in the Geopolitical Transformation of West Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 124–140 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.07

Received: 10.10.2025.
Revised: 13.11.2025.

ABSTRACT. *The article examines the issue of Côte d'Ivoire participation in a number of structural and geostrategic changes in the West African region. The creation of a new regional architecture represented by the Alliance of Sahel States, (AES), the disintegration of the Economic Community of West African States (ECOWAS), as well as the intensification of cooperation between the states of the region and alternative partners were responses to security crises, the socio-political situation in the states and the collapse of the French neocolonial system. Rapid changes in many ways increase regional destabilization, which is why the most stable states can serve as a kind of support, one of which is considered to be Côte d'Ivoire in terms of economic and political indicators. The study seeks to determine the impact of Côte d'Ivoire on the process and nature of the regional system transformation. For this purpose, the tasks of assessing the state's responses to modern socio-political challenges of the state (micro-level), regional security threats (meso-level) and the risks of exposure to non-continental players (macro-level) were solved. The analysis of government reactions has shown that Côte d'Ivoire maintains continuity in its foreign policy and, with the backing of Western nations, seeks to curb internal conflicts while ensuring that the elites retain their positions of power and governance. In this strategy Côte d'Ivoire acts as an antagonist-state in relation to new models of cooperation, which slows down the pace of building a more stable and equitable regional order in West Africa.*

KEYWORDS: *geopolitical factor, West Africa, Côte d'Ivoire, Alliance of Sahel States (AES), neocolonialism, political stability*.

References

Adu Ya.N., Mezyaev A.V. (2023). Conflict between ECOWAS and Mali: international legal and political aspects. *Bulletin of International Organizations.* Vol. 18,

no. 1. pp. 170–189 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2023-01-07.

Akindès F. (2003). Côte d'Ivoire: Socio-political Crises, 'Ivoirité' and the Course of History. *African Sociological Review.* Vol. 7, no. 2. pp. 11–28.

Assanvo W. (2023). *Links Between Violent Extremism and Illicit Activities in Côte d'Ivoire*. S. l.: Institute for Security Studies, 24 pp.

Campbell C.K. (2010). *The Discursive Construction of the Ivorian Nation in the Period of Ivoirité*. PhD Thesis. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 301 pp.

Degterev D.A. (2024). Collective Self-Reliance: Restarting the Concept in the Sahel in the Context of a Multipolarizing World Order. *Journal of the Institute for African Studies*. No. 2, pp. 60–81 (in Russian). DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-60-81.

Filippov V.R. (2016). «*Francafric*»: *The Shadow of the Elysee Palace over the Black Continent.* Moscow: Hotline – Telecom, 376 pp. (in Russian).

Filippov V.R. (2016). *French neocolonialism: the evolution of «Francafric»*. *Conflictology: nota bene*. No. 2, pp. 114–128 (in Russian). DOI: 10.7256/2409-8965.2016.2.20972.

Grinin L.E., Grinin A.L., Korotayev A.V. (2024). Global transformations of the World System and contours of a new world order. *Political Science*. No. 2, pp. 124–150 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2024.02.06.

Isaev L.M., Korotaev A.V., Bobarykina D.A. (2022). The influence of the "Arab Spring" on the "black spring" in Burkina Faso. *Bulletin of the Moscow University. Series 13. Oriental Studies*. No. 1, pp. 98–109 (in Russian).

Khudaikulova A.V. (2023). Regionalization of peacekeeping in Africa: the experience of the African Union. *Bulletin of the RUDN University. Series: International Relations.* Vol. 23, no. 2, pp. 339–357 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-339-357.

Kone D. (2020). *The Concept of «Ivoirité»: An Identity Based Concept and Its Impact on Socio-political Life in Ivory Coast.* USA: Unification Theological Seminary, 12 pp.

Korotaev A.V., Khokhlova A.A. (2023). Mali: the revolutionary decade after the «Arab Spring». *Inviolable Reserve. Debates about politics and culture.* Vol. 148, no. 2, pp. 206–223 (in Russian). Available at: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/850150187.pdf, accessed 10.11.2025.

Kostelianets S.V. (2016). Terrorism and its consequences in West Africa: a panoramic view of a transnational disaster. *Paths to Peace and Security.* No. 2. pp. 101–113 (in Russian). DOI: 10.20542/2307-1494-2016-2-101-113.

Krupova K., Cech L. (2020). A Neo-colonialist French Foreign Policy in Africa? Insights from Côte d'Ivoire. *Studia Politica: Romanian Political Science Review.* Vol. 20, no. 2. pp. 291–317. Available at: https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/69916, accessed 10.11.2025.

Meledje J-C. (2015). *Côte d'Ivoire: A Crisis of Leadership from Houphouët-Boigny to Bédié, Gbagbo and Ouattara.* PhD Thesis. Adelaide: Flinders University, 427 pp.

Medushevsky N.A., Abramova A.A. (2025). Analysis of the initial stage of the formation of the Sahel States Alliance. *Socio-humanitarian Knowledge.* No. 3, pp. 310–315 (in Russian). DOI: 10.34823/SGZ.2025.3.52065.

Sadovskaya L.M. (2025). Côte d'Ivoire. The presidential elections of 2025 in the context of the current geopolitical situation. *Asia and Africa Today*. No. 5, pp. 54–61 (in Russian). DOI: 10.31857/S0321507525050061.

Strany… (2021). *Tropical African Countries: 60 Years of Political and Economic Development.* Moscow: Institute of Africa, Russian Academy of Sciences, 388 pp. (in Russian).

Yemelyanov A.L. (2011). *The Colonial History of Sub-Saharan Africa.* Moscow: MGIMO University, 432 pp. (in Russian).

УДК 811.432.875.2:327
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.08

История распространения суахили: от языка восточноафриканского побережья до языка общеафриканского масштаба

Иван Сергеевич КОЛЬЦОВ
старший лаборант Центра изучения стран Глобального Юга
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: ivankolcov136@gmail.com
ORCID: 0009-0002-0524-0639

ЦИТИРОВАНИЕ: Кольцов И.С. История распространения суахили: от языка восточноафриканского побережья до языка общеафриканского масштаба // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 141–152.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.08

Статья поступила в редакцию 27.02.2025.
Исправленный текст представлен 06.10.2025.

АННОТАЦИЯ. *Опираясь на историко-генетический метод, рассматриваются и анализируются основные вехи эволюции языка суахили, начиная с его формирования в VIII в. Отображено развитие языка суахили как комплексное явление, отвечающее историческим вызовам. Отмечена роль языка как в контексте колониальной администрации, так и в процессе антиколониальной борьбы. Отдельной частью статьи выступает исследование места суахили в панафриканистском векторе политики Африки, а также его места в структуре ООН, трудностей, связанных с возможностью предоставления ему официального статуса языка ООН. Рассмотрены следующие этапы развития языка суахили: становление языка (VII–XIII вв.), появление арабографической письменности (XII–XIII вв.), появление португальских заимствований (XV–XVII вв.), распространение языка в районе Великих озёр (XVIII–XIX вв.), переход на латинскую графику в 1930-х годах. Обзор завершается рассмотрением современной ситуации, отмечены тенденции продвижения языка как официального языка ООН.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *язык суахили, восточноафриканское побережье, колонизация, диалекты языка суахили, стандартизация языка, панафриканизм, распространение языка суахили, ООН.*

Суахили справедливо считается самым распространенным автохтонным языком Африки, что подтверждается

внушительным числом его носителей. Так, по данным ЮНЕСКО, на суахили говорит более 200 млн чел. в 14 государствах мира, включая Оман и Йемен.

Однако важно отметить, что суахилиязычное пространство не является однородным. Оно состоит из множества диалектов и пиджинов, при этом носители языка часто являются полиязычными. Для удобства классификации Джоном Алленом [*Allen*, 1965] было предложено разделять область использования суахили на 3 ареала: *A, B, C*.

Ареал *A* охватывает прибрежные и островные районы Танзании, Кении, на которых исторически формировался язык суахили. Сегодня же для большей части их населения язык суахили служит основным средством коммуникации.

Ареал *B*, включающий почти всю материковую Танзанию, Кению и Уганду, а также некоторые районы Малави, Бурунди, Мозамбика, Замбии, Демократической Республики Конго, характеризуется полиязычием. Несмотря на главенствующую роль суахили, в определенной социальной ситуации используются языки народностей.

В ареале *C* лишь часть населения понимает и использует язык суахили, но он не распространен повсеместно [*Allen*, 1965].

Многие десятилетия в научном мире исследуется вопрос о происхождении и распространении языка суахили. Так, одним из первых в СССР поднял эту тему В.М. Мисюгин [*Мисюгин*, 1959; *Мисюгин*, 1967].

К вопросам изучения миграции и этнической истории суахили обращалась М.А. Толмачёва [*Толмачёва*, 1970]. Ряд трудов по развитию тех или иных аспектов был создан усилиями В.В. Матвеевой, В.Е. Овчинникова, Л.Е. Кубеля, А.А. Жукова. Несомненно, эта проблематика затрагивалась в той или иной степени и в работах Н.В. Громовой, М.Д. Громова, М.В. Никольской, М.Е. Смирнова, Д.М. Бондаренко, Р.З. Юзмухаметова, Н.Е. Хохольковой, А.Ю. Москвитиной, Н.С. Фроловой и др. В их работах освещены темы развития суахилиязычной литературы, истории, политики, иностранных заимствований, культуры и религии.

Ряд зарубежных исследователей также занимались изучением вопроса развития и распространения языка суахили. Так, Эрик Гилберт [*Gilbert*, 2002] исследовал трансокеанскую торговлю и влияние ее на формирование и распространение языка суахили. Бриан Моррис [*Morris*, 2006] фокусирует свое внимание на суахилийских государствах на берегу озера Малави. История языка суахили подробно описана в монографии под авторством Дж.М. Мугане [*Mugane*, 2015], а также в работах Томаса Спира [*Spear, 2002*], Мартина Уолша [*Walsh,* 2017].

Для формирования целостной картины современного состояния языка суахили следует принимать во внимание его историческое развитие. Темпы становления суахили, заложенные в прошлом, демонстрируют ряд тенденций, наблюдаемых сейчас. Необходимо помнить, что эволюция языка неразрывно связана с изменением общества, в котором он используется.

Историческая перспектива языка суахили

Традиционно считается, что арабы, персы, индусы и иные иноземцы стали переселяться на острова и линию побережья Восточной Африки, населенную в то время банту. В VII–XIII вв. взаимодействие данных народов с местным населением обусловило формирование языка кисуахили (суахили). Данный термин состоит из бантуанского префикса «ки» – класс имен, включающий

в себя в том числе языки арабской основы «свахиль» – часть побережья, гавани, прибрежные районы портовых городов. Исходя из этого, кисуахили можно дословно перевести как «язык побережья» [*Жуков,* 1971].

Анализ научной и нарративной литературы показывает, что функциональная дистрибуция языка суахили варьируется от определенного хронологического периода. Примерно в VII–XV вв. суахили был языком небольшой социоэтнической общности – васуахили.

В результате синтеза различных культур на этих территориях появилась новая цивилизация – суахилийская. Ее центрами были города-государства васуахили, в которых развивались архитектура, сельское хозяйство, литература, мореплавание.

Особый интерес в контексте развития языка суахили представляют формирование и интенсификация торговли между государственными образованиями внутренних районов Африки с азиатскими партнерами.

Васуахили, контролировавшие побережье и удобные гавани, выступали посредниками в установлении торговых связей. Это способствовало эволюции языка суахили и расширению его влияния в регионе.

Например, торговля между Мономотапой и азиатскими государствами осуществлялась через город-государство Софала. Как в своей работе пишет Э. Гилберт [*Gilbert*, 2002], это привело к распространению влияния васуахили до района реки Замбези.

В XII–XIII вв. у языка суахили появляется арабографическая письменная традиция, но единого варианта языка всё еще не существовало. Авторами были выходцы из различных суахилиязычных городов-государств, носители их диалектов. Отечественный исследователь языка суахили А.А. Жуков [*Жуков,* 1971] отмечал, что на этом этапе времени существовало несколько основных диалектов: киаму – диалект районов острова Ламу, кимвита – диалект города Момбаса, киунгуджа – диалект острова Занзибар (Унгуджа).

Приверженность автора к тому или иному жанру литературы зависела от места его проживания: тумбуизо[1], тенди[2] и ньимбо[3], машаири[4]. Такой вывод сделала немецкий исследователь поэзии на языке суахили К. Вирке [*Фролова,* 2017].

В XV в. торговая архитектура в Восточной Африке претерпела значительные изменения. Португальцы, пришедшие в регион Индийского океана, контролировали западную часть акватории и ряд ключевых суахилийских городов-государств, таких как Момбаса, Килва-Кисивани и Софала. Это привело к упадку суахилийской культуры [*Gilbert,* 2002].

В середине XVIII в. основное влияние на регион оказывали оманцы, которые, в отличие от португальцев, смогли легко интегрироваться в социальную структуру васуахили. Уже в XIX в. из-за преобладания во внутренней торговле Восточной Африки занзибарский диалект языка суахили – киунгуджа – стал самым распространенным вариантом.

Повсеместное использование языка суахили заметили и европейцы, пришедшие в регион в первой половине XIX в. Позднее сначала немецкая, а потом британская колониальная ад-

1 Тумбуизо – долгие серенады.
2 Тенди – поэмы.
3 Ньимбо – песни.
4 Машаири – стихи.

министрация использовали преимущественно суахили для управления территориями Восточной Африки.

Предполагалось, что язык суахили станет инструментом регионального единства, для чего его использование требовалось расширить [*Walsh,* 2017].

В 1925 г. был создан Межтерриториальный комитет по языку суахили (*ILC*), задачами которого были стандартизация языка суахили и решение лингвистических проблем на территориях колоний [*Robinson*, 2022].

На фоне процессов унификации языка суахили сформировались два связанных процесса: деарабизация и европеизация/христианизация. Некоторые мусульманские лидеры бойкотировали переход на латинскую графику в суахили. Так, шейх Аль-Амин бин Али призывал свою умму игнорировать «изуродованный европейцами суахили» [*Москвитина,* 2023].

Положение суахили в 1920–1930-х годах не было идентичным для всех колоний. В Кении администрация ставила под сомнение выбор киунгуджи за основу стандартной формы суахили. Администрация Уганды предпочитала консолидировать население, используя английский язык. Танганьика, наоборот, вносила непропорционально большое влияние в работу Межтерриториального комитета по языку суахили, позднее переименованного в Восточноафриканский комитет по языку суахили (*EASC*).

В 1948 г. под эгидой колониальных правительств Восточной Африки было создано Восточноафриканское литературное бюро (*EALB*). Бюро выпускало литературу не только на стандартизированном языке суахили, но и на других восточноафриканских языках, с различной степенью кодификации [*Robinson*, 2022].

Вместе с тем просветительские и общественно-политические организации Африки, а также некоторые представители интеллигенции использовали язык суахили для антиколониальной борьбы.

В 1948 г. Саадан Кандоро, один из организаторов ТАА (Африканской ассоциации Танганьики) и будущий соучредитель ТАНУ (Африканского национального союза Танганьики), опубликовал свою поэму-тенди «Следует использовать суахили» (суах. *Kitumike Kiswahili*), в которой призывает сделать суахили официальным языком Законодательного Совета Танганьики. Через год ТАА требовала вести законотворчество на языке суахили, что не было реализовано в полной мере [*Robinson*, 2022].

Для достижения своей цели данные организации часто прибегали к забастовкам и протестам. Это особенно проявилось в крупнейших портовых городах Восточной Африки, таких как Момбаса, Дар-эс-Салам. В 1947 г. в Дар-эс-Саламе произошла забастовка портовых рабочих. Язык суахили стал средством агитации и, как отмечают, языком кенийского пролетариата.

Кенийский пролетариат способствовал и укреплению языка суахили в Уганде. В этом случае язык суахили также выступал лингва франка между кенийскими и угандийскими рабочими. Создавались профсоюзные движения, использующие язык суахили. Многие из них позднее были инкорпорированы в антиколониальную борьбу.

В 1952 г. в Кении началось восстание Мау-Мау; оно интересно не только с позиции первого за много лет вооруженного восстания в Восточной Африке, но и с точки зрения использования языка суахили. Он был частью пропаганды обеих сторон. Со стороны Великобритании ее курировал Британский колониальный департамент информации; один из его проектов – «Голос Момбасы» (суах. *Sauti ya Mvita)*, кото-

рый был ориентирован на мусульманское население прибрежного района Кении, в основном суахилиязычное. Среди населения Момбасы было распространено и *Cairo Radio* («Радио Каира»), имеющее на то время вещание на двух языках: арабском и суахили. Исламская риторика данных радиостанций вызывала отклик у местного населения, а тема Мау-Мау преподносилась под нужным для колониальной администрации углом, а часто и вовсе опускалась [*Mazrui, Njogu,* 2023].

Со стороны кенийцев появились работы местных литераторов. Самым ранним произведением был рассказ Питера М. Карейти «Могила без креста: история о войне Мау-Мау» (суах. *Kaburi Bila Msalaba: Hadithi ya Vita vya Mau Mau)*; в нем рассказывается про массовые аресты народа кикуйю (гикуйю, агикуйю) и помещение их в резерваты, что явилось одним из последствий Мау-Мау. Эта тема поднималась во многих литературных произведениях, в том числе в традиционных поэмах-тенди [*Mazrui, Njogu*, 2023].

Трансформация жизни и мировоззрения африканцев неизбежно находила свое место в творчестве поэтов. Так, в 1950–1960-х годах был популярен цикл нравоучительных машаири, написанных Амри Абеди.

В 1950 г. был создан отдел вещания на языке суахили в ООН; это стало не только принятием позиций языка суахили, но и подчеркиванием поддержки антиколониальных движений Африки.

Экскурс в историческое развитие языка суахили и анализ его функциональной и территориальной дистрибуции позволяют лучше осознать дальнейшую траекторию его развития уже в независимой Африке.

Язык суахили в условиях постколониального общества

В Танганьике после обретения независимости язык суахили получает как практическую функцию – объединение многоэтнического народа, так и символическую – подчеркивает африканское самосознание. Подобная дуальность стала частью Арушской декларации 1967 г.

Восточноафриканский комитет по языку сместил фокус с региона в целом на Танганьику. В 1963–1964 гг. он перенес свои офисы из Макерере (Уганда) в Дар-эс-Салам (Танганьика). Отчасти данное решение было продиктовано стремлением проводить исследования в регионе, где язык суахили был официально признан, в отличие от Уганды, где он исторически конкурирует с языком луганда. В том же году он был переименован в Институт исследования языка суахили (суах. *Chuo cha Uchunguzi katika Lugha ya Kiswahili*), действовавший в сотрудничестве с Университетом Дар-эс-Салама [*Robinson,* 2022].

Это решение в какой-то степени нанесло урон имиджу суахили как языку региональному или даже панафриканскому, хотя дальнейшее исследование покажет, что некоторые сообщества будут продолжать использовать суахили в этой роли.

Так, в США активисты *Black Power*[5] проводили параллели между борьбой за права человека в Америке и аналогичными движениями на Африканском континенте, то есть панафриканизм стал не только африканским движением, а был идеологической опорой для многих чернокожих националистов в США. В этих кругах была популярна фигура Джулиуса Ньерере, а также

5 Движение в Америке, возникшее в начале 1960-х годов, выступающее за права афроамериканцев.

консолидация вокруг суахили, пропагандируемого им [*Громова,* 2020].

Идеи панафриканизма основывали политические курсы многих государств континента. В Танзании это подчеркивалось в том числе поддержкой народно-освободительных организаций Африки, таких как Фронт освобождения Мозамбика (*FRELIMO*), Африканский национальный конгресс (*ANC*, современный ЮАР), Союз африканского народа Зимбабве (*ZAPU*), Народное движение за освобождение Анголы (*MPLA*), Ассоциация народов Юго-Западной Африки (*SWAPO*, современная Намибия). В Танзании находились штабы данных организаций, обучение бойцов проходило также на территории Танзании, что сформировало положительный облик языка суахили.

Согласно зимбабвийскому ученому Э. Дзомбе [*Дзомбе*, 2020], включение языка суахили в систему высшего образования Зимбабве стало возможным, в частности, благодаря поддержке народно-освободительного движения Танзанией в Зимбабве.

Каждая страна суахилийского ядра имеет свои этнические особенности, что отражалось и на ситуации вокруг языка суахили.

Танзания в первые годы независимости отдавала предпочтение распространению суахили внутри государства, нежели его экспансии в другие государства региона. Так, была создана сеть институтов, состоящая из трех ключевых организаций: Национального совета Танзании по суахили (суах. *BAKITA – Baraza la Kiswahili la Taifa*), Общества композиторов и поэтов на суахили в Танзании (суах. *UKUTA – Chama cha Usanifu wa Kiswahili na Ushairi Tanzania*) и Национального совета по суахили на Занзибаре (суах. *Baraza la Kiswahili la Zanzibar* или *BAKIZA).* Эта политика в совокупности с рядом других мер, предпринятых правительством Танзании, сформировала у танзанийцев чувство национальной идентичности, базирующейся на языке суахили [The Palgrave Handbook…, 2024].

В Кении после получения независимости правительство придерживалось курса невмешательства в языковую среду, что привело к сложной лингвистической ситуации, характеризующейся региональным разделением между английским, суахили и местными языками. Другой отличительной чертой Кении является наличие множества диалектов. Такие сленги, как *Sheng* и *Engsh*, уже вышли за рамки молодежного языка и активно используются в том числе в политической коммуникации.

В Уганде после обретения независимости правительство Милтона Оботе объявило английский язык официальным языком государства. Тем не менее суахили оставался языком армии и полиции. В 1970 г. Милтон Оботе рекомендовал создать кафедру языка суахили в Университете Макерере. Следующий президент Уганды – Иди Амин – инициировал общенациональный опрос, какой язык должен стать национальным: луганда или суахили? Большая часть провинций (12) проголосовала за суахили, а 7 – за язык луганда. Для продвижения языка суахили в 1984 г. была создана Ассоциация суахили Уганды (суах. *Chama cha Kiswahili*), она продолжает свою деятельность и по сей день [*Pawlikova-Vilhanova*, 1995].

Несмотря на определенные проблемы на национальном уровне, язык суахили – единственный автохтонный язык Африки, признанный в таких крупных интеграционных структурах, как Восточноафриканское сообщество (ВАС), Сообщество развития юга Африки (САДК) и Африканский союз (АС). Как отмечает М.В. Никольская, наибольших результатов он достиг в ВАС, где имеет статус официально-

го и/или национального языка в пяти из восьми стран-членов [*Никольская,* 2024].

Увеличение числа государств – членов ВАС ведет за собой укрепление суахили в них, а иногда и расширение ареала использования. Так, в Руанде и Уганде язык суахили стал официальным вследствие вступления их в ВАС; для Бурунди, Сомали и Южного Судана, Демократической Республики Конго немаловажную роль в распространении суахили сыграл феномен трансграничной миграции.

Правительства Танзании, Кении и Уганды организовывали на своей территории лагеря для беженцев, в которых образование велось по государственным стандартам; соответственно, в Кении и Танзании преподавался и язык суахили.

Таким образом, дети беженцев, родившиеся на территории лагерей, часто владели только языком суахили. В Бурунди для таких людей неофициально используется термин *sabini na mwili*[6]. Имеется в виду 1972 г. – год, связанный с первой волной миграции, спровоцированной геноцидом. В этот год более 200 тыс. граждан Бурунди мигрировали в Танзанию, где проживали не менее 10 лет. В дальнейшем было еще несколько волн миграции из Бурунди, последняя из них была в 2015 г., когда в Танзанию переселились более 400 тыс. чел. [*Mazrui, Njogu*, 2023].

В августе 2019 г. суахили стал четвертым официальным языком САДК (Сообщество развития Юга Африки), что явилось основой для включения языка суахили в систему образования нескольких стран юга Африки.

В 2023 г. министр базового образования Ботсваны Фиделис Молао[7] объявил о планах ввести преподавание языка суахили в школах. Его уже изучают в Университете Ботсваны, на кафедре африканских языков и литературы, наряду с сетсвана[8] и икаланга[9]. Можно расценить это как некий шаг к построению экспортоориентированной экономики, что является целью государства.

Важно четко обозначить, что Ботсвана – страна, зависящая от экспорта алмазов и транспортной инфраструктуры. Поэтому торговые соглашения с другими странами Африки имеют решающее значение для продвижения интересов Ботсваны. Включение Ботсваны в САДК открыло доступ к более чем 300-млн рынку.

Конечно, для формирования общего рынка требуется единый язык. Кажется весьма маловероятным, что в случае САДК им может стать суахили, поскольку в государствах – членах САДК английский более распространен.

Распространение языка суахили за национальные границы является частью танзанийской концепции *ubidhaishaji* (суах. – маркетинг), которая рассматривает язык суахили как средство продвижения позитивного имиджа Танзании. Юридический базис концепции содержится в Национальной стратегии по маркетингу языка суахили (суах. *Mpango Mkakati wa Taifa wa Ubidhaishaji wa Kiswahili*), разработанной в 2022 г. Для достижения конечной цели был выработан комплекс мер по подготовке квалифицированных кадров и расширению географии преподавания языка суахили. В конечном

6 Суах. – 72.

7 Botswana to introduce Swahili language in local schools // CGTN. – URL: https://africa.cgtn.com/botswana-to-introduce-swahili-language-in-local-schools/(дата обращения: 27.07.2025).

8 Сетсвана (тсвана) – язык группы банту, распространенный на юге Африки.

9 Икаланга – язык группы банту, на котором говорит народ каланга в Ботсване и Зимбабве.

итоге в посольствах Танзании в других государствах открывались центры изучения языка суахили, что увеличило его распространение по миру [*Никольская,* 2024].

Еще до принятия этой концепции язык суахили приближался к «универсалистской стадии», о чем писал А. Мазруи [*Robinson*, 2022] в 1998 г. Под этим термином он понимал наиболее широкое применение языка суахили на международном уровне, в том числе в сфере научного общения и технологий.

В 2003 г. в Танзании было опубликовано первое руководство по программному обеспечению на суахили, которое составляли сотрудники *TUKI*. До этого пользователи из Восточной Африки использовали английский язык в данной сфере, из-за чего в суахили не было нужной терминологии.

В 2004 г. компания *Microsoft* в Найроби выпустила заявление, в котором объявила о своем решении выпускать программное обеспечение *MS Office* на языке суахили. Этот шаг подчеркивает коммерческий потенциал, заложенный в язык суахили. Для выработки необходимой терминологии на языке суахили была собрана комиссия из представителей Танзании, Кении и Уганды. Следует сказать, что *Microsoft* – одна из крупнейших транснациональных корпораций, использующих язык суахили [*Дзомбе*, 2020].

В 2021 г. на уровне ЮНЕСКО 7 июля был признан Всемирным днем суахили. На данный момент это единственный африканский язык, признанный на таком уровне [*Громова*, 2022].

Поскольку зона использования суахили была расширена и сформировался Ареал *C*, возникла инициатива о присвоении ему статуса официального языка ООН. Это было предложено в 2019 г. представителем Танзании в ООН. Для обоснования своей позиции он приводил следующие аргументы: во-первых, на суахили говорят почти 500 млн чел. в мире (*прим. автора:* цифра весьма завышена); во-вторых, язык суахили был признан на уровне Африканского Союза, ВАС и САДК; в-третьих, язык суахили является языком вещания многих мировых СМИ. Данный вопрос не получил широкого обсуждения ни на уровне ООН, ни в научном и политическом сообществе.

В контексте всё громче звучащих настроений о предоставлении Африке большей субъектности в мировой политике придание языку суахили статуса официального языка ООН может частично решить этот запрос.

Предполагается, что данная инициатива столкнется с рядом практических проблем. Первой из них является неопределенность в оценке численности носителей языка суахили. Так, в работе М.В. Никольской приводится показатель 150 млн чел. [*Никольская*, 2022], однако другие исследования оперируют цифрами 70–200 млн. Данная проблема проистекает из отсутствия четкого разграничения между носителями суахили как родного и как второго языка среди африканского населения.

***

Анализ ключевых этапов эволюции языка суахили раскрывает его исключительную адаптивность. Более того, он выступает фактором формирования общественного сознания, проявляя одновременно удивительную устойчивость и динамичность, позволяющие ему трансформироваться во времени и пространстве.

На раннем этапе развития язык суахили был языком определенной социоэтнической общности, но в дальнейшем он становится региональным языком лингва франка (в широком понимании – [*Виноградов*, 2010]), средством межнационального диалога, а

в последнее время становится языком континентального масштаба, представленного на уровне ряда региональных объединений Африки.

Расширение ареала использования языка суахили повлекло за собой закрепление его на уровне ЮНЕСКО. Вместе с тем это вызвало инициативы по предоставлению языку суахили статуса официального языка ООН, но на сегодняшний момент реализация ее может столкнуться с рядом трудностей.

Список литературы

Виноградов В.А. Лингва франка // Большая российская энциклопедия. – Т. 17. – Москва : БРЭ, 2010. – С. 490.

Громова Н.В. Саба Саба – Всемирный День суахили // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 11. – С. 73–79. – DOI: 10.31857/S032150750022933-8.

Громова Н.В. Язык суахили в афроамериканской культуре // Актуальные проблемы мировой политики / под ред. Т.С. Немчиновой. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета. – 2020. – С. 144–153. – DOI: 10.21638/11701/26868318.09.

Жуков А.А. К изучению этнолингвистической ситуации в Восточной Африке (о роли языка суахили) // Этнографическое обозрение. – 1971. – № 1. – С. 46–53.

Мисюгин В.М. О происхождении и распространении языка суахили // Африканский этнографический сборник. III. Труды Института этнографии АН СССР. – 1959. – Т. 52. – С. 36–47.

Мисюгин В.М. Основные черты этнической истории суахили : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ленинград : АН СССР. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1967. – 10 с.

Москвитина А.Ю. Национальный язык как тема современной латинографичной и арабографичной поэзии на суахили в Восточной Африке // Language in Africa. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 89–112. – DOI: 10.37892/2686-8946-2023-4-2-89-112.

Никольская М.В. Политическое измерение суахили в Восточной Африке: страновой и региональный аспекты // Сравнительная политика. – 2022. – № 3. – С. 74–93. – DOI: 10.46272/2221-3579-2022-3-13-74-93.

Никольская М.В. Современная языковая политика в Танзании: *cui prodest? cui bono?* // Ученые записки Института Африки РАН. – 2024. – № 3. – С. 114–130. – DOI: 10.31132/2412-5717-2024-68-3-114-130.

Толмачёва М.А. Восточная Африка в средневековых арабских известиях. Этногеографическое исследование : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ленинград : АН СССР. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1970. – 23 с.

Фролова Н. С. Феномен кенийской суахилиязычной поэзии: консервация и обновление поэтической традиции // Африканский сборник. – 2017. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2017. – С. 194–219.

Allen J. The case for developing Swahili // East African Journal. – 1965. – Vol. 2, N 2. – P. 29–34.

Gilbert E. Coastal East Africa and the Western Indian Ocean: Long-Distance Trade, Empire, Migration, and Regional Unity, 1750–1970 // The History Teacher. – 2002. – Vol. 36, N 1. – P. 7–34. – DOI: 10.2307/1512492.

Mazrui A., Njogu K. Swahili in Spaces of War a Sociolinguistic Odyssey / Palgrave Studies in Languages at War. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2023. – 232 p.

Morris B. The ivory trade and chiefdoms in pre-colonial Malawi // The Society of Malawi Journal. – 2006. – Vol. 59, N 2. – P. 6–23.

Mugane J.M. The Story of Swahili. – Ohio : Ohio University Press, 2015. – 334 p.

Pawlikova-Vilhanova V. Swahili and the dilemma of Ugandan language policy // Asian and African Studies. – 1996. – Vol. 5, N 2. – P. 158–170.

Robinson M.J. A Language for the World. – Ohio : Ohio University Press, 2022. – 270 p.

Spear T. Early Swahili History Reconsidered // The International Journal of African Historical Studies. – 2002. – Vol. 33, N 2. – P. 257–290.

The Palgrave Handbook of Language Policies in Africa / Ed. by E.M. Lisanza, L. Muaka. – Cham : Palgrave Macmillan, 2024. – Xxviii, 752 p.

Walsh M. The Swahili language and its early history // The Swahili World / Ed. by S. Wynne-Jones, A. LaViolette. London : Routledge, 2017. – P. 121–128. – DOI: 10.4324/9781315691459-8.

Дзомбе Э. История и развитие суахили в Зимбабве = Dzombe E.Historia na Maendeleo ya Kiswahili Nchini Zimbabwe // Языковое зеркало. Университет Зимбабве = Kioo cha Lugha.Chuo kikuu cha Zimbabwe. – 2020. – Vol. 17. – P. 1–14. – Суах. яз.

Салах А. Современное состояние педагогики на языке суахили в Египте. = Salah A. Hali ya ufundishaji wa Kiswahili nchini Misri // Форум суахили = Swahili Forum. – 2023. – Vol. 30. – P. 104–117. – Суах. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.08

The History of the Spread of the Swahili Language: From the Language of the East African Coast to the Pan-African Language

Ivan S. KOL'TSOV
Senior Laboratory Assistant, Center for Global South Research
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: ivankolcov136@gmail.com
ORCID: 0009-0002-0524-0639

CITATION: Kol'tsov I.S. (2025). The History of the Spread of the Swahili Language: From the Language of the East African Coast to the Pan-African Language. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 141–152 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.04.08

Received: 10.10.2025.
Revised: 13.11.2025.

ABSTRACT. *Based on the historical and genetic method, the main milestones of the evolution of the Swahili language, starting with its formation in the 8th century, are considered and analyzed. The development of the Swahili language is shown*

as a complex phenomenon that meets historical challenges. The role of the language in both colonial administration and anti-colonial struggle is noted. A separate part of the article presents the study of the place of Swahili in the pan-Africanist vector of African politics, as well as its place in the UN structure, and the difficulties associated with the possibility of granting it the official status of a UN language. The following stages of the development of the Swahili language are considered: the formation of the language in the 7-13th centuries, the appearance of Arabic script in the 12-13th centuries, the appearance of Portuguese borrowings in the 15-17th centuries, the spread of the language to the Great Lakes region in the 18-19th centuries, the transition to Latin script in the 1930s. The review concludes with a review of the current situation, noting trends in promoting the language as the official language of the United Nations.

KEYWORDS: *Swahili language, East African coast, colonization, dialects of the Swahili language, standardization of the language, pan-Africanism, the spread of the Swahili language, the United Nations.*

References

Allen J. (1965). The case for developing Swahili. *East African Journal.* Vol. 2, no. 2, pp. 29–34.

Dzombe E. (2020). History and development of Swahili in Zimbabwe. *Kioo cha Lugha. Chuo kikuu cha Zimbabwe = Language Mirror. University of Zimbabwe*. Vol. 17, pp. 1–14 (in Swahili).

Frolova N.S. (2017). The phenomenon of Kenyan Swahili poetry: preservation and renewal of the poetic tradition. *African Collection.* St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, pp. 194–219 (in Russian).

Gilbert E. (2002). Coastal East Africa and the Western Indian Ocean: Long-Distance Trade, Empire, Migration, and Regional Unity, 1750–1970. *The History Teacher.* Vol. 36, no. 1, pp. 7–34. DOI: 10.2307/1512492.

Gromova N.V. (2020). The Swahili language in African-American culture. In: Nemchinova T.S. (ed.). *Current Issues in World Politics.* St. Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University, pp. 144–153 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/26868318.09.

Gromova N.V. (2022). Saba Saba – World Swahili Day. *Asia and Africa Today*. No. 11, pp. 73–79 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750022933-8.

Mazrui A., Njogu K. (2023). *Swahili in Spaces of War a Sociolinguistic Odyssey* (Palgrave Studies in Languages at War). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 232 pp.

Misyugin V.M. (1959). On the origin and distribution of the Swahili language. In: *African Ethnographic Collection, III, Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences.* Vol. 52, pp. 36–47 (in Russian).

Misyugin V.M. (1967). *The Main Features of the Swahili Ethnic History.* Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Leningrad: USSR Academy of Sciences. N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnography, 10 pp. (in Russian).

Morris B. (2006). The ivory trade and chiefdoms in pre-colonial Malawi. *The Society of Malawi Journal.* Vol. 59, no. 2, pp. 6–23.

Moskvitina A.Yu. (2023). National language as a theme of modern Latin and Arabic poetry in Swahili in East Africa. *Language in Africa*. Vol. 4., no. 2, pp. 89–112 (in Russian).

Mugane J.M. (2015). The Story of Swahili. Ohio: Ohio University Press, 334 pp.

Nikolskaya M.V. (2022). The political dimension of Swahili in East Africa: country and regional aspects. *Sravnitel'naya politika*. No. 3, pp. 74–93 (in Russian). DOI: 10.46272/2221-3579-2022-3-13-74-93.

Nikolskaya M.V. (2024). Contemporary language policy in Tanzania: Cui prodest? Cui bono? *Journal of the Institute for African Studies*. No. 3, pp. 114–130 (in Russian). DOI: 10.31132/2412-5717-2024-68-3-114-130.

Pawlikova-Vilhanova V. (1995). Swahili and the dilemma of Ugandan language policy. Asian and African Studies. Vol. 5, no. 2, pp. 158–170.

Robinson M.J. (2022). *A Language for the World*. Ohio: Ohio University Press, 270 pp.

Salah A. (2023). The current state of pedagogy in the Swahili language in Egypt. *Swahili Forum*. Vol. 30, pp. 104–117 (in Swahili).

Spear T. (2000). Early Swahili History Reconsidered. *The International Journal of African Historical Studies*. Vol. 33, no. 2, pp. 257–290.

The Palgrave Handbook… (2024). Lisanza E.M., Muaka L. (eds). The *Palgrave Handbook of Language Policies in Africa*. Cham: Palgrave Macmillan, xxviii + 752 pp.

Tolmacheva M.A. (1970). *East Africa in Medieval Arabic News. Etno-geographical Research*. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Leningrad: USSR Academy of Sciences. N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnography, 23 pp. (in Russian).

Vinogradov V.A. (2010). Lingua franca. In: *Great Russian Encyclopedia*. Vol. 17. Moscow: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 490 p. (in Russian).

Walsh M. (2017). The Swahili language and its early history. In: Wynne-Jones S., LaViolette A. (eds.). *The Swahili World*. London: Routledge, pp. 121–128. DOI: 10.4324/9781315691459-8.

Zhukov A.A. (1971). On the Study of the Ethnolinguistic Situation in East Africa (On the Role of the Swahili Language). *Etnograficheskoe Obozrenie*. No. 1, pp. 46–53 (in Russian).

С точки зрения экономики

УДК 339.94:341.9(1*ZA :: 1*RU)
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.09

Правовые гарантии развития российско-южноафриканского экономического сотрудничества: досудебный порядок защиты налогоплательщика в ЮАР

Александр Николаевич КОЗЫРИН
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
профессор кафедры административного и финансового права Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, Российская Федерация, 117198
E-mail: kozyrine@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8811-6176

ЦИТИРОВАНИЕ: Козырин А.Н. Правовые гарантии развития российско-южноафриканского экономического сотрудничества: досудебный порядок защиты налогоплательщика в ЮАР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 153–168.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.09

Статья поступила в редакцию 03.09.2025.
Исправленный текст представлен 21.10.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01610, https://rscf.ru/project/24-28-01610/.

АННОТАЦИЯ. *Развитие экономических отношений между Россией и ЮАР основано на эффективных правовых гарантиях. Налогообложение бизнеса является конфликтной областью, поэтому для создания благоприятного инвестиционного климата необходим надежный механизм правовой защиты нерезидентов в налоговых отношениях. В ЮАР судебные разбирательства могут длиться годами, поэтому досудебное разрешение налоговых споров – единственный способ обеспечить оперативную правовую защиту прав налогоплательщиков. В ЮАР действует многоступенчатая система досудебного разрешения налоговых споров, которая сочетает в себе императивный характер налогового законодательства с диспозитивным характером частного права, позволяя налогоплательщикам самостоятельно выбирать свое процессуальное поведение.*

Это обеспечивает баланс между государственными и частными интересами в области налогообложения. На практике особенно популярны альтернативные методы разрешения конфликтов, такие как медиация и арбитраж. Если применение альтернативных инструментов не приводит к желаемому результату для налогоплательщика, он имеет право до обращения в суд подать жалобу в административный трибунал – Налоговый совет или Налоговый суд. В статье анализируются порядок формирования административных трибуналов и процедуры принятия решений, установленные Законом о налоговом администрировании 2011 г. Чтобы урегулировать спор с налоговой службой во внесудебном порядке, налогоплательщик может также обратиться к налоговому омбудсмену, в полномочия которого входит рассмотрение любых жалоб, связанных с применением налогового законодательства должностными лицами налоговой службы. Налоговый омбудсмен разрешает все споры, используя инструменты медиации, пытаясь примирить налогоплательщика и фискальный орган. Особенностью института налогового омбудсмена является его взаимодействие при разрешении налоговых споров с общественным защитником – правозащитным учреждением, созданным в соответствии с Конституцией ЮАР. Почти все средства правовой защиты, предусмотренные законодательством ЮАР для налогоплательщиков, отличаются своей эффективностью и экономичностью с точки зрения затрат. К этому следует добавить преимущества, связанные с цифровизацией налогового процесса, позволяющие иностранному инвестору практически полностью перевести судебный процесс в онлайн-формат.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *ЮАР, гарантии защиты налогоплательщика, досудебное урегулирование налоговых споров, альтернативные способы разрешения конфликтов, административные трибуналы, Налоговый совет, Налоговый суд, налоговый омбудсмен.*

Во внешнеэкономической политике Российской Федерации, ориентированной на Глобальный Юг, особое место занимают африканские страны, а среди них ЮАР – один из крупнейших партнеров Российской Федерации на Африканском континенте.

Интересы российского бизнеса в ЮАР не связаны с сиюминутной политической и внешнеторговой ситуацией. Они объективно обусловлены тем местом, которое это государство занимает в мировой экономике. ЮАР, являющуюся членом БРИКС и единственной африканской страной – участницей «Большой двадцатки» (*G20*), называют финансовым центром Африки, поскольку благодаря либеральному инвестиционному и налоговому законодательству в этой стране созданы максимально комфортные условия для развития бизнеса.

Российско-южноафриканские политические и торгово-экономические отношения динамично развиваются на протяжении вот уже трех десятилетий после отмены апартеида в ЮАР в 1994 г. Сотрудничество России и ЮАР складывается как на многосторонней основе (БРИКС, саммиты «Россия – Африка»), так и в двустороннем формате, правовой основой которого стал заключенный в 2006 г. Договор о дружбе и партнерстве[1].

Наряду с этим Договором международно-правовую базу российско-южноафриканского сотрудничества составля-

1 Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 2009. – № 16. – Ст. 1862.

ют «отраслевые» межправительственные соглашения, регулирующие различные сферы двустороннего сотрудничества: торгово-экономические отношения (соглашение 1993 г.), сотрудничество в области туризма (1998), культуры (1999), разведки и добычи полезных ископаемых (1999), морского транспорта (2005), здравоохранения (2006), водных ресурсов и лесного хозяйства (2007), энергетики (2013), атомной энергетики и промышленности (2014), науки и техники (2014), сельского хозяйства (2018) и т. д.[2]

В системе международно-правовых источников, регулирующих двусторонние отношения, следует особо выделить межправительственные соглашения, нацеленные непосредственно на защиту прав и законных интересов иностранных инвесторов и налогоплательщиков-нерезидентов: Соглашение об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доход (1995)[3] и Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений (1998)[4].

Институционализация двусторонних отношений проявляется в формировании различных межправительственных комиссий и рабочих групп, таких как Смешанный межправительственный комитет по торгово-экономическому сотрудничеству (очередное 18-е заседание прошло в Москве в апреле 2025 г.), Совместная комиссия по научно-техническому сотрудничеству, Смешанная межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству, Совместный координационный комитет по сотрудничеству в области мирного использования атомной энергии, рабочие группы по сотрудничеству в области энергетики, сельского хозяйства, здравоохранения и медицинской науки.

Поступательно развиваются двусторонние экономические отношения на межрегиональном уровне: шесть субъектов Российской Федерации подписали рамочные документы с южноафриканскими провинциями [*Рогачев*, 2022, с. 82–87].

Организационно-правовая основа сотрудничества России и ЮАР прирастает также соглашениями между национальными ассоциациями бизнеса[5] и созданными ими деловыми площадками (в 2006 г. в целях содействия экономическим операторам обеих стран был учрежден российско-южноафриканский Деловой совет).

Отлаженный организационно-правовой механизм двусторонних отношений – необходимая предпосылка для роста основных показателей российско-южноафриканской внешней торговли[6]. В 2023 г. товарооборот между Россией и ЮАР превысил 1,2 млрд долл. США[7]. По данным Службы доходов ЮАР, объем товарооборота с Россией в январе – июне 2024 г. увеличился на 33% по сравнению с аналогичным периодом 2023 г., составив 355 млн долл.

2 Доступ к двусторонним соглашениям: справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

3 СЗ РФ. 2001. – № 31. – Ст. 3175.

4 СЗ РФ. 2001. – № 31. – Ст. 3174.

5 «Деловая Россия» заключила трехстороннее соглашение с Национальным советом темнокожего бизнеса и деловым советом «Россия – ЮАР» // Деловая Россия. – 2024. – 21 октября. – URL: https://deloros.ru/press-centr/novosti/novosti-mezhdunarodnoy-deyatelnosti/delovaya-rossiya-zaklyuchila-trekhstoronne-soglashenie-s-natsionalnym-sovetom-temnokozhego-biznesa-i/?ysclid=mcvzkk9hdt40805176 (дата обращения: 15.06.2025).

6 Показатели динамики развития внешнеэкономических связей России и ЮАР в настоящее время подвержены колебаниям из-за санкционной политики, проводимой в отношении России недружественными странами, и вторичных санкций, вводимых в отношении государств, развивающих экономические связи с Российской Федерацией.

7 Товарооборот России и ЮАР составил $ 1,2 млрд в 2023 году // Африканская Инициатива. – 2024. – 6 июня. – URL: https://afrinz.ru/2024/06/tovarooborot-rossii-i-yuar-sostavil-12-mlrd-v-2023-godu-tpp/?ysclid=mcw4bkip8g380885153 (дата обращения: 15.06.2025).

США[8]. ЮАР сохраняет за собой 1-е место по объему товарооборота с Россией среди стран Африки южнее Сахары.

Оценивая современное состояние российско-южноафриканских торгово-экономических отношений, нельзя не отметить и ряд проблемных мест, связанных как с особенностями политической и экономической системы ЮАР (политическая нестабильность, повсеместная коррупция, частые энергетические кризисы, высокий уровень преступности и др.), так и с негативными последствиями санкционного режима в отношении России. Первые влияют на стабильность и прибыльность бизнеса, а со вторыми связаны угрозы вторичных санкций, являющиеся существенными юридическими и репутационными рисками для южноафриканских компаний, выстраивающих планы сотрудничества с российскими предпринимателями.

Дальнейшие перспективы расширения двусторонних контактов напрямую связаны с организацией эффективного юридического сопровождения и правовой защиты иностранного участника внешнеэкономической деятельности, в нашем случае – российской организации, работающей на территории ЮАР. Хорошо налаженное юридическое сопровождение бизнеса позволит ему оставаться в рамках правомерного экономического поведения, лучше адаптироваться к требованиям, установленным налоговым законодательством ЮАР. Сделать это оказывается непросто из-за высокой степени конфликтогенности в сфере налогообложения бизнеса. Причин частого появления налоговых споров между предпринимателями и налоговой администрацией много. Одни носят общий характер – постоянное столкновение частных и публичных интересов, желание бизнеса минимизировать налоговую нагрузку, в том числе за счет налогового планирования, которое принимает, как считают налоговые органы, нередко агрессивные формы [*Viljoen, du Preez,* 2025, p. 1–16]. Другие связаны с особенностями сформировавшейся в ЮАР правовой системы, в которой переплелись черты общего английского, голландского и африканского обычного права [*Sacco*, 2007; *Meintjes-Van der Walt*, 2011].

В образовавшейся смешанной правовой системе в отношении налогово-правового регулирования доминируют подходы англо-американского права, проявившиеся, в частности, в отсутствии в ЮАР кодифицированного налогового законодательства и рассредоточенности налоговых норм по различным несистематизированным актам, а также в особой роли судебных прецедентов и так называемого **вторичного налогового права** – актов делегированного законодательства, издаваемых органами исполнительной власти [*Козырин*, 2024, с. 26–48].

Особенностью правоприменительной практики в ЮАР является также активное применение **налоговых рулингов** – адресных предварительных решений налоговых органов, имеющих юридические последствия для налогоплательщика, в том числе в случае привлечения его к ответственности за нарушение налогового законодательства [*Надточий*, 2023, с. 26–29].

Ориентироваться бизнесу в столь непростой правовой среде помогает юридический консалтинг, сопровождающий внешнеэкономические сделки сразу по двум направлениям:

- налоговое планирование, позволяющее минимизировать налоговые

8 Межгосударственные отношения России и ЮАР // РИА Новости. – 2025. – 19 июня. – URL: https://ria.ru/20250619/yuar-2023659299.html?ysclid=mcvysw0kbp886343854 (дата обращения: 18.06.2025).

платежи, не совершая противоправных действий;

• защита прав и законных интересов налогоплательщиков при возникновении налоговых споров.

Предметом статьи является второе из перечисленных направлений – сформировавшийся в ЮАР механизм защиты налогоплательщика, более конкретно – та его часть, которая связана с наиболее востребованным на практике **досудебным порядком** разрешения налоговых споров.

Система правовой защиты иностранного инвестора-налогоплательщика по законодательству ЮАР

ЮАР остается привлекательным инвестиционным центром в Африке, несмотря на колебания инвестиционной статистики[9]. Среди основных факторов, формирующих благоприятный инвестиционный климат в стране, наряду с экономическими (сильный промышленный сектор, хорошо регулируемые рынки капитала, наличие стимулирующих программ для привлечения иностранных инвестиций и т. д.) упоминаются и правовые: стабильная правовая система, отсутствие существенных ограничений на иностранную частную собственность и т. д. Для создания оптимальной для иностранных инвестиций правовой среды необходимо не только выгодное для иностранного капитала экономическое законодательство (налоговое, таможенное, валютное и инвестиционное), но и высокие стандарты защиты прав и законных интересов иностранных участников внешнеэкономической деятельности[10].

В ЮАР на рубеже XX–XXI вв. сложилась современная система правовой защиты налогоплательщика, которая, с одной стороны, соответствует традициям англо-американской правовой семьи, а с другой – отражает тенденции развития правовых и судебных институтов в демократическом обществе.

Защита прав и законных интересов налогоплательщика осуществляется, во-первых, через разнообразные способы информирования и консультирования, предусмотренные налоговым и таможенным законодательством [*Croome*, 2008; *Williams*, 1995], во-вторых, с помощью досудебного урегулирования фискальных (налоговых и таможенных) споров и, в-третьих, путем обращения с исками в судебные органы.

Системное толкование норм Закона ЮАР № 28 «О налоговом администрировании» 2011 г. (Закон о налоговом администрировании)[11] позволяет сделать вывод о том, что в ЮАР сформирова-

9 По данным Резервного банка ЮАР, чистая положительная международная инвестиционная позиция страны сократилась с 2050 млрд рэндов (рандов) в июне 2024 г. до 1924 млрд рэндов в сентябре того же года. Снижение было вызвано более значительным увеличением иностранных обязательств по сравнению с иностранными активами. См.: Foreign direct investment (FDI) in South Africa // Lloydsbanktrade. – URL: https://www.lloydsbanktrade.com/en/market-potential/south-africa/investment (дата обращения: 20.06.2025).

10 Юридические аспекты привлекательности бизнеса в ЮАР для иностранного инвестора – тема отдельного исследования. Здесь же отметим, что одним из преимуществ налогового законодательства ЮАР является гибкая система налогообложения, позволяющая иностранным инвесторам при определенных условиях существенно снизить налоговую нагрузку. При этом ЮАР не считается классической офшорной юрисдикцией и не входит в антиофшорные «черные списки». В импортно-экспортных схемах для ведения *tax free*-бизнеса в ЮАР хорошо зарекомендовала себя такая организационно-правовая форма осуществления предпринимательской деятельности, как компания с ограниченной ответственностью – *Private Company Limited by Shares*. Она демонстрирует свою эффективность в части налогового планирования не только в правовом пространстве ЮАР, но и на территории САДК – Сообщества развития Юга Африки, крупного африканского интеграционного образования, объединяющего наряду с ЮАР еще 14 африканских государств.

11 Tax Administration Act № 28 of 2011 // South African Revenue Service. – URL: https://sars.mylexisnexis.co.za/#/content-view;domainId=bkkrc (дата обращения: 17.07.2025).

лась модель последовательного обязательного досудебного обжалования, предполагающая, что заинтересованное лицо сначала использует возможности разрешения налоговых споров в досудебном порядке и только после этого оно может обратиться в суд.

Эффективность и малая затратность досудебной защиты налогоплательщика на практике приводит к массовому «уходу от правосудия». Сейчас налогоплательщик подает **судебные иски** по налоговым спорам преимущественно в тех случаях, когда он заинтересован в проведении судебного нормоконтроля или конституционного надзора.

Привлекательность досудебного урегулирования в ЮАР связана с «уязвимыми» характеристиками судебного разбирательства налоговых споров: дороговизной судебных процедур[12] и длительностью рассмотрения споров в судах (по данным международной юридической компании *Baker McKenzie*, вынесение окончательного решения на национальном уровне в ЮАР длится в среднем от 4 до 6 лет)[13]. Справиться с этими проблемами организации судебной системы в ЮАР мешает отсутствие у судебной власти «**институциональной независимости**». Этот термин, прозвучавший на Конференции судей в ЮАР в декабре 2023 г., означает полную финансовую и административную зависимость судов в ЮАР от исполнительной власти, делающую суды уязвимыми в случае нехватки ресурсов, их нерационального распределения или задержек с финансированием[14].

Учитывая, что судебное разбирательство затратно в финансовом плане и продолжительно по времени, налогоплательщик рассчитывает в основном на досудебное урегулирование споров. Кроме того, преимущественное использование инструментов досудебного разбирательства обусловлено «модой» на ***ADR*** *(Alternative Dispute Resolution)* – в соответствии с рекомендациями «мягкого права» (*best practice* от МВФ, ОЭСР и др.) предпочтительными считаются так называемые **альтернативные средства разрешения конфликтов** (медиация, арбитражи, переговоры и т. д.) [*Беликова*, 2015, с. 26–29].

Обжалование в досудебном порядке

В настоящее время в соответствии с Законом о налоговом администрировании в ЮАР сформировалась *многоступенчатая* система досудебного разрешения налоговых споров, которая отличается сочетанием императивности, характерной для публичного права, и диспозитивности, проявляющейся в возможности налогоплательщика в некоторых случаях самому выбрать тот или иной вариант процессуального поведения. Такой подход к организации защиты прав и законных интересов налогоплательщика позволяет обеспечить баланс публичных и частных интересов.

Конкретная траектория досудебного урегулирования налогового спора определяется видом подаваемой налоговой жалобы – касается она

12 Эти проблемы судебной системы ЮАР периодически обсуждаются в статьях и иных аналитических материалах на сайте *judgesmatter.co.za* – информационном ресурсе, посвященном судебной власти Южной Африки.

13 Tax Dispute Resolution Timelines. South Africa // Bakermckenzie. – URL: https://resourcehub.bakermckenzie.com/en/resources/tax-dispute-resolution-timelines/africa/south-africa/topics/national-procedures (дата обращения: 15.07.2025).

14 Judicial Reform is Urgent for South Africa's Future // Judges Matter. – 2025. – June 20. – URL: https://www.judgesmatter.co.za/opinions/judicial-reform-is-urgent-for-south-africas-future (дата обращения: 15.07.2025).

толкования права или процедурных вопросов[15].

Споры по толкованию права (*disagreements on the interpretation of law*) предполагают вначале подачу возражений (*objection, appeal*) в налоговое ведомство[16] – Службу доходов ЮАР (далее – Служба доходов, *SARS, South African Revenue Service*). Затем налогоплательщик может обратиться к *ADR*. Если применение альтернативных методов не приводит к желаемому для него результату, он вправе обратиться с жалобой в административный трибунал – Налоговый совет (*Tax Board*) и (или) Налоговый суд (*Tax Court*). И только после исчерпания всех этих возможностей досудебного разбирательства налогоплательщиком может быть подан иск в Высокий суд (*Higher Court*).

Споры по процедурным вопросам (*disagreements on administration of law*) проходят иной маршрут. Вначале жалоба рассматривается в Службе доходов, следующей инстанцией становится налоговый омбудсмен, затем – общественный защитник, и только после этого жалоба может быть направлена в суд[17].

Тот факт, что досудебный порядок защиты налогоплательщика в ЮАР напрямую зависит от того, с чем именно не согласен налогоплательщик – с вопросами толкования нормы или процедурными аспектами правоприменения, – оказывает существенное влияние на установление полномочий органов, участвующих в урегулировании налогового спора. Так, применительно к налоговому омбудсмену становится понятно, почему в Законе о налоговом администрировании его полномочия ограничены спорами по процедурным вопросам, а толкование права исключено из сферы его компетенции.

Применительно к налоговым спорам на этапе досудебного разбирательства особое значение приобретает вопрос о возможности приостановления фискального взыскания. Административное обжалование, приостанавливающее взыскание налоговой задолженности, предусмотрено в немногих государствах (Греция, Ирландия, Мексика и др.). В некоторых странах допускается вариативность маршрутов обжалования: в США, например, существует несколько инстанций для обжалования решений налоговых органов, но только подача иска в Налоговый суд США освобождает налогоплательщика от уплаты недоимки на время судебного разбирательства. В ЮАР применяется используемое в налоговой практике многих зарубежных государств правило «плати сейчас, судись потом» [*Keulder*, 2013], предусматривающее необходимость уплаты фискальных платежей, несмотря на оспаривание отдельных решений по налоговым

15 SARS Dispute Resolution Guide (2013). Guide on the Rules Promulgated in Terms of section 103 of the Tax Administration Act, 2011. – P. 19. – URL: https://www.sars.gov.za/wp-content/uploads/Ops/Guides/LAPD-TAdm-G05-Dispute-Resolution-Guide.pdf (дата обращения: 19.10.2025).

16 В ЮАР создана система фискальных органов, выполняющих функции как налоговых, так и таможенных органов, под руководством Службы доходов. Полномочия Службы доходов и ее территориальных органов в условиях отсутствия кодификации налогового законодательства определены в ряде налоговых и таможенных законов: Законе о налоговом администрировании 2011 г., Законе о налоге на доходы 1962 г., Законе о таможне и акцизах 1964 и др. Вся необходимая правовая информация о Службе доходов – ее организации, компетенции, полномочиях ее должностных лиц и т. д. – содержится на официальном сайте этой организации. См.: Legal counsel // South African Revenue Service. – URL: https://www.sars.gov.za/legal-counsel/primary-legislation/access-to-information (дата обращения: 15.07.2025).

17 SARS Dispute Resolution Guide (2013). Guide on the Rules Promulgated in Terms of section 103 of the Tax Administration Act, 2011. – P. 19. – URL: https://www.sars.gov.za/wp-content/uploads/Ops/Guides/LAPD-TAdm-G05-Dispute-Resolution-Guide.pdf (дата обращения: 19.10.2025).

расчетам[18]. При этом правомерность применения такого правила была подтверждена в ЮАР решением Конституционного Суда[19].

Сформировавшаяся в ЮАР правоприменительная практика показывает, что большинство налоговых споров возникает в связи с невыполнением налогоплательщиком обязанности по уплате налога: неуплатой налога, занижением налоговой базы, неправомерным использованием налоговой льготы и т. п. Значительная часть налоговых споров связана с несогласием налогоплательщика с исчислением налога, произведенным сотрудниками налоговых органов. В этом случае по налоговому законодательству ЮАР налогоплательщик может подать жалобу в течение 30 дней с момента получения им налогового расчета, но не позднее трех лет с момента принятия решения должностным лицом.

Такая жалоба сначала рассматривается сотрудниками Службы доходов в срок, не превышающий 21 день[20]. В соответствии с Законом о налоговом администрировании (ст. 103) министр финансов по согласованию с министром юстиции и конституционного развития может через издание так называемого **публичного уведомления** (*public notice*) установить особые правила подачи возражений и апелляций против решений, принятых сотрудниками Службы доходов. В этих правилах среди прочего могут быть предусмотрены **альтернативные процедуры** разрешения налоговых споров, применение которых позволяет разгрузить от налоговых споров как досудебные инстанции, так и суды общей юрисдикции.

Альтернативные способы разрешения налоговых споров в ЮАР являются востребованными на практике. Их активному применению содействуют формирование правовых основ медиации, развитие налогового консалтинга, разъяснение сотрудниками Службы доходов преимуществ альтернативного урегулирования.

Используя *ADR*, налогоплательщик может выйти на урегулирование спора с помощью достижения с налоговым органом **соглашения о налоговой оценке** (*resolution by agreement*) или проведения **корректировки налоговых расчетов** (*resolution by settlement*).

В случае урегулирования спора через соглашение о налоговой оценке такая договоренность оформляется письменно и подлежит исполнению. Служба доходов должна опубликовать пересмотренную оценку, отражающую согласованную позицию, в течение 45 рабочих дней. Публикация соглашений, достигнутых с применением *ADR*, содействует формированию единообразной правоприменительной практики в сфере налогообложения.

Если была произведена корректировка налоговых расчетов на основе согласования интерпретации сторонами отдельных фактов или положений законодательства, то такая согласованная позиция также публикуется Службой доходов в течение 45 рабочих дней, после чего она будет считаться окончательной и налогоплательщик в дальнейшем не сможет возражать против урегулированных вопросов.

18 В порядке исключения в ЮАР налогоплательщик может обратиться с запросом о приостановлении налогового платежа (*request for suspension*).

19 Metcash Trading Ltd v Commissioner for the South African Revenue Service and Another (CCT3/00) [2000] ZACC 21; 2001 (1) SA 1109 (CC); 2001 (1) BCLR 1 (CC) (24 November 2000). – URL: https://www.saflii.org/za/cases/ZACC/2000/21.html (дата обращения: 19.10.2025).

20 Lodge a complaint // South African Revenue Service. – URL: https://www.sars.gov.za/contact-us/lodge-a-complaint (дата обращения: 17.07.2025).

Использование медиации, арбитража и иных инструментов *ADR* направлено на достижение оперативного и экономичного разрешения налоговых споров. Соответствующие процедуры нередко имеют неформальный характер и могут проводиться по телефону или в режиме видеоконференции. Посредник в этих процедурах (медиатор, фасилитатор) не принимает каких-либо решений, обязательных для Службы доходов или налогоплательщика, а лишь пытается выявить взаимоприемлемые условия урегулирования налогового спора.

Альтернативные способы разрешения споров позволяют существенно снизить нагрузку как на институты досудебного урегулирования, так и на суды общей юрисдикции. Благодаря им облегчается доступ к правосудию, быстрее и менее затратно происходит восстановление нарушенных прав налогоплательщика. Это приводит к тому, что альтернативное урегулирование споров может признаваться обязательным условием для перехода к досудебному или судебному разбирательству. Так, поправкой к Правилам Высокого суда[21] (правило 41A)[22] в начале предполагаемого судебного разбирательства признано обязательным для всех сторон спора рассмотрение вопроса о возможности медиации[23].

Если цели альтернативного разрешения споров не будут достигнуты, налогоплательщик обращается за правовой защитой в органы досудебного урегулирования, предусмотренные Законом о налоговом администрировании: при рассмотрении налогового спора по процедурным вопросам – к налоговому омбудсмену, а в случае спора по толкованию права – в Налоговый совет и Налоговый суд. Выбор конкретного административного трибунала для разрешения возникшего спора зависит от размера оспариваемой налоговой суммы.

Налоговый совет

В **Налоговый совет** (*Tax Board*) налогоплательщик может обратиться, если стоимостной порог налогового спора не превышает 1 млн рэндов (на июль 2025 г. примерно 4,65 млн руб.). Полномочия по установлению такого порога предоставлены законом министру финансов. Он же своими решениями создает и упраздняет Налоговый совет (при необходимости – несколько налоговых советов), назначая его членов на пятилетний период[24]. Жалоба налогоплательщика рассматривается в Налоговом совете по процедуре, установленной Законом о налоговом администрировании (ст. 113). Заседания Налогового совета не являются публичными, но на них может присутствовать налогоплательщик или его представитель. Рассматривая жалобу, Налоговый

21 Судебная система ЮАР включает Конституционный суд, Верховный апелляционный суд, Высокий суд с отделениями, созданными в провинциях, и суды магистратов – окружные и региональные. Кроме того, Парламентом ЮАР созданы специализированные суды: военные, по трудовым спорам и земельным претензиям, избирательные и т. п.

22 Rules Board for Courts of Law Act, 1985 (Act № 107 of 1985). Amendment of the Rules regulating the conduct of the Proceedings of the several provincial and local divisions of the High Court of South Africa // Government Gazette. – 2020. – February 7. – № 43000. – P. 31–44.

23 Brand J. Rule 41A – What does it mean for parties to litigation in the High Courts of South Africa? // Conflict Dynamics. – 2020. – March 13. – URL: https://www.conflictdynamics.co.za/Blog/Rule-41A-%E2%80%93-What-does-it-mean-for-parties-to-litigation-in-the-High-Courts-of-South-Africa (дата обращения: 15.07.2025); Eloff D. Should mediation in terms of rule 41A be mandatory? // De Rebus. – 2024. – June 01. – URL: https://www.derebus.org.za/should-mediation-in-terms-of-rule-41a-be-mandatory (дата обращения: 15.07.2025); Masondo C. Why you should consider mediation in terms of Rule 41(a) as opposed to litigation // MacRobert. Attorneys. – 2024. – March 05. – URL: https://www.macrobert.co.za/insights/posts/why-you-should-consider-mediation-as-opposed-to-litigation (дата обращения: 15.07.2025).

24 South African Government. – URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/36790gon637.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

совет может подтвердить решение фискального органа, отменить его или отправить дело на новое рассмотрение. Решение Налогового совета обязательно для сторон, но оно не публикуется Службой доходов и не обладает свойствами прецедента. До налогоплательщика решение доводится секретарем Налогового совета. Если решение Налогового совета не удовлетворяет налогоплательщика или Службу доходов, заинтересованная сторона может обратиться за рассмотрением жалобы *de novo* в Налоговый суд. Такая возможность появляется и в том случае, если Налоговый совет не принял решение в течение предельного срока (60 рабочих дней), установленного законом для рассмотрения жалобы в Налоговом совете.

Налоговый суд

Налоговый суд (*Tax Court*) – еще один орган для разрешения налоговых споров, предусмотренный Законом о налоговом администрировании, которым фактически была подтверждена легитимность специализированного налогового суда, учрежденного в ЮАР в 1962 г. в соответствии с Законом о налоге на доходы (ст. 83 (3))[25].

Налоговый суд рассматривает споры между налогоплательщиком и Службой доходов, если их стоимостной порог превышает 1 млн рэндов. Помимо рассмотрения налоговых споров в первой инстанции, он может работать и как вторая инстанция – в Налоговый суд передаются дела после их слушания в Налоговом совете, если одна из сторон оказалась не согласна с принятым им решением.

В настоящее время в ЮАР созданы четыре налоговых суда – в Кейптауне, Кимберли, Бишо и Питермарицбурге. В состав Налогового суда входят судья Высокого суда и два члена суда – один бухгалтер не менее чем с 10-летним профессиональным стажем и один представитель бизнес-сообщества. Оба члена суда отбираются из состава коллегии, назначаемой Президентом ЮАР. Дела по налогам на сумму свыше 50 млн рэндов слушаются Налоговым судом в составе трех судей Высокого суда и двух членов суда.

Долгое время в юридическом сообществе ЮАР шла дискуссия о том, относится ли Налоговый суд к судам общей юрисдикции, является ли он специализированным органом правосудия или разновидностью административного трибунала. Сохранявшуюся неопределенность в вопросе о статусе Налогового суда попытался устранить Высокий суд ЮАР, который в одном из своих недавних решений (*Poulter v CSARS* (A88/2023) [2024] ZAWCHC 97 (2 April 2024)[26]) определил, что Налоговый суд, несмотря на свое название и участие в его работе профессиональных судей, не является по своей природе судебным органом. Он в большей степени соответствует понятию административного трибунала, в котором интересы налогоплательщика могут представлять налоговые консультанты или бухгалтеры, не являющиеся адвокатами или юристами[27].

25 Income Tax Act 58 of 1962 // South African Government. – URL: https://www.gov.za/documents/income-tax-act-29-may-1962–0000 (дата обращения: 22.07.2025).

26 SAFLII, Southern African Legal Information Institute. – URL: https://www.saflii.org/za/cases/ZAWCHC/2024/97.html (дата обращения: 22.07.2025).

27 Brink J., Pauw T. Court or nought? The status of the Tax Court revisited // Cliffe Dekker Hofmeyr (CDH). – 2025. – May 22. – URL: https://www.cliffedekkerhofmeyr.com/news/publications/2025/Practice/Tax-Exchange-Control/tax-and-exchange-control-alert-22-may-court-or-nought-the-status-of-the-tax-court-revisited (дата обращения: 15.07.2025); Lewis C., Moser C., Mhlongo D. What's in a name? The status of Tax Courts as courts of law // Cliffe Dekker Hofmeyr (CDH). – 2024. – April 18. – URL: https://www.cliffedekkerhofmeyr.com/news/publications/2024/Practice/Tax/tax-exchange-control-alert-whats-in-a-name-the-status-of-tax-courts-as-courts-of-law (дата обращения: 15.07.2025).

Решение Налогового суда является обязательным для обеих сторон спора. Оно публикуется на официальном сайте Службы доходов для общего ознакомления в форме, не позволяющей установить личность налогоплательщика. При этом такое решение для других судов не имеет обязательной силы, но может учитываться ими как правовой акт, обладающий убедительной силой. Решение Налогового суда может быть обжаловано в провинциальное отделение Высокого суда, а в отдельных случаях – непосредственно в Верховный Апелляционный Суд, являющийся в ЮАР высшей судебной инстанцией по всем делам, кроме конституционных споров.

Налоговый омбудсмен

Помимо Налогового совета и Налогового суда, в ЮАР существует еще один способ урегулирования налогового спора в досудебном порядке. В целях защиты прав налогоплательщиков Законом о налоговом администрировании (ст. 15–21) учреждена должность **налогового омбудсмена** (*Tax Ombud*), мандат которого заключается в рассмотрении жалоб налогоплательщиков по процедурным вопросам, возникающим в связи с применением налогового законодательства должностными лицами Службы доходов. При выполнении своего мандата налоговый омбудсмен действует независимо от налоговой администрации, что гарантируется назначением его на должность приказом министра финансов.

Для успешного выполнения налоговым омбудсменом своих функций формируется **Офис налогового омбудсмена** (Офис, ОТО, *Office of the Tax Ombud*) – аппарат сотрудников, работающих непосредственно с налогоплательщиками и сотрудниками Службы доходов по рассмотрению жалоб, поданных налоговому омбудсмену[28].

Разбирая жалобы, налоговый омбудсмен не вправе пересматривать законодательство, налоговую политику или решения Налогового суда[29]. В части деятельности Службы доходов он может рассматривать лишь административные и процедурные вопросы, связанные с применением ее сотрудниками действующего законодательства, а также проблемы, возникающие при взаимодействии с налогоплательщиками.

Все спорные вопросы налоговый омбудсмен решает с применением инструментов посредничества, пытаясь примирить налогоплательщика и фискальное ведомство. При этом омбудсмен начинает рассматривать поданную ему жалобу только в том случае, когда убедится, что налогоплательщик исчерпал все доступные механизмы разрешения спора в административном порядке, ранее подав соответствующую жалобу в Службу доходов (п. 4 ст. 18 Закона о налоговом администрировании). Налогоплательщик может обратиться в Офис, если имеет на руках ответ на свою жалобу от Службы доходов, который его не устраивает, или если он не получил ответ в течение максимально установленного срока (21 день).

Поданная жалоба может быть **отклонена**, если нарушены процедурные правила ее подачи или предмет жалобы не относится к компетенции налогового омбудсмена. На практике

28 Office of the Tax Ombud. – URL: https://www.taxombud.gov.za (дата обращения: 22.07.2025).

29 Такое ограничение связано, как уже отмечалось, с зависимостью компетенции органа досудебного урегулирования от вида конкретного спора: жалобы по процедурным вопросам направляются налоговому омбудсмену, а споры по толкованию права рассматриваются административным трибуналом.

большинство отклоненных жалоб касается подаваемых омбудсмену запросов на толкование налогового законодательства – вида юридической деятельности, не относящейся к полномочиям налогового правозащитника.

Если жалоба принимается в работу Офисом, то взаимодействие по ее разрешению между Офисом и Службой доходов осуществляется через направление в Службу доходов **рекомендаций**, которые подготовили в ОТО по жалобе налогоплательщика. Сотрудники Службы доходов рассматривают полученные рекомендации и предоставляют в течение 15 рабочих дней (срок установлен меморандумом о взаимопонимании, подписанным налоговым омбудсменом и руководителем Службы доходов) **отчет**, содержащий описание мер, которые Служба доходов предприняла, реагируя на рекомендации налогового омбудсмена. В ОТО сопоставляют оба документа (рекомендации и отчет) и, если соглашаются с тем, как в Службе доходов выполнили рекомендации налогового омбудсмена, принимают решение о закрытии дела по жалобе. Если же в ОТО посчитают действия Службы доходов, описанные в ее отчете, недостаточными, отчет возвращается с разъяснением причин отклонения. Дело по жалобе будет закрыто только тогда, когда в ОТО полностью согласятся с тем, как в Службе доходов отреагировали на все рекомендации налогового омбудсмена. О результатах закрытого дела ОТО информирует подавшего жалобу налогоплательщика.

Защищая права налогоплательщиков, налоговый омбудсмен взаимодействует с общественным защитником (*Public Protector*) – независимым правозащитным институтом, учрежденным в соответствии с Конституцией ЮАР (ст. 181). Общественный защитник является высшим административным надзорным органом, уполномоченным расследовать все случаи ненадлежащего поведения государственных служащих и устранять последствия их неправомерных действий. Любое лицо, считающее себя ущемленным действиями публичной власти, в том числе фискального ведомства, может обратиться с жалобой к общественному защитнику.

В 2019 г. общественный защитник и налоговый омбудсмен подписали меморандум о взаимопонимании, в котором было объявлено об объединении усилий для рассмотрения налоговых жалоб, организации сотрудничества в расследованиях случаев недопустимого обращения сотрудников Службы доходов с налогоплательщиками, а также служебных нарушений, связанных с применением налогового законодательства[30]. Заключенное соглашение позволяет эффективно использовать материальные ресурсы и кадровый потенциал правозащитных государственных институтов, избегать дублирования функций, отводя общественному защитнику роль **последней инстанции** при рассмотрении налоговых жалоб.

Наряду с собственно правозащитной деятельностью налоговый омбудсмен осуществляет мониторинг правоприменительной практики в сфере налогообложения. Он ежегодно направляет министру финансов отчет, в котором сообщает о проблемах, связанных с применением Закона о налоговом администрировании и негативно сказывающихся на положении налогоплательщиков. Выполняя эту задачу, налоговый омбудсмен участвует в со-

30 Public Protector and Tax Ombud join forces to tackle tax-related grievances // Public Protector South Africa. – 2019. – April 09. – URL: https://www.pprotect.org/?q=content/public-protector-and-tax-ombud-join-forces-tackle-tax-related-grievances (дата обращения: 22.07.2025).

вершенствовании налогового законодательства ЮАР.

Офис издает также сборники, посвященные правовому статусу налогоплательщика и защите его прав и законных интересов. Такие сборники, распространяемые преимущественно в электронном виде, частично компенсируют отсутствие в ЮАР кодифицированного налогового акта[31].

Институт налогового омбудсмена – независимого посредника во взаимоотношениях фискального органа и налогоплательщика – способствует достижению баланса публичных и частных интересов в сфере налогообложения. Налоговый омбудсмен дополняет систему досудебного урегулирования налоговых споров, опираясь в своей деятельности не на инструменты принуждения, а на организационно-правовые приемы поиска взаимоприемлемых решений и договоренностей между налоговой администрацией и налогоплательщиком. Эту задачу он выполняет в качестве посредника от публичной власти, с помощью которого защита налогоплательщика становится более эшелонированной и эффективной, а нагрузка на органы правосудия одновременно с этим снижается.

Заключение

Действуя на территории ЮАР, российские компании, от крупных до самых небольших, неизбежно сталкиваются с потребностью защищать свои права и законные интересы в налоговой сфере. Налогообложение, как известно, по своей природе конфликтогенно и порождает большое количество споров, которые инвесторы хотели бы урегулировать оперативно и с минимальными затратами. В связи с этим наличие эффективного механизма досудебного урегулирования налоговых и иных экономических споров является одним из условий формирования в государстве-реципиенте благоприятного инвестиционного климата.

В том, что экономика ЮАР заняла и прочно удерживает 1-е место на Африканском континенте, не последнюю роль сыграли правовые гарантии иностранных инвестиций: законодательство, ориентированное на приток капиталов в ЮАР, и эффективно действующий механизм правовой поддержки налогоплательщиков-нерезидентов, защиты их прав и законных интересов. В этом правозащитном механизме основной акцент сегодня смещен в сторону *досудебного* разрешения конфликтов.

Современное законодательство ЮАР, регулирующее вопросы разрешения налоговых конфликтов в досудебном порядке, имеет ряд характерных черт, «работающих» на показатели индекса *doing business*.

Во-первых, оно отличается многоступенчатостью в организационном плане, которая повышает, подобно многослойному фильтру, качество защиты прав и законных интересов инвестора, участвующего в налоговых правоотношениях.

Во-вторых, правовая защита налогоплательщика в ЮАР отличается сочетанием характерной для публичного права императивности и диспозитивности, в отдельных случаях предоставляющей налогоплательщику возможность самому выбрать вариант процессуального поведения.

В-третьих, законодательство ЮАР ориентирует налогоплательщика на выбор альтернативных способов разрешения налоговых и иных экономических

31 Office of the Tax Ombud. – URL: https://www.taxombud.gov.za/wp-content/uploads/2022/04/Tax-Compilation-2022.pdf (дата обращения: 22.07.2025).

конфликтов (медиация, арбитраж, обращение к омбудсмену и др.).

В-четвертых, механизм правовой защиты налогоплательщика предусматривает взаимодействие между различными правозащитными органами. Наиболее ярко эта особенность проявляется в случае обращения налогоплательщика к налоговому омбудсмену, который реализует свои правозащитные функции во взаимодействии с общественным защитником.

Практически все предусмотренные законодательством ЮАР способы правовой защиты налогоплательщиков в досудебном порядке отличаются оперативностью и экономичностью процедур принятия решения – качествами, особо привлекательными для иностранных инвесторов. К ним добавляются и активизировавшиеся в постковидный период преимущества, связанные с цифровизацией налогового процесса. Они позволяют иностранному инвестору сократить до минимума потребности в представительских услугах и практически полностью перевести правозащитный процесс в онлайн-формат. Объективно эти свойства механизма досудебной защиты налогоплательщика содействуют привлечению иностранных инвестиций в экономику ЮАР и применительно к Российской Федерации являются организационно-правовой гарантией дальнейшего роста показателей двусторонних экономических связей.

Список литературы

Беликова К.М., Ахмадова М.А. Медиация в ЮАР: современность и перспективы // Российский судья. – 2015. – № 5. – С. 26–29.

Козырин А.Н. Налоговое право государств БРИКС: законодательные рамки налогового регулирования в ЮАР // Вестник Московского университета. Сер. 26. Государственный аудит. – 2024. – № 3. – С. 26–48.

Надточий М.Д. Налоговые рулинги по законодательству Южно-Африканской Республики // Финансовое право. – 2023. – № 12. – С. 26–29. – DOI: 10.18572/1813-1220-2023-12-26-29.

Рогачев И.И. Россия и ЮАР: 30 лет дипломатических отношений // Международная жизнь. – 2022. – № 3. – С. 82–87.

Croome B.J. Taxpayers' Rights in South Africa: An Analysis and Evaluation of the Extent to Which the Powers of the South African Revenue Service Comply with the Constitutional Rights to Property, Privacy, Administrative Justice, Access to Information and Access to Courts. – Thesis. – Cape Town : University of Cape Town, 2008. – URL: https://open.uct.ac.za/server/api/core/bitstreams/7fa33d4a-195e-49dd-9cf9-4699de174530/content (дата обращения: 10.07.2025).

Keulder C. "Pay now, argue later" rule – before and after the Tax Administration Act // Potchefstroom Electronic Law Journal (PELJ). – 2013. – Vol. 16, no. 4. – DOI: 10.17159/1727-3781/2013/v16i4a2412.

Meintjes-Van der Walt S. Introduction to South African Law: Fresh Perspectives. – 2nd ed. – Cape Town : Heinemann, 2011. – 142 p.

Sacco R. Le droit africain. Anthropologie et droit positif. – Paris : Dalloz, 2007. – 566 p. – Франц. яз.

Viljoen J., du Preez H. The tax evasion punishment system in South Africa // Journal of Economic Criminology. – 2025. – Vol. 8, June. – P. 1–16. – DOI: 10.1016/j.jeconc.2025.100148.

Williams R. C. Income tax in South Africa: law and practice. – 2nd ed. – Durban : Butterworths, 1995. – 716 p.

From the Point of Economics

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.09

Legal Guarantees for the Development of Russian-South African Economic Cooperation: Pre-trial Protection of Taxpayers in South Africa

Alexander N. KOZYRIN
Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Administrative and Financial Law
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Miklukho-Maklaya Street, 6, Moscow, Russian Federation, 117198
E-mail: kozyrine@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8811-6176

CITATION: Kozyrin A.N. (2025). Legal Guarantees for the Development of Russian-South African Economic Cooperation: Pre-trial Protection of Taxpayers in South Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law,* vol. 18, no. 4, pp. 153–168 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.09

Received: 03.09.2025.
Revised: 21.10.2025.

ACKNOWLEDGEMENTS. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01610. URL: https://rscf.ru/en/project/24-28-01610/.

ABSTRACT. *The development of economic relations between Russia and South Africa is based on effective legal guarantees. Business taxation is a conflict-prone area, so a reliable mechanism for legal protection of non-residents in tax relations is necessary to create a favorable investment climate. In South Africa, court proceedings can take years, so pre-trial resolution of tax disputes is the only way to ensure prompt legal protection of a taxpayer's rights. Currently, South Africa has a multi-stage system for pre-trial resolution of tax disputes, which combines the imperative nature of tax legislation and other areas of public law with the dispositive nature of private law, allowing taxpayers to choose their own procedural behavior. This ensures a balance between public and private interests in the area of taxation. Alternative methods of conflict resolution, such as mediation and arbitration, are particularly popular in practice. By using Alternative Dispute Resolution (ADR), a taxpayer can resolve a dispute by reaching an agreement with the tax authority on a tax assessment (resolution by agreement) or by adjusting tax calculations (resolution by settlement). If the application of ADR instruments does not lead to*

the desired result for the taxpayer, they have the right to file a complaint with an administrative tribunal (the Tax Council or the Tax Court) before going to court. The article analyzes the procedure for forming administrative tribunals and the decision-making procedures established in the Tax Administration Law of 2011. To resolve a dispute with the Revenue Service out of court, a taxpayer may also contact the Office of the Tax Ombudsman. The Tax Ombudsman's mandate includes the consideration of any taxpayer complaints related to the application of tax laws by Revenue Service officials. The Tax Ombudsman resolves all disputes using mediation tools, trying to reconcile the taxpayer and the fiscal authority. A special feature of the Tax Ombudsman institution is its interaction in resolving tax disputes with the Public Protector, a human rights institution established in accordance with the Constitution of South Africa. Almost all legal remedies provided for by South African law for taxpayers are characterized by their efficiency and cost-effectiveness. To these should also be added the benefits associated with the digitalization of the tax process, which have become more active in the post-COVID period. They allow a foreign investor to almost completely transfer the legal process to an online format.

KEYWORDS: *South Africa, taxpayer protection guarantees, pre-trial settlement of tax disputes, Alternative Dispute Resolution, administrative tribunal, Tax Council, Tax Court, Tax Ombudsman.*

References

Belikova K.M., Akhmadova M.A. (2015). Mediation in South Africa: Modernity and Prospects. *Rossijskij sud'ya*. No. 5, pp. 26–29 (in Russian).

Croome B.J. (2008). *Taxpayers' Rights in South Africa: An Analysis and Evaluation of the Extent to Which the Powers of the South African Revenue Service Comply with the Constitutional Rights to Property, Privacy, Administrative Justice, Access to Information and Access to Courts*. Thesis. Cape Town: University of Cape Town. Available at: https://open.uct.ac.za/server/api/core/bitstreams/7fa33d4a-195e-49dd-9cf9-4699de174530/content, accessed 10.07.2025.

Keulder C. (2013). "Pay now, argue later" rule – before and after the Tax Administration Act. *Potchefstroom Electronic Law Journal (PELJ)*. Vol. 16, no. 4. DOI: 10.17159/1727-3781/2013/v16i4a2412.

Kozyrin A.N. (2024). Tax Law of the BRICS States: Legislative Framework for Tax Regulation in South Africa. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyj audit*. No. 3, pp. 26–48 (in Russian).

Meintjes-Van der Walt S. (2011). *Introduction to South African Law: Fresh Perspectives.* 2nd ed. Cape Town: Heinemann, 142 pp.

Nadtochiy M.D. (2023). Tax Rolings under the Law of the Republic of South Africa. *Finansovoe parvo*. No. 12, pp. 26–29 (in Russian). DOI: 10.18572/1813-1220-2023-12-26-29.

Rogachev I.I. (2022). Russia and South Africa: 30 Years of Diplomatic Relations. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 3, pp. 82–87 (in Russian).

Sacco R. (2007). *African Law. Anthropology and Positive Law*. Paris: Dalloz, 566 pp. (in French).

Viljoen J., du Preez H. (2025). The tax evasion punishment system in South Africa. *Journal of Economic Criminology*. Vol. 8, June, pp. 1–16. DOI: 10.1016/j.jeconc.2025.100148.

Williams R.C. (1995). *Income Tax in South Africa: Law and Practice*. 2nd ed. Durban: Butterworths, 716 pp.

УДК 339.727(47+57)
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.10

Мотивы распределения суверенного финансирования в Евразийском регионе: пример *USAID* и АБР

Марианна Арамовна ЕСАЯН
независимый эксперт, выпускник Факультета мировой экономики и мировой политики
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Малая Ордынка, д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 101000
E-mail: esayanmarianna@gmail.com
ORCID: 0009-0000-3684-1344

Александра Константиновна МОРОЗКИНА
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Факультета мировой экономики и мировой политики
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Малая Ордынка, д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 101000;
старший научный сотрудник
Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации
Настасьинский пер., д. 3, стр. 2, г. Москва, Российская Федерация, 125375
E-mail: akmorozkina@hse.ru
ORCID: 0000-0002-9529-9601

ЦИТИРОВАНИЕ: Есаян М.А., Морозкина А.К. Мотивы распределения суверенного финансирования в Евразийском регионе: пример *USAID* и АБР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 169–190.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.10

Статья поступила в редакцию 18.01.2025.
Исправленный текст представлен 08.04.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках проекта «Международное академическое сотрудничество» НИУ ВШЭ.

АННОТАЦИЯ. *В условиях ограниченных ресурсов распределение финансирования развития является одним из важных исследовательских вопросов. В данной статье предлагается исследование распределения финансирования в Евразийском регионе в 2008–2022 гг. с использованием новых данных базы суверенного финансирования Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР). Анализ показал, что среди ключевых стран – получателей помо-*

щи нет наиболее нуждающихся стран региона (Киргизии и Таджикистана); напротив, большая часть средств направлена в наиболее развитые страны: Армению, Грузию, Казахстан. Для оценки эффективности распределения финансирования был рассчитан индекс доли «справедливой» помощи для ключевых стран-реципиентов. Результаты исследования показывают низкую долю «справедливой» помощи, то есть довольно слабую ориентацию стран-доноров на проблемы в странах региона. В частности, было выявлено, что в странах региона существует значительный разрыв между «справедливым» распределением помощи и фактическим распределением, что свидетельствует о необходимости пересмотра существующих механизмов предоставления международной помощи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *суверенное финансирование, ЕАЭС, индекс «справедливой доли», абсолютная бедность, Евразийский фонд стабилизации и развития, USAID, Азиатский банк развития.*

В условиях внешних шоков, высокого уровня уязвимости развивающихся стран к ним, недостатка финансирования целей устойчивого развития и слабого прогресса в их достижении важным вопросом является анализ распределения имеющихся ресурсов. В то время как отдельные государства-доноры стремятся содействовать устойчивому развитию и сокращению бедности в мире, в целом вопросы об эффективности предоставляемой помощи и более «справедливом» распределении имеющихся ресурсов становятся предметом дискуссии в экономической и политической сферах.

Для российских исследователей особенно интересны тренды предоставления содействия развитию в традиционно важном для России Евразийском регионе – странах СНГ, где значимую роль играют финансовые институты из недружественных стран. В 2022 г. Евразийский фонд стабилизации и развития запустил регулярно обновляемую базу суверенного финансирования, которая позволяет провести детальный анализ финансирования проектов в области стабилизации и развития в регионе.

Целью настоящего исследования является оценка «справедливости» (поскольку термин «справедливость» является субъективным, в данной статье он будет употребляться в кавычках) распределения помощи от крупнейших доноров региона, где под «справедливостью» понимается ориентация на цели устойчивого развития с акцентом на первой цели по искоренению бедности.

Для выполнения поставленной цели в первой части исследования проведен анализ подходов к оценке распределения содействия развитию, в частности, с использованием индекса «справедливой» помощи. Вторая часть посвящена анализу динамики и структуры суверенного финансирования в Евразийском регионе. В третьей части с использованием метода кейсов дана оценка структуры финансирования в регионе на примере разных каналов предоставления финансирования (одного многостороннего и одного двустороннего донора). В четвертой части оценена доля «справедливой» помощи и проанализированы наибольшие разрывы между фактическими и «справедливыми» объемами.

Подходы к анализу распределения содействия развитию

В научной литературе много внимания уделяется распределению финансирования содействия развитию, мотивам и целям предоставления помощи со стороны стран-доноров. В частности,

исследователи отмечают, что цели улучшения уровня жизни стран-реципиентов не всегда являются приоритетными для стран-доноров, а политические, экономические и стратегические интересы доноров часто преобладают над мотивами содействия экономическому росту и снижению неравенства в странах-реципиентах [*Alesina, Dollar*, 2000; *Дегтерев*, 2012]. Одновременно исследования, посвященные сравнению двусторонних и многосторонних каналов в части влияния на социально-экономическое развитие реципиентов, показывают гораздо высокую эффективность многосторонних институтов, более ориентированных на результаты в области развития [*Burnside, Dollar*, 2000; *Biskaye, Anderson*, 2016]. Отмечается, что многосторонняя помощь в большей степени распределяется на основании целей в области развития [*Milner, Tingley*, 2013]. Помимо этого, многосторонние агентства, по мнению исследователей, менее подвержены политическим воздействиям со стороны стран-членов и поэтому больше учитывают приоритеты стран-получателей [*Gulrajani*, 2016].

Для выявления мотивов, определяющих распределение помощи развитию, исследователи используют различные подходы. В работе [*Морозкина*, 2019b] выявлено, что наиболее распространенным методом выявления основного мотива распределения помощи является анализ структуры помощи по секторам, регионам или группам реципиентов. В частности, это доля помощи, направляемой в беднейшие страны [*Bodenstein, Kemmerling*, 2015], а также структура помощи по секторам, получателям и формам предоставления [*Gates, Hoeffler*, 2004]. Также одним из подходов является оценка доли помощи, предоставляемой в страны, обладающие определенным признаком, например, колониальными отношениями с донором [*Alesina, Dollar*, 2000].

Вторым распространенным подходом к анализу мотивов распределения помощи является анализ эластичности помощи по различным переменным. Например, в [*Berthelemy*, 2006] анализируется значимость двусторонней торговли донора и реципиента, в [*Claessens, Cassimon, Van Campenhout*, 2009] – ВВП на душу населения реципиента. На основании такого подхода в исследовании А.К. Морозкиной выделены группы доноров по мотивам предоставления помощи [*Морозкина*, 2018]. В качестве переменных используется широкий набор показателей, таких как уровень ВВП на душу населения страны-реципиента, объем двусторонней торговли донора и реципиента, наличие колониальных связей у донора и реципиента, схожесть позиций в ООН, поставки оружия из страны-донора в страну-реципиент, а также многие другие. Однако данный подход ограничен необходимостью наличия большого количества сопоставимых данных для проведения эконометрического анализа, что не применимо к исследуемому региону.

Косвенным методом оценки мотивов предоставления помощи стал метод, предложенный в исследовании М. Макгилливрея и М. Кларка, которое оценивает, насколько доноры учитывают нуждаемость в помощи страны-реципиента, принимая во внимание уровень бедности [*McGillivray, Clarke*, 2018]. Основной принцип индекса заключается в том, что объем международной помощи, предоставляемой каждой стране, должен соответствовать доле населения страны, живущего за международной чертой бедности, в общем количестве населения, живущего за международной чертой бедности, в мире. Этот подход позволяет оценить, насколько «справедливо» распределяется финансирование, если взять за основу нуждаемость и борь-

бу с бедностью. Однако требуется аккуратная интерпретация результатов, поскольку отдельные крупные страны, такие как Индия, характеризуются одновременно высоким уровнем бедности и высоким уровнем развития рынков капитала, обладая возможностью привлекать финансирование на рыночных условиях и таким образом меньше нуждаясь в льготном финансировании. В исследуемом регионе страны, характеризующиеся наиболее высоким уровнем бедности (Таджикистан, Киргизия), одновременно являются наименее развитыми странами региона, поэтому при применении данного метода к евразийскому региону такое препятствие не возникает.

Исследованию мотивов предоставления помощи в странах Евразийского региона посвящено относительно мало исследований. В первую очередь это связано с относительно небольшим количеством данных в комплексной базе содействия развитию ОЭСР: в частности, в базе отсутствуют такие важные финансовые институты, как Евразийский банк развития (ЕАБР) и Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР), предоставляющие льготное финансирование странам-членам. Как правило, работы посвящены отдельным странам региона. Так, в работах, посвященных тенденциям помощи развитию в Центральной Азии [*Савичев, Савичева*, 2023], включая Киргизию и Казахстан, отмечается, что помощь в данном регионе имеет политические мотивы. С другой стороны, в исследовании [*Максимова*, 2016] проанализирована помощь Киргизии со стороны России и других доноров и сделан вывод о согласованности помощи крупнейших доноров (России, Турции, США и Японии) с интересами получателя. Вопросы помощи Армении со стороны России затронуты в исследовании [*Оксиненко*, 2022], однако не сделан вывод о мотивах предоставления помощи. В работе [*Морозкина*, 2019а] на основании анализа данных Комитета содействия развитию ОЭСР сделан вывод о соответствии реализуемых проектов приоритетам стран-получателей, в первую очередь со стороны многосторонних институтов развития.

Тренды содействия развитию в регионе анализируются также в аналитических отчетах организаций, деятельность которых связана с содействием развитию. Аналитический отчет ЕФСР показывает, что финансирование в регионе осуществляется преимущественно многосторонними организациями (90% общего объема суверенного финансирования), а основными секторами являются экономическая политика и управление (суммарно 47% общего объема) [*Ulatov, Levenkov*, 2024]. В аналитическом обзоре «Гуманитарный инструментарий политического влияния иностранных государств на постсоветском пространстве» также сделан вывод о значимом влиянии международных институтов на указанном пространстве [Политика влияния…, 2023].

Источник данных

В данном исследовании в качестве источника данных используется база данных суверенного финансирования, представленная в 2022 г. ЕФСР. В базе данных содержится информация по проектам, реализованным в Армении, Азербайджане, Белоруссии, Грузии, Казахстане, Киргизской Республике, Монголии, России, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане с 1 января 2008 г. [*Vinokurov, Levenkov, Chkoniya*, 2023]. Хотя содействие развитию не тождественно суверенному финансированию, однако в собранной базе бóльшая часть проектов носит льготный характер (гранты и льготные кредиты) и реализуется либо многосто-

ронними институтами развития (Международным валютным фондом (МВФ), Всемирным банком (ВБ), Азиатским банком развития (АБР) и др.), либо суверенными агентствами по оказанию помощи (агентством США по международному развитию (*USAID*), немецким обществом по международному предпринимательству (*GIZ*), турецким агентством по сотрудничеству и координации (*TIKA*) и др.).

База данных ОЭСР, ранее не имевшая аналогов, использовалась в большинстве предшествующих исследований. Однако существует ряд препятствий для использования данного источника в настоящее время. Во-первых, база ОЭСР в качестве основы использует весьма узкий термин «Официальная помощь развитию» (ОПР), по содержанию которого до сих пор ведутся активные дискуссии, а доля ОПР в общем финансировании содействия развитию сокращается[1]. Во-вторых, база данных не содержит таких важных для понимания роли России в регионе институтов, как ЕАБР и ЕФСР, а с 2022 г. перестала публиковать данные по российской помощи развитию. Одновременно с появлением альтернативных источников информации по содействию развитию, таких как база данных общего содействия устойчивому развитию (*Total Official Support for Sustainable development, TOSSD*), базы проектов китайского содействия развитию *AidData,* базы данных суверенного финансирования ЕФСР и базы данных несуверенного финансирования ЕАБР, количество источников для анализа содействия развитию расширяется, что позволяет давать более широкую картину его финансирования без привязки к дискуссионному определению ОЭСР. Дополнительным преимуществом базы данных ЕФСР является экспертиза организации в области финансовых потоков именно исследуемого региона, поскольку фонд осуществляет свою деятельность в странах ЕАЭС.

Динамика и структура суверенного финансирования в Евразийском регионе

В базе данных ЕФСР указаны 11 стран – получателей суверенного финансирования (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизская Республика, Монголия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), из которых только Россия официально не является страной-реципиентом помощи развитию по классификации Комитета содействия развитию ОЭСР, в связи с чем выпадает из фокуса нашего исследования.

По последним данным, с 2008 по 2024 г. общий объем одобренного финансирования составляет 145,9 млрд долл., при этом используются все инструменты финансирования содействия развитию (кредиты, техническое содействие). Наибольшая доля финансирования пришлась на инвестиционные кредиты (95 млрд долл.), далее идут стабилизационные кредиты (45,9 млрд долл.), гранты и техническое содействие (5 млрд долл.)[2].

Динамика суверенного финансирования (рисунок 1) имеет ярко выраженные пики, которые приходились на кризисные периоды мировой экономики: глобальный финансовый кризис 2009 г., шок падения цен на нефть в 2015 г., пандемия коронавируса в 2020 г. и санкци-

1 Calleja R., Jacquet P., Ahmed M. The Future and Reform of ODA: Lessons from Expert Working Group // CDG Blog Post. – 2024. – URL: https://www.cgdev.org/blog/future-and-reform-oda-lessons-expert-working-group (дата обращения: 05.04.2025).

2 EFSD Sovereign Financing Database. – URL: https://efsd.org/research/sfd/?ysclid=liue4s6qlk719384721 (дата обращения: 05.04.2025).

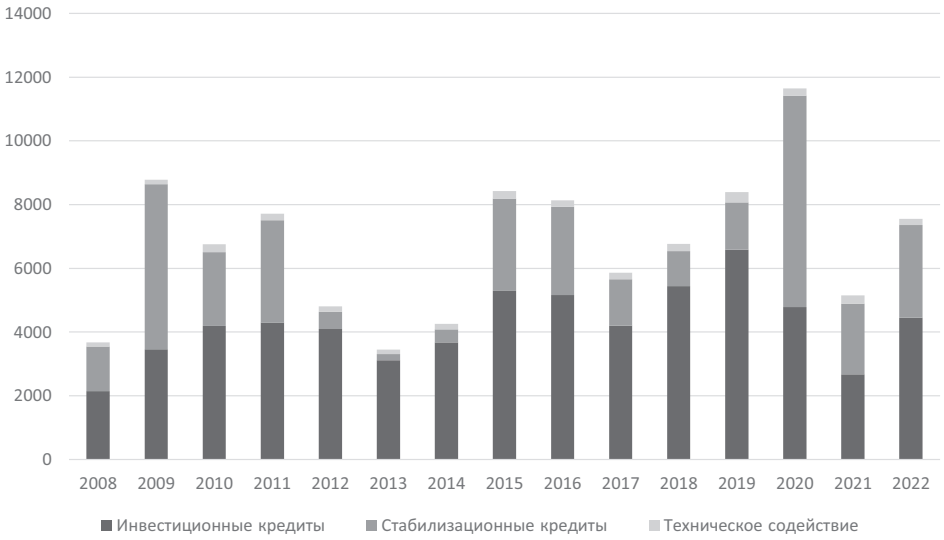


Рисунок 1. Динамика суверенного финансирования в 2008–2022 гг., млрд долл.

Figure 1. Dynamics of sovereign financing 2008–2022, USD billion

Составлено автором на основе: EFSD Sovereign Financing Database. – URL: https://efsd.org/research/sfd/?ysclid=liue4s6qlk719384721 (дата обращения: 05.04.2025).

онный шок 2022 г. [*Vinokurov, Levenkov, Chkoniya*, 2023]. Это в первую очередь связано с динамикой стабилизационного финансирования, которое имеет ярко выраженную корреляцию с шоками. В среднем же объем финансирования, если исключить шоковые годы, составляет от 3,5 млрд до 5 млрд долл. ежегодно и не имеет ярко выраженной тенденции к повышению.

Лидером по объемам полученного финансирования является Узбекистан, тогда как по количеству проектов лидирует Грузия. При этом последняя относится к наиболее развитым странам региона (согласно классификации Всемирного банка она входит в группу стран с уровнем дохода выше среднего) и имеет доступ к рыночным инструментам финансирования. Узбекистан относится к странам региона с наименьшим уровнем ВВП на душу населения, наряду с Киргизией и Таджикистаном, которые, однако, не находятся в числе лидеров по количеству или объему предоставленного суверенного финансирования.

Около 70% одобренного финансирования в виде инвестиционных кредитов (таблица 1) было получено Узбекистаном, Казахстаном, Грузией и Азербайджаном. Большие объемы предоставленного суверенного инвестиционного финансирования Узбекистану могут быть связаны, во-первых, со значительными проблемами страны в одной из наиболее важных областей устойчивого развития – недостатком водных ресурсов, во-вторых, с политикой открытости страны и ростом активности участия в международной деятельности, что стимулировало интерес международных организаций. Более половины операций пришлось на Грузию, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан, основными направлениями которых были транспорт, энергетика и развитие человеческого потенциала.

Рисунок 2. Суверенное финансирование по странам, млрд долл. и количество операций
Figure 2. Sovereign financing by country, USD billion and number of transactions

Составлено автором на основе: EFSD Sovereign Financing Database. – URL: https://efsd.org/research/sfd/?ysclid=liue4s6qlk719384721 (дата обращения: 05.04.2025).

Таблица 1. Инвестиционные кредиты в *SFD*
Table 1. Investment loans in SFD

Страны	Одобренное финансирование		Операции	
	млн долл.	%	количество	%
Армения	2934	4	64	10
Азербайджан	6017	9	43	7
Белоруссия	1840	3	28	5
Грузия	7953	12	70	11
Казахстан	9638	15	48	7
Киргизская Республика	3983	6	92	14
Монголия	3780	6	53	8
Россия	2628	4	18	3
Таджикистан	4521	7	90	14
Туркменистан	2046	3	13	2
Узбекистан	19640	30	134	20

Составлено автором на основе: EFSD Sovereign Financing Database. – URL: https://efsd.org/research/sfd/?ysclid=liue4s6qlk719384721 (дата обращения: 05.04.2025)

Стабилизационные кредиты, как было сказано ранее, занимают 2-е место по объему операций. Белоруссия является крупнейшим получателем займов (9,2 млрд долл.), а крупнейшим проектом стал кредит стэнд-бай от МВФ для поддержки программы реструктуризации страны. Стабилизационные кредиты в первую очередь предоставляются многосторонними институтами, включая региональные механизмы (ЕФСР и АБР).

Проекты технического содействия могут иметь краткосрочный характер в виде визитов-консультаций, а также сопровождать более крупные операции инвестиционного и стабилизационного финансирования. Наиболее распро-

Таблица 2. Стабилизационные кредиты в *SFD*
Table 2. Stabilization loans in SFD

Страны	Одобренное финансирование		Операции	
	млн долл.	%	количество	%
Армения	3167	9	19	15
Азербайджан	600	2	2	2
Белоруссия	9154	26	5	5
Грузия	4378	12	28	22
Казахстан	5153	15	7	6
Киргизская Республика	1677	5	24	18
Монголия	1739	5	14	12
Россия	1000	3	1	1
Таджикистан	1112	3	15	12
Туркменистан	0	0	0	0
Узбекистан	7061	20	16	13

Составлено автором на основе: EFSD Sovereign Financing Database. – URL: https://efsd.org/research/sfd/?ysclid=liue4s6qlk719384721 (дата обращения: 05.04.2025)

страненными являются структурные вопросы повышения качества государственного управления, финансового сектора и сельского хозяйства, а ключевыми источниками финансирования выступают АБР и агентство по предоставлению помощи со стороны США *USAID* (рисунок 3).

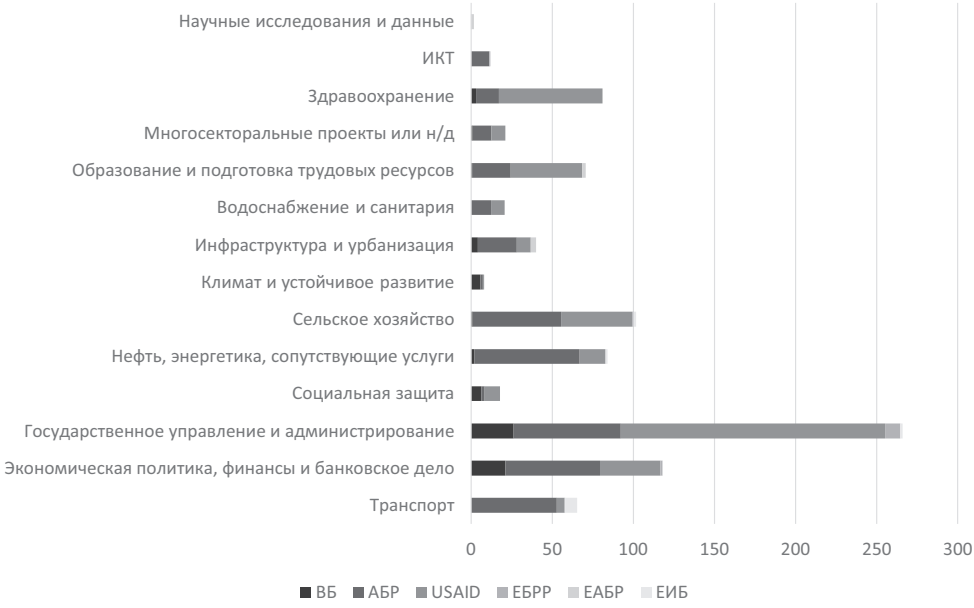


Рисунок 3. Виды проектов технического содействия, млн долл.
Figure 3. Types of technical assistance projects, USD million

Составлено автором на основе: EFSD Sovereign Financing Database. – URL: https://efsd.org/research/sfd/?ysclid=liue4s6qlk719384721 (дата обращения: 05.04.2025).

Сравнительный анализ деятельности по предоставлению суверенной помощи от многосторонних (на примере АБР) и двусторонних (на примере *USAID*) институтов

Исследования в области финансирования содействия развитию, как было показано выше, единогласны в существовании различий между двусторонними и многосторонними каналами в части мотивов и эффективности реализации проектов в области развития. Наличие нескольких доноров в качестве учредителей организации, а также предположительное отсутствие прямого влияния отдельного донора на принятие решений по каждому проекту представляется предпосылкой для отсутствия политической ангажированности в проектах многосторонних доноров. Двусторонняя помощь считается более политизированной и менее нацеленной на решение глобальных проблем и нужды реципиентов [*Морозкина*, 2019b]. Эконометрические исследования, как правило, подтверждают большее влияние межгосударственных отношений на предоставление двусторонней помощи и больший акцент на экономических и политических мотивах именно в двусторонних проектах [*Gulrajani*, 2016].

В связи с разными подходами многосторонних и двусторонних организаций к распределению помощи, а также в связи с наличием обоих типов доноров в регионе в данном исследовании мы проанализируем представителей обоих типов. Дальнейший анализ мы проведем для крупнейших доноров каждого типа: многостороннего донора суверенного финансирования в регионе – Азиатского банка развития, двустороннего донора – американского агентства по развитию *USAID*[3].

Миссия Азиатского банка развития состоит в «содействии экономическому росту и сотрудничеству в регионе Азии и Дальнего Востока и содействии ускорению процесса экономического развития развивающихся стран – членов региона, коллективно и индивидуально»[4]. Данная миссия вполне согласуется с определением «справедливости», предложенным в начале данной статьи, и предполагает распределение средств в первую очередь в пользу наименее развитых стран региона, включая страны с наибольшим количеством живущих за международной чертой бедности. При этом крупнейшими акционерами банка являются Япония и США (по 12,751% голосов)[5]. С одной стороны, это может оказывать влияние на политику банка в регионе, с другой стороны, изначально одной из целей создания АБР считалось предоставление «нейтрального канала для инвестиций из Японии» [*Creutz*, 2023, p. 348]. В связи с этим можно рассматривать гипотезу об ориентации АБР на цели развития в большей степени, чем двусторонних механизмов суверенного финансирования, в частности японского агентства *JICA*.

Миссия американского агентства по развитию *USAID* заключалась в «продвижении и демонстрации демократических ценностей за рубежом, а также поддержке развития свободного, спокойного и процветающего мира. В поддержку внешней политики Америки

3 В настоящее время деятельность *USAID* приостановлена.

4 Asian Development Bank (ADB). Agreement Establishing the Asian Development Bank. – 1966. – Article 1. – URL: https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/32120/charter.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

5 Asian Development Bank (ADB). Annual Report 2023. – 2023. – URL: https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/959761/adb-annual-report-2023.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

Агентство США по международному развитию возглавляет деятельность правительства США в области международного развития и помощи в случае стихийных бедствий посредством партнерства и инвестиций, которые спасают жизни, сокращают бедность, укрепляют демократическое управление, помогают людям выходить из гуманитарных кризисов и продвигаться вперед после оказания помощи»[6]. Таким образом, борьба с бедностью, хотя и не единственный приоритет *USAID*, однако должна находиться в числе главных задач в соответствии с официальной миссией агентства. Безусловно, в системе американского содействия развитию существуют и другие агентства, в том числе Корпорация вызовов тысячелетия (*Millenium Challenge Corporation, MCC*), нацеленная на борьбу с бедностью. Однако, во-первых, объем операций *USAID* значимо превышал роль всех остальных агентств: бюджет организации в 2023 г. составлял 53% общего бюджета США на содействие развитию[7]. Во-вторых, единственная страна региона, где осуществляла операции *MCC*, – Монголия, которая не является беднейшей страной региона, а с 2023 г. перешла в категорию стран с уровнем дохода выше среднего по классификации Всемирного банка. В связи с этим представляется возможным использование предложенного термина «справедливость» для анализа деятельности предложенных организаций в регионе СНГ.

Согласно представленным в базе ЕФСР данным, в исследуемых странах *USAID* запустил 215 проектов технического содействия на общую сумму 317,1 млн долл., 43% из которых приходятся на сектор «Государственное управление и администрирование»[8]. Странами, получающими наибольшее финансирование от *USAID*, являются Армения, Грузия и Таджикистан (75 млн, 72 млн и 53 млн долл. соответственно). Общий объем одобренного финансирования в Евразийском регионе от АБР составил 31448,3 млн долл., что значительно превышает выделенные средства от *USAID*[9]. Крупнейшие страны – получатели помощи от Азиатского банка развития – Узбекистан, Казахстан и Грузия.

Из таблицы 3 видно, что *USAID* и Азиатский банк развития предоставляют помощь в наиболее развитые страны региона (Казахстан, Грузию, Армению), с двумя из которых (Арменией и Грузией) геополитические и экономические отношения России имеют относительно негативную динамику, включая использование русского языка и туристические потоки, хотя, безусловно, на туристические потоки оказывают влияние не только двусторонние отношения (культурные и исторические связи), но и множество других факторов, такие как визовая политика, транспортная доступность, а также экономические условия [*Дементьев, Андреев*, 2023, с. 60]. Индекс русского языка в Грузии (2,22) является самым низким показателем среди представленных стран, что указывает на его относительно невысокую распространенность, то же самое касается туристических поездок и уровня миграции. Это во многом связано с геополитическими факторами и напряженными отношениями между Грузией и Россией в последнее десятилетие.

6 Congressional Research Service. U.S. Agency for International Development: An Overview. – 2020. – URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10261/8 (дата обращения: 05.04.2025).

7 Foreign Assistance. Dashboard. – [n. d.]. – URL: https://www.foreignassistance.gov/(дата обращения: 05.04.2025).

8 EFSD Sovereign Financing Database. – URL: https://efsd.org/research/sfd/?ysclid=liue4s6qlk719384721 (дата обращения: 05.04.2025).

9 EFSD Sovereign Financing Database. – URL: https://efsd.org/research/sfd/?ysclid=liue4s6qlk719384721 (дата обращения: 05.04.2025).

Таблица 3. Общая характеристика помощи со стороны *USAID* и АБР и социально-экономических показателей стран региона

Table 3. General characteristics of assistance from USAID and ADB and socio-economic indicators of the countries of the region

Страна	*USAID*		АБР		ВВП на душу населения по ППС в ценах 2021 г., тыс. долл.	Доля грамотного населения, % к общей численности населения старше 15 лет	Детская смертность до 5 лет, на 1000 чел.	Доля бедного населения (менее 6,85 долл. в день), % к численности населения
	Объем помощи, млн долл.	Доля помощи в регионе, %	Объем помощи, млн долл.	Доля помощи в регионе, %				
Армения	75	22	1311,3	4	19,1	100	10,3	51,3
Азербайджан	9,6	3	2901,7	9	21,1	100	18,1	6*
Белоруссия	36,2	11	–	–	26,5	100	2,6	1,3**
Грузия	72	21	3260,4	10	21	100	9,3	55,4***
Казахстан	13	4	5610,5	18	34,2	100	9,7	10,6***
Киргизская Республика	30,4	9	1919,7	6	6,1	100	17,3	62,2***
Монголия	11,8	4	3036,1	10	15,5	99	13,4	22,1
Таджикистан	53	16	2172,4	7	4,3	100	30,3	66,4****
Туркменистан	2	1	628,6	2	–	99	40,4	58*****
Узбекистан	32,9	10	10 696,9	34	8,4	100	13,3	17,3

* 2012
** 2020
*** 2021
**** 2015
***** 1998

Составлено автором на основе: EFSD Sovereign Financing Database. – URL: https://efsd.org/research/sfd/?ysclid=liue4s6qlk719384721; UNESCO Institute for Statistics (UIS). UIS.Stat Bulk Data Download Service Literacy Rate, Adult Total (% of People Ages 15 and Above), 2024. – URL: https://uis.unesco.org/bdds; UNICEF. Under-Five Mortality, 2024. – URL: https://data.unicef.org/topic/child-survival/under-five-mortality/; World Bank Group. DataBank, World Development Indicators. Poverty Headcount Ratio at $6.85 a Day (2017 PPP) (% of Population), 2024. – URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/Series/SI.POV.UMIC; World Bank. World Development Indicators Database, Eurostat-OECD PPP Programme. GDP Per Capita, PPP (Constant 2021 International $), 2024. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD (дата обращения: 05.04.2025).

Армения демонстрирует средний уровень миграции в Россию и относительно низкое использование русского языка по сравнению с другими странами списка. После распада СССР роль русского языка в Армении значительно изменилась. В 1993 г. был принят Закон «О языке», который закрепил монополию армянского языка, что привело к снижению статуса русского [*Богданова*, 2010, с. 18]. Русский язык был переведен в категорию иностранного, и обучение в большинстве учебных заведений стало вестись на армянском языке. Несмотря на это, русский язык продолжает оставаться важным

Таблица 4. Показатели использования русского языка и миграционные и туристические тенденции в России, 2022 г.

Table 4. Russian language usage rates and migration and tourism trends in Russia, 2022

Страна	Индекс устойчивости русского языка	Международная миграция Российской Федерации	Доля международной миграции Российской Федерации, %	Число въездных туристских поездок иностранных граждан в Россию
Белоруссия	14,29	18 824	3	126
Киргизская Республика	6,67	62 360	9	196
Казахстан	6,25	64 382	9	1651
Таджикистан	4,35	186 560	26	505
Молдова	4,17	23 540	3	83
Азербайджан	4	31 773	4	165
Узбекистан	3,85	54 035	7	366
Армения	3,13	59 533	8	272
Туркменистан	2,78	12 133	2	-
Грузия	2,22	6002	1	34

Источники: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Туризм, туристический поток – 2022. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm; Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 г. (статистический бюллетень). – 2022. – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283; Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Вып. 2 / сост. А.Л. Арефьев, А.Р. Голубь, С.Ю. Камышева и др.; под ред. М.А. Осадчего. – Москва: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – 51 с. – URL: https://cis.minsk.by/img/news/24669/63bff-f90826a3.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

для значительной части населения, особенно среди старшего поколения, которое изучало его в советское время. Современная молодежь имеет меньше возможностей для изучения русского языка, так как количество школ с обучением на русском сократилось, а программы обучения на русском языке ограничены.

Ключевой направленностью проектов *USAID* в Армении является государственное управление, а именно создание благоприятных условий функционирования СМИ и независимого потока информации[10]. При этом следует отметить, что в число национальных приоритетов Армении согласно долгосрочной стратегии развития Армении до 2050 г. данное направление не входит. В рамках программы основное внимание уделяется борьбе с бедностью, повышению реальных заработных плат, созданию зеленой устойчивой экономики, основанной на знаниях. Что касается направленности технического содействия в Белоруссии, 89% всех средств направлены в сектор «Государственное управление и администрирование», в то время как остальная часть затрагивает экономическую политику и финансы. Белоруссии длительное время удавалось поддерживать баланс во внешней политике, одновременно сохраняя близкие отношения

10 EFSD Sovereign Financing Database. – URL: https://efsd.org/research/sfd/?ysclid=liue4s6qlk719384721 (дата обращения: 05.04.2025).

с Россией и высокий уровень помощи со стороны США. Отношения между США и Белоруссией усложнены рядом фактором: с одной стороны, Соединённые Штаты поддерживают суверенную, независимую Республику Беларусь, которая уважает права белорусского народа[11], с другой стороны, ряд американских сенаторов неоднократно критиковали деятельность президента Белоруссии, а также политический режим в стране. Таким образом, крупнейшие проекты нацелены на вовлечение граждан в принятие решений на местном уровне, на политические и иные управленческие процессы, а также на реализацию контракта *SWIFT 5*, который основывается на поддержании политических переходов в периоды политических кризисов[12].

Хотя основная часть проектов *USAID* предоставляется на проекты в области государственного управления, для *USAID* корреляция между показателями *Global Governance Index*[13] и объемом финансирования является умеренной и составляет 0,44. Это свидетельствует о том, что *USAID*, как правило, выделяет больше средств странам с более высоким уровнем управления, однако эта зависимость не является абсолютной. Ярким примером подобной тенденции является значительная доля финансирования, выделяемая Армении (0,21%) и Грузии (0,184%), которые демонстрируют сравнительно высокие показатели управления (58,2 и 56,9 соответственно).

В случае с АБР наблюдается еще более слабая корреляция между уровнем управления и объемом финансирования, равная 0,21, что указывает на то, что связь между этими параметрами менее выражена. АБР поддерживает страны с разнообразными показателями управления, и объем финансирования не всегда напрямую зависит от уровня управления. Например, Узбекистан, имеющий высокий показатель управления (59), получает значительное финансирование (0,34%), в то время как другие страны с аналогичными показателями получают меньшие объемы помощи.

Ключевыми сферами проектов АБР (рисунок 4) являются транспорт, государственное управление и администрирование, энергетика, экономическая политика, а также сельское хозяйство, что является более диверсифицированным портфелем, чем проекты *USAID*, это подкрепляет утверждение о меньшей политической направленности содействия развитию многосторонних институтов. Проект Азиатского банка развития в сфере транспорта, который является одним из крупнейших по объему финансирования, направлен на улучшение связности и безопасности вдоль коридора Север – Юг в Грузии. Этот проект включает в себя строительство примерно 23 км устойчивой к изменению климата двухполосной автомагистрали между Квешети и Коби, а также около 5 км всепогодных подъездных дорог. Основные цели проекта включают модернизацию национальной сети автомобильных дорог страны вдоль ключевых экономических коридоров, способствуя тем самым укреплению региональной связности. Дополнительное финансирование на сумму 60 млн долл. было предоставлено Европейским банком реконструкции и раз-

11 U.S. Department of State. U.S. Relations with Belarus. – 2021. – URL: https://www.state.gov/u-s-relations-with-belarus/(дата обращения: 05.04.2025).

12 USAID's Office of Transition Initiatives: SWIFT 5 IDIQ. – URL: https://www.msiworldwide.com/projects/usaids-office-of-transition-initiatives-swift-5-idiq/(дата обращения: 05.04.2025).

13 Solability Sustainable Intelligence. The Global Governance Index. – URL: https://solability.com/the-global-sustainable-competitiveness-index/the-index/governance-capital (дата обращения: 05.04.2025).

вития для поддержки проекта дорожного коридора Север – Юг (Квешети – Коби), что подчеркивает его значимость и масштабность[14].

АБР активно участвует в реализации проектов в Казахстане, вторым по доле получателем помощи в Евразийском регионе. Эти проекты охватывают такие секторы, как транспорт, энергетика, финансы и управление государственным сектором, и направлены на поддержку устойчивого экономического роста, улучшение инфраструктуры и смягчение последствий глобальных экономических вызовов.

Важной областью сотрудничества является транспортный сектор, где АБР финансирует реконструкцию и строительство автомобильных дорог, что способствует экономическому развитию и увеличению торговли. В 2009 г. был одобрен проект реконструкции 79 км участков шоссе и строительства объектов дорожного обслуживания. Этот проект направлен на укрепление экономического развития и увеличение торговли как внутри Казахстана, так и с его международными партнерами с финансированием на общую сумму 184,66 млн долл. Также стоит отметить проект 2012 г. по реконструкции дорог в Мангистауской области. Этот проект, включающий реконструкцию дорог между городами Шетпе и Жетыбай, а также Жетыбай и Актау, направлен на увеличение транзитной торговли и регионального сотрудничества. Общий объем финансирования составил 306,22 млн долл.

В финансовом секторе АБР оказывает поддержку малым и средним предприятиям (МСП) через предоставление доступного финансирования в местной валюте. В 2010 г. АБР запустил программу поддержки государственного Фонда развития предпринимательства «Даму», что позволило МСП получить более доступные кредиты на более длительные сроки на общую сумму 150 млн долл.

АБР также оказывает значительную поддержку в управлении государственным сектором. В 2010 г. банк помогал Казахстану смягчить негативные последствия глобального экономического кризиса, предоставив финансирование в размере 500 млн долл. В ответ на снижение цен на нефть и экономический спад в соседних странах в 2015 г. был выделен дополнительный объем финансирования в размере 1000 млн долл.

В Узбекистане крупнейшим проектом АБР является предоставление помощи для строительства до 29 000 ед. доступного жилья в 9 регионах по всей стране, что создаст рабочие места и обеспечит жильем сельские районы. Кроме того, наиболее значительный проект стабилизационного финансирования заключается в выделении средств на развитие системы здравоохранения[15].

Таким образом, анализ проектов по секторам и странам показывает, что распределение суверенного финансирования со стороны крупнейшего двустороннего донора – *USAID* – не нацелено на решение приоритетных задач для наименее развитых стран региона и предоставляется в страны, имеющие напряженные отношения с Россией. Помощь со стороны многостороннего института – Азиатского банка развития – является более сбалансированной и направлена на приоритетные сектора в странах-получателях, хотя также не имеет среди приоритетных получателей наименее развитые страны региона – Киргизию и Таджикистан.

14 Solability Sustainable Intelligence. The Global Governance Index. – URL: https://solability.com/the-global-sustainable-competitiveness-index/the-index/governance-capital (дата обращения: 05.04.2025).

15 Азиатский банк развития и Узбекистан: информационный бюллетень. – 2022. – URL: https://www.adb.org/ru/publications/uzbekistan-fact-sheet (дата обращения: 05.04.2025).

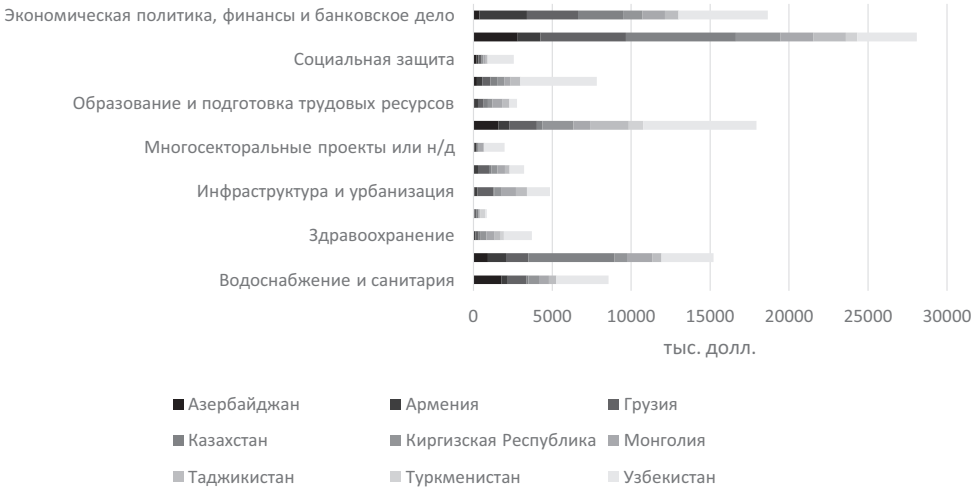


Рисунок 4. Общий объем одобренного финансирования от АБР по странам и секторам

Figure 4. Total approved financing from ADB by country and sector

Составлено автором на основе: EFSD Sovereign Financing Database. – URL: https://efsd.org/research/sfd/?ysclid=liue4s6qlk719384721 (дата обращения: 05.04.2025).

Индекс «справедливой» доли *USAID* и АБР

Для оценки «справедливости» распределения помощи в регионе и ориентации на нужды реципиентов и реализации целей устойчивого развития в настоящем разделе будет рассчитан индекс «справедливой» помощи. Индекс «справедливой доли» оценивает, насколько распределение финансирования среди получателей соответствует доле населения, живущего за международной чертой бедности. Идеальное значение индекса равно единице и достигается, когда доля помощи, предоставляемой каждой стране, точно соответствует доле населения, живущего за чертой бедности, в общем числе живущих за чертой бедности в мире (или в регионе, если исследуется только отдельный набор стран). Напротив, минимальное значение индекса равно нулю и соответствует ситуации, когда вся помощь направляется странам, где отсутствует бедность. Расчетное уравнение индекса «справедливой доли», приведенное в этом разделе, задается следующим образом:

$$P_i = 1 - \sum_{j=1}^{n} |\Pi_j - \Phi_j| \quad j = 1, 2, \ldots, n,$$

где P_i означает показатель распределения помощи донором; i, Π_j обозначают долю помощи донора i стране j, а Φ_j является долей страны j в глобальном распределении бедности.

В данной работе индекс используется для оценки того, насколько «справедливо» распределяется международная помощь от *USAID* и АБР с учетом уровня бедности в таких развивающихся странах, как Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизская Республика, Монголия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

В таблице 5 приведены значения, необходимые для оценки индекса «справедливой доли» *USAID* и итоги расчетов. Для каждой страны указана доля общего объема официального финансирования, предоставленного *USAID* до 2024 г., и доля населения, живущего за чертой бедности, определенной как доход менее чем 3,65 долл. в день (по паритету покупательной способности в ценах 2017 г.) за 2010 г. Уровень бедности (3,65 долл. в день) определяется как средний размер недостатка дохода или потребления по сравнению с порогом бедности. Этот показатель выражается в процентах от линии бедности и отражает как глубину, так и распространенность бедности.

Таблица 5. Показатели для расчета индекса «справедливой доли» *USAID* как донора с учетом уровня бедности

Table 5. Indicators for calculating the USAID "fair share" index as a donor, taking into account the poverty level

Страна	Доля общего объема одобренного финансирования	Доля населения, живущая менее чем на 3,65 долл. в день, в 2010 г.	Расчет «справедливой» доли по формуле	Объем помощи по «справедливой» доле, млн долл.	Разрыв между «справедливым» и фактическим объемом помощи, млн долл.	Относительная разница, %
Армения	0,22	0,05	0,83	16,79	58,06	3,46
Азербайджан	0,03	0,001	0,97	0,34	8,38	24,97
Белоруссия	0,11	0,004	0,9	1,34	34,57	25,75
Грузия	0,21	0,128	0,91	43,37	28,34	0,65
Казахстан	0,04	0,01	0,97	3,36	9,53	2,84
Киргизская Республика	0,09	0,076	0,99	25,51	4,22	0,17
Монголия	0,04	0,025	0,99	8,39	3,36	0,4
Таджикистан	0,16	0,114	0,96	38,27	14,71	0,38
Туркменистан	0,01	0,254	0,75	85,30	-83,28	-25,3
Узбекистан	0,1	0,338	0,76	113,80	-80,1	-33,8
USAID, индекс «справедливой» доли	–	–	0,02			

Составлено автором на основе: EFSD Sovereign Financing Database. – URL: https://efsd.org/research/sfd/?ysclid=liue4s6qlk719384721; Asian Development Bank (ADB). Annual Report 2023. – 2023. – URL: https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/959761/adb-annual-report-2023.pdf; The World Bank. Metadata Glossary, DataBank. – URL: https://databank.worldbank.org/metadataglossary/world-development-indicators/series/SI.POV.LMIC.GP (дата обращения: 05.04.2025).

Таблица 6. Показатели для расчета индекса «справедливой доли» АБР как донора с учетом уровня бедности

Table 6. Indicators for calculating the ADB's fair share index as a donor, taking into account the poverty level

Страна	Доля общего объема одобренного финансирования	Доля населения, живущая менее чем на 3,65 долл. в день, в 2010 г.	Расчет «справедливой» доли по формуле	Объем помощи по «справедливой» доле, млн долл.	Абсолютная разница, млн долл.	Относительная разница, %
Армения	0,042	0,05	0,992	16,863	-2,777	-16,47
Азербайджан	0,092	0,001	0,909	0,361	30,523	8445,68
Грузия	0,103	0,128	0,975	43	-8,423	-19,6
Казахстан	0,178	0,01	0,832	3,491	56,264	1612,56
Киргизская Республика	0,061	0,077	0,984	25,763	-5,283	-20,5
Монголия	0,096	0,025	0,929	8,306	23,922	288,06
Таджикистан	0,069	0,115	0,954	38,504	-15,338	-39,83
Туркменистан	0,02	0,255	0,765	85,442	-78,728	-92,14
Узбекистан	0,339	0,339	1	113,87	-0,062	-0,05
АБР, индекс «справедливой» доли	–	–	0,34			

Составлено автором на основе: EFSD Sovereign Financing Database. – URL: https://efsd.org/research/sfd/?ysclid=liue4s6qlk719384721; Asian Development Bank (ADB). Annual Report 2023. – 2023. – URL: https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/959761/adb-annual-report-2023.pdf; https://databank.worldbank.org/metadataglossary/world-development-indicators/series/SI.POV.LMIC.GP (дата обращения: 05.04.2025).

Таблица 6 иллюстрирует аналогичный расчет индекса для Азиатского банка развития. Важно отметить, что сумма помощи от АБР значительно выше объемов финансирования *USAID* и составляет 31 448 млн долл. по сравнению с 317 млн долл. от *USAID*. К тому же АБР применяет все три типа финансирования [*Vinokurov, Levenkov, Chkoniya*, 2023], что позволяет ему обеспечивать более широкий спектр поддержки для стран-реципиентов. Далее будут рассмотрены ключевые направления и проекты финансирования, а также выделены основные сходства и различия данных доноров.

Возвращаясь к результатам расчета индекса, важно отметить, что индекс «справедливой доли» для *USAID* составляет 0,02. Распределение помощи *USAID* демонстрирует значительное отклонение от критериев, ориентированных на бедность стран-реципиентов. Очевидно, что для США финансирование выступает инструментом «мягкой силы» для продвижения политической воли и влияния, поэтому то, насколько экономически развит

реципиент, не играет определяющей роли. АБР, несмотря на относительно низкий индекс «справедливой доли» (0,34), демонстрирует бóльшую ориентированность на социально-экономическое положение стран-реципиентов. Таким образом, распределение помощи Азиатского банка развития преимущественно направлено на решение проблем бедности, что обусловлено его региональным мандатом и относительно низкой подверженностью геополитическим влияниям.

Заключение

Данное исследование поднимает вопросы об эффективности международной помощи в части реализации отдельных целей устойчивого развития и соответствия распределения финансирования мандатам организаций. Анализ еще раз показывает, что донорская помощь не всегда распределяется с учетом реальных потребностей населения или степени бедности в странах, получающих поддержку, несмотря на указание в миссиях доноров на такие цели деятельности, как повышение благосостояния, борьба с бедностью и другие аспекты развития в странах-реципиентах. Это выявляет необходимость пересмотра подходов к предоставлению международной помощи с особым акцентом на «справедливость» ее распределения, учета интересов стран-получателей и их социально-экономического положения.

Список литературы

Богданова К.А. К вопросу о статусе и роли русского языка в Республике Армения // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2010. – № 4. – С. 18–20.

Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 2(23). – С. 47–58. – DOI: 10.24833/2071-8160-2012-2-23-47-58.

Дементьев В.С., Андреев А.А. Динамика въездного и выездного туризма в России в период 2014–2022 гг. // Псковский регионологический журнал. – 2023. – № 1. – С. 56–72. – DOI: 10.37490/S221979310023983-4.

Максимова А.В. Чья помощь более результативна? Традиционные и формирующиеся двусторонние доноры Киргизии // Вестник международных организаций. – 2016. – Т. 11, № 3. – С. 7–36. – DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-07.

Морозкина А.К. Двусторонняя официальная помощь развитию: влияние мирового финансового кризиса 2008–2009 годов: дис. … канд. экон. наук. – Москва: НИУ ВШЭ, 2018. – 158 с. – URL: https://www.hse.ru/sci/diss/226772930 (дата обращения: 05.04.2025).

Морозкина А.К. Официальная помощь развитию: тенденции последнего десятилетия // Мировая экономика и международные отношения. – 2019b. – Т. 63, № 9. – С. 86–92. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92.

Морозкина А.К. Страны ЕАЭС в системе содействия международному развитию // Финансовый журнал. – 2019a. – № 1. – С. 88–100. – DOI: 10.31107/2075-1990-2019-1-88-100.

Оксиненко В.Г. Структура и перспективы трансформации официальной помощи развитию Армении // Вестник международных организаций. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 193–208. – DOI: 10.17323/1996-7845-2022-04-08.

Политика влияния мировых акторов в Центральной Азии, Восточной Европе, на Южном Кавказе и в странах Балтии / Сидоров А.А., Силантьева Л.Г., Каштанов А.В., Данилов В.В., Тотрова А.А. – Москва : Изд-во «Перо»,

2023. – 146 с. – URL: https://rs.gov.ru/app/uploads/2023/09/broshyura-%E2%80%94-veb_-2.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

Савичев Ю.Н., Савичева Е.М. Сотрудничество России с центральноазиатскими странами СНГ в области здравоохранения // Российская и китайская помощь странам Азии и Африки / под ред. Д.А. Дегтерева, Ли Янь. – Москва : РУДН, 2023. – 263 с. URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/864024697.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

Alesina A., Dollar D. Who Gives Foreign Aid to Whom and Why? // Journal of Economic Growth. – 2000. – Vol. 5, N 1. – P. 33–63.

Berthélemy J.-C. Bilateral Donors' Interest vs. Recipients' Development Motives in Aid Allocation: Do All Donors Behave the Same? // Review of Development Economics. – 2006. – Vol. 10, N 2. – P. 179–194.

Biskaye P., Anderson C.L. Relative Effectiveness of Bilateral and Multilateral Aid on Development Outcomes // Review of Development Economics. – 2017. – Vol. 21, N 4. – P. 1425–1447. – DOI: 10.1111/rode.12303.

Bodenstein T., Kemmerling A.A Paradox of Redistribution in International Aid? The Determinants of Poverty-Oriented Development Assistance // World Development. – 2015. – Vol. 76, N 1. – P. 359–369. – DOI: 10.1016/j.worlddev.2015.08.001.

Burnside C., Dollar D. Aid, Policies, and Growth // American Economic Review. – 2000. – Vol. 90, N 4. – P. 847–868.

Claessens S., Cassimon D., Van Campenhout B. Evidence on Changes in Aid Allocation Criteria // The World Bank Economic Review. – 2009. – Vol. 23, N 2. – P. 185–208.

Creutz K. Multilateral Development Banks as Agents of Connectivity: the Asian Development Bank (ADB) and the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) // East Asia. – 2023. – Vol. 40. – P. 335–356. – DOI: 10.1007/s12140-023-09408-6.

Gates S., Hoeffler A. Global Aid Allocation: Are Nordic Donors Different? // CSAE Working Paper Series. – 2004. – N 2004-34. – URL: https://www.researchgate.net/profile/Scott-Gates/publication/46469561_Global_Aid_Allocation_Are_Nordic_Donors_Different/links/004635225f4ce112b6000000/Global-Aid-Allocation-Are-Nordic-Donors-Different.pdf?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19 (дата обращения: 05.04.2025).

Gulrajani N. Bilateral versus Multilateral Aid Channels: Strategic Choices for Donors // ODI Global. – 2016. – URL: https://odi.org/en/publications/bilateral-versus-multilateral-aid-channels-strategic-choices-for-donors/ (дата обращения: 05.04.2025).

McGillivray M., Clarke M. Fairness in the International Allocation of Development Aid // World Economy. – 2018. – Vol. 41, N 4. – P. 1068–1087. – DOI: 10.1111/twec.12636.

McKinlay R.D., Little R. A Foreign Policy Model of U.S. Bilateral Aid Allocation // World Politics. – 1977. – Vol. 30, N 1. – P. 59–82.

Milner H., Tingley D.H. Introduction to the Geopolitics of Foreign Aid // Geopolitics of Foreign Aid / Ed. by H. Milner, D.H. Tingley. – [S. l.] : Edward Elgar Publishing, 2013. – P. 1–15.

Ulatov S., Levenkov A. Sovereign Financing in Eurasia: Trends and Areas // EFSD Working Paper. – 2024. – N WP/24/2. – URL: https://efsd.org/upload/iblock/161/mys3rsl33e2ua6equ60uppj2ua5e1xyp/EFSR_Annual-Report_EN_web_2024_05_24_final.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

Vinokurov E., Levenkov A., Chkoniya L. Introduction to the EFSD Sovereign Financing Database // EFSD. – 2023. – URL: https://efsd.org/upload/iblock/ff1/EFSD_WP_2023_1_EN_2023_01_24.cleaned.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.10

Motives for Sovereign Funding Allocation in the Eurasian Region: The Case of USAID and ADB

Marianna A. ESAYAN
Independent Expert, BA (Faculty of World Economy and International Politics)
National Research University Higher School of Economics
Malaya Ordynka Street, 17, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: esayanmarianna@gmail.com
ORCID: 0009-0000-3684-1344

Aleksandra K. MOROZKINA
PhD (Econ.), Leading Researcher, Faculty of World Economy and International Politics
National Research University Higher School of Economics
Malaya Ordynka Street, 17, Moscow, Russian Federation, 101000;
Senior Researcher
Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation
Nastas'inskiy pereulok, 3, building 2, Moscow, Russian Federation, 125375
E-mail: akmorozkina@hse.ru
ORCID: 0000-0002-9529-9601

CITATION: Esayan M.A., Morozkina A.K. (2025). Motives for Sovereign Funding Allocation in the Eurasian Region: The Case of USAID and ADB. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 18, no. 4, pp. 169–190 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.04.10

Received: 18.01.2025.
Revised: 08.04.2025.

ACKNOWLEDGEMENT. The article was prepared within the framework of the project "International academic cooperation" HSE University.

ABSTRACT. *In the context of budget constraints, the allocation of development finance is one of the important research questions. This article proposes a study of the allocation of sovereign financing in the Eurasian region in 2008-2022 using new data (the Eurasian Fund for Stabilization and Development (EFSD) sovereign financing database). The analysis shows that the most vulnerable countries of the region (Kyrgyzstan, Tajikistan) are not among the key recipient countries, on the contrary, most of the funds are directed to the most developed countries of the region - Armenia, Georgia, Kazakhstan. To assess the efficiency of funding allocation, an index of the "fair" share of aid for key recipient countries was calculated. The results of the study show a low share of "fair" aid, therefore, a weak orientation of donor countries to the problems in the countries of the region. In particular, it was revealed that there is a gap*

between the "fair" distribution of aid and the actual distribution, which indicates the need to revise the existing mechanisms for the provision of development finance.

KEYWORDS: *sovereign financing, Eurasian region, "fair share" index, absolute poverty, Eurasian Fund for Stabilization and Development, USAID, Asian Development Bank.*

References

Alesina A., Dollar D. (2020). Who Gives Foreign Aid to Whom and Why? *Journal of Economic Growth*. Vol. 5, no. 1, pp. 33–63.

Berthélemy J.-C. (2006). Bilateral Donors' Interest vs. Recipients' Development Motives in Aid Allocation: Do All Donors Behave the Same? *Review of Development Economics*. Vol. 10, no. 2, pp. 179–194.

Biskaye P., Anderson C.L. (2017). Relative Effectiveness of Bilateral and Multilateral Aid on Development Outcomes. *Review of Development Economics*. Vol. 21, no. 4, pp. 1425–1447. DOI: 10.1111/rode.12303.

Bogdanova K.A. (2010). On the status and role of the Russian language in the Republic of Armenia. *Polylingualism and Transcultural Practices*. No. 4, pp. 18–20 (in Russian).

Bodenstein T., Kemmerling A. (2015). A Paradox of Redistribution in International Aid? The Determinants of Poverty-Oriented Development Assistance. *World Development*. Vol. 76, no. 1, pp. 359–369. DOI: 10.1016/j.worlddev.2015.08.001.

Burnside C., Dollar D. (2000). Aid, Policies, and Growth. *American Economic Review*. Vol. 90, no. 4, pp. 847–868.

Claessens S., Cassimon D., Van Campenhout B. (2009). Evidence on Changes in Aid Allocation Criteria. *The World Bank Economic Review*. Vol. 23, no. 2, pp. 185–208.

Creutz K. (2023). Multilateral Development Banks as Agents of Connectivity: the Asian Development Bank (ADB) and the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). *East Asia*. Vol. 40, pp. 335–356. DOI: 10.1007/s12140-023-09408-6.

Degterev D.A. (2012). Promotion of international development as a tool for promoting foreign policy and foreign economic interests. *MGIMO Review of International Relations*. No. 2(23), pp. 47–58 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2012-2-23-47-58.

Dementyev V.S., Andreev A.A. (2023). Dynamics of inbound and outbound tourism in Russia in the period 2014–2022. *Pskov Journal of Regional Studies*. No. 1, pp. 56–72 (in Russian). DOI: 10.37490/S221979310023983-4.

Gates S., Hoeffler A. (2004). Global Aid Allocation: Are Nordic Donors Different? *CSAE Working Paper Series*. No. 2004-34. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Scott-Gates/publication/46469561_Global_Aid_Allocation_Are_Nordic_Donors_Different/links/004635225f4ce112b6000000/Global-Aid-Allocation-Are-Nordic-Donors-Different.pdf?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19, accessed 05.04.2025.

Gulrajani N. (2016). Bilateral versus Multilateral Aid Channels: Strategic Choices for Donors. *ODI Global*. Available at: https://odi.org/en/publications/bilateral-versus-multilateral-aid-channels-strategic-choices-for-donors/, accessed 05.04.2025.

Maksimova A.V. (2016). Which Assistance is More Effective? Kyrgyzstan's traditional and emerging bilateral donors. *International Organisations Research Journal*. Vol. 11, no. 3, pp. 7–36 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-07.

McGillivray M., Clarke M. (2018). Fairness in the International Allocation of Development Aid. *World Economy*. Vol. 41, no. 4, pp. 1068–1087. DOI: 10.1111/twec.12636.

McKinlay R.D., Little R. (1977). A Foreign Policy Model of U.S. Bilateral Aid Allocation. *World Politics*. Vol. 30, no. 1, pp. 59–82.

Milner H., Tingley D.H. (2013). Introduction to the Geopolitics of Foreign Aid. In: Milner H., Tingley D.H. (eds.). *Geopolitics of Foreign Aid*. – S. l.: Edward Elgar Publishing, 2013. – P. 1–15.

Morozkina A.K. (2018). *Bilateral Official Development Assistance: The Impact of the Global Financial Crisis of 2008–2009*. Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Moscow: Higher School of Economics, 158 pp. (in Russian). Available at: https://www.hse.ru/sci/diss/226772930, accessed 05.04.2025.

Morozkina A.K. (2019a). EAEU countries in the system of international development assistance. *Financial Journal*. No. 1, pp. 88–100 (in Russian). DOI: 10.31107/2075-1990-2019-1-88-100.

Morozkina A.K. (2019b). Official development assistance: trends of the last decade. *World Economy and International Relations*. Vol. 63, no. 9, pp. 86–92 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92.

Oksinenko V.G. (2022). Structure and Prospects of Transformation of Official Development Assistance to Armenia. *International Organisations Research Journal*. Vol. 17, no. 4, pp. 193–208 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2022-04-08.

Politika vliyaniya… (2023). Sidorov A.A. et al. *The Influence Policy of Global Actors in Central Asia, Eastern Europe, the South Caucasus and the Baltic States*. Moscow: Pero, 146 pp. (in Russian). Available at: https://rs.gov.ru/app/uploads/2023/09/broshyura-%E2%80%94-veb_-2.pdf, accessed 05.04.2025.

Savichev Yu.N., Savicheva E.M. (2023). Russia's cooperation with the Central Asian CIS countries in the field of healthcare. In: Degderev D.A., Li Yan (eds.). *Russian and Chinese aid to countries in Asia and Africa*. Moscow: RUDN, 263 pp. Available at: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/864024697.pdf, accessed 05.04.2025.

Ulatov S., Levenkov A. (2024). Sovereign Financing in Eurasia: Trends and Areas. *EFSD Working Paper*. No. WP/24/2. Available at: https://efsd.org/upload/iblock/161/mys3rsl33e2ua6equ60uppj2ua5e1xyp/EFSR_Annual-Report_EN_web_2024_05_24_final.pdf, accessed 05.04.2025.

Vinokurov E., Levenkov A., Chkoniya L. (2023). Introduction to the EFSD Sovereign Financing Database. *EFSD*. Available at: https://efsd.org/upload/iblock/ff1/EFSD_WP_2023_1_EN_2023_01_24.cleaned.pdf, accessed 05.04.2025.

В рамках дискуссии

УДК 930.85
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.11

Аналитический потенциал исследовательской категории «религиозный другой»: к постановке проблемы

Сергей Айказович ГОРЮНОВ
научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: existimator@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6256-5099

Сергей Владиславович МЕЛЬНИК
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: melnik.s.vl@ya.ru
ORCID: 0000-0002-1491-7624

ЦИТИРОВАНИЕ: Горюнов С.А., Мельник С.В. Аналитический потенциал исследовательской категории «религиозный другой»: к постановке проблемы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 191–213.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.11

Статья поступила в редакцию 16.10.2025.
Исправленный текст представлен 29.11.2025.

АННОТАЦИЯ. *Текст посвящен проблематизации исследовательской категории «религиозный другой» и ее соотношению с категорией «культурный другой». В центре внимания – вопрос о том, оправдано ли выделение «религиозного» как особого типа другоизации или речь идет лишь о вариации культурной инаковости. Материалом отчасти служат цензурные дела Комитета 2 апреля 1848 г., где практика контроля за публикациями позволяет проследить специфику конструирования религиозной инаковости. Особый интерес вызывает ситуация, когда светское, претендующее на роль нейтрального арбитра, оказывается втянутым в бинарную оппозицию светско-духовного деления, во многом соотносящуюся с оппозицией священного и мирского, и становится полноправным участником «другоизирующего» противостояния в секулярную*

и постсекулярную эпохи. Рассматривается также значение самой исследовательской категории применительно к понятиям, с которыми она пересекается: иноверие, инославие, раскол, ересь, суеверие и др. Анализ дореволюционного материала позволяет поставить более общий вопрос: уместна ли отдельная аналитическая категория «религиозный другой» для описания исторических процессов или достаточно говорить о культурной инаковости в целом? В рамках анализа применимости категории «религиозный другой» к современности выделяются две области: трансформация отношений верующих разных религий (межрелигиозный диалог), а также проблемы взаимодействия религиозного и секулярного сознания. «Религиозный другой» может восприниматься как «соперник», «собеседник», «сосед» или «партнер». Последние две формы имеют особое значение для межрелигиозного диалога или «духовной дипломатии», когда верующие разных религий делают акцент на миротворчестве и сотрудничестве во имя общего блага.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *«религиозный другой», «культурный другой», цензура, Комитет 2 апреля 1848 г., религиозная инаковость, светское и духовное, бинарные оппозиции.*

Эмпирическая обусловленность категории *«религиозный другой»*: горизонтальная и вертикальная *другоизация*

«Истинное и ложное», «святое и греховное», «доктрина и ересь» (ряд можно продолжить) – эти бинарные оппозиции, структурирующие опыт инаковости в самых разных его формах, фактически обязывают – если не сказать обрекают – обращаться к дискурсу *другого*. Темы своего и чужого/чуждого («правоверный и еретик»), своего и иного («сакральное и профанное») являются не просто внешней исследовательской оптикой (так часто критикуемой в рамках рефлексивного поворота) – они постоянно проговариваются в религиозном дискурсе, внутри религии. Само понятие религии, быть может, содержит эту оппозиционность: обязательное наличие «*других религий*», или, перефразируя знаменитый тезис Макса Мюллера[1] [*Müller*, 1882, p. 13], в единственном числе можно говорить, скорее, о вере, тогда как религия всегда подразумевает наличие *другой* религии. И шире: некоторые религиозные концепты заведомо инверсивны, их трудно осмыслить вне противопоставленного – «святое»/«профанное», «праведник»/«грешник» и т. п. Но даже если оппозиции не универсальны (тут важно не соскальзывать в догматический дуализм) или, например, их негативные элементы не субстанциональны (например, тьма как значимое отсутствие света), то они, безусловно, операциональны – проговариваются в религии, переживаются, кодифицируются.

Важным, пусть и кажущимся очень далеко отстоящим, примером является одно рассуждение о семантической разнице между понятиями «номос» и «номой» во второй книге Маккавеев [*Брагинская, Селезнев, Шмаина-Великанова*, 2016, с. 34], где νόμος – Закон Моисея, а νόμοι – отеческие установления, религиозный обычай, «религия». Лингвистическая ситуация вокруг терминов «номос» и «номой», описанная в статье, – прекрасная иллюстрация рождения

1 «The same applies to religion. If you know one, you know none».

религиозного в переводе и в столкновении с иным. В примере отчетливо видно, что сама идея религии появляется при встрече с «*религиозным другим*». Авторы статьи предполагают некую семантическую близость понятий «номой» и «религия»: «в эллинистическом окружении нужно было иметь общий с этим окружением термин для права и обычая, ведь и права, и обычаи, и нравственные правила были и у язычников. Автор Второй книги Маккавеев систематически придает такую семантику множественному числу νόμοι. Из неопределенности и подмен, которые встречаются в переводе слова *torah* в LXX, он нашел такой выход, отделив уникальное явление своей культуры – Номос – от общего явления всех культур – номой». Это во многом обнаруживает не только теологическое, но и лексическое измерение вопроса, ситуационную близость дискурсов «другой культуры», «другой веры», «другого языка», при этом язык становится инструментом *другоизации* – обеспечивает эту возможность. А вот «номос» (Закон) оказывается, скорее, в зоне непереводимого, необходим как констатация его обособленности. Но важнее, пожалуй, то, что без своего рода множества, без «*иных*» обычаев, идея *религии* кажется невозможной (ненужной?).

Важен и вывод, который делают авторы: «Именование по-гречески Торы и религии, отеческих установлений и Учения одним словом имело большие последствия и для христианства, и для иудаизма». Впрочем, четко отделить «*культурного другого*» от «*религиозного другого*» тут невозможно. То ли переводчик хотел защитить непереводимое, на его взгляд, понятие «Тора», то ли искал эквивалент со схожим инвариантом для понятия «предания отцов»/«религия». Скорее всего, одновременно и то и другое. Мы можем лишь зафиксировать факт необходимости термина для обозначения «религии» в языковой ситуации соприкосновения с иной, чужой культурой. Уникальное/святое (Тора) отделяется переводчиком, лингвистически оберегается. Собственно, слово «кадош» (שודק) означает не только святое, но и отделенное и, бесспорно, подходит к рассуждениям об оппозиционности.

Ориентация приведенного нами примера на библейский материал создает определенную уязвимость для всего нашего текста, впрочем, эта проблема шире (касается не только нас) и встречается в ключевых работах, проговаривающих бинарную оппозиционность священного и профанного. В книге «Священное и мирское» (*Le sacré et le profane*) Мирча Элиаде начинает главу про священное пространство именно библейской цитатой: «И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исход 3:5) [*Элиаде*, 1994, с. 22]. Далее, рассуждая о местах теофании и верований, он приводит примеры из разных культур, но именно в подтверждение первичного тезиса, непосредственно вытекающего из известной библейской цитаты. Эта цитата, как и другие (например, Бытие 28: 12–19), задает общий тон повествованию и ощущается как способ навязать эпистему (рамку). А затем в логику этой библиоцентричной рамки выписываются все остальные примеры. Во многом такой же библиоцентричностью обладает и концепт Рудольфа Отто о священном как абсолютно инаковом (*ganz Andere*). Так, примеры священного трепета преимущественно заимствуются из Библии [*Ommo*, 2008, с. 24]. Таким образом, вопрос применимости материалов статьи к иным религиям, базой для которых не выступает библейский текст, безусловно остается открытым (не может

быть снят в рамках данной статьи). И всё же с учетом оговорок отметим, что как минимум для авраамических религий у *«религиозного другого»* есть несколько измерений, несколько одновременно работающих механизмов другоизации: по горизонтали конструируется чуждое (иноверие), по вертикали – иное (священное), выходящее на некий онтологический уровень.

Секуляризм как вид религиозной другоизации

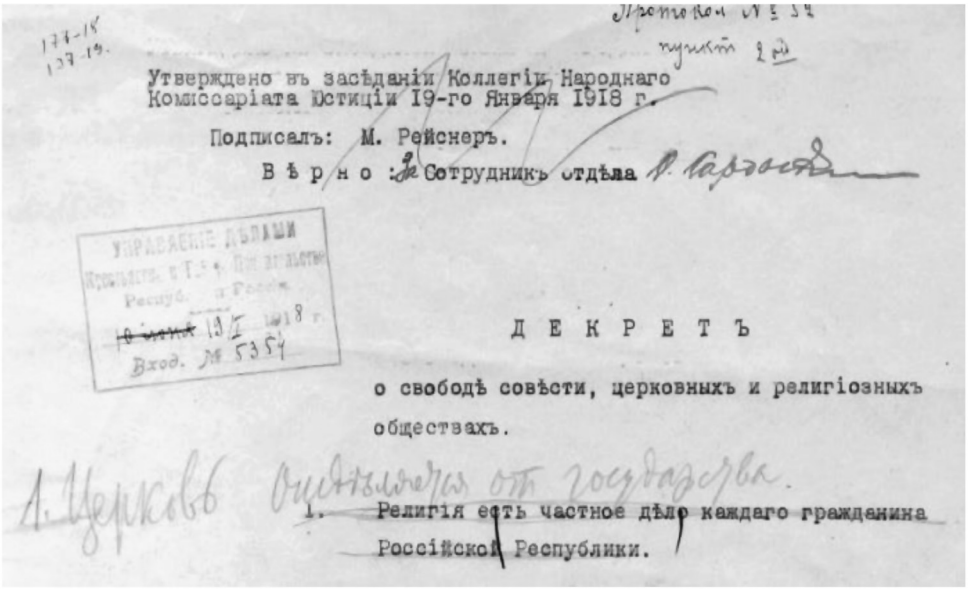
Деление на «священное» и «мирское» нам кажется тесно перекликающимся и с делением на «светское» и «религиозное», хотя светское/религиозное деление часто привязывают не к делению на священное и мирское, а в нововременной философии возводят к мифу о модерне. Так, религиовед Дмитрий Узланер пишет: «Главный учредительный акт нового видения мира – это создание «светского» как особого пространства, выведенного из-под власти Бога» [*Узланер*, 2008, с. 153]. Нам это замечание кажется не вполне верным, и логику «Кесарю кесарево, а Божие Богу» мы встречаем гораздо раньше. Но что не так с самим секулярным проектом (как продуктом модерна), если отвлечься от рассуждений о его истоках?

Кажется привычной и естественной мысль, будто секулярный проект («светский взгляд») не вовлечен напрямую в ситуации полемических бинарных оппозиций – «парит над схваткой». По-видимому, это не вполне так – импликация оппозиционности и противостояния в нем, безусловно, ощущается.

Светский для религиозного оказывается, как мы полагаем, не более чем вариантом *«религиозного другого»*. По меткому замечанию Джона Милбанка, секуляризм вполне может быть рассмотрен как форма теологии и квазирелигиозная универсалистская доктрина, постулирующая *истину равнодопустимости любых версий истины* [*Milbank*, 2022, p. 75–143], а тезис *«как если бы Бога не было»,* в самом деле, насквозь теологичен, воспроизводит логику религиозных различий.

Секулярный взгляд подразумевает, что есть зоны, «освобожденные» от религии, и светское общество (не являясь одной из сторон полемической пары) регламентирует и ограничивает зону существования/влияния религии как частного дела гражданина. Однако на практике это именно отчуждение определенных областей у религии. Показательный пример – «Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР об отделении церкви от государства и школы от церкви». В изначальной редакции первый пункт весьма нейтрально гласил: «Религия есть частное дело каждого гражданина». Однако этот пункт перечеркнут рукой В.И. Ленина и заменен гораздо более прямым, вполне перформативным отчуждающим высказыванием: «Церковь отделяется от государства» (рисунок 1).

Классическая модель секуляризма предполагает отчуждение религии от таких сфер, как воспитание, образование, здравоохранение, семья, наука и т.д. – областей, пронизанных (для верующего) религиозными смыслами. Сегодня, в так называемое постсекулярное время, религия вернулась в эти области. Это «возвращение религии» вызывает разные, часто полярные эмоции, но отметим бесспорный факт – оно очевидно наблюдаемо. Мы не можем ставить знак равенства между понятиями секулярный и мирской, но, по-видимому, для религиозного взгляда они сближены. Светское в таком взгляде – то, откуда изъяты сакральные смыслы, противопоставлено «священному»/«святому»/«неотмирному» и в таком своем виде – лишь еще одна фигура *«религиозного другого»*.


Утверждено въ засѣданіи Коллегіи Народнаго
Комиссаріата Юстиціи 19-го Января 1918 г.

Подписалъ: М. Рейснеръ.

Вѣрно: Сотрудникъ отдѣла

ДЕКРЕТЪ

о свободѣ совѣсти, церковныхъ и религіозныхъ обществахъ.

1. Религія есть частное дѣло каждаго гражданина Россійской Республики.

Рисунок 1. Резолюция В.И. Ленина об отделении церкви от государства
Figure 1. V.I. Lenin's resolution on the separation of church and state

Специфика российского случая

Исторически в России это видно особенно наглядно: терминологически разделение осуществлялось не на «секулярное» и «религиозное», а на «*светское*» и ***«духовное»*** – светская и духовная литература, образование, цензура и, наконец, власть (Сенат и Синод). Если понятие «*религиозное*» может наделяться секуляризованной/секуляризующей семантикой, то «***духовное»*** (в отличие от «религиозного»), безусловно, сближено со «*священным*». В деление встроена иерархия – духовное строже оберегается, расположено иерархически выше. Тут мы вынуждены обойтись лишь упоминанием этого широкого исторического контекста деления культуры и власти на «светскую» и «духовную», более подробно он рассмотрен нами в другом тексте [*Горюнов*, 2024а, с. 159–166].

Механизмы другоизации «вшиты» в формы религиозного дискурса (в том числе и в процессы секуляризации). Исторические понятия, маркирующие религиозную инаковость/чуждость, содержат в себе соответствующее семантическое, подчас коннотативно негативно окрашенное, наполнение, в котором инаковость смешана с чуждостью и неприятием. Так, например, слово «раскол», безусловно, отсылает нас к теме отделения и отступничества от единой Церкви. Но и шире: такие понятия, как «**ино**верие», «**ино**странные исповедания», «**ино**славие», с очень показательной «другоизирующей» приставкой **ино-** вполне отчетливо демонстрируют ментальное пространство своего и *чуждого*, в которое помещались определенные группы верующих и доктрины. Так, князь И.И. Толстой пишет, что в законодательстве Российской империи иудаизм именуется «лжеучением», а религиозные понятия иудаизма – «суеверием», справедливо указывая на то, что «таких оскорбительных опре-

делений в законе нет ни относительно ислама, ни буддизма, ни даже шаманства» [*Толстой, Гессен,* 1907, с. 153]. Ряд понятий, маркирующих чуждость, хотя встречается в контексте религиозной инаковости, всё же более относится к «*культурному другому*» (простонародные массы, чернь, низшие классы): «шарлатанство», «сказки», «суеверные толки» и т. п. Большинство из них оказываются своего рода идеологическим «багажом», приехавшим в Российскую империю вместе с категорией «религия» в ее «просвещенческом» изводе, когда есть нечто прибавленное – *простонародные* наслоения/«суеверия темных людей», от которых «религию» следует «очищать». Такая парадигма мышления особенно хорошо видна в цензуре, часто прямо маркирующей отдельные высказывания подобными понятиями. На примере дела о еврейском амулете «Шемира – Легайлед» (охранение для дитяти)[2] мы демонстрировали эту мысль достаточно наглядно в другом тексте [*Горюнов*, 2024b, с. 59–91]. Приведем вновь только заключение по данному делу, подчеркивая понятия, маркирующие «*культурного другого*»: «Принимая в соображение, что Еврейская чернь, без того уже слишком наклонна к каббалистическим суевериям, следовало бы, кажется, воспретить спекуляторам усиливать еще, по произволу эти суеверия новыми, и действовать, сверх того, на расстроенное воображение больных женщин шарлатанскими амулетами»[3]. Стоит ли говорить, что для иудаизма в целом характерно иное отношение к тексту. Так, библейские отрывки, начертанные на пергаменте, традиционно помещаются в тфилин, используемый во время молитвы, и в мезузы, закрепляемые на дверных косяках.

Как широкие категории («магометане», «ламаиты», «раскольники», «сектанты»), так и исторические категории, маркирующие «простонародные верования» («суеверия», «ересь», «изуверство»), для исследователя являются *анализируемыми (историческими)* – не могут быть использованы без кавычек, и соответствующая *аналитическая* категория для них необходима. В семантике этих категорий элементы «чуждости» и неприятия присутствуют в разной степени. В первой половине XIX в. «иностранные исповедания» регламентировались уставом «об **ино**странных исповеданиях»[4]. В цензурных документах и в отношении мусульман, и в отношении евреев, и в отношении протестантов и католиков используется единый термин «**ино**верие». При этом в Указе «Об укреплении начал веротерпимости» (от 17 апреля 1905 г.) для обозначения других конфессий уже используется термин «**ино**славие». Он встречается в документе 4 раза, но без каких-либо дефиниций – уже как вполне устойчивое и нормативное понятие. Для примера: в уложениях уголовных разница между *иноверием* и *инославием* проводится по смыслу, но сам термин еще не используется. Так, в статье 184 православие и инославие фактически оказываются по одну сторону, а нехристианские учения – по другую: «За отвлечение, чрез подговоры, обольщения или иными средствами, кого-либо от христианской веры православного или другого исповедания в веру магометанскую, еврейскую или иную нехристианскую, виновный приговаривается: к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на время от восьми

2 РГИА. Ф. 1611. Оп. 1, ед. хр. 182.

3 РГИА. Ф. 1611. Оп. 1, ед. хр. 182. Л. 3.

4 Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. 11. Ч. 1. – Санкт-Петербург: Государственная тип., 1896. – С. 9.

до десяти лет» [*Таганцев*, 1886, с. 145], а вот за «совращение из православного в иное христианское вероисповедание» – «лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к ссылке на житье в Сибирь…» (ст. 187) [*Таганцев*, 1886, с. 145]. Отметим отдельно и термины, употребляемые для обозначения миссионерства и прозелитизма в отношении *религиозных других* – «отвлечение» от веры «через подговоры», «обольщение», «совращение» в иную веру. В этих понятиях присутствует некая дополнительная семантическая нагрузка, содержащая негативную оценку склонения к чужому/чуждому, – их никак нельзя назвать нейтральными.

В Указе об укреплении начал веротерпимости 1905 г. прямо признается наличие коннотативных смыслов в отношении *«религиозных других»*. Например, пункт 5 гласит: «Установить в законе различие между вероученіями, объемлемыми ныне наименованием «раскол», разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия, б) сектантство и в) последователи изуверных учений, самая принадлежность к коим наказуема в уголовном порядке»[5]. Еще показательней пункт 16 Указа: «Подвергнуть обсуждению действующие узаконения о ламаитах [буддисты – *С. Г.*], возбранив впредь именование их в официальных актах идолопоклонниками и язычниками»[6].

Способы, которыми власть Российской империи говорила про другие религии, отчетливо маркируют нежелательные/неуместные религиозные группы/практики/смыслы. Применительно к имперской толерантности/терпимости XIX в., пожалуй, можно говорить о вполне отчетливо проступающем на поверхность теологическом аспекте. Эта «теология» проявлялась на уровне нормы, когда миссионерство «господствующего исповедания» является поощряемым, миссионерство протестантов и католиков каралось ссылкой и обозначается терминами, семантика которых подразумевает, что действие отделяет адепта от «Истины» («соблазнение», «совращение», «подговоры»). Обращение в «другую нехристианскую веру», например иудаизм, и вовсе каралось каторгой.

«Грех анахронизма»

Тут следует сделать небольшое теоретическое отступление. Современный взгляд на исторические формы взаимодействия с *«религиозным другим»* содержит определенное искушение занять менторскую позицию и «с высоты» мультикультурализма начать раздавать оценки историческому прошлому, напрочь позабыв про то, что нас отделяют от описываемых событий два столетия. Эта проблема хорошо продемонстрирована Квентином Скиннером, который, предлагая целую серию «мифологий», характерных для исторических исследований, в качестве первой выделяет «мифологию теории». По Скиннеру, в основе подобной мифологии лежит представление о некоем «идеальном образце» теории, всегда присутствующей, «даже если целая историческая эпоха оказалась неспособна (подразумевается, что попытки были) «подняться до ее понимания»…» [*Скиннер*, 2018, с. 62]. Критика прошло-

5 Им. Выс. указ 17 апр. 1905 г. об укрепленіи начал веротерпимости // Законодательные акты переходнаго времени, 1904–1908 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственнаго строя России, с приложением алфавитнаго предметнаго указателя. – Санкт-Петербург: Издание Юридическаго книжнаго склада «Право», 1909. – С. 35.

6 Там же. – С. 37.

го за неспособность «выйти на идеальный образец теории» [в нашем случае, например, культурный плюрализм и свобода вероисповедания – *С. Г.*], оказывается не очень продуктивным занятием, при котором мы вместо понимания неизменно выходим на разочарование в прошлом, «не способном подняться до наших высот». Мы ощущаем несправедливость ситуации, когда то, что для одних – прозелитизм, для других оказывается «совращением от веры», но, на наш взгляд, путь оценок – это методологический тупик.

Конфессиональная идентичность

В законодательстве Российской империи о *«религиозных других»* очевидным образом прослеживается иерархия. То, что можно господствующему исповеданию, не вполне допустимо для других христианских, и еще менее допустимо для нехристианских. Показательна в этом смысле тема перехода из одного вероисповедания в другое. Например, массовое обращение более чем 100 тыс. лютеран Прибалтики в православную веру (1845–1848). Это обращение сопровождалось обвинениями со стороны местных чиновников в адрес православного духовенства в том, что переход поощрялся и сопровождался обещаниями земли и прощением долгов [*Фриз*, 2017, с. 789]. О похожих случаях, но в отношении католиков или евреев, можно, например, прочитать в прекрасной монографии Михаила Долбилова «Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II» [*Долбилов*, 2010]. Важно, что усилия правительства по религиозной интеграции опирались прежде всего на **конфессиональную идентичность** как ключевую административную категорию. Национальные/этнические категории в это время уже присутствуют в интеллектуальном поле Европы (в том числе под влиянием немецкого романтизма), но в российской административной практике вплоть до конца XIX в. они едва ли играют какую-то роль.

Хорошим примером может послужить ограничительное законодательство в отношении евреев. С одной стороны, иудаизм – форма полной инаковости в отношении господствующего исповедания (другая религия, а не конфессия). С другой – в первой половине XIX в. он породил массу документов – после разделов Польши в конце XVIII в. и ее окончательного присоединения в 1815 г. по итогам Венского конгресса около двух третей всех евреев мира оказались в подданстве Российской империи. Правительственный аппарат империи столкнулся с новым и достаточно масштабным явлением, результатом чего стал колоссальный объем бюрократических документов. Впрочем, начало этому процессу было положено еще после первого раздела Речи Посполитой 1772 г., одним из результатов которого стал указ Екатерины II от 23 декабря 1791 г. «О предоставлении Евреям прав гражданства…»[7]. Именно этот указ стал правовым зачином (или фундаментом), на котором затем строилось законодательство о черте оседлости, всё более усложнявшееся с каждым разделом Польши. Но гораздо показательней формальных ограничений для нас то, как формировалось отношение к новому для империи *«религиозному другому»*. Большое влияние на это оказала и борьба между хасидами и миснагдим (противниками

7 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 23. – Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отд. Собств. Е.И. В. канцелярии, 1830. – С. 287 (№ 17.006.)

хасидизма). Например, противники хасидизма в жалобе на раввина Залмана попытались выставить последнего вместе с его последователями – политическими преступниками. Однако Павел I демонстрирует абсолютно нейтральное отношение к мистическому иудаизму, не обнаружив «в поведении евреев, коих считают в секте той, ничего вредного для государства, ни же развратного в нравах и нарушающего общее спокойствие» [*Гессен*, 1914, с. 73]. Со временем ситуация изменяется. В начале XIX в., у истоков весьма значимого законодательного акта «Положения об устройстве Евреев» (1804 г.), формируются два ключевых взгляда на эту тему: 1) так называемый проект Фризеля, в котором он предлагал просто уравнять в правах евреев и христиан, 2) знаменитое «мнение» Державина[8]. Общее настроение этого «мнения» легко угадывается по заключительным словам: «… евреев род строптивый и изуверный, враги христиан, хотя по определению вечных судеб и останутся в непременном своем рассеянии, в сем своем печальном состоянии получат образ благоустройства» [*Гессен*, 1914, с. 92]. В приведенных словах евреи выступают именно как «*религиозный другой*» – «враги христиан». Вся эта дискуссия предваряла работу специального Комитета под руководством графа Михаила Михайловича Сперанского (Державин входил в состав комитета), созданного в 1802 г. для формирования законодательных норм в отношении евреев. Впрочем, несмотря на «мнение» Державина, общий тон документа остался вполне нейтральным. Так, например, второй пункт гласил: «Никто из Еврейских детей, быв в Училище, во время его воспитания, не должен быть ни под каким видом отвлекаем от своей религии, ни принуждаем учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею быть может»[9]. 53-й пункт Положения дозволяет в случае раскола и разделения на секты и толки одной из сторон «построить свою Синагогу и выбрать своих Раввинов…»[10]. Словом, в этом соприкосновении империи с «*религиозным другим*» мы видим относительно нейтральное отношение. Но, с другой стороны, вместе с евреями из Польши приходит (переводится и печатается в отечественных типографиях) и соответствующая «литература неприятия»[11]: например, уже в 1800 г. «Обряды жидовские» опубликованы казенной типографией [*Клиер*, 2011, с. 189]. Постепенно в отношении иудаизма формируется некая иерархия чуждости. В наиболее уязвимом положении оказываются представители хасидизма, тогда как к раввинистическому иудаизму отношение гораздо более мягкое (к середине века в Департаменте духовных дел МВД начинает работу так называемая Раввинская комиссия). Еще более благоприятным было отношение к сторонникам *хаскалы*, так называемым *маскилам* – представителям просвещенного иудаизма, которые воспринимались как союзники государства в противостоянии хасидизму. Наконец, особо благоприятное положение в этой иерархии занимали отвергающие Талмуд караимы,

8 «Мнение, об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев».

9 Полное собрание законов Российской Империи. Т. 28. – Санкт-Петербург: Тип. II отделения Собственной Е.И. В. канцелярии, 1830. – С. 731.

10 Там же. – С. 736.

11 Можно сказать и шире. По меткому замечанию одного из рецензентов данной статьи, в предельной форме вертикальная другоизация выходит на абсолютно инаковое, но в обратном смысле – когда «чужой» отождествляется с демоническим. Идеи кровавого навета и крайнее неприятие иудаизма, попавшее в Россию, если можно так выразиться, экспортом – яркий пример такой демонизации.

сумевшие добиться юридического отделения от раввинистического иудаизма и законодательных привилегий. Чаще всего крестились представители просвещенного иудаизма, поэтому они воспринимались как наиболее желательная группа. Тут мы наблюдаем градацию чуждости, скажем, от «*религиозного чужого*» к «*религиозному почти своему*». Само обращение, как правило, происходило через принципы поощрения и так называемой мягкой силы. Крещеный еврей переставал в глазах закона быть евреем. Более того, евреи, принявшие христианство, оказываются под непосредственным покровительством правительства. Так, в 1817 г. учреждается Комитет опекунства над евреями, принявшими христианство [*Вишленкова,* 1998, с. 312].

На полях отметим, что хотя стремление правительства обратить евреев в христианство действительно сопровождалось различными формами ограничений и притеснений, речь идет не о логике эксплуатации и не о формировании подчиненной этнической периферии, а о религиозной интеграции – стремлении к унификации веры как условию политической стабильности. Российская империя не стремилась создать «ущемленную группу», напротив, обращение в православие мыслилось как форма интеграции в единое правовое и религиозное пространство.

Обращение евреев было не формой колониального принуждения, а проявлением религиозно-политического универсализма (стремление преодолеть «*религиозного другого*» – обратить его в «своего»). Характер этих мер не подпадает под постколониальную оптику (которую в последнее время всё чаще пытаются применить к российской истории[12]). Кроме того, включение этого опыта в постколониальный дискурс ведет к размыванию границ самой оптики – она теряет различие между логикой эксплуатации и логикой интеграции, а в случае, когда основой идентичности выступает именно религиозная принадлежность, можно сказать и метафорически – между «властью над телами» и «властью над душами».

Государство целенаправленно христианизировало евреев, и особенно это заметно в николаевской России. Так, в 1840 г. учреждается особый Комитет для определения мер коренного преобразования евреев, который готовил проект положения о еврейских училищах (утвержденное Николаем I в феврале 1841 г.), ориентируясь во многом на тайную записку Уварова, с подачи которого смотрители этих училищ в обязательном порядке назначались из христиан[13]. Задачи просвещения и христианизации евреев были возложены на Министерство народного просвещения и частично осуществлялись через публикацию соответствующей литературы. Примеры этих мер можно найти и в цензурных делах (в т. ч. Комитета 2 апреля 1848 г.).

Дело «По замечаниям на Еврейскую книгу *Maszyach Ben – David* (Мессия сын Давидов[14])

Данное дело начинается с записки титулярного советника Розена от 10 мая 1853 г., где сообщается, что «Цель сей брошюры есть доказать Евреям, что Иисус Христос был сын Давидов;

12 Показательным примером такого, на наш взгляд, неудачного способа говорить о российской истории в контексте колониального дискурса может послужить книга Александра Эткинда (включен Минюстом России в реестр иностранных агентов) [*Эткинд*, 2023].

13 Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т. 9. – Санкт-Петербург: О-во для науч. евр. изд. Брокгауз – Ефрон, 1908–1913. – С. 111.

14 Комитетом используется транслитерация в варианте польской орфографии – диграф *sz* передает звук ш.

сочинитель оной, в Еврейском заглавии, называется Иоанном Рейхардтом и, вероятно, принадлежит к числу пребывающих в Царстве Польском миссионеров Великобританского общества для обращения Евреев в Христианство, в типографии коего оная брошюра и напечатана»[15].

Некоторое смущение титулярного советника Розена (из крещеных евреев) вызвало несоответствие текста православному учению:

«Возражение «Мария после рождения Иисуса уже не была праздною, а стала женою мужнею» едва ли не противно учению и Православной и Евангелической Церкви о том, что Дева Мария была обручена Иосифу, дабы он был хранителем девства ее: потому что она была посвящена Богу с обетом всегда пребывать девою/см. Прост. Христ. Катехизис, в первой части о вере»[16].

И далее:

«Если принять в соображение, что подобные брошюры раздаются Английскими Миссионерами безденежно Евреям и не обращенным и обращенным в различные Христианские исповедания, не исключая и Православного, особенно ныне, по снятии таможенной линии между Империей и Царством, то едва ли не следовало бы подвергать подобные брошюры Православной Духовной Цензуре, или, по крайней мере предварительному просмотру, в духовном отношении, со стороны протестантских Консисторий…»[17].

Несмотря на явно выраженное понимание миссионерской цели брошюры (обращение евреев в христианство), она подвергается критике, так как ее содержание вступает в противоречие с православным учением/доктриной (для цензора – «Истиной»). Пользуясь предложенной нами рабочей терминологией, *горизонтальная* другоизация (обращение «*религиозно чуждых*») вступает здесь в противоречие с *вертикальной* (несоответствие христианскому вероучению – пространство священного).

На соответствующий запрос статс-секретарю Царства Польского последовал крайне любопытный ответ:

Так как «…упомянутая выше брошюра напечатана на Еврейском языке, то Варшавский Цензурный Комитет, основываясь на 3-м примечании к 16-му параграфу Высочайше утвержденного в 25-й день мая 1843 года устава о цензуре в Варшавском Учебном округе, в коем сказано: «книги, относящиеся к еврейской вере, рассматривает и разрешает сам цензурный комитет», и принимая в уважение, что брошюра эта напечатана *Английскими миссионерами, занимающимися, по поручению Правительства, обращением Евреев в христианскую веру* [курсив наш – *С. Г.*], разрешил сам печатать означенное сочинение, не подвергая оного рассмотрению духовного начальства; тем более, что Комитет находился в затруднении, какому именно духовному начальству следовало переслать брошюру, так как предмет оной в равной мере относится ко всем Христианским исповеданиям»[18].

Данное дело особенно примечательно тем, что в его документах (все они с отметкой «конфиденциально») недвусмысленно декларируется, что обращение евреев в христианство, в том числе посредством подобной литературы, осуществляется «по прямому поручению правительства». И всё же, несмотря на то, что цель брошюры –

15 РГИА. 1611. Оп. 1, ед. хр. 216. Л. 1.
16 РГИА. 1611. Оп. 1, ед. хр. 216. Л. 1 об. – 2.
17 РГИА. 1611. Оп. 1, ед. хр. 216. Л. 2–2 об.
18 РГИА. 1611. Оп. 1, ед. хр. 216. Л. 5–6.

обращение «*религиозного другого*», она посягает на строжайше охраняемое цензурой пространство православного вероучения, и, вероятно, поэтому Комитет 2 апреля 1848 г. не принял «в уважение» цель брошюры и направил обращение обер-прокурору Св. Синода[19]. Основной аргумент Комитета был в том, что применение в указанных в ответе статс-секретаря Царства Польского норм было неуместным, так как эти нормы относятся к еврейской вере, в то время как содержание брошюры касается веры христианской. Этот принцип проговаривается еще в цензурном Уставе 1826 г. – абсолютно нейтральное отношение к полемике внутри иудаизма и неприятие любых форм полемики со стороны иудаизма в адрес христианства. 16-я глава Устава целиком посвящена еврейским сочинениям. В параграфах 197 и 198 отдельно запрещается пропуск еврейских сочинений, направленных против христианства, внушающих ненависть или презрение к людям не одной с ними веры, противные нравственности и общественному благоустройству, «*позволяющие обманывать христиан*»[20]. А вот «*Спорные книги между сектами Еврейскими могут быть одобряемы к напечатанию*» (§ 199)[21]. Эти правила отражены и в уставах 1828 г. (напомним, что с 1828 г. утверждены два отдельных цензурных устава – светский и духовный).

В случае, если что-то из литературы, относящейся к иудаизму, печаталось в противовес доктрине господствующего исповедания, реакция была чрезвычайно жесткой. Как нам представляется на основе приведенных примеров, это как раз случаи, когда отчетливо видна вертикальная другоизация, – и подобные тексты воспринимались именно как поползновение на священное/святое. По сути, это прямо проговаривается в цензурном документообороте. Приведем показательный случай.

Дело «О замеченных в IV книжке *Billisch – Talmudische Medicin*, соч. Вундербара, объяснения рациональным образом знамений и чудес, признаваемых христианскою церковью»[22]

Дело начинается с обращения главы Комитета (Аненкова) к обер-прокурору Протасову:

«Хотя книга *Billisch – Talmudische Medicin* сочинена лицом Еврейского исповедания, но как она написана на Немецком языке и имея предметом исторические изыскания по части медицины, очевидно предназначается не для одних только Евреев, а для всех вообще врачей, то Комитет 2 апреля 1848 г. встречает сомнение может-ли быть в подобном сочинении допущено объяснение физическими законами (рациональным образом) таких знамений и чудес, кои Христианская Церковь признает проявлением Божественного откровения и всемогущества Божия…»[23].

Получив подтверждение от обер-прокурора в том, что эта книга действительно вторгается в пространство охраняемой государством доктрины, Комитет (за подписью Аненкова) направляет Николаю I доклад, где мы встречаем уже гораздо более жесткие

19 РГИА. 1611. Оп. 1, ед. хр. 216. Л. 11.
20 Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. С 1720 по 1862 год. – Санкт-Петербург: Тип. Морского Министерства, 1862. – С. 177–178.
21 Там же. – С. 178.
22 РГИА. 1611. Оп. 1, ед. хр. 205.
23 РГИА. 1611. Оп. 1, ед. хр. 205. Л. 3–3 об.

и недвусмысленные формулировки (мы выделим их курсивом):

«… [в книге рационально объясняются] некоторые чудесные исцеления Спасителя, которые Св. Апостолами и за ними христианскою церковью постоянно приводятся как сверхъестественные знамения, в доказательство божественности Иисуса Христа.

Считая подобные объяснения ересью, ведущей к прямому атеизму, Комитет 2-го Апреля счел необходимым передать на рассмотрение Святейшего Синода вопрос, признает ли оный приличным печатание в России, хотя бы Евреями и на Немецком языке сочинений, в коих содержаться подобные объяснения?

Вследствие сего Святейший Синод, как уведомляет меня ныне Генерал-Адъютант Граф Протасов, нашел, что содержащиеся в сочинении Вундербара объяснения, какая бы ни была цель их, *клонятся к поколебанию догматов христианской веры*…»[24].

Термин «ересь», безусловно, не является частью общеупотребительного в государственных документах тезауруса с учетом того обстоятельства, что с точки зрения господствующего исповедания (православия) ересью оказывается и часть доктрины других христианских конфессий, которые по закону терпимы[25]. Этот термин в приведенном отрывке усиливает то, что мы обозначили как «вертикальная другоизация», обостряет ключевой тезис документа, что подобные тексты «клонятся к поколебанию догматов христианской веры» – вторгаются в зону духовного.

От *культурного другого* к *религиозному другому.* Разница, которая отделяет «*религиозного другого*» и «*культурного другого*», на исторических примерах была рассмотрена нами в другом тексте [см.: *Горюнов*, 2021, с. 267], но несколько слов об этом следует сказать.

Быть может, еще отчетливей и прозрачней эта разница видна сегодня, когда, воспринимая светское как «религиозно другое» (мирское), религии возвращаются в светские области (деторождение, образование, воспитание, наука). И религии обретают тут союзников со стороны светского государства, так как религиозно значимые темы маркируются как «традиционные ценности» (категория культуры) и противопоставляются «*культурному другому*», чуждому (в понятиях, сплетенных с темой чуждости и неприятия – «загнивающая Европа», «бездуховный Запад» и т. д.). Подобные понятия существуют одновременно в плоскости дискурса культурных войн (нередко привязанных к теме идентичности немодерных обществ) и в религиозном дискурсе. Но для конфессий, участвующих в дискуссии о допустимости, например, абортов (посягающих (для верующего) на жизнь, которую дал Бог), эта тема, безусловно, размещена не просто в пространстве традиционных ценностей, а в зоне вероучительного/священного (имеет онтологическое измерение). Именно тут, как нам кажется, дискурс «*религиозного другого*» сплетается с дискурсом «*культурного другого*» и более того – довлеет над ним.

Подводя промежуточный итог, отметим:

1. На наш взгляд, категория «*религиозного другого*» в своей минимальной применимости полезна в операциональном смысле как аналитическая

24 РГИА. 1611. Оп. 1, ед. хр. 205. Л. 7–8 об.

25 «В Российском государстве свобода веры присвояется не только Христианам иностранных исповеданий, но и Евреям, Магометанам и язычникам». Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. 11. Ч. 1. – Санкт-Петербург: Государственная Тип., 1896. – С. 9.

категория, противопоставленная анализируемым (соответствует историческим понятиям «иноверие», «секта», «раскол», «ересь», «суеверие», «лжеучение»). Категория *«религиозный другой»* не обязательно подтягивает за собой какую-то отдельную большую теорию. Вполне, может быть, и нет. Но наряду с *«культурным», «языковым», «этническим другим»* она ощущается вполне уместным и удачным операционным понятием, позволяющим нам избежать некорректного использования семантически окрашенных терминов.

2. Она особенно удачно применяема к дореволюционной истории России, где главная идентичность – вероисповедание.

3. Мы выступаем с предположением (которое, безусловно, небезупречно), что *«религиозный другой»* – это особая исследовательская перспектива, работающая по иным механизмам в сравнении с категорией *«культурный другой»*. Тут всегда присутствует онтологический уровень (священное/профанное), а не только горизонтальный (свой/чужой).

В рамках религиоведческого анализа нам представляется продуктивным введение отдельной исследовательской категории – *«религиозный другой»*.

В отличие от *«культурного другого»*, который, как правило, мыслится в рамках моделей горизонтального взаимодействия и взаимного признания различий, *«религиозный другой»* структурируется через модели истины и заблуждения, спасения и погибели, святости и греха, через фундаментальные онтологические и эсхатологические противопоставления. Инаковость оказывается укорененной в теме квазиметафизического. Бинарности (полемические пары) в религиозном дискурсе предписывают как мыслить, чувствовать, верить (структурируют субъектность).

Наши рассуждения, безусловно, открывают возможность дальнейшего применения введенной категории к современным процессам взаимодействия религии и секулярного/постсекулярного дискурса.

«Религиозный другой» в постсекулярную эпоху: развитие «духовной дипломатии»

Можно выделить две сферы применимости категории *«религиозный другой»* к современности. Прежде всего, это изменения во взаимовосприятии верующих разных религий или область межрелигиозного диалога. Вторая сфера касается проблем взаимодействия религиозного и секулярного сознания.

Точкой отсчета современного этапа межрелигиозного диалога можно считать Всемирный парламент религий (1893, г. Чикаго), который стал первым крупномасштабным событием нового формата [*Moyaert*, 2013, p. 195]. Организаторы обозначили в качестве главной цели встречи поиск способов выстраивания гармоничных и конструктивных отношений между последователями разных религий в противовес модели полемики и конфронтации, которая преобладала на протяжении многих веков. То есть модернистский этап межрелигиозного диалога отличает ориентированность участников на укрепление мира, уважительный обмен мнениями и идеями, соработничество в сферах, представляющих общий интерес [*Мельник*, 2022, с. 20–32].

Межрелигиозный диалог интенсифицируется после окончания Второй мировой войны, а экспоненциальный рост инициатив в этой области происходит в 1960–1970-х годах, что было обусловлено глобализацией, завершением колониальной эпохи (создававшей почву для неравноправия и привилеги-

рованного положения христианства), осмыслением Холокоста, популярностью идей взаимообогащающего диалога религий и культур. С этого периода межрелигиозный диалог становится социальным движением глобального масштаба, в него оказываются вовлечены фактически все религии по всему миру [Talking Dialogue…, 2021, p. 2–8].

Существуют четыре основных типа межрелигиозного диалога: «полемический», «когнитивный», «миротворческий» и «партнерский». Каждому из них можно условно сопоставить центральные вопросы, которые определяют цели и характер отношений: «кто прав?», «кто ты?», «как нам мирно жить вместе?» и «что мы можем сделать для улучшения мира?». Полемический диалог выражается в форме богословских споров, а участники стремятся продемонстрировать истинность и превосходство своей религии. Когнитивный диалог направлен не на переубеждение, а на то, чтобы узнать другого. Целью миротворческого диалога является укрепление социального мира и согласия. Партнерский диалог выражается в сотрудничестве верующих в гуманитарной, социальной и экологической сферах (более подробно см. [*Мельник*, 2022]). В каждом из перечисленных типов диалога «*религиозный другой*» предстает в разных формах: как «соперник» (конкурент, оппонент, иногда, возможно, даже как враг – полемический диалог; «собеседник» (когнитивный диалог), «сосед» (с которым нужно выстраивать конструктивные отношения – миротворческий диалог) или «партнер» (с которым осуществляется совместная деятельность для продвижения общих интересов)).

Когнитивный диалог связан со сравнительным религиоведением, которое появляется во второй половине XIX в. В случаях, когда «*религиозный другой*» представлен как собеседник, нередко говорится о ценности длящегося процесса диалога, или, согласно известному высказыванию М.М. Бахтина, «быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, всё кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться».

Во второй половине XX в. в рамках христианского богословия начинает активно развиваться направление «теология религий», предметом которого является осмысление отношения к другим религиям с точки зрения определения степени их истинности и спасительности. Исследователями выделены три основные позиции, которые могут занимать верующие: эксклюзивизм (или «экклезиоцентризм» – представление, что «вне церкви нет спасения»), инклюзивизм и плюрализм (теоцентризм). Модель эксклюзивизма предполагает, что истинно только христианство, а другие религии являются ложными, не могут дать своим адептам спасение, иногда их возникновение связывалось с происками злых сил. Сторонники инклюзивизма считают, что, хотя христианство является наиболее истинной, совершенной религией, некоторые элементы истины и нравственные начала имеются и в иных религиях. Например, католический богослов Карл Ранер (1904–1984) предложил концепцию «анонимного христианства», согласно которой другие религии не только содержат некоторые правильные воззрения, но их благочестивые последователи в некоторой степени могут приобщаться к благодати. Наконец, позиция плюрализма (теоцентризма) исходит из того, что в своей сути, на духовной глубине мистического опыта, к которому призваны верующие, основные религии очень близки между собой. Тогда как отличия религий касаются лишь внешних форм и разнообразных интерпретаций, обуславливающихся лингвистическими, этнокультурными особенностями.

Авторитетный исследователь теологии религий Дж. Хик в своих работах («Учимся у других вероисповеданий» (*Learning from Other Faiths*) (1972), «Бог и универсум верований» (*God and the Universe of Faiths*) (1973)) говорил об эволюции отношения христианства к другим религиям: сначала от эксклюзивизма к инклюзивистским подходам (то есть позиция инклюзивизма получает всё большую популярность) и в конечном счете ко всё большему распространению среди верующих плюрализма, к чему, по его мнению, неизбежно должна привести эта тенденция в будущем. Для иллюстрации этого тезиса на примере Римско-католической церкви приведем две выдержки. В заявлении Ферраро-Флорентийского собора (1438–1442; считается XVII Вселенским собором Римско-католической церкви) говорится: «Святая римская Церковь… твердо верит, исповедует и провозглашает, что вне Католической Церкви никто не будет участвовать в вечной жизни, будь он язычник, иудей, неверующий или отделившийся от Церкви: он будет жертвой вечного огня, уготовленной дьяволу и его ангелам, если он перед смертью не соединится с Католической Церковью» (цит. по: [*Мельник*, 2022, с. 283]). На Втором Ватиканском соборе (1962–1965; считается XXI Вселенский собором Католической церкви) была принята декларация об отношении к нехристианским религиям *Nostra aetate* (лат. «Наше время»). В декларации провозглашается, что Католическая церковь «не отвергает ничего из того, что истинно и свято в этих религиях, <…> с искренним уважением рассматривает тот образ действия и жизни, те предписания, которые <…> доносят луч Истины, просвещающий всех людей <…>. Церковь с уважением относится и к мусульманам, поклоняющимся Единому Богу, Живому и Сущему, милосердному и всемогущему, Творцу неба и земли, говорившему к людям <…>. В силу того, что столь велико духовное наследие, общее христианам и иудеям, Священный Собор желает беречь и поощрять взаимопонимание между ними и уважение друг к другу» (Цит. по: [*Мельник*, с. 279–280; 288–289]).

Й. Ратцингер (папа Бенедикт XVI) в одной из своих работ написал относительно современных католиков, что «у идеи эксклюзивности (в том смысле, что все нехристиане лишены возможности спасения), скорее всего, сторонников больше нет» (Цит. по: [*Мельник*, 2022, с. 153]). Это очень смелое утверждение, ведь основания для позиции эксклюзивизма можно найти в Библии (как в Ветхом, так и в Новом Завете) и у многих авторитетных богословов на протяжении всей истории Церкви. Не вдаваясь в рассмотрение этой обширной проблематики [*Мельник*, 2022, с. 98–106, 142–172], отметим лишь, что в христианстве действительно можно увидеть тенденцию ко всё большему распространению инклюзивизма, то есть можно констатировать существенный сдвиг в восприятии *«религиозного другого»*. Сходную направленность можно наблюдать в исламе (см. открытое письмо мусульманских ученых христианам «Общее слово между нами и вами» 2007 г.) и в иудаизме (документы «Дабру эмет» («Говорите истину») 2000 г. и «Исполнить волю Отца нашего небесного: навстречу сотрудничеству между иудеями и христианами» 2015 г.).

Вместе с тем, если мы говорим о межрелигиозных отношениях на официальном уровне (а это большинство проводящихся встреч, конференций, саммитов и иных межрелигиозных проектов), то здесь взаимодействие осуществляется в рамках миротворческого и партнерского типов диалога. То есть обсуждение собственно богословских вопросов выносится за скоб-

ки, а «*религиозный другой*» рассматривается как «сосед» (в условиях современного взаимозависимого и взаимосвязанного мира, «глобальной деревни» таковыми, в общем-то, являются все люди в разных точках земного шара) или «партнер» (с которым можно наладить сотрудничество для достижения общих целей). Такая парадигма взаимоотношений была хорошо выражена в заявлении по итогам самого крупного межрелигиозного саммита в истории СССР – Всемирной конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы» (принимали участие делегаты из 90 стран): «Мы не стремимся к слиянию наших мировоззрений. Наши точки зрения на реальность остаются отличными друг от друга. Мы бескомпромиссно придерживаемся наших различных религиозных убеждений. Несмотря на эти различия, мы можем совместно утверждать то многое, что дорого всем нам» (Цит. по: [*Мельник*, 2022, с. 45]). Уникальная идентичность диалогических партнеров, культурные и религиозные отличия сохраняются, но не приводят к антагонизму, конфронтации в отношениях и не мешают сотрудничеству верующих. При этом «то многое, что дорого» верующим разных религий с течением времени претерпевает некоторые трансформации, хотя неизменным остается приверженность к миру и поддержанию уважительных, гармоничных отношений. Так, последние годы в повестке межрелигиозных саммитов находятся такие вопросы, как защита окружающей среды, противодействие терроризму, укрепление традиционных ценностей, вызовы, связанные с цифровизацией и искусственным интеллектом.

Например, 17–18 сентября 2025 г. в Астане состоялся VIII Съезд лидеров мировых и традиционных религий на тему «Диалог религий: синергия во имя будущего», в котором приняли участие 100 делегаций из 60 стран мира. Как отмечается в пострелизе мероприятия, основными обсуждаемыми темами стали «роль религий в обеспечении глобального мира и стабильности, этические вызовы цифровой эпохи, влияние искусственного интеллекта на общество, а также противодействие насилию, радикализму и религиозной розни»[26]. Президент Казахстана К.-Ж. Токаев, который был председателем пленарного заседания съезда, отметил: «Убежден, что религиозные лидеры, как хранители нравственных ценностей и идеалов, должны участвовать в обсуждении цифрового будущего человечества… В развитии искусственного интеллекта мы видим хорошую возможность для динамичного прогресса страны. Вместе с тем прекрасно осознаем особую важность соблюдения этических норм, поэтому открыты к широкому сотрудничеству в данной сфере. Предлагаю создать Межрелигиозную комиссию по этике развития искусственного интеллекта, которая займется разработкой свода универсальных принципов ответственного использования нейросетей и других прорывных технологий. Речь идет о своеобразных «заповедях для алгоритмов», которые подразумевают уважение к человеческому достоинству, недопустимость дискриминации, контроль над решениями, носящими судьбоносный характер»[27]. Таким образом, акцент

26 VIII Съезд лидеров мировых и традиционных религий. Пресс-релиз. – 2025. – 26 сентября. – URL: https://religions-congress.org/ru/news/press-reliz_VIII/2922 (дата обращения: 07.10.2025).

27 Токаев предложил создать Межрелигиозную комиссию по этике развития искусственного интеллекта // Elorda Info. – 2025. – 17 сентября. – URL: https://ru.elordainfo.kz/prezident-ru/prezident-rk-predlozhil-sozdat-mezhreligioznuyu-komissiyu-po-etike-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta?ysclid=mgnf60tfiq141220536 (дата обращения: 18.10.2025).

во взаимодействии между религиозными лидерами, что иногда обозначается как «духовная дипломатия», сегодня делается на поиске совместных ответов на вызовы современности и сотрудничества для достижения общего блага.

Наряду с тематикой межрелигиозного диалога, вторая выделенная нами область в контексте категории *«религиозного другого»*, требующая рассмотрения, касается фундаментальной трансформации взаимодействия религиозного и секулярного сознания (так называемый постсекулярный поворот). Тезис о секуляризации, согласно которому предполагалось, что религия будет приходить в упадок и выродится, уступая место научному мировоззрению и рациональному мышлению, оказался ошибочным. Религия вернулась в общественное пространство (религиозный фактор следует учитывать в политике, экономике, праве, культуре, образовании), происходит эрозия традиционных представлений о том, что является религиозным, а что – секулярным, формируются новые, гибридные формы их отношений и взаимопереплетения [*Узланер*, 2019]. В этом контексте интерес представляют рассуждения В.А. Щипкова о природе секуляризма как феномене, имеющем теологическое происхождение, то есть как о метаморфозе религиозного сознания, которое характерно именно для западной христианской традиции [*Щипков*, 2024].

В современной России коренным образом изменился характер государственно-религиозных отношений. Конституцией страны всем и каждому обеспечена свобода вероисповедания, религиозные объединения равны перед законом, при этом в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» отмечается особая роль православия в истории страны, а также отдельно упоминаются христианство, ислам, буддизм, иудаизм. В Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» также перечисляются эти четыре религии и подчеркивается значение православия. Религиозные организации стали важной частью гражданского общества, они способствуют укреплению традиционных ценностей и стабильности, активно занимаются социальным служением, осуществляя работу по разным направлениям – от культурно-просветительских инициатив и образовательных программ до благотворительности, издательской и предпринимательской деятельности.

Архивные материалы и собрания законов

Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 1611 – Комитет 2 апреля 1848 г. Оп. 1.:

• Ед. хр. 182. Дело «О еврейском амулете Шемира–Легаиелед (охранение для дитяти)».

• Ед. хр. 205. Дело «О замеченных в IV книжке *Billisch – Talmudische Medicin*, соч. Вундербара, объяснения рациональным образом знамений и чудес, признаваемых христианскою церковью».

• Ед. хр. 216. Дело «По замечаниям на Еврейскую книгу *Masz yach Ben – David* (Мессия сын Давидов).

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 23. – Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. – 969 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Т. 28. – Санкт-Петербург : Тип. II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1351 с.

Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. С 1720 по 1862 год. –

Санкт-Петербург : Тип. Морского Министерства, 1862. – 482 с.

Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. 11. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Государственная Тип., 1896. – 171 с.

Список литературы

Брагинская Н.В., Селезнев М.Г., Шмаина-Великанова А.И. «Номос» и «Номой» во второй книге Маккавеев // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2016. – № 6 (15). – С. 9–38. – DOI: 10.28995/2686-7249-2016-6-9-38.

Вишленкова Е.В. Религиозная политика в России, первая четверть XIX века : дис. ... докт. ист. наук. – Казань : КФУ, 1998. – 466 с.

Гессен Ю.И. История евреев в России. – Санкт-Петербург : Право, 1914. – IV, 346 с.

Горюнов С. Между полемикой и толерантностью: конструирование «религиозного другого» через призму николаевской цензуры // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2021. – № 39 (2). – С. 247–276. – DOI: 10.22394/2073-7203-2021-39-2-247-276.

Горюнов С.А. Разделение цензуры и книжной культуры на «светскую» и «духовную»: в исторической перспективе (от «Духовного регламента» до «Эпохи цензурного террора») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024a. – Вып. 7 (888). – С. 159–166.

Горюнов С.А. Семантические приключения понятий: цензурное делопроизводство как источник изучения исторической семантики понятий (по материалам «Комитета 2 апреля 1848 г.») // Вестник культурологии. – 2024b. – № 2 (109). – С. 59–91. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.03.

Долбилов М. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Беларуси при Александре II. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с.

Клиер Д. Кровавый навет в русской православной традиции // Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы / под ред. М.В. Дмитриева. – Москва : Индрик, 2011. – С. 181–205.

Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – 398 с.

Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. А.М. Руткевич. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2008. – 272 с.

Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 35–81.

Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. – Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1886. – 714 с.

Толстой И.И., Гессен Ю.И. Факты и Мысли. Еврейский вопрос в России. – Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Общественная Польза», 1907. – 220 с.

Узланер Д.А. Конец религии? История теории секуляризации. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 240 с.

Узланер Д.А. Расколдовывание дискурса: «религиозное» и «светское» в языке Нового времени // Логос. – 2008. – № 4. – С. 140–159.

Фриз Г. Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // Вестник СПбГУ. История. – 2017. – Т. 62. Вып. 4. – С. 777–806.

Щипков В.А. Генеалогия секулярного дискурса. – Москва : МГИМО-Университет, 2024. – 755 с.

Элиаде М. Священное и мирское. – Москва : МГУ, 1994. – 144 с.

Эткинд А.[28] Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 448 с.

Milbank J. Religion, Science and Magic: Rewriting the Agenda // After Science and Religion: Fresh Perspectives from Philosophy and Theology / ed. by P. Harrison, J. Milbank. – Cambridge : Cambridge University Press, 2022. – P. 75–143.

Moyaert M. Interreligious Dialogue // Understanding Interreligious Relations / ed. by D. Cheetham, D. Pratt, and D. Thomas. – Oxford : Oxford University Press. – 2013. – P. 193–217.

Müller M. Introduction to the Science of Religion: Four Lectures Delivered at the Royal Institution in February and May, 1870. – London : Longmans, Green, and Co., 1882. – 341 p.

Talking Dialogue: Eleven Episodes in the History of the Modern Interreligious Dialogue Movement / ed. by K. Lehmann. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2021. – 377 p.

28 Включен Минюстом России в реестр иностранных агентов.

Under Discussion

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.11

The Analytical Potential of the Research Category "Religious Other": Towards the Formulation of the Problem

Sergey A. GORYUNOV
Researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: existimator@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6256-5099

Sergey V. MELNIK
Dr. Sc. (Philosophy), leading researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: melnik.s.vl@ya.ru
ORCID: 0000-0002-1491-7624

CITATION: Goryunov S.A., Melnik S.V. (2025). The Analytical Potential of the Research Category "Religious Other": Towards the Formulation of the Problem. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 191–213 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.11

Received: 16.10.2025.
Revised: 29.11.2025.

ABSTRACT. *The paper addresses the problematization of the analytical category religious other and its relation to the category cultural other. It focuses on whether it is justified to distinguish the "religious" as a specific mode of othering, or whether it should rather be seen as a variation of cultural alterity. The study partly draws on the censorship files of the Committee of April 2nd, 1848, where the practice of controlling publications reveals the mechanisms of constructing religious difference. Particular attention is given to the situations in which the secular, claiming the role of a neutral arbiter, becomes involved in the binary opposition of the secular and the spiritual – closely linked to the sacred/profane divide – and turns into a full participant in the dynamics of othering within both secular and post-secular contexts. The paper also considers the significance of this analytical category in relation to such notions as heterodoxy, schism, superstition, and heresy. The analysis of the nineteenth-century materials thus raises a broader question: whether a distinct analytical category of the "religious other" is necessary for describing historical*

processes, or if the concept of cultural alterity is sufficient. The analysis of the applicability of the religious other category to modernity identifies two areas: the transformation of relations between believers of different religions (interreligious dialogue), as well as the problems of interaction between religious and secular consciousness. The religious other may be perceived as an "opponent", "interlocutor", "neighbor", or "partner". The latter two forms are of particular importance for modern interreligious dialogue or "spiritual diplomacy", when believers of different religions emphasize peacemaking and cooperation for the common good.

KEYWORDS: *religious other; cultural other; Russian censorship; Committee on April 2-nd, 1848; religious difference; secular and spiritual; binary oppositions.*

References

Braginskaya N.V., Seleznev M.G., Shmaina-Velikanova A.I. (2016). NOMOS and NOMOI in the Second Book of the Maccabees. *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies", Series,* vol. 15, no. 6, pp. 9–38. (in Russian). DOI: 10.28995/2686-7249-2016-6-9-38.

Dolbilov M. (2010). *Russian Land, Foreign Faith: Ethno-Confessional Policy The Empire's Ethno-Confessional Policy in Lithuania and Belarus under Alexander II*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian).

Eliade M. (1994). *The Sacred and the Profane*. Moscow: MSU. (in Russian).

Etkind A. (2023). Internal colonization. Russia's imperial experience. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian). (Included by the Ministry of Justice of the Russian Federation in the register of foreign agents).

Freeze G. (2017). Religious policy of the Russian Empire in the Baltics. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, no. 4, pp. 777–806 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.407.

Gessen Yu.I. (1914). *The History of Jews in Russia*. Saint Petersburg: Pravo, IV+346 pp.

Goryunov S. (2021). Between Polemics and Tolerance: Constructing the Religious Other Through the Censorship of Nicholas I. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide,* vol. 39, no. 2, pp. 247–276 (in Russian). DOI: 10.22394/2073-7203-2021-39-2-247-276.

Goryunov S.A. (2024a). Separation of Censorship and Book Culture into "Secular" and "Spiritual": In Historical Perspective (from the "Spiritual Regulation" to the "Era of Censorship Terror"). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. No. 7(888), pp. 159–166 (in Russian).

Goryunov S.A. (2024b). Semantic adventures of concepts: censorship record-keeping as a source for researching historical semantics of concepts (based on the sources of the "Committee of April 2nd, 1848"). *Herald of Culturology*. No. 2(109), pp. 59–91 (in Russian). DOI: 10.31249/hoc/2024.02.03.

Klier J.D. (2011). Blood libel in the Russian Orthodox tradition. In: Dmitriev M.V. (ed.), *Jews and Christians in Orthodox Societies in Eastern Europe*. Moscow: Indrik, pp. 181–205 (in Russian).

Melnik S.V. (2022). Interreligious Dialogue: Typologization, Methodology, Forms of Implementation. Moscow: INION RAS, 398 pp. (in Russian).

Milbank J. (2022). Religion, Science and Magic: Rewriting the Agenda. In: Harrison P., Milbank J. (eds.). *After Science and Religion: Fresh Perspectives from Philosophy and Theology*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 75–143.

Moyaert M. (2013). Interreligious Dialogue. In: Cheetham D., Pratt D., Thomas D. (eds.). *Understanding Interreligious Relations*. Oxford: Oxford University Press, pp. 193–217.

Müller M. (1882). *Introduction to the Science of Religion: Four Lectures Delivered*

at the Royal Institution in February and May, 1870. London: Longmans, Green, and Co., 341 pp.

Otto R. (2008) *The Holy. An Inquiry into the Non-Rational Factor in the Idea of the Divine and Its Relation to the Rational*. St. Petersburg: Saint Petersburg State University, 272 pp. (transl. into Russian).

Shchipkov V.A. (2024). *The Genealogy of Secular Discourse*. Moscow: MGIMO-University, 755 pp. (in Russian).

Skinner Q. (2018). Meaning and Understanding in the History of Ideas. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 35–81 (in Russian).

Tagancev N.S. (1886). *The 1885 Code of Criminal and Correctional Punishments*. Saint Petersburg: M. Stasyulevich Printing House, 714 pp. (in Russian).

Talking Dialogue… (2021). Lehmann K. (ed.). *Talking Dialogue: Eleven Episodes in the History of the Modern Interreligious Dialogue Movement*. Berlin; Boston: De Gruyter, 377 pp.

Tolstoy I.I., Gessen Yu.I. (1907). *Facts and Thoughts. The Jewish Question in Russia*. Saint Petersburg: Obshchestvennaya Pol'za, 220 pp. (in Russian).

Uzlaner D.A. (2008). Disenchanting Discourse: "Religious" and "Secular" in the Language of the Modern Age. *Logos*. No. 4, pp. 140–159 (in Russian).

Uzlaner D.A. (2019). *The End of Religion? The History of Secularization Theory*. Moscow: HSE Publishing House, 240 pp. (in Russian).

Vishlenkova E.V. (1998). *Religious Policy in Russia, First Quarter of the 19th Century.* Doctoral dissertation. Kazan: Kazan Federal University, 466 pp. (in Russian).

Вокруг книг

УДК 327:94(5:6)
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.12

Восточная палитра

Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор,
главный научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

ЦИТИРОВАНИЕ: Кузнецов А.В. Восточная палитра // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 214–220.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.12

Статья поступила в редакцию 15.11.2025.
Исправленный текст представлен 28.11.2025.

АННОТАЦИЯ. *На примере изданного к 85-летию академика Алексея Михайловича Васильева авторского сборника избранных академических и публицистических работ «Востоковед и африканист. Мой след» рассматривается целесообразность данного формата публикации для популяризации достижений отечественных общественных наук. Книга одного из самых известных российских арабистов сочетает в себе черты мемуаров очевидца и участника многих знаковых событий, менявших систему международных отношений с 1960-х годов до наших дней, с глубоким анализом по-прежнему актуальных проблем развития стран Востока. При этом сборник является актуализированным изданием, в котором 4/5 использованных публикаций вышли в свет в текущем столетии и лишь пять глав взяты из многочисленных книг А.М. Васильева, опубликованных в советский период. Как всегда, интересны сюжеты про разные арабские страны, но особо следует выделить также главы про Иран, Афганистан и Вьетнам, где знаменитому ученому довелось работать в непростые времена еще в качестве журналиста.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *академик А.М. Васильев, востоковедение, африканистика, международные отношения, сборник избранных трудов.*

В последние годы стремительно меняются представления о том, как целесообразно обнародовать научные результаты изучения общественных наук. В советский период было всего несколько признанных научных журналов по каждой области социогуманитарного знания, а книги выходили большими тиражами, однако число публикуемых авторов было невелико, причем даже статьи готовились долго, предварительно проходя несколько обсуждений. В 1990–2000-е годы резко возросли возможности официаль-

но опубликовать свой научный труд, но тиражи изданий повсеместно упали. В результате немалое количество исследователей старались перепечатать одни и те же свои выводы (пусть и с определенной модификацией общего текста публикации, что уже считалось «хорошим тоном») сразу в нескольких журналах, дабы расширить аудиторию читателей. Однако в последние 15–20 лет вследствие масштабной цифровизации такой подход стал подвергаться сомнению. Ведь несколько конкурирующих библиографических баз данных с хорошо налаженными поисковыми системами позволяют, казалось бы, находить любой научный материал довольно быстро, а дублирование (даже частичное) текстов отчасти «засоряет» информационное пространство.

На практике ситуация, конечно, намного сложнее. Во-первых, далеко не все книги и журналы, особенно изданные в XX в., оцифрованы, тогда как добраться до бумажных изданий, вышедших несколько десятилетий назад, нередко оказывается затруднительно. К тому же интересующий автор или тема не всегда были представлены в 1990–2000-е годы в журналах профильной области знаний. Во-вторых, в условиях интернационализации научных знаний, причем в области страноведения и международных отношений это особенно актуально, языковые барьеры никуда не исчезают. В качестве варианта решения проблемы в ИНИОН РАН с недавних пор издаются англоязычные библиографии русскоязычных публикаций российских авторов. Однако на данный момент выпущены лишь несколько сборников, популяризующих актуальные публикации самых последних лет (например: [*Krylov, Glukhov*, 2024; *Maximov, Minakova, Rameev*, 2026]). В-третьих, поиск информации в сети Интернет даже на уровне библиографических записей, причем и в условиях, когда пытаются подключать модные ныне технологии так называемого искусственного интеллекта, далеко не всегда дает качественные результаты. Это со всей наглядностью проявилось при ведущейся уже несколько десятилетий подготовке биобиблиографий известных отечественных ученых, когда исследователям ИНИОН РАН приходится вручную проверять всю информацию, часто по бумажным носителям, поскольку ошибки в сети Интернет только множатся. Из последних примеров положительных результатов такой работы можно отметить справочники, приуроченные к круглым датам со дня рождения видных отечественных международников, которые сопровождаются очерками воспоминаний о них, хронологией их научной жизни, исчерпывающим списком их публикаций [Анатолий Андреевич Громыко…, 2022; Георгий Аркадьевич Арбатов…, 2023].

Довольно распространен в современной России и такой вариант популяризации научных результатов по общественным наукам, как составленная самим автором книга, где отдельными главами предстают, с его точки зрения, лучшие и не потерявшие актуальности научные и публицистические работы за несколько десятилетий. Тут, однако, всегда есть тонкая грань – ведь возможна ситуация саморекламы специалиста, который лишь плодит число авторских монографий для отчетности и укрепления своего статуса, однако если это самопрезентация крупного ученого, то данный формат публикации очень полезен для популяризации достижений отечественных общественных наук. Во-первых, из большого круга статей и глав в монографиях сам автор критически отбирает наиболее показательные труды. Во-вторых, вместо сухого библиографического списка читатели получают хрестоматию текстов,

многие из которых до сих пор не оцифрованы и находятся в бумажном виде в единичных, обычно столичных, библиотеках. Рецензируемая нами монография академика Алексея Михайловича Васильева [*Васильев*, 2025], высоко признанного в России и за рубежом востоковеда и африканиста, бесспорно относится к образцам второго типа.

Книга «Востоковед и африканист. Мой след», написанная одним из самых известных российских арабистов, сочетает в себе черты мемуаров очевидца и участника многих знаковых событий, менявших систему международных отношений с 1960-х годов до наших дней, с глубоким анализом по-прежнему актуальных проблем развития стран Востока. При этом сборник является актуализированным изданием, в котором 4/5 использованных публикаций вышли в свет в текущем столетии и лишь пять глав взяты из многочисленных книг А.М. Васильева, опубликованных в советский период.

Как всегда, интересны сюжеты про разные арабские страны. Книга ученого, который со студенческих лет стал одним из лидеров научного изучения ваххабизма, закономерно начинается с обсуждения кризиса и обновления ислама. Величие и популярность одной из мировых религий сочетаются с поистине карикатурным представлением мусульман, особенно в бывших метрополиях, колонизировавших ближневосточные и африканские страны. Не случайно А.М. Васильев подчеркивает, что «прекраснодушные иллюзии мусульманских либералов разбились вдребезги при столкновении с голым хищничеством Запада» [*Васильев*, 2025, с. 29]. Однако независимое развитие мусульманских стран во второй половине XX в. также не оказалось безоблачным, а к началу XXI в. укрепились самые разные экстремистские и террористические группировки, пытающиеся поднимать флаг ислама. При этом экономические успехи даже когда-то наиболее благополучных стран, таких как Египет, многократно уступают результатам некоторых новых индустриальных государств Азиатско-Тихоокеанского региона, таких как Республика Корея.

Три главы непосредственно посвящены арабским странам. Самый большой раздел – о Южном Йемене и соседнем Омане (прежде всего провинции Дофар). Чтение этих очерков, часто написанных в советский период, но осознанно отобранных автором в наши дни, заставит по крайней мере российскую молодежь более вдумчиво анализировать феномен советского присутствия в странах так называемой социалистической ориентации в годы холодной войны. Ведь, например, «в Южном Йемене антиколониальная революция сливалась с антифеодальной» [*Васильев*, 2025, с. 196]. Не менее интересен материал под общим заголовком «“Патриции” и “плебеи” Персидского залива». Он написан задолго до массового нашествия россиян в ОАЭ и сопредельные монархии, тем интереснее читать уже ставшие историческими свидетельства очевидца (например, параграф «Контрабандисты с телексами» начинается со знаковой фразы «Дубай известен как центр торговли и контрабанды…», а заканчивается фразой «Бронемашина? Это можно, – ответил молодой человек серьезно. – Только придется внести крупный аванс» [*Васильев*, 2025, с. 276–279]). При этом очевидец, посетивший первый раз ОАЭ в 1971 г., сам с высоты своего востоковедческого опыта сравнивает полувековой прогресс. За рассказом о богатых арабских странах логично следует текст про «арабскую весну». При этом нельзя не согласиться с А.М. Васильевым, что последствия деструктивной политики Запада, особенно ярко про-

явившиеся в ливийской трагедии, были смягчены в Сирии только благодаря вмешательству России. Вместе с тем, как истинный профессионал, автор книги очень взвешенно оценивает многочисленные внутренние социально-экономические и политические причины катаклизмов в арабском мире, разразившихся в начале 2010-х годов.

Было бы странно в книге, подытоживающей 62 года творческой деятельности многолетнего директора, а ныне почетного президента Института Африки РАН, не увидеть главу про Африку. Она одна и только седьмая по счету, но занимает шестую часть рецензируемого издания. У меня есть предположение, что поскольку рассматриваемая мною книга имеет подзаголовок «Книга 1», то Черному континенту будет уделено особое внимание в «Книге 2», которую не я один надеюсь увидеть в ближайшие годы. А.М. Васильев называет себя «афрореалистом» [*Васильев*, 2025, с. 357], и это действительно подтверждается приведенным материалом. Африка названа автором «падчерицей глобализации», но анализ ее общества дан им довольно глубоко, причем становится видно, что причины многих бед, равно как и возможности развития континента, стоит искать в самой Африке.

Вместе с тем хочу особо выделить главы про Иран, Афганистан и Вьетнам, где А.М. Васильеву довелось работать в непростые времена еще в качестве журналиста. Историю исламской революции в Иране известный востоковед справедливо начинает с инициированного ЦРУ в начале 1950-х годов государственного переворота, признанного не допустить ликвидацию фактически колониальной экономики во главе с Англо-иранской нефтяной компанией. Более того, «после переворота 1953 г. шахский режим запретил все партии и политические организации, раздавил даже зачатки существовавших с 1941 г. буржуазно-демократических свобод. К 1957 г. с помощью американских и израильских спецслужб была создана тайная полиция… Через ее застенки прошли десятки тысяч людей» [*Васильев*, 2025, с. 67]. Эти строки, написанные почти полвека назад, особенно важно читать после развязанной на наших глазах очередной войны против Ирана, чтобы понять, почему сионисты из Израиля и «экспортеры демократии» методом бомбардировок из США обречены на долгосрочное поражение в многолетнем идейно-ценностном противостоянии против иранского государства-цивилизации. При этом международный анализ сочетается у А.М. Васильева как с этнографическим описанием, столь ценным для советского читателя, обычно почти нигде не имевшего возможности побывать за рубежом, так и с добротным анализом незавершенности шахских реформ («белой революции» и ее стержня – аграрных преобразований).

Понятна боль автора, который десятую часть книги посвятил советской войне в Афганистане и ее предыстории. Видимо, еще долго отечественные ученые будут обсуждать «логику рокового решения» вторгнуться в Афганистан, которое, на мой взгляд, было одним из самых сильных ударов по жизнестойкости Советского Союза. С учетом отсутствия или уничтожения важнейших письменных документов многие рассуждения, увы, остаются на уровне домыслов, однако А.М. Васильев постарался выявить целый комплекс причин, который, несомненно, подтолкнул высшее руководство СССР к катастрофической ошибке. Тут и низкий уровень образования некоторых советских руководителей, не понимавших специфики восточных обществ, и ограниченный успех

менее значимых военных операций в Третьем мире, и даже личные эмоции политиков-геронтократов, не говоря уж о «комплексе 22 июня 1941 года» [*Васильев*, 2025, с. 178–188]. Напомним, что подтверждают абсолютно все известные мемуары по этой теме: на уровне советских экспертов самой разной специализации мнение было однозначное – не вводить советские войска в Афганистан.

К победе Вьетнама над США в долгой и кровопролитной войне, по мнению очевидца тех событий А.М. Васильева, для вьетнамцев также применимы слова нашей культовой песни «… нам нужна победа. Одна на всех – мы за ценой не постоим!» Но нельзя не согласиться и с утверждением автора, что «вьетнамская эпопея внешней политики СССР вошла в золотой фонд ее успехов в ту прошедшую неповторимую эпоху» [*Васильев*, 2025, с. 480]. При этом в главе о Вьетнаме дан в целом довольно интересный ракурс – дипломатические переговоры (с акцентом на противостоянии Генри Киссинджера и Ле Дык Тхо[1]) на фоне хроники боевых действий в Индокитае и внутриполитических событий в США.

Добавленная после вьетнамского материала небольшая статья про Китай из журнала «Азия и Африка сегодня» за 2014 г., на мой взгляд, немного выбивается из общей канвы в целом логичной книги-сборника, однако это личный выбор автора, на который он имеет право. Финальная десятая глава «Эпоха и личности» также необычна, но она перекликается с автобиографическим предисловием. В короткой рецензии нет смысла пересказывать содержание очерков, достаточно привести их названия, которые говорят сами за себя и за автора книги, на которого описываемые персонажи произвели сильное впечатление: «Е.М. Примаков. Он не забронзовел при жизни», «А.С. Дзасохов. Мудрость и такт», «Лавровый венок Всеволода Овчинникова», «Фейсал. Личность. Эпоха. Вера», «Несостоявшаяся “Девятая симфония” Эдварда Саида[2]», «Писатель Нгуен Туан[3]», «Художник Фан Ке Ан[4]», «Ашик[5] Ихсани и ашик Вейсель».

Завершая обзор, хочется еще раз восхититься творческим долголетием Алексея Михайловича Васильева, который уже седьмой десяток лет активно (и это не преувеличение) исследует Восток и его сложные проблемы.

1 Ле Дык Тхо (1911–1990) – знаменитый вьетнамский политик и дипломат (настоящее имя – Фан Динь Кхай). Один из основателей Коммунистической партии Индокитая, в 1955–1986 гг. – член политбюро Партии трудящихся Вьетнама (с 1976 г. – Коммунистической партии Вьетнама). Неофициальный глава северовьетнамской делегации на мирных переговорах с США в Париже, лауреат Нобелевской премии мира 1973 г., но отказался от нее (в отличие от Генри Киссинджера).

2 Эдвард Саид (1935–2003) – американский писатель палестинского происхождения. Родился в Иерусалиме в семье православного палестинца, служившего в армии США, высшее образование получил в Соединённых Штатах. Наиболее известна книга Э. Саида «Ориентализм» (*Orientalism*), опубликованная в 1978 г. Автор, опираясь на знания колониальной литературы и политическую концепцию постструктурализма, в жесткой форме критикует западные воззрения на Восток и обвиняет западных ученых в оправдании колониализма.

3 Нгуен Туан (1910–1987) – известный вьетнамский писатель, борец за независимость страны и один из признанных на родине корифеев современной национальной литературы. Пробовал себя в разных жанрах, в 1930-е годы получил известность как эссеист. С 1948 по 1958 г. занимал должность главного секретаря Вьетнамской ассоциации искусства и литературы. В его рассказах и новеллах социалистического периода сочетаются повествовательное начало с лиризмом, романтической настроенностью: на фоне описания пейзажей и культурного колорита Вьетнама раскрывается прежде всего идея патриотизма простых людей.

4 Фан Ке Ан (1923–2018) – известный вьетнамский художник (псевдоним – Фан Кить). Будучи солдатом-революционером и сыном министра внутренних дел, заместителя премьер-министра Демократической Республики Вьетнам, получавшим в молодости художественное образование, в 25 лет стал автором первых портретов Хо Ши Мина. Впоследствии он достиг больших успехов в лаковой и масляной живописи. Его самая известная картина – «Воспоминание о северо-западном вечере», нарисованная зимой 1950 г., когда он отправился на войну в движении Сопротивления в качестве корреспондента.

5 Народный певец в Турции.

Список литературы

Анатолий Андреевич Громыко (1932–2017) / сост.: Калашникова Л.А., Тихомирова Г.М. : Сер. Биобиблиография ученых. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – 183 с.

Васильев А.М. Востоковед и африканист. Мой след. – Москва : Наука, 2025. – 568 с.

Георгий Аркадьевич Арбатов (1923–2010) / сост.: Тихомирова Г.М. : Сер. Биобиблиография ученых. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – 92 с.

Krylov D.S., Glukhov I.D. Syria in Publications of Russian Scientists: Past, Present, Future. – Moscow : INION, 2024. – 219 p.

Maximov A.A., Minakova Yu.V., Rameev O.B. Russian Studies on Contemporary and Traditional Japan (2023–2024) : An English-language Bibliographies of Russian-language Article of Russian Scholars. – Moscow : INION, 2026. – 89 p.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.12

Oriental Palette

KUZNETSOV Alexey V.
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Econ.)
Director and Chief Researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

CITATION: Kuznetsov A.V. (2025). Oriental Palette. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 214–220 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.12

Received: 15.11.2025.
Revised: 28.11.2025.

ABSTRACT. *The book, published on the occasion of the 85th anniversary of Academician Alexey Mikhailovich Vasilyev, is a collection of selected academic and journalistic works by the author. It explores the feasibility of this publication format for promoting the achievements of Russian social sciences. The book, written by one of the most renowned Russian Arabists, combines the memoirs of an eyewitness and participant in many significant events that have shaped international relations from the 1960s to the present day, with a deep analysis of the ongoing challenges facing the countries of the East. At the same time, in fact, the collection is an updated edition, in which 4/5 of the publications used were published in the 21st century, and only five chapters borrowed from the numerous books by A.M. Vasilyev published during the Soviet period. As always, the stories about various Arab countries are interesting, but the chapters about Iran, Afghanistan, and*

Vietnam, where the famous scientist worked as a journalist during difficult times, are particularly noteworthy.

KEYWORDS: *Academician Alexey M. Vasiliev, Oriental studies, African studies, international relations, collection of selected works.*

References

Anatoly Andreevich Gromyko… (2022). Kalashnikova L.A., Tikhomirova G.M. (eds.). *Anatoly Andreevich Gromyko (1932–2017)*. Moscow: INION, 183 pp. (in Russian).

Georgy Arkadyevich Arbatov… (2023). Tikhomirova G.M. (ed.). *Georgy Arkadyevich Arbatov (1923–2010)*. Moscow: INION, 92 pp. (in Russian).

Krylov D.S., Glukhov I.D. (2024). *Syria in Publications of Russian Scientists: Past, Present, Future*. Moscow: INION, 219 pp.

Maximov A.A., Minakova Yu.V., Rameev O.B. (2026). *Russian Studies on Contemporary and Traditional Japan (2023–2024): An English-language Bibliographies of Russian-language Article of Russian Scholars*. Moscow: INION, 89 pp.

Vasiliev A.M. *Orientalist and Africanist. My Mark*. Moscow: Nauka, 568 pp. (in Russian).

УДК 325.36:327.8(6)
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.13

Читая книгу Эссьена Укпе «Пережитки колониализма в Африке. Введение в африканскую политику»

Любовь Владимировна ИВАНОВА
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН (ИВИ РАН)
Ленинский проспект, д. 32А, г. Москва, Российская Федерация, 119334
E-mail: caashoru@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2378-5598

Зенебе Тафессе КИНФУ
кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: kinfu@inion.ru
ORCID: 0000-0002-0908-4736

ЦИТИРОВАНИЕ: Иванова Л.В., Кинфу З.Т. Читая книгу Эссьена Укпе «Пережитки колониализма. Введение в африканскую политику» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 221–237.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.13

Статья поступила в редакцию 16.08.2025.
Исправленный текст представлен 13.09.2025.

АННОТАЦИЯ. *Представлена рецензия на книгу Э. Укпе «Пережитки колониализма. Введение в африканскую политику» (Essien Ukpe. Relics of African Colonialism. An Introduction to African Politics. Robertminder International Limited, Akwa Ibom State, Nigeria. ISBN: 9797–9797-60470-5–8. 2024, 522 p.), вышедшую в Нигерии в 2024 г. Автор книги, являясь преподавателем и главой факультета политологии в Государственном университете Аква Ибом (Нигерия), рассказывает об участии африканских стран в мировой политике и представляет свой взгляд на причины современных социально-политических проблем в Африке. Укпе подробно анализирует пережитки колониальной эпохи в каждой стране, обращаясь также к дискуссиям о расизме, панафриканизме и неоколониализме. Авторы рецензии приводят мнения некоторых других нигерийских исследователей, рассуждавших на тему последствий колониализма в Африке.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *колониализм в Африке, работорговля, неоколониализм, колониальные пережитки, история стран Африки, борьба за независимость, расизм, панафриканизм.*

Книга Эссьена Укпе [*Ukpe*, 2024] представляет собой внушительный (более 500 страниц) труд, состоящий из 20 глав по общеафриканским проблемам, нескольких глав, посвященных биографиям наиболее выдающихся африканских деятелей (Нкрума, Мандела, Сенгор, Кениата, Секу Туре), и около 40 глав по отдельным странам Африки. Заметим сразу, что Э. Укпе является автором работ преимущественно по проблемам развития Нигерии, в частности [*Ukpe*, 1999; *Ukpe*, 2013; *Ukpe*, *Ukpe*, *Ukpe*, 2019; *Ukpe*, 2021; *Ukpe*, 2022].

Сразу следует обратить внимание на то, что главы первой и второй частей рецензируемой книги отличаются глубоким профессиональным анализом соответствующей проблематики, в то время как главы по отдельным странам представляют собой бессистемное описание археологии, истории, географии, этнографии, политики, искусства и др., что не совсем коррелирует с общей проблематикой книги и напоминает более страноведческие энциклопедические статьи в свободном изложении автора (стилистический контраст с первыми частями очевиден). В статье о Сенегале, например, неожиданно встречаются описания гастрономических традиций, религиозных практик и представлений о смерти и загробной жизни; статья о Реюньоне неожиданно повествует о СМИ и спорте в стране и т. п. Заключения, имеющиеся в конце каждой страновой статьи, в большинстве случаев не только не подводят итоги, но и содержат неуместную информацию, например о происхождении названия страны (Габон) [*Ukpe*, 2024, p. 274] или географические характеристики страны (Нигер) [*Ukpe*, 2024, p. 371]. В книге также сделан акцент на анализе нигерийского материала по разным аспектам, что, по-видимому, вытекает из профессиональных интересов автора.

Западное представление об Африке, как правило, избирательно и не всегда точно. В большинстве случаев западные исследователи и СМИ изображают Африку через призму конфликтов, катастроф и гражданских беспорядков. Несомненно, что такие события случаются время от времени, однако, по мнению автора, рассматривать их как определяющие аспекты африканской политики является «грубым упрощением» (с. *iv*) (здесь и далее цитируется только работа [*Ukpe*, 2024]). Автор представил свой взгляд на современные африканские проблемы через призму колониального прошлого и опыта политолога-африканца. Эта книга, по замыслу автора, направлена на то, чтобы исправить вышеуказанную аномалию и трансформировать мышление африканцев в сторону построения жизнеспособных обществ и современных демократических правительств. Автор апеллирует к доколониальным временам, чтобы изучить природу доколониальных африканских обществ и установить, где и когда в Африке начался процесс разрушения общественных моральных устоев.

Укпе выделяет три широких подхода к изучению африканской политики (с. 2). Первый подход сосредоточен на концепции модернизации; второй фокусируется на государстве и его институтах, в то время как третий подход вращается вокруг школы зависимого развития.

Первая – концепция модернизации – возникла в начале 1960-х годов и отражает настроение первых лет независимости – желание африканцев о постепенном развитии их растущих государств в «современную» государственность, которая скопирована с западного типа. Основная предпосылка этого подхода заключается в том, что африканские страны, как и другие государства, после независимости находились

и некоторые всё еще находятся в процессе становления идеологических подходов, в которых эффективность и научная логика заменяют традиционные ценности и системы верований. Школа модернизации полагает, что сохранение отсталости в Африке в частности и в развивающихся странах в целом обусловлено существованием консервативной культуры и традиционных институтов, а также отсутствием достижений, мотивации и позитивной ориентации на изменения. Эта школа обычно рассматривает отсталость развивающихся стран как внутренне самовоспроизводящуюся, вытекающую из традиционной природы этих обществ. Другими словами, школа модернизации считает, что отсталость и отсутствие развития развивающихся стран вызваны социальными и экономическими системами этих обществ, которые не мотивируют и не поощряют предпринимательский дух (с. 2). Поэтому школа модернизации считает, что эти страны должны обязательно следовать западным линиям развития, потому что, по их мнению, западные экономики будут продолжать расти и развиваться, несмотря ни на какие мировые потрясения. Таким образом, школу модернизации можно рассматривать как апологета западного капитализма.

Государственный (или институциональный) подход переоценивает роль государства, чтобы точно определить влияние политической слабости и неэффективного управления на политическое развитие Африки. Основной аргумент ученых, которые отождествляют себя с институциональным подходом, заключается в том, что в модернизирующемся обществе необходимо иметь хорошее руководство и что иногда, даже когда оно существует, руководство сталкивается с проблемой создания модернизирующих институтов, учитывая традиционную природу этих обществ.

Подход зависимого развития вышел на передний план в 1970-х годах. Он связан с объяснением причин неразвитости Африки и их последствий для будущего этого континента. Теоретики зависимого развития утверждают, что неразвитость стран является результатом зависимых и асимметричных отношений между развивающимися и индустриальными странами. Некоторые исследователи приписывают отсталость экономики слаборазвитых стран последствиям того, как капитализм ворвался в историческое и коренное развитие развивающихся стран, тем самым задерживая материализацию условий для роста в этих экономиках. В результате вместо того, чтобы капитализм служил инструментом экономической экспансии, технологического прогресса и изменений, как это было в Европе и Америке, он стал причиной экономической стагнации и социальной отсталости.

Автор считает подход зависимого развития наиболее эффективным и применяет его при анализе проблем африканской политики (с. 3). Следует отметить, что данный подход является вполне типичным среди нигерийских исследователей, о чем речь пойдет далее.

Капитализм как исторически, так и в настоящее время препятствовал технологическому развитию в Африке и затруднял доступ Африки к собственным технологиям, вместо этого внедряя лишь ограниченные аспекты ее материальной культуры, необходимые для эксплуатации. Напротив, европейская работорговля и внешняя торговля оказали положительное мультипликативное влияние на развитие Европы, принося пользу различным областям европейской жизни, не связанным напрямую с внешней торговлей, и способствуя росту национальных экономик. Однако в Африке торгов-

ля с Европой привела к разрушению и дезинтеграции на местном уровне, поскольку каждая местная экономика была ориентирована на обслуживание европейского рынка, а не на удовлетворение потребностей своего населения.

В числе главных препятствий эффективной индустриализации в Африке – небольшой размер рынка промышленных товаров в отдельных африканских странах и отсутствие интеграции на больших территориях континента. Исторические отношения между Африкой и Европой, характеризующиеся неравномерной динамикой торговли, препятствовали интеграции местных экономик Африки, что привело к разрыву некоторых межтерриториальных связей, установленных на континенте до европейского торгового господства в XV в. Португальцы вмешались в эту торговлю, первоначально переправляя товары из Бенина на Золотой Берег. В Верхней Гвинее европейские поселенцы вмешались в местную торговую сеть, внедрив методы выращивания хлопка и экспортируя готовую продукцию вдоль побережья. Португальцы также доминировали в торговле в других регионах, таких как Конго и Ангола, применяя силу при необходимости, особенно вдоль побережья, где они могли использовать свои пушки. В Восточной Африке португальцы применяли насилие, чтобы перехватить торговлю у арабов и суахили, нарушая существующие торговые пути. Они аналогичным образом нарушили торговлю между Кот-д'Ивуаром и Золотым Берегом, построив форты для контроля над торговлей и запретив жителям выезжать в определенные районы, чтобы сохранить отдельные экономические образования, связанные исключительно с Европой. Это отклонение от прежних направлений развития деформировало африканскую экономику в целом (с. 8).

***

После обретения независимости африканские страны столкнулись с множеством проблем, такими как коррупция, антидемократические режимы, жесткие методы ведения бизнеса, отсутствие патриотизма среди граждан, неискренность и предательство доверия в отношениях и т. д. В правительственных министерствах, департаментах и агентствах обычными были взяточничество, кумовство, хищение государственных средств.

Это, по мнению автора, стало результатом колониального управления, при котором власть проповедовала демократию, но управляла африканцами иными жесткими и насильственными способами (используя «дипломатию канонерок»), подчеркивая превосходство «белых» над коренными жителями (с. *iv*). Они учили местных, что богатство и ресурсы стран принадлежат их народу, однако при этом эксплуатировали ресурсы колоний от имени своих монархов, объявляя их полновластными правителями колоний. Колонизаторы заставили африканцев поверить в то, что европейцы были полубогами, а местные африканцы – полуживотными. Именно поэтому «белые чиновники заставляли туземцев танцевать голыми перед ними, чтобы выяснить, есть ли у африканцев хвосты» (с. *iv*).

Неудивительно, что, когда африканцы взяли на себя руководство после обретения независимости, эти практики продолжили существовать. Местных жителей по-прежнему призывают исполнять традиционные танцы перед правительственными чиновниками, посещающими их общины, потому что африканские лидеры считают, что эта колониальная практика была знаком чести для гостей. По тому же принципу, используя колонизаторский подход, постнезависимые африканские чиновники полагают, что богатство

нации принадлежит им и их семьям, а не гражданам, как некогда это заявляли колонизаторы. В современных африканских обществах правительственные чиновники не испытывают угрызений совести по поводу собственных правонарушений. Они рассматривают государственные дела как частные, безнаказанно присваивая государственные средства и относясь с презрением к своим выборщикам без опасения быть отстраненными от власти.

Нигерийские исследователи Нвонкво и Очени, в свою очередь, указывают на то, глубоко укоренившаяся коррупция в большинстве африканских государств и эгоистичное поведение некоторых политических лидеров, которые твердо держатся у власти, даже когда они явно изжили себя в глазах своего народа, продолжают объясняться последствиями колониализма и империализма [*Ocheni, Nwankwo*, 2012, p. 50]. По мнению нигерийского политолога Аттаха, «именно в водовороте деколонизации неоколониализм был разработан уходящими колониальными державами с целью увековечить свое экономическое влияние даже после обретения независимости в Африке» [*Attah*, 2013, p. 71]. Заявление, сделанное в 1960 г., приписываемое бывшему британскому министру по делам колоний Яну Маклеоду, ознаменовало фазу империализма, а именно неоколониализм: «Мы не уехали за границу, чтобы править, мы уехали за границу, чтобы торговать, поэтому, если мы будем мудры, мы сможем остаться в странах, которыми когда-то правили, – как торговцы, фермеры, плантаторы, грузоотправители, бизнесмены, инженеры и т. д.» [*Attah*, 2013, p. 71].

Вторую часть книги автор начинает с описания природы доколониальной цивилизации в Африки. Он утверждает, что в доколониальный период африканские общества были более порядочными и «благопристойными» – «мораль была настолько высока, а общество настолько чисто, что им не нужны были тюрьмы для наказания преступников, поскольку их не было», существовало уважение к правилам и власти. Хотя в то же время африканские правители были абсолютными деспотами, но они правили, опасаясь свержения и репрессий со стороны «богов», если плохо выполняли свои функции (с. *iv*).

Доколониальная эпоха была в целом процветанием африканских народов, чему автор приводит несколько типичных примеров.

В доколониальный период Египет ошибочно считался частью Европы. По мнению автора, египетская империя была африканской и влияние Египта на остальную Африку и наоборот нельзя недооценивать. Фараоны Египта использовали товары из земель Куш для укрепления своей власти и роскошного образа жизни (с. 4). Другие части Африки также извлекали большую выгоду из торговли с Египтом, но только Нубия и Куш стали великими цивилизациями. Их правители обеспечили экономическую и политическую основу, на которой позже возникла Эфиопия.

В средневековой Южной Африке умели обрабатывать медь и золото, а технологическое и военное превосходство основывалось на навыках обработки железа. В результате в XV в. возникла империя, которую европейцы назвали Мономотапа. Термин «Зимбабве» использовался для обозначения культур Замбези/Лимпопо в течение нескольких столетий, предшествовавших прибытию европейцев, потому что именно с XI по XIV в. там процветали общества, наиболее характерной чертой которых было строительство больших каменных дворцов, известных под общим названием Зимбабве. Сообщается, что агенты Сесиля Родса, отправленные на разграбление Зимбабве,

были поражены сохранившимися руинами зимбабвийской культуры. В XV в. в Западной Африке процветали королевства Бенин, Хауса, Сонгай (преемница империи Мали). Вообще, тема высокого развития Африки в доколониальную эпоху популярна, в частности среди нигерийских исследователей. Чубадо Умару, анализируя эффекты колониализма, указывает на то, что до того, как Африка полностью приняла колониальное образование, африканцы были хорошими технологами, развиваясь в своем собственном темпе, используя ресурсы своей среды. Они были хорошими скульпторами, резчиками, ткачами, кузнецами и т. д., были способны обеспечивать и удовлетворять технологические потребности местных обществ. Введение колониального образования заставило африканцев отказаться от своих исконных технологических навыков и образования в пользу того, которое в основном делает упор на чтение и письмо. Это стало «прелюдией» (или основой) для нынешней слабой технологической базы африканских государств, которая увековечила их неразвитость [*Ahmed, Umaru, Yusuf*, 2022].

В заключении второй части книги Укпе в очередной раз подчеркивает высокий уровень развития Африки в доколониальный период, указывая, что «*Европа во многих отношениях представляла собой продолжение, а не скачок в развитии от африканских достижений*» (с. 12). К сожалению, этот коренной африканский прогресс был нарушен натиском западноевропейской капиталистической экспансии, ознаменовав поворотный период подчинения Африки европейскому господству. Эта эпоха подчинения Африки Европе, по мнению автора, служит критической точкой отсчета для понимания современных проблем, с которыми сталкиваются африканские государства.

Своеобразная интерпретация «борьбы за Африку» предполагает, что колониализм возник из потребностей Африки, а не Европы, так как выяснилось, что Африке требовалась европейская колонизация, чтобы продвинуться дальше стадии конца XIX в. Колонизация Африки широко приписывается ее предполагаемым слабостям, включая недостаточный экономический потенциал, незавершенное формирование национального государства и низкий уровень глобального сознания. Эти факторы сделали континент разделенным и уязвимым для европейской эксплуатации и господства. То же касается и более поздней эпохи империализма, который в отношении Африки был экономическим (с. 13).

В **третьей части** автор анализирует происхождение проблем в африканской политике. В период открытия Африки западные путешественники исследовали и описали ее богатства человеческих и природных ресурсов, по степени развития капитализма на Западе они начали видеть в Африке источник сырья и дешевой рабочей силы для европейской промышленности (с. 13).

Спрос на дешевую рабочую силу для западной капиталистической промышленности привел к «европейской работорговле», которую европейцы решили назвать «африканской работорговлей», «арабской работорговлей» (с. 14, 17) и т. д. Это был период, когда миллионы сильных африканцев были насильно экспортированы на Запад для строительства западного капитализма. Стоит отметить, что европейские работорговцы предпочитали молодежь в возрасте от 15 до 35 лет, которые в экономическом отношении составляют «рабочее население» любого общества. Следовательно, экономическое развитие Африки было подорвано не только из-за смещения

акцента с искусств, ремесел и торговли на снабжение Европы рабами, но также из-за незащищенности, созданной войной, обманом и похищением людей. Так Африка потеряла свою историческую инициативу и экономическую автономию.

К началу XX в. земли и богатства Африки постепенно перешли также под контроль европейцев. Автор замечает, что «европейцы часто оправдывали империализм и колониализм, ссылаясь на международную торговую динамику, существовавшую непосредственно перед колониальным господством в Африке. В частности, британцы отстаивали идею о том, что «их колониальные амбиции были обусловлены благородным желанием положить конец работорговле. <…> Эта трансформация внутри Британии привела к необходимости искоренить остатки рабства в Африке, чтобы облегчить эксплуатацию земли и труда в капиталистических целях. Следовательно, британцы отвергли рабство, поскольку оно препятствовало дальнейшему развитию капитализма, что было особенно актуально в Восточной Африке, где арабское рабство сохранялось до конца XIX в.» (с. 14).

Комментируя нападение на Африку и ее завоевание Западной Европой, нигерийский исследователь Чинвейзу, чьи работы стали базой черного ориентализма, замечает: «В течение почти шести веков Западная Европа и ее диаспора нарушали мир во всем мире. Просвещенные благодаря своему Возрождению, благодаря знаниям древнего Средиземноморья; вооруженные оружием, изготовление пороха для которого они переняли у китайских петард; оснастив свои корабли латинскими парусами, астролябиями и морскими компасами, изобретенными китайцами и переданными им арабами; укрепленные агрессивным духом высокомерного мессианского христианства как папского, так и протестантского толка; и движимые соблазном обогащения и грабежа, белые орды отплыли из западноевропейских земель, чтобы исследовать, нападать, грабить, оккупировать, править и эксплуатировать мир. И даже сейчас ярость их экспансионистского нападения на всех нас не утихла» [*Chinweizu*, 1978, p. 3].

Первые четыре столетия афро-европейской торговли внесли значительный вклад в недоразвитость Африки. С европейской точки зрения, колониализм быстро процветал, потому что многие его черты уже укоренились в Африке в доколониальный период. Одним из ключевых аспектов колониальной системы была роль африканцев как экономических, политических и культурных агентов для европейских колонизаторов. Влияние европейской торговли свело многих африканских правителей к простым посредникам, возвысило обычных африканцев до коммерческих агентов и создало новый торговый класс смешанного происхождения, детей европейских или арабских отцов. Эти люди, будь то африканцы или мулаты, сыграли решающую роль в расширении европейского влияния из прибрежных районов во внутренние районы, будучи «инструментами европейского колониализма». Многие африканские правители стремились к союзам с европейцами, чтобы получить преимущество перед своими африканскими соперниками. Колониализм способствовал коррупции посредством тактики «разделяй и властвуй», особенно излюбленной Великобританией. Эта стратегия заключалась в предоставлении преимуществ одним племенам перед другими для обеспечения лояльности и разжигания соперничества между группами, предотвращая единство, которое могло бы поставить

под сомнение колониальное правление. К сожалению, африканские правители не осознавали, что конечной целью европейцев было завоевать всех африканцев, а не отдельные группы. В отношении участия арабов в работорговле автор уточняет, что арабская эксплуатация африканских рабов была феодальной, а не капиталистической. Здесь рабы были домашней прислугой, солдатами и крепостными, а их излишки производства потреблялись элитой, а не реинвестировались в прирост капитала (с. 17).

***

Колониальный период и установленные связи способствовали эффективной эксплуататорской политике по вербовке солдат для новых колониальных захватов и иных конфликтов, где требовалось вооруженное вмешательство, в результате чего некоторые африканцы стали невольными союзниками европейских держав.

После Второй мировой войны движения за независимость возникли по всей Западной Африке, особенно в Гане под руководством панафриканиста Кваме Нкрумы (1909–1972). Эти движения привели к провозглашению независимости во всех странах Африки. С момента обретения независимости Западная Африка столкнулась со знакомыми для региона проблемами, включая диктатуру, политическую коррупцию и военные перевороты. Однако межгосударственные конфликты были относительно редки, за исключением почти бескровной войны в полосе Агачер в Мали и Буркина-Фасо. Автор считает, что политические разногласия в Африке были не свидетельством изначальной неполноценности или отсталости, а, скорее, отражением стадии развития континента – стадии, которую другие регионы также пережили и превзошли (с. 481).

Крупной политической тенденцией в африканских государствах с момента обретения независимости стала поразительная частота и количество вмешательств армии в государственную политику. Автор видит в этом большую роль Запада для удобства контроля и прибыли, которая он может лишиться в случае независимого развития континента. В 1960-х годах в Африке происходили государственные перевороты, которые стали «эпидемией». К концу 1970-х годов «квазипостоянное военное правление» (с. 41) стало нормой для большей части континента. До недавнего времени «перевороты стали функциональным эквивалентом выборов, фактически единственным способом смещения действующих политических лидеров». Республика Бенин (Дагомея) в этом плане является рекордсменом по числу переворотов (1963, 1965, 1967, 1968, 1969 и 1972 гг.).

Помимо переворотов, Укпе особо выделяет проблему коррупции и ее истоки в Африке. Он утверждает, что коррупция была чужда африканским обществам до колониальной эпохи. Эта точка зрения отражена в речи лорда Маколея в британском парламенте в 1835 г.: «Я много путешествовал по Африке и еще не встречал нищего или вора. Богатство и высокие моральные ценности, которые я здесь увидел, поразительны. Я верю, что мы никогда полностью не покорим эту страну, если не разрушим ее духовное и культурное наследие. Поэтому я предлагаю заменить их старую образовательную систему и культуру. Если африканцы поверят, что всё иностранное и английское превосходит их собственное, они потеряют самоуважение, родную культуру и станут покорной нацией, как мы и желаем» (с. 80).

В колониальную эпоху было также распространено убеждение, что имущество колонизаторов, такое как авто-

мобили, дома и фермы, не принадлежит африканцам. Следовательно, разграбление и уничтожение общественной собственности не рассматривались как преступления против общества. Колониальным пережитком является подобное отношение к государственным активам и отсутствие заботы правительства об общественных интересах в современной Африке. Еще одна форма коррупции, унаследованная от колониальной эпохи, – это разграбление государственной казны и хранение награбленного в западных банках. В колониальные дни колониальная элита работала в Африке, эксплуатировала ресурсы континента и отправляла их обратно в свои страны. Автор считает, что именно поэтому африканские политики до сих пор хранят свои богатства в иностранных банках (с. 81).

***

Отдельная глава посвящена созданию и деятельности Организации африканского единства (ОАЕ), созданной 25 мая 1963 г. Она возникла из различных политических движений в Африке и за ее пределами. Ключевым элементом идеологии ОАЕ было панафриканистское движение конца XIX в. в США, возглавляемое афроамериканскими интеллектуалами, такими как М. Делани и А. Краммель, которые связали судьбы африканцев и чернокожих американцев. Эти мыслители считали, что для процветания «черной цивилизации» необходима отдельная нация, свободная от американского контроля, основанная на самоопределении и достоинстве. Под влиянием христианских верований ранние панафриканисты продвигали эту идеологию посредством миссионерской работы в Африке. ОАЕ оказывала содействие освободительным движениям, боролась с колониализмом и апартеидом, а также разрешала пограничные споры. Она способствовала развитию региональных экономических сообществ и созданию Африканского экономического сообщества для континентальной интеграции. К социальным достижениям ОАЕ относились объединение профсоюзов, поддержка молодежных организаций и решение проблем беженцев. Однако ОАЕ столкнулась со значительными проблемами, как, например, постколониальные экономические кризисы, коррупция, политическая нестабильность и неадекватная инфраструктура. К 1990-м годам, когда многие африканские страны были деколонизированы, главная цель ОАЕ была достигнута, и она была распущена 9 июля 2002 г. своим председателем, президентом ЮАР Табо Мбеки и заменена Африканским союзом (АС).

В разных главах книги автор приводит примеры, связанные с политикой ганийского президента К. Нкрумы, который связал независимость, которую Гана получила первой, со свободой континента, организовав конференции в Аккре для помощи всё еще колонизированным странам, укрепления экономических и культурных связей и обсуждения мира во всем мире. Он также провел Всеафриканскую народную конференцию для объединения освободительных групп и националистических организаций.

Африканские лидеры выступали с идеей создания Соединённых Штатов Африки, но не смогли прийти к единой концепции: К. Нкрума, С. Туре и М. Кейта настаивали на радикальной интеграции, в то время как другие предпочитали постепенное объединение. В результате этого возникло три идеологических блока: Касабланкская группа (Гана, Гвинея, Мали, Ливия, Египет, Марокко и Алжир), выступавшая за полную интеграцию, Монровийская группа (Нигерия, Тунис, Эфиопия, Либерия, Судан, Того и Сомали), высту-

павшая за постепенное объединение, и Браззавильская группа (франкоязычные страны во главе с Сенегалом и Кот-д'Ивуаром), которая по-прежнему поддерживала интересы Франции.

Автор упоминает о деятельности Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС), созданного 28 мая 1975 г. первоначально для содействия экономической интеграции в регионе и позже расширившего свою сферу деятельности, включив в нее политическое и военное сотрудничество. Он дает справочную информацию о некоторых восточноафриканских (Восточноафриканский единый рынок – ЕАСМ) и южноафриканских (Сообщество развития Юга Африки – САДК) организациях (см. соответствующие главы).

***

Автор не соглашается с «положительным эффектом колониализма» (с. 21), так как считает, что преимущества западной цивилизации в конечном итоге разрушили идентичность африканцев, навязав им европоцентричный менталитет и своего рода синдром зависимости. Его доказательства сводятся к следующему:

• изучение транспортной инфраструктуры наглядно демонстрирует, что она предназначалась для обслуживания больше колониальных интересов, нежели интересов колонизированных;

• с экономической точки зрения введение налогов, которые на самом деле не предназначались для выгоды общества, а использовались для заботы о благосостоянии британских чиновников, уничтожило африканскую практику дарения и подношений правителям в Африке. Напротив, это дало толчок коррупционной практике получения откатов в африканской политической системе и придало совершенно новый смысл традиционной практике подношений правителю, существовавшей задолго до колониализма. Иностранные инвесторы и их транснациональные корпорации (ТНК) теперь нанимают африканских лидеров, чтобы они стояли или действовали в качестве фасада, помогая переводить прибыль из Африки на Запад в обмен на вознаграждения, которые ослепляют африканских лидеров, чтобы те не видели постоянно увеличивающегося разрыва между их странами и Западом;

• введение товарных культур отвлекло внимание Африки от продовольственных культур, которые до сих пор выращивались в качестве основного продукта питания;

• система образования была полностью оторвана от природы и опыта африканцев и вместо этого имела книжную основу и ориентацию на «белых воротничков». Колониальное образование ввело капиталистический принцип индивидуализма и личных достижений в африканское общество. Как пример – первые два университета, основанные в Африке, Университетский колледж Ибадана и Университетский колледж Ганы, «несли на себе несомненный образ своего британского происхождения, демонстрируя поверхностность и безделушки британской академической жизни, обозначенные мантиями, высокими столами, собраниями и т. д. Университетский колледж Ибадана не только строго следовал традициям британских университетов, но также имел желание подражать даже модам британской академической жизни» (с. 30).

Э. Укпе утверждает, что колониальная система косвенного управления извратила концепцию лидерства как служения народу. Вместо этого правители назначались для служения колониальным властям, что превращало правительство в инструмент принуждения

к повиновению, а не в службу населению. Для поддержания колониального порядка использовалось обычное право, что приводило к частому вмешательству колонистов в традиции и обычаи. Колонизаторы часто назначали вождей там, где их не было, и низлагали традиционных лидеров, которые им противостояли, инициируя деградацию традиционного института. Автор говорит о феномене «изобретенных традиций». Это традиции, которые якобы имеют древнее происхождение, хотя исторические данные свидетельствуют об обратном. Изобретенные традиции, вероятно, возникают, когда быстрые общественные изменения подрывают или разрушают старые традиции, вызывая необходимость в новых, с которыми старые традиции не могут справиться (с. 137).

В результате африканские страны, когда обрели независимость, унаследовали институты, пропитанные культурой угнетения и эксплуатации граждан. Точно так же жестокость полиции стала колониальным пережитком в современной Африке. Вместо того, чтобы защищать людей и их имущество от угнетения и отсутствия безопасности, полиция в Африке сегодня жестоко обращается с людьми, чтобы защитить политиков.

Автор указывает, что некоторые видят в христианизации Африки положительные последствия для ее будущего развития. Не отвергая небольшие преимущества (переводы Библии на местные языки – соответственно изучение языков и распространение грамотности), Укпе пишет о христианском империализме, когда интересы колониальных властей и христианских миссионеров в сфере образования совпадали и подчинялись интересам Запада и обеспечивали лучший контроль над местным населением. Эта форма империализма коренилась в убеждении европейских империалистов в превосходстве их собственной религии над традиционными верованиями африканцев, которых они часто называли язычниками. Колониальные власти, как правило, разрешали миссионерскую деятельность параллельно с эксплуатацией природных ресурсов Африки. Миссионеры стремились убедить африканцев, что их традиционные религии примитивны и неполноценны, одновременно продвигая христианство как идеальную веру. Своим учением миссионеры стремились изменить образ мышления, идеологию, образ жизни и характер африканцев, что часто приводило к глубоким культурным преобразованиям (с. 115, 273, 373).

Пропаганда западного образа жизни привела к пересмотру ценностей местных африканцев. Автор упоминает о концепции «белой свадьбы», церемонии и оформлении отношений по западному образцу (с. 131). Гетерогенные браки (автор отдельно говорит о неприемлемости однополых браков в африканском обществе) рассматриваются как укрепляющие связи внутри сообществ и наций, способствующие рождению новой жизни и стремлений, а также разрушающие этнические барьеры, препятствующие единству. Традиционные брачные церемонии подчеркивают значительную вовлеченность семей, а иногда и целых сообществ в процесс, выделяя брак как почитаемую и праздную норму и обряд посвящения как для мужчин, так и для женщин. Разрушение традиционного института брака, по мнению автора, привело к увеличению числа разводов, поскольку семьи воздерживаются от вмешательства, опасаясь вторжения. Процессы переговоров также были сокращены, при этом экономические факторы мотивируют более быстрое заключение браков для облегчения финансового бремени. Формальные браки уступают

место неформальным соглашениям, особенно в городских районах, способствуя росту сожительства. Эта тенденция, распространенная среди образованных городских жителей, подрывает традиционные ценности, касающиеся секса и святости брака, а современные средства массовой информации и образовательная политика пропагандируют противоположные ценности (с. 131–132). Растущая сексуальная свобода женщин, как и мужчин, привела к рискам для здоровья, включая бесплодие, из-за невылеченных инфекций, передающихся половым путем, и множественных абортов. В результате в африканских обществах уровень рождаемости снижается, смещая акцент с детей как основной цели брака.

В главе о Руанде автор обсуждает роль колониализма в этнических конфликтах в Африке. До колонизации существовало определенное различие между хуту и тутси, оно было не расовой дискриминацией, а, скорее, дискриминацией по признаку экономической деятельности. «Семя ненависти между большинством хуту и меньшинством тутси было посеяно немцами и полито бельгийцами» (с. 177). Европейские ученые приехали и начали измерять черепа хуту и тутси. Помимо анатомических различий, они пришли к выводу, что тутси были выше ростом, а их кожа светлее. В результате этого европейцы признали, что тутси имеют европеоидное происхождение и, таким образом, «превосходят» хуту. Каждому гражданину выдавалась расовая идентификационная карта, которая определяла его как хуту или тутси по закону. Бельгийцы пошли еще дальше, предоставив тутси бóльшую часть политического контроля. В итоге тутси начали верить в миф о своем «расовом превосходстве». В 1959 г. бельгийцы изменили свою позицию и позволили хуту формировать правительство, что привело к притеснениям тутси со стороны хуту и последующему насилию (с. 176).

Так колониальное влияние, особенно со стороны немецких и бельгийских колонизаторов, обострило существующую напряженность и привело к классификации коренного населения на основе предполагаемых различий. Эти классификации часто подпитывали существующие социальные иерархии, при этом тутси изображались как обладающие бóльшим богатством и статусом по сравнению с хуту. В основе конфликта между хуту и тутси лежали социально-экономические несоответствия и восприятие классовых различий. Тутси, исторически связанные с владением скотом и скотоводством, рассматривались как элитный класс, в то время как хуту, занимавшиеся преимущественно сельским хозяйством, часто подвергались маргинализации и лишению избирательных прав.

***

Под влиянием колониализма африканские общинные демократии были заменены европейскими проконсульскими режимами и авторитарными бюрократиями. В экономическом плане потеря суверенитета означала, что африканцы потеряли весь контроль над количеством, качеством, скоростью и направлением своих экономик. Опыт ливийского лидера М. Каддафи, выступающего за освобождение Африки от влияния Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка, продемонстрировал недооценку ситуации и неготовность африканских стран принять предложенные им альтернативные экономические модели и финансовые институты.

Автор не затрагивает проблему колониальной монетизации Африки, которая, по мнению его коллег-соотечественников, была еще одним эффективным инструментом или стра-

тегией, используемой колонизаторами для установления прямого контроля и политического управления африканскими территориями. До колонизации африканская экономика была, по сути, основана на бартерной системе. Более того, даже там, где была введена какая-то валюта, она не пользовалась всеобщей популярностью, была слишком тяжелой и трудно делилась на более мелкие единицы обмена. Фактически валютам не хватало качеств современного средства обмена. Колонизаторам было необходимо монетизировать африканскую экономику, чтобы интегрировать ее в мировой рынок и международную торговлю.

Введенные на африканских территориях валюты были теми же, что использовались колонизаторами у себя дома. Поэтому им было легко регулировать использование и стоимость валюты как средства поддержания эффективного контроля над африканской экономикой и своего управления. Колонизаторы сделали цены на сырье и сельскохозяйственную продукцию, производимую африканцами, слишком низкими. С другой стороны, цены на производимые ими товары были слишком высокими, так что африканцу приходилось тратить все свои труды в течение года или более, чтобы купить немного иностранных товаров. Это означало, что африканцы продолжали усердно трудиться и предлагать свою рабочую силу колонизаторам, чтобы пользоваться некоторыми из необходимых им иностранных товаров. Следствием этого было то, что, пока африканцы беднели, прибыли колонизаторов продолжали расти. Поскольку валюта, используемая на африканских колониальных территориях, контролировалась колонизаторами, они определяли характер и природу развития африканской экономики и политического управления. Фактически монетизация африканской экономики и введение денежного института были эффективным империалистическим инструментом, используемым колонизаторами для поддержания эффективного контроля и господства над африканскими территориями [*Ocheni, Nwankwo*, 2012, p. 50].

Укпе уделяет мало внимания экономическим последствиям колониализма, в частности процессу формирования торговых отношений между Западом и африканскими странами. Большинство традиционных африканских торговых центров или маршрутов были сформированы на основе местных потребностей, однако с приходом колонизаторов и появлением других потребностей ситуация изменилась. Это привело к постепенному упадку или гибели большинства первоначальных или традиционных торговых центров, тем самым исказив африканскую модель развития и урбанизации.

Колониализм преждевременно интегрировал африканскую торговлю и экономику в мировой рынок и международную торговлю. Последствия этого заключаются в том, что такая экономика будет захвачена более развитыми странами, а неустойчивость международной торговли сделает соответствующую страну вечным должником. Модель экспортно-импортной ориентации африканской экономики, введенная колониализмом, не обеспечивает эффектов ускорения и мультипликации, необходимых для экономического прогресса и развития. Сырье, произведенное африканцами, использовалось не в Африке, а за рубежом. Следовательно, не существовало органической связи между сельскохозяйственным сектором и промышленным сектором в Африке, как результат – африканская экономика не могла двигаться вперед, поскольк-

ку избыточная прибыль, присвоенная колонизаторами, не инвестировалась в экономику.

Полностью интегрированные в колониальную эксплуататорскую машину политические институты Африки не могли выполнить историческую обязанность объединения, укрепления и полного освобождения континента для суверенитета и сделать его народ процветающим и гордым. Африканцы смогли деколонизировать свои страны политически, они не смогли деколонизировать свои умы и свою экономику. Хотя случаи успешного развития страны автор скорее связывает с успешным местным управлением (например, в Кабо-Верде) и сильными личностями у власти. Осторожно и с оговорками о «необходимости альтернативных суровых наказаний для обеспечения справедливости и сдерживания» автор предлагает в том числе традиционное решение проблем коррупции – внедрение смертной казни в качестве меры наказания для коррумпированных государственных служащих.

По мнению Э. Укпе, ряд препятствий мешает полноценному участию Африки в мировой политике: различия в правительстве и администрации, языковые барьеры (поскольку на континенте говорят более чем на 800 языках), историческое наследие колониализма, различные формы африканского национализма и панафриканизма, личное соперничество и амбиции африканских лидеров (с. 56). В главе о Маврикии автор указывает еще на необходимость решения экологических проблем (повышение устойчивости к неблагоприятным последствиям изменения климата) (с. 377).

Как наиболее успешную многостороннюю интеграцию в мировое сообщество автор приводит пример Ботсваны, которая с момента обретения независимости стала одним из самых ярких успехов на Африканском континенте. Этому росту, как пишет автор, способствовали несколько ключевых факторов: политическая стабильность (стабильная политическая обстановка с момента обретения независимости в 1966 г., многопартийная демократическая система), эффективное управление (низкий уровень коррупции, сильные институты и верховенство закона), разумная экономическая политика (налогово-бюджетная дисциплина, разумное управление денежно-кредитной сферой и открытость для торговли и инвестиций), природные ресурсы (открытие и разработка алмазных месторождений), региональная стабильность (страна находится в окружении относительно стабильных стран) (с. 199–200).

Э. Укпе выступает за самостоятельное развитие стран Африки с учетом пережитков колониализма, о которых шла речь в его книге, и практически в конце каждой главы пишет о том, что каждая африканская страна обладает потенциалом, для реализации которого африканцы сами должны создать благоприятные условия (например, Сомали – с. 423, Южный Судан – с. 424, Кабо-Верде – с. 230 и др.). Соотечественники Укпе, нигерийские исследователи С. Очени и Б. Нванкво, в своем исследовании делают вывод о том, что для преодоления нынешних социальных, экономических, политических, медицинских, образовательных проблем африканским государствам необходимо, чтобы народ и руководство срочно создали свою собственную самобытность, культуру, технологии, экономику, образование, религию, ремесла и т. д., которые были бы неразрывно связаны с благом государственного управления [*Ocheni, Nwankwo*, 2012, p. 53–54].

Список литературы

Ahmed I.Y., Umaru Ch., Yusuf R. An Analysis of the Effects of Colonialism in Africa // International Journal of Academic Research. – 2022. – Vol. 8, N 6. – P. 47–53.

Attah N.E. The Historical Conjuncture of Neo-Colonialism and Underdevelopment in Nigeria // Journal of African Studies and Development. – 2013. – Vol. 5, N 5. – P. 70–79. – DOI: 10.5897/JASD2013.0223.

Chinweizu C.A. The West and the Rest of Us. White Predators, Black Slavers, and the African Elite. – Lagos : Nok Publishers (Nigeria) Ltd., 1978. – 586 p.

Ocheni S.I., Nwankwo B.Ch. Analysis of Colonialism and Its Impact in Africa // Cross-Cultural Communication. – 2012. – Vol. 8, N 3. – P. 46–54. – DOI: 10.3968/j.ccc.1923670020120803.1189.

Ukpe E. Arab Connections and Upsurge of Insurgency in Africa: Case-Study of Boko Haram in Nigeria // Florida Political Chronicle. – 2013. – Vol. 23, N 1. – P. 62–72. – DOI: 10.2139/ssrn.5359849.

Ukpe E. Ideologies of Government // Nigeria: Citizenship Education / ed. by G.O. Ozumba. – Aba : AAU Vitalis Book Company, 1999. – P. 8–17.

Ukpe E. International Politics and Security Challenges in Africa: Interrogating the Non-Applicability of "The Responsibility to Protect" (R2P) to the Nigerian Situation (August 07, 2022) // AKSU Journal of Administration and Corporate Governance (AKSU JACOG). – 2022. – Vol. 2, N 3. – P. 22–36. – DOI: 10.2139/ssrn.5359428.

Ukpe E. Neo-colonialism and Debt Crisis: A Challenge to Development in Africa (A Case Study of Nigeria) // AKSU Journal of Administration and Corporate Governance. – 2021. – Vol. 1, N 1. – P. 49–71.

Ukpe E. Relics of African Colonialism. An Introduction to African Politics. – Akwa Ibom State, Nigeria : Robertminder International Limited, 2024. – 522 p.

Ukpe A.E., Ukpe U., Ukpe E. Annang Indigenous Apprenticeship Education: An Alternative to Western Education for the Development of Annangland // Aworom: Anaan Studies Journal. – 2019. – Vol. 1, December. – P. 112–122. – DOI: 10.2139/ssrn.5359859.

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.13

Reading the Book "Relicts of Colonialism in Africa. Introduction to African Politics" by Essien Ukpe

Lyubov V. IVANOVA
PhD (History), Senior Researcher
Institute of World History, Russian Academy of Sciences
Leninsky Avenue, 32A, Moscow, Russian Federation, 119334
E-mail: caashoru@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2378-5598

Zenebe T. KINFU
PhD (Philosophy), Senior Researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: kinfu@inion.ru
ORCID: 0000-0002-0908-4736

CITATION: Ivanova L.V., Kinfu Z.T. (2025). Reading the Book "Relicts of Colonialism in Africa. Introduction to African Politics" by Essien Ukpe. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 221–237 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.04.13

Received: 16.08.2025.
Revised: 13.09.2025.

ABSTRACT. *The authors present a critical review of E. Ukpe's book "**Relics of Colonialism. An Introduction to African Politics**" (Robertminder International Limited, Akwa Ibom State, Nigeria ISBN: 9797-9797-60470-5-8 2024 522 p.), published in Nigeria in 2024. The author of the book, being a lecturer and the head of the Department of Political Science at the Akwa Ibom State University (Nigeria), discusses the participation of African countries in world politics and presents his view on the causes of modern socio-political problems in Africa. Ukpe examines in detail the relics of the colonial era in each country, also addressing debates on racism, pan-Africanism and neocolonialism. The review's authors draw on the opinions of several other Nigerian researchers who have discussed the legacy of colonialism in Africa.*

KEYWORDS: *colonialism in Africa, slave trade, neocolonialism, colonial relics, history of African countries, struggle for independence, racism, pan-Africanism.*

References

Ahmed I.Y., Umaru Ch., Yusuf R. (2022). An Analysis of the Effects of Colonialism in Africa. *International Journal of Academic Research*. Vol. 8, no. 6, pp. 47–53.

Attah N.E. (2013). The Historical Conjuncture of Neo-Colonialism and Underdevelopment in Nigeria // *Journal of African Studies and Development*. Vol. 5, no. 5, pp. 70–79/ DOI: 10.5897/JASD2013.0223.

Chinweizu C.A. (1978). *The West and the Rest of Us. White Predators, Black Slavers, and the African Elite*. Lagos: Nok Publishers (Nigeria) Ltd., 586 pp.

Ocheni S.I., Nwankwo B.Ch. (2012). Analysis of Colonialism and Its Impact in Africa // *Cross-Cultural Communication*. Vol. 8, no. 3, pp. 46–54. DOI: 10.3968/j.ccc.1923670020120803.1189.

Ukpe E. (1999). Ideologies of Government. In: Ozumba G.O. (ed.). *Nigeria: Citizenship Education*. Aba: AAU Vitalis Book Company, pp. 8–17.

Ukpe E. (2013). Arab Connections and Upsurge of Insurgency in Africa: Case-Study of Boko Haram in Nigeria. *Florida Political Chronicle*. Vol. 23, no. 1, pp. 62–72. DOI: 10.2139/ssrn.5359849.

Ukpe E. (2021). Neo-colonialism and Debt Crisis: A Challenge to Development in Africa (A Case Study of Nigeria). *AKSU Journal of Administration and Corporate Governance*. Vol. 1, no. 1, pp. 49–71.

Ukpe E. (2022). International Politics and Security Challenges in Africa: Interrogating the Non-Applicability of "The Responsibility to Protect" (R2P) to the Nigerian Situation (August 07, 2022). *AKSU Journal of Administration and Corporate Governance*. Vol. 2, no. 3, pp. 22–36. DOI: 10.2139/ssrn.5359428.

Ukpe E. (2024). *Relics of African Colonialism. An Introduction to African Politics*. Akwa Ibom State, Nigeria: Robertminder International Limited, 522 pp.

Ukpe A.E., Ukpe U., Ukpe E. (2019). Annang Indigenous Apprenticeship Education: An Alternative to Western Education for the Development of Annangland. *Aworom: Anaan Studies Journal*. Vol. 1, December, pp. 112–122. DOI: 10.2139/ssrn.5359859.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 18 № 4 – 2025**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
http://inion.ru

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: 8 (499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 01.12.2025
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 19,2 Уч.-изд. л. 19,4
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № __

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6